МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Чердак на Кипп-стрит

«Эффектная история.
А город Чарльстон — отличный фон для книги
о мистике, романтике и опасности».

Kirkus

TRADD STREET. КНИГА 7

Annotation

Жизнь Мелани полна взлетов и падений. Она в серьезном разладе со своим мужем Джеком, а еще ей никак не удается разгадать тайну убийства, о расследовании которого попросила ее подруга. Даже талант медиума не помогает Мелани.

Тем временем в разных местах ее дома то и дело появляется жутковатая кукла. Мелани знает: это дурной знак. Который, возможно, связан со старинным алмазом, спрятанным в этих стенах.

Алмазом хотят завладеть слишком многие, и поэтому Мелани и Джеку как никогда нужна поддержка друг друга. Им придется принять важные решения, чтобы спасти свой брак и близких.

«Прекрасное сочетание сверхъестественного, мистики и качественной беллетристики». – *Booklist*

ЭТО СЕДЬМАЯ КНИГА ЦИКЛА РОМАНОВ О МЕДИУМЕ МЕЛАНИ ИЗ ЧАРЛЬСТОНА.

Романы цикла можно читать по порядку или как самостоятельные истории.

- Карен Уайт
  -
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13

- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- От автора

- notes
  - 1
  - 2

Карен Уайт
Чердак на Куин-стрит

Karen White
The Attic on Queen Street
Copyright © Harley House Books, 2021
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary

Перевод с английского Татьяны Бушуевой
Художественное оформление серии Сергея Власова
Оформление переплета Дмитрия Сазонова

© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Клэр и Ричу Кобилт
и их семье.
Лучше, чем салат из капусты

Глава 1

Снег в Чарльстоне не только редкость, но и подлинное волшебство. Припорошенные белой ледяной пылью пальмы и шпили церквей, древние статуи и кованые ограды превращают Священный город в завораживающий снежный шар. Когда дети и взрослые выбегали на улицу, чтобы поиграть на экзотической игровой площадке, на лужайках и в парках, словно сорняки, начинали прорастать снеговики, а на каждом ровном участке земли расправляли свои крылья снежные ангелы.

В течение почти трех дней после рекордной снежной бури, когда температура начала подниматься, белые пятна снега отчаянно цеплялись за каждую поверхность, постепенно сжимаясь по мере оттаивания мира, оставляя после себя лишь потеки на карнизах и мокрые лужи, как напоминание о том, что они когда-то были здесь.

Я наблюдала за всем этим из своего дома на Трэдд-стрит, и мое сердце казалось таким же замороженным, как ледяные сталактиты, капающие из фонтана «Ананас» в прибрежном парке. Меньше чем за неделю моя жизнь перевернулась с ног на голову, как будто приняла приглашение зимы покататься по льду без коньков. Или любой толстой подкладки, способной смягчить неизбежное падение.

Неким образом я умудрилась превратиться из очень счастливой в браке матери троих детей в мать-одиночку, от которой ушел муж, а сам брак грозил вот-вот треснуть, как подтаявший лед. А все потому, что я совершила ошибку, нарушив свое обещание доверять Джеку настолько, чтобы делиться с ним всем. Быть одной командой во всех делах.

Что бы там ни думали другие, это была не совсем моя вина. Мы с Джеком – а он автор бестселлеров о реальных преступлениях – бились над разгадкой тайны того, где спрятан клад времен Войны за независимость. Увы, заклятый враг Джека, самопровозглашенный автор и законченный негодяй Марк Лонго обнаружил его первым.

Марку удалось украсть идею книги Джека об исчезновении Луизы Гиббс, которая когда-то жила в нашем доме на Трэдд-стрит и которую убил предок Марка, Джозеф Лонго. Марк не только сделал книгу международным бестселлером, но и заключил выгодный контракт на ее экранизацию. А потом не мытьем, так катаньем сумел уломать нас, чтобы мы разрешили снимать фильм в нашем доме. Ради Джека я не могла позволить Марку одержать очередную победу.

Не моя вина, что в то самое время, когда я узнала, что клад зарыт на кладбище на плантации Галлен-Холл, принадлежащей брату Марка Энтони Лонго, Джек заболел гриппом и не успел вовремя поправиться. Не моя вина, что Марк и Энтони рассчитывали, что я разгадаю тайну, и ждали, когда я укажу путь к спрятанному сокровищу. Не моя вина также и в том, что моя сводная сестра Джейн рассказала Джеку, чем я занимаюсь, и что он настоял на том, чтобы пойти с нами на кладбище. И уж точно не моя вина, что он случайно наступил на старую могилу, полную рассыпавшихся в труху гробов, которые рухнули под ним, едва не похоронив заживо.

Насколько я могла судить, моя единственная ошибка заключалась в моей убежденности. Я была убеждена в том, что Джек так обрадуется, что я нашла клад, что простит мне все остальное. Но, как оказалось, все мы сильны задним умом, и просить прощения не всегда легче, чем просить разрешения.

Я бросилась по заснеженным улицам города, чтобы сказать Джеку, что мне жаль, что я совершила ошибку и что это никогда не повторится снова, но обнаружила, что он собирает сумки. В ответ он лишь попрощался со мной, после чего последовал решительный щелчок входной двери, захлопнувшейся прямо перед моим носом.

Три недели я не выходила из дома, боясь пропустить момент, когда Джек решит вернуться. Друзья и родственники приходили и уходили в бесконечных попытках встряхнуть меня, уговорить выйти на улицу, обольстить обещаниями пончиков и кофе – увы, ни то ни другое больше не соблазняло меня.

Рождество прошло почти незаметно. Моя падчерица Нола превзошла саму себя, пойдя против собственных диетических предпочтений и приготовив мои любимые десерты с глютеном и углеводами, а также другие вкусняшки. Со своей стороны я из кожи вон лезла, притворяясь, будто я их ем. Она и мои 21-месячные

близнецы, Джей-Джей (сокращенное имя Джека-младшего) и Сара, спасли весь праздник тем, что были единственными яркими пятнышками радости.

Их няня, Джейн, одела малышей, чтобы отвезти в дом родителей Джека, где они должны были отпраздновать Рождество во второй раз в один и тот же день. В отличие от меня Нола и близнецы, похоже, не были расстроены перспективой того, что они получат новые подарки без меня. Подарки, которые, вне всяких сомнений, были завернуты как попало, вместо того чтобы для точности измерить каждый угол и чтобы каждый клочок ленты был одинаковой длины с другими. По-видимому, только их мать знала, насколько важны подобные вещи.

Я даже приняла душ и вымыла волосы, питая смутную надежду на то, что Джек сам приедет забрать их, но потом все же была вынуждена храбро поцеловать детей на прощание. Три мои собаки – Генерал Ли, Порги и Бесс – скулили и сопели, поднимая мне настроение, пока до меня не дошло: они расстроены вовсе не из-за меня, а потому, что тоже хотели в гости.

Даже после Рождества, когда все возвращались к повседневным делам, моя работа риелтора в «Бюро недвижимости Гендерсона» не привлекала меня настолько, чтобы одеться и отправиться в свой офис на Брод-стрит. Все равно в это время года бизнес замирал, и наша секретарша Джолли пообещала позвонить мне и сообщить, если будет что-то важное. Она не только дотошно хранила все записи и делала заметки (что я ценила больше, чем все остальные), но также была самопровозглашенным экстрасенсом, чьи предсказания были либо крайне расплывчаты, либо устрашающе точны. Она позвонила только один раз, чтобы решительно – по ее словам – сообщить мне, что призраки не оставляют следов на снегу. У меня не хватило духу сказать ей, что она неправа.

И вот теперь, спустя почти три недели после Нового года, я стояла у одного из высоких окон столовой, выходивших на наш сад, который был любовно восстановлен моим отцом. Прошлой весной весь его кропотливый труд был сведен на нет сильными ливнями, обнажившими древнюю цистерну, причем не только старые кирпичи.

Не будь мое настроение и взгляды на жизнь такими же темными и пустыми, как дно цистерны, возможно, я надеялась бы, что последний из беспокойных духов, разбуженных внезапным светом, покинул место

своего обитания. В конце концов, они ведь тоже отчасти виноваты в уходе Джека. Но только отчасти. Остальная вина лежала на ком-то другом, хотя мы с Джеком, похоже, расходились во мнении относительно того, на ком именно.

Прижавшись лбом к холодному оконному стеклу, я тупо наблюдала за тем, как вокруг остатков снега на голубом брезенте, защищенном от солнца вековым дубом, стали появляться небольшие углубления. Торчащий то здесь, то там голый выступ синего брезента навевал мысли о локтях замерзших пловцов. Я моргнула, узнав четкие отпечатки пятки и носка маленькой ноги в ботинке, прокладывающие дорожку через сад. Поняв, что следы заканчиваются прямо перед окном, где я стояла, я выпрямилась.

– Мелли?

Я вздрогнула, что случается со мной редко, и, схватившись за горло, резко обернулась. Большую часть моих сорока одного года меня посещали дорогие усопшие, но они скорее действовали мне на нервы, нежели пугали. Особенно те, кому, похоже, нравилось появляться позади меня в зеркалах или материализоваться на лестничных площадках, чтобы затем грубо толкнуть меня. В какой-то момент мне нужно было обсудить с ними азы хорошего поведения.

Джейн стояла позади меня, держа пакет, от которого подозрительно пахло пончиками. В другой руке она сжимала кружку из кухни, от которой поднимался пар. Светло-коричневый цвет содержимого говорил о том, что она добавила идеальное количество сливок. Мы с ней знали друг друга всего около года, но этого времени нам хватило, чтобы прийти к выводу: мы обе любительницы кофе со сливками и с еще большим количеством сахара, она более спортивная, чем я, она ненавидит темноту по той же причине, что и я, и мы обе унаследовали от матери способность общаться с мертвыми. Джейн смотрела мимо меня в сторону сада и единственной пары следов.

– Кто здесь? – тихо спросила она, словно не желая вспугнуть этого кого-то или что-то. Увы, она опоздала. Волоски у меня на затылке и на руках уже встали по стойке «смирно». Внезапно я вспомнила самую последнюю колонку, написанную Сьюзи Дорф, репортершей местной газеты «Пост энд курьер»:

...раскопки цистерны в бывшем особняке Вандерхорстов на Трэдд-стрит все еще продолжаются, но неназванный источник

сообщил мне, что там скрыто больше секретов, и некоторые члены нашего сообщества делают ставки по поводу того, будут ли владельцы дома жить в нем вместе к тому времени, когда будет обнаружено последнее сокровище.

Я демонстративно повернулась спиной к окну.

– Не знаю и знать не хочу. Я сыта всем этим по горло.

– А как же твоя подруга Вероника? Ты ведь обещала помочь ей выяснить, кто убил ее сестру. Мы должны работать вместе, помнишь? Не говоря уже о том, что Вероника рассчитывает на тебя. Особенно теперь, когда ее муж настаивает на продаже их семейного дома. Адриенна все еще там… ты чувствовала ее присутствие. И мы обе знаем, что, если они уедут, ты потеряешь все шансы найти убийцу.

Я мгновение в упор смотрела на нее, затем медленно кивнула:

– И мне кажется, ты не дашь мне забыть об этом в ближайшее время.

– Не дам. – Она встала рядом со мной и прижалась лбом к окну, чтобы заглянуть в сад. – Они ведь почти закончили раскопки, верно? Папин сад практически разрушен. Хотя, между нами говоря, похоже, он в восторге от перспективы начать все сначала. Мне кажется, мы должны ограничить количество уроков садоводства, которые он посещает. Его энтузиазм уже бьет через край.

Я кивнула. Я больше не ощетинивалась, когда она называла моего отца «папой». Она родилась после того, как мои родители развелись, после того как наша мать возобновила отношения со своим старым кавалером. Личность Джейн и тот факт, что она не умерла при рождении, как то когда-то сказали нашей матери, были подтверждены лишь недавно, когда она неожиданно унаследовала дом на Саут-Бэттери. Нам и нашей матери пришлось как следует потрудиться, чтобы одержать победу над разгневанным призраком жены ее отца.

Лишь недавно примирившись с воссоединением матери и отца, я с трудом приняла сестру, которую сразу же приняли оба моих родителя. Несмотря на мои первоначальные опасения, я тоже со временем приняла и полюбила ее и была втайне обрадована тем, что теперь у меня есть сестра, с которой меня роднит нечто большее, нежели просто общая ДНК.

– Софи постоянно твердит мне, что они близки к завершению. Я не собираюсь рассказывать ей о следах… я хочу, чтобы эту цистерну

поскорей закопали и забыли о ней.

Джейн повернулась ко мне лицом. Но вместо того чтобы упрекнуть меня, она сделала большие глаза и в упор посмотрела на меня.

– Ты рылась в шкафу Софи?

Доктор Софи Уоллен-Араси была – вопреки здравому смыслу – моей лучшей подругой. Преподаватель сохранения исторического наследия в Колледже Чарльстона, она была моей полной противоположностью. Софи носила цветастые балахоны, а я хрустящие льняные костюмы с сумочками в тон. Она – биркенстоки, а я лабутены. Она предпочитала настоящую рождественскую зелень, когда мне хватало простых пластиковых гирлянд, а все потому, что ей нравилось все усложнять. Я привыкла думать, что мы дополняем друг друга, сглаживая острые грани наших личностей. Софи провела меня через обширный и бесконечный ремонт моего исторического дома, который я, сама того не желая, унаследовала вместе с собакой – Генералом Ли – и экономкой миссис Хулихан. Все это время я постоянно комментировала ее странный выбор нарядов в надежде на то, что однажды она действительно посмотрит на себя в зеркало и все исправит.

Я посмотрела на свои мешковатые спортивные штаны и изъеденный молью кардиган с пятном от неопознанной еды на рукаве, и на мои глаза навернулись слезы. Я нашла эту одежду в темном углу чулана, куда Джек бросил ее и забыл. Кроме наших детей, это были единственные его вещи, которые он оставил после себя.

Словно для того, чтобы предотвратить новые слезы, Джейн с обнадеживающей улыбкой подняла пакет и кружку.

– Я принесла пончики из твоей любимой пекарни. И приготовила тебе кофе так, как ты любишь. – Она подошла ближе, чтобы я могла почувствовать аромат кофе. – Поскольку миссис Хулихан все еще в отпуске, я сделала все сама.

Обычно при одном только упоминании моей любимой пекарни у меня бы потекли слюнки, но сегодня лишь тихо заурчало в животе. Я не могла вспомнить, когда я в последний раз ела.

Я взяла кружку, а Джейн, поставив пакет на обеденный стол, посмотрела на сморщенные апельсины и сухие сосновые ветки, стряхивающие на блестящую поверхность пола коричневые иглы. Все

это в центре стола осталось от благотворительного рождественского ужина в ночь сильного снегопада, когда Джек едва не был похоронен заживо. Внезапная вспышка гнева слегка разогнала мое уныние. Я была согласна с тем, что, решив действовать самостоятельно, я, возможно, нарушила наше соглашение о взаимном доверии. Но я не могла перестать думать о том, что, останься тогда Джек в постели, как то ему было велено, его бы не оказалось в ту ночь на заснеженном кладбище или он не упал бы в обрушившуюся могилу.

– Уже почти конец января, Мелани. Хочешь, я помогу тебе снять рождественские украшения?

Джейн указала на поникшую рождественскую елку в углу. Несчастные украшения ютились внизу, там, куда они соскользнули с голых ветвей рядом со сморщенными апельсинами на разных стадиях разложения, словно жертвы резни, в которой равнодушие было единственным оружием.

Я пожала плечами:

– Конечно. – Не обращая внимания на пончики, я, почти не ощущая вкуса, сделала глоток кофе. Я обхватила кружку ладонями, ощущая ее тепло, но, поднеся ее к губам, чтобы сделать второй глоток, остановилась. – Почему ты здесь? Сара и Джей-Джей сегодня с Джеком.

Джейн вздохнула:

– Помимо того факта, что мне не нужна причина, чтобы навестить мою сестру или принести ей еды, так как миссис Хулихан отсутствует, я принесла сообщение.

– Сообщение? – Я не стала скрывать надежду в голосе. Один из плюсов, когда имеешь сестру, состоит в отсутствии необходимости притворяться.

Она утешительно улыбнулась мне:

– От Ребекки. Она и Марк хотели бы встретиться с тобой и Джеком и поговорить по поводу съемок. Она подумывала пригласить тебя сама, но с учетом того, что дело касается также Марка и Джека, решила, что ей нужна я как посредник. Она упомянула о том, что со старинных ковров трудно смыть кровь.

Я вопросительно подняла брови. Ребекка была нашей дальней родственницей, а также бывшей девушкой Джека и моей немезидой. Она вышла замуж за Марка Лонго, чей главный талант, по-видимому,

заключался в том, чтобы использовать свои далеко идущие связи для того, чтобы разрушить писательскую карьеру Джека.

Я закрыла глаза и покачала головой:

– Нет. Этого не произойдет. Нам больше не нужны деньги, с тех пор как мы нашли на кладбище рубины. – Я не стала добавлять «той ночью, когда Джек чуть не погиб», так как в этом не было необходимости. Та ночь запомнилась всем не только по причине падения Джека в провалившуюся могилу, но и потому, что некая сила за ноги затащила Марка в мавзолей, и его волосы стали совершенно седыми.

– Наши юристы уже связались с кинокомпанией, – продолжила я, – и предложили щедрую неустойку, если они сменят место съемок. Нам пришлось напомнить им, что мы были вынуждены согласиться лишь потому, что пытались избежать судебного иска после автомобильной аварии, когда Нола сбила Марка и этого жуткого продюсера, Харви Бекнера. Но теперь, поскольку мы нашли рубины, наше финансовое положение уже не столь отчаянное. Марк абсолютно ничего не может сказать, чтобы заставить нас передумать.

– Марк в курсе. Но Ребекка говорит, что это еще не все. Она предложила встретиться в твоем офисе в удобное для тебя и Джека время.

– С нами обоими? – Мне было все равно, сколь жалко прозвучал мой голос или как быстро мое твердое упрямое «нет» в адрес съемочной группы рядом с моим домом сменилось мыслями о том, что мне надеть на встречу, если вдруг там будет Джек, и что мне, вероятно, следует вымыть голову. – Он согласился?

– Пока нет. Они сочли за лучшее, чтобы ты спросила его сама, а потом сообщила им.

Мое волнение пошло на убыль.

– Понятно. Ладно, попробую. Это все, что я могу обещать. Хотя мне кажется, в Чарльстоне скорее будет еще один большой снегопад, нежели Джек согласился сесть со мной рядом, не говоря уже про Марка и Ребекку.

– Понятно. Я дам знать Ребекке. – Она присела на корточки и взяла с пола два апельсина. Шипастые гвоздики, которые я так старательно воткнула аккуратными рядами, теперь больше походили

на кривые прыщики на сморщенных головках. – Давай я уберу все эти гнилые фрукты и засохшую зелень? Тем более что это пожароопасно.

Я не ответила, так как отвлеклась на звуки гитары Нолы, доносившиеся из ее комнаты. Свои музыкальные способности моя падчерица унаследовала от своей покойной матери и уже добилась успеха, сочинив песенки для рекламы, а также несколько хитов для поп-исполнителя и сердцееда Джимми Гордона.

Период творческой засухи, который длился одновременно с точно таким же периодом у Джека во время нашего недавнего кризиса с участием трех беспокойных духов эпохи Войны за независимость и предстоящих съемок, которые должны были начаться сразу после праздников, похоже, закончился. Но нынешний разлад ее родителей, похоже, подлил масла в огонь ее творчества. Меланхолические звуки ее гитары стали теперь постоянным саундтреком к моей жизни.

Не помогало и то, что слова были такими же унылыми, как и мелодии, но музыка была важна для Нолы, поэтому я не просила ее прекратить, хотя и начала затыкать уши берушами после того, как услышала первые строчки ее последнего творения: «Мое сморщенное сердце, все черное и холодное, оно все еще бьется, пока я не состарюсь…»

Я постоянно напоминала себе, что, когда Джек уехал, Нола предпочла остаться со мной. Это была демонстрация привязанности и солидарности, которую я ценила, хотя она и заявила, что не выбирает чью-то сторону. Но, слушая ее музыку я невольно задавалась вопросом: вдруг она осталась лишь затем, чтобы наказать меня за то, что я была настолько глупа, когда дело касалось ее отца.

Я услышала, как дверь в спальню Нолы открылась и по коридору к ступенькам помчались три пары лап, одна чуть медленнее, чем две другие. Даже Генерал Ли покинул мою постель и в отместку мне теперь предпочитал спать в комнате Нолы. И хотя я постоянно напоминала себе, что не люблю собак, его дезертирство причиняло мне почти такую же боль, как и дезертирство Джека.

Джейн удалилась на кухню за мешком для мусора, а я прошаркала в прихожую, чтобы посмотреть, как Нола спускается по лестнице и с каждым ее шагом с гирлянды перил каскадом на пол слетали сухие сосновые иголки. Пластиковые гранаты и прочая контрабанда, которую я сумела протащить, невзирая на исторически достоверный

глаз Софи, оставались среди высохших веток гирлянды целыми и спелыми на вид. Я хотела сфотографировать их, чтобы доказать Софи, что была права насчет того, какое место в моем рождественском декоре занимает пластик, но даже эта праведная победа казалась пустой и не приносила радости.

Длинные темные волосы Нолы падали ей на лицо. Все ее внимание было приковано к телефону – тот как будто прирос к ее рукам, а ее большие пальцы, казалось, летали над экраном. Не глядя под ноги, она спускалась по лестнице, а вокруг ее ног носились три собаки.

– Нельзя ли хотя бы держаться за перила одной рукой? Так недолго и оступиться.

Она продолжила спускаться по лестнице, как будто не слышала меня. Ее большие пальцы замерли лишь тогда, когда она достигла нижней ступеньки. Она посмотрела на меня пронзительными голубыми глазами Джека – все трое моих детей были клонами их отца, как будто их матери просто хранили внутри себя клетки между зачатием и рождением, – и улыбнулась типичной отцовской улыбкой, которая неизменно заставала меня врасплох.

– Ты что-то сказала? Я переписывалась с Линдси и Олстон, чтобы позже посмотреть фильм.

Я открыла было рот, чтобы повторить сказанное, но передумала. Если за три года, прошедшие с тех пор, как Нола переехала к нам, я что-то и уяснила о том, как обращаться с девочками-подростками, так это что выбор, в каких битвах сражаться, а в каких нет, сводился к разнице между домашним спокойствием и жизнью с бомбой замедленного действия. В целом Нола была покладистой, за исключением тех случаев, когда кто-то упоминал об отсутствии у нее водительских прав, ставил под сомнение ее приверженность веганству или спрашивал, в какой колледж она хочет поступить.

Вместо этого я наклонилась, чтобы почесать три пары пушистых ушей.

– Разве ты не должна быть в школе?

Наградой за мою нежность стали три маленьких розовых язычка, который нежно облизали меня. Эта демонстрация любви вызвала слезы благодарности на моих глазах. Не то чтобы собаки были

полноценной заменой Джека, но на данный момент ничего другого у меня не было.

Я видела, что Нола борется с желанием закатить глаза. С тех пор как Джек ушел, она свела закатывание глаз к минимуму, очевидно, чтобы не дать моему эго окончательно скатиться вниз.

– Сегодня суббота. А значит, и экскурсия по кампусу Чарльстонского колледжа, помнишь?

Я была почти уверена, что она не упомянула об этом при мне, так как я уже проверила свой телефон и настольные календари, и они оба были пусты. В противном случае я бы запомнила. Вопрос о колледже превратился в деликатную проблему, которую Нола воспринимала с тихим стоицизмом, когда выходила из дома, чтобы посетить уроки подготовки к Академическому Оценочному Тесту или ярмарку колледжей. Все это делалось без участия Джека или меня, чтобы избежать «постороннего влияния», что на самом деле было нелепо. Джек и я, мы оба учились в Университете Южной Каролины – Джек по футбольной стипендии, – и мы хотели лишь одного: чтобы она нашла колледж себе по душе. То, что у Джека были абонементы на все спортивные мероприятия и большую часть осени он носил толстовку с эмблемой родного университета, вовсе не означало, что он хотел, чтобы она выбрала его альма-матер. Впрочем, против он тоже не был. По крайней мере, мы добились ее согласия разрешить нам посещать вместе с ней колледжи, при условии, что мы будем хранить молчание.

– Вообще-то нет. – Ее взгляд переместился на собак – она старательно избегала смотреть мне в глаза. – Папа отвезет меня.

– Ну ладно, – сказала я, чувствуя себя задетой за живое. Если честно, я представляла себе, как мы все втроем ездим по колледжам, и я в своей электронной таблице тщательно отмечаю плюсы и минусы каждого высшего учебного заведения, к которому Нола проявит интерес. Но я изобразила улыбку, хотя та скорее была кривой усмешкой. – Я могу распечатать мою таблицу. Можешь взять ее с собой, если хочешь. Я буду рада позже внести ее в компьютер.

Она подняла на меня глаза, и я проигнорировала выражение жалости, которое в них читалось. Наверно, я была похожа на Генерала Ли, когда тот сидел перед столом и клянчил кусочек.

Лицо Нолы просветлело.

– Вообще-то папа не говорил, что ты не можешь поехать с нами. Я имею в виду, если ты хочешь.

Прежняя Мелли закричала бы во весь голос: «Да!» Но то была прежняя Мелли. После всех моих фальстартов и остановок на пути к тому, чтобы стать лучшей версией себя, теперь я работала над версией Мелли № 107 или что-то типа того.

Прежде чем я успела сказать «нет», Нола меня перебила:

– Я не против, чтобы ты поехала. – Она сложила руки на груди и закатила глаза, чтобы я не подумала, что я ей там нужна. – Я имею в виду, если ты не занята или что-то в этом роде. Вы мои родители, и я знаю, что родители Олстон и Линдси тоже поедут. Было бы странно, если бы ты этого не сделала.

Я попыталась скрыть волнение в голосе, поэтому ответила так же сдержанно, как и Нола:

– Что ж, в таком случае мне лучше поехать с вами. Мне все равно нужно поговорить с твоим отцом, а так я убью одним выстрелом двух зайцев.

Нола подняла Порги на руки и прищурилась.

– Это поговорка стариков? Или ты имеешь что-то против зайцев?

Но тут вошла Джейн и своим появлением не дала мне закатить глаза. Она, словно Санта-Клаус, тащила на плече битком набитый пластиковый мешок для мусора, из которого торчали засохшие апельсины и сухие сосновые ветки.

– Привет, Нола, – сказала она, ставя пакет на пол между нами. – Ты готова сегодня отправиться на экскурсию по колледжу?

Я посмотрела на падчерицу, но та лишь пожала плечами:

– Она знает лишь потому, что была здесь вчера, когда мы с Олстон и Линдси говорили об этом. Возможно, мы обсуждали твою электронную таблицу.

Я сердито посмотрела на свою сестру.

Нола дернула меня за рукав:

– Почему бы тебе не позавтракать? Я купила тебе фруктовые колечки. Масса рафинированного сахара и пустых калорий, как ты любишь.

Я была странным образом тронута. Нола обычно выполняла тайную миссию, ограничивая мою диету картоном и опилками, замаскированными под здоровую пищу.

– Спасибо. Но я побегу наверх, чтобы принять душ и одеться, так как у нас экскурсия по колледжу. Джейн тоже принесла пончики, но я оставлю их на потом.

Зазвонил телефон Нолы.

– Экскурсия начинается только в час дня. У тебя есть три часа, – сказала Нола, скользя большими пальцами по дисплею.

Я смотрела на нее, не скрывая своего восхищения. Я едва могла набирать по одной букве за раз, и это при условии, что я полностью сосредоточилась на тексте.

Джейн смерила меня взглядом с головы до ног, и ее брови поползли вверх.

– Это может занять у нее все это время.

– Ха, – сказала я, поворачиваясь, чтобы подняться по лестнице.

– Ой, подожди! – окликнула меня Нола.

Я обернулась и увидела, как она вытащила что-то из большого кармана клетчатых пижамных штанов.

– Ты положила это на мою тумбочку?

Джейн шумно ахнула. Я прищурилась и сделала неуверенный шаг вперед, чтобы лучше разглядеть. В кои-то веки реакция Джейн заставила меня порадоваться тщеславию, которое не давало мне признать, что мне требуются очки.

– Что это такое?

Нола вытянула руку, чтобы я могла разглядеть, и я тут же пожалела об этом. На ее протянутой ладони лежала железная коробка в форме гроба, а в маленьком круглом окошке наверху виднелось желтоватое личико крошечной кукольной фигурки, лежавшей внутри. Ее глаза представляли собой нарисованные черными чернилами точки, а красный кружок означал открытый рот, как будто ее застали врасплох. Жирные выпуклые буквы на крышке гласили: СЛУШАЙ СВОЮ МАТЬ.

– Она открывается, – сказала Нола.

Я подняла руку, чтобы остановить ее, но она уже щелкнула застежкой на боку коробки. Взгляду открылась маленькая фарфоровая кукла со скрещенными на груди бледными руками. Крошечное белое тельце покоилось на ложе из старинных пуговиц из олова и перламутра.

Джейн держалась на расстоянии – она была на восемь лет моложе меня и явно лучше видела.

– Ничего омерзительнее и ужаснее я в своей жизни не видела. А ведь я повидала многое.

– Хуже, чем кукла Эдисона на твоем чердаке? – спросила Нола, имея в виду старинную говорящую куклу с раздражающей привычкой неожиданно появляться в самый неподходящий момент.

– Я бы сказала, что это ничья. И это было на твоей тумбочке?

– Ага. Я подумала, что Мелли нарочно положила это туда.

Мы с Джейн переглянулись в знак взаимопонимания – мы обе тотчас вспомнили следы на снегу – и посмотрели на Нолу.

– Я ни разу не видела ее раньше и уж точно не стала бы ставить в твоей комнате. – Если бы я увидела ее раньше, я бы сожгла эту куклу или бросила в реку Купер. Я была ярой сторонницей игнорирования очевидного и притворялась, будто плохих вещей не существует. Пока они не вторгались в мою жизнь.

– Может, Джинни подержать ее в руке. Вдруг кукла заговорит с ней? – предложила Нола.

– Нет! – одновременно вскрикнули я и Джейн.

Джинетт Приоло, наша мать, была наделена даром – или проклятием, в зависимости от того, какую из ее дочерей вы спросите – направлять духов, держа в руках предметы. Это была одна из причин, почему она круглый год носила перчатки. Но ее сила была бы вырвана из нее на несколько недель, уложив ее в постель. По-моему, Джейн склонялась к тому же: оградить от общения с духами нашу мать было на пользу не только ее физическому здоровью, но и нашему душевному спокойствию.

Я скрепя сердце взяла у Нолы куклу в гробике, осторожно держа ее большим и указательным пальцами, как если бы это был мертвый жук-пальметто.

– Она старая, так что, скорее всего, Софи знает, что это такое. Или, по крайней мере, почему она оказалась в твоей комнате. Возможно, Меган нашла ее в цистерне и, когда тебя здесь не было, принесла наверх, и ты только сейчас ее заметила.

Меган Блэк была аспиранткой Софи и помогала раскапывать цистерну.

– Наверное, – сказала Нола, кивая вместе с Джейн и мной, как будто мы все трое были согласны с тем, что мое предположение не годится на роль садового удобрения.

Я быстро положила коробку и ее пугающее содержимое в небольшой комод в прихожей, и когда задвигала ящик, было слышно, как пуговицы внутри гробика шуршат, словно копошащиеся насекомые.

– Спасибо за пончики и кофе, Джейн. Увидимся, когда ты вернешься домой с близнецами.

– А ты пообещай мне, что съешь хотя бы один пончик.

– Обещаю, что постараюсь. И даже ложку фруктовых колечек. Мне нужны фрукты.

– Ты же знаешь, что во всей этой коробке нет настоящих фруктов? – спросила Нола.

Я пожала плечами и прислушалась к бою старых напольных часов в гостиной.

– Мне лучше поторопиться, у меня на сборы всего два с половиной часа.

Нола, как всегда, закатила глаза, но я, сделав вид, будто этого не заметила, торопливо прошла мимо нее. Но, поднимаясь по лестнице, остановилась, представив мысленным взором отвратительное лицо куклы в гробике и статью Сьюзи Дорф. Одна строчка как будто вспыхнула в моем мозгу неоновым светом: неназванный источник сообщил мне, что там скрыто больше секретов. Кто бы это мог быть? И откуда ему знать, какие секреты еще ждут своего часа? Я вцепилась в перила и, решительно стиснув зубы, продолжила подниматься по лестнице. Мне было все равно. В моем саду за домом мог быть спрятан Ковчег Завета, но мне было все равно.

Я обещала своей подруге Веронике, что помогу ей выяснить, кто более двадцати лет назад убил ее сестру Адриенну. Но потом у меня опустились руки. Помимо эмоционального благополучия наших детей во время нашей с Джеком размолвки, меня заботило только одно: как вернуть Джека. А беспокойные мертвецы и их следы на снегу пусть поищут себе другую жертву.

Глава 2

Родители Линдси, Вероника и Майкл, подвезли нас на своем внедорожнике. До кампуса Чарльстонского колледжа идти было недолго, – что было хорошо или плохо, в зависимости от того, кого вы спрашивали, – но улицы все еще были слякотными.

Олстон сидела в третьем заднем ряду вместе с Линдси, поэтому мы с Нолой проскользнули в средний ряд. Поздоровавшись со всеми, я спросила:

– Где Сесили и Кэл?

– Папа прихворнул, и мама осталась с ним дома, – ответила Олстон и расплылась в хитрой улыбке. – Мы подумали, что с вами и вашей электронной таблицей они ничего не пропустят.

Я ее почти не слышала, натужно пытаясь придумать способ как бы невзначай спросить про Джека – так, чтобы показаться заинтересованной, но чтобы это не прозвучало слишком жалко. Я принялась возиться с ремнем безопасности, и в этот момент сидевшая на переднем сиденье Вероника повернулась ко мне.

– Там нас встретит Джек, – сказала она, как будто прочитав мои мысли.

Она ободряюще улыбнулась и похлопала меня по колену, а затем снова посмотрела вперед.

– Рад вас видеть, Мелани, – сказал Майкл, взглянув на меня с водительского сиденья. – Вот уж не знал, что это торжественное мероприятие, иначе я бы тоже надел выходной костюм.

Я посмотрела вниз, словно хотела напомнить себе, что надела пятнадцать минут назад.

– Вот это? – спросила я, имея в виду облегающее красное кашемировое платье с глубоким вырезом и жакет в тон. – Это всего лишь старая вещь, которую я вытащила из шкафа. Ничего особенного.

Нола фыркнула, без сомнения, вспомнив груды платьев, раскиданных по моей спальне, где я стояла, подбоченившись,

напоминая жертву чумы.

– Как ваши дела? – спросила я, пытаясь перевести разговор в безопасное русло. Я также изо всех сил старалась быть любезной. Я дружила с его женой Вероникой, но никогда не чувствовала теплоты и пушистости, общаясь с Майклом. Вероятно, по той причине, что он был категорически против так называемой одержимости жены убийством сестры. Он утверждал, что оно достигло нездорового уровня, и теперь руководил процессом продажи их старого викторианского дома на Куин-стрит, чтобы они все могли переехать куда-нибудь еще. В этом доме прошло детство Вероники и Адриенны, и он по-прежнему был полон воспоминаний и памятных вещей обеих сестер. И дух одной из них пока не был готов покинуть его стены.

Майкл вырулил на Трэдд-стрит.

– Хорошо. Просто устал от всех этих рабочих. Ваша подруга Софи постоянно присылает их чинить в доме вещи, хотя я даже не подозревал, что они сломаны. Не будь она уважаемым профессионалом и вашей подругой, я бы сказал, что она нарочно пытается оттянуть продажу дома.

Я заметила, как напряглись плечи Вероники. Мы обе знали: именно это и пыталась сделать Софи – оттянуть продажу дома до тех пор, пока я не выясню, почему Адриенна все еще здесь и что она хочет поведать нам о том, что с ней случилось.

– Софи крайне методична. Взять, к примеру, меня. Я ремонтирую свой дом на Трэдд-стрит с тех пор, как получила его в наследство. Чтобы сделать все правильно, нужно время. – Я едва не прикусила язык: сколько раз в процессе реставрации я заявляла, что из дома получился бы великолепный костер.

– Это слабое утешение, Мелани, – сказал Майкл, примирительно улыбнувшись в зеркало заднего вида. Я улыбнулась в ответ, хотя и знала, что моей улыбке не хватает искренности.

Покружив по улицам минут десять, мы, наконец, нашли парковку, и я поймала себя на том, что мне страшно не хватает Джека. Хотя бы потому, что в том, что касалось парковки в центре Чарльстона, у него имелся магический дар. Ему достаточно было проехать по улице, и место для парковки волшебным образом появлялось именно там, где ему было нужно.

От одной только мысли о Джеке у меня на глазах навернулись слезы, и я отвернулась к окну, чтобы никто их не заметил. Это было смешно, правда. Я, мать троих детей и успешная в своей профессии женщина. Я несколько раз имела дело с очень страшными призраками и, как видите, до сих пор жива. У меня не было причин полагать, что я не смогу пережить уход Джека с достоинством, и имела смелость верить, что наша разлука была временной. Более того, я не сомневалась, что найду способ вернуть его. И все же я по-прежнему каждый день просыпалась с желанием остаться в постели, свернуться в клубок и плакать, пока Джек не сжалится надо мной и не вернется ко мне.

Мы вышли из машины и зашагали по Джордж-стрит к сторожке Портерс-Лодж. Небольшое здание в стиле классического Возрождения напоминало римскую триумфальную арку и, согласно тщательному исследованию, которое я провела накануне вечером в Интернете, служило фактическим входом в кампус. Располагалось оно в конце пасторального Цистерн-Ярда перед величественным, украшенном колоннами Рэндольф-Холлом, местом проведения весенней выпускной церемонии с ее белыми платьями, красными розами на длинных стеблях и белыми смокингами с бутоньерками из красных роз вместо мантий и плоских шапочек. Олстон на протяжении всей поездки трещала об этом без умолку, и я невольно задалась вопросом. Отдавала ли она себе отчет в том, что на самом деле ей придется изучать и чего ей нужно достичь в колледже, прежде чем она доберется до этого момента?

Я шла с беспечным видом, стараясь не думать о встрече с Джеком, первой за почти четыре недели. Или о том, что я понятия не имела, что должна сказать ему. Будь у меня возможность обменять свою способность разговаривать с мертвыми на умение разговаривать с Джеком, я бы так и поступила. Хотя я до сих пор так и не убедила себя в том, что могла бы поступить иначе. Или же, как постоянно напоминала мне противная, навязчивая мысль, в этом и была суть проблемы.

Нола шла впереди нас и вскоре, свернув налево в среднюю арку, исчезла из вида. Я поспешила за ней, думая, что она заметила Джека, но остановилась, увидев, что она стоит под одним из древних живых

дубов, разбросанных по всему Цистерн-Ярду, и смотрит в свой телефон.

Борясь с разочарованием, я повернулась, чтобы подождать остальных, но вместо этого оказалась лицом к лицу с Джеком. Он стоял в трех футах от меня, небрежно прислонившись к дереву, как будто регулярно видел свою бывшую жену. Моим первым порывом было сделать шаг вперед и обнять его, однако я сдержалась. Во-первых, следом за мной шли остальные. Во-вторых, я была уверена, что Джеку не понравятся мои объятия. Вряд ли бы я пережила, если бы он оттолкнул меня во второй раз.

– В красном? – спросил он вместо приветствия. Его взгляд не выдавал никаких чувств. Я надеялась, что он помнит, как я ему нравилась в красном и как красное платье сыграло важную роль в зачатии близнецов.

Мне потребовался момент, чтобы найтись с ответом, который бы не прозвучал жалко или как-то умоляюще. Оба уже были опробованы и в равной мере потерпели неудачу, поэтому мне требовалось нечто новое. Я сглотнула.

– Я надеялась, что в нем я не замерзну. – Я преувеличенно вздрогнула.

Уголок его рта поехал вверх, и мое сердце сжалось, как обычно, когда я бывала с ним рядом.

– Почти семьдесят градусов, Мелли. Ты единственный человек, кого я знаю, который думает, что семьдесят градусов – это мороз.

Он оттолкнулся от дерева и сделал шаг мне навстречу.

– Ты хорошо выглядишь.

Хотя я молча поздравила себя с тем, что приложила дополнительные усилия к своему внешнему виду, включая бритье ног и выщипывание бровей, которым позавидовало бы большинство оборотней, я ждала, что он скажет больше. Я скучаю по тебе. Я не могу жить без тебя. Я хочу вернуться.

Когда в ответ на мое молчание выражение его лица сделалось обеспокоенным, я выпалила:

– А ты в голубой рубашке.

Либо у меня случился инсульт, либо неловкость Джейн в присутствии привлекательных мужчин неким образом ухитрилась привязаться и ко мне. Глаза Джека полезли на лоб.

– Пап! – крикнула Нола, подбегая к нам, и бросилась в отцовские объятья. Впрочем, она быстро отступила назад, чтобы показать всем, что она уже не маленькая. Скажу честно: я была готова поменяться с ней местами.

После приветствий и рукопожатий мы всей нашей компанией повернулись к Портер-Лодж с ее тройной аркой и дорическими колоннами. Барельефом – этот термин я узнала от Софи – по верху средней арки выделялись греческие буквы.

Я порылась в сумочке в поисках тщательно исписанных заметок, спрятанных рядом с распечатанной таблицей, но, прежде чем я успела их открыть, Джек сказал:

– Познай себя.

– Не думала, что ты знаешь греческий, – сказала я.

Его холодные голубые глаза остановились на мне.

– Ты многого обо мне не знаешь, Мелли. – Он помолчал, затем наклонился ближе. – Ты не единственная, кто знает, как пользоваться Гуглом. – Он было шагнул мимо меня, но остановился и оглянулся с легкой улыбкой на лице. – Я рад, что ты решила захватить электронную таблицу. В списке Нолы около двадцати колледжей, и нам без твоей таблицы как без рук.

Я застыла в неподвижности, глядя на него и гадая, сказал ли он мне что-то приятное и стоит ли мне попросить его повторить это для верности. Джек посмотрел на меня, не двигаясь, словно ожидал, будто что-то произойдет, затем кивком указал на ушедшую вперед группу.

– Ой! – пролепетала я, ощущая себя неуклюжей школьницей, которую пригласили в столовой присоединиться к столику с самыми популярными девочками.

Мы шли немного позади всех, но Нола время от времени оглядывалась на нас через плечо.

– С тебя сняли гипс, – заметила я, пытаясь завязать разговор, но тут же пожалела о выборе темы.

– Угу. Сняли. Приятно, что это конкретное напоминание наконец-то удалено. – Он сунул руки в карманы. – Нам нужно поговорить.

Мое сердце екнуло.

– Рада слышать, что ты это говоришь. Я полностью согласна. Мы так многое должны сказать друг другу. – Я подавила внутреннюю осторожность и вместо этого напомнила себе, что Джек только что

сделал мне комплимент. Как будто это вообще что-то значило. – Я скучаю по детям, когда они не со мной, – выпалила я. – И я знаю, они тоже хотят, чтобы мы были вместе. Я держу твой комод и твою сторону шкафа пустыми, так что это не должно…

– Я про Марка и его фильм, – перебил он меня.

– Ах да. Верно. – Я попыталась скрыть разочарование и, сглотнув, перевела свои мысли в другое русло. – Джейн пришла ко мне сегодня утром, чтобы сказать, что Ребекка и Марк хотят назначить нам встречу. Он знает о сделке, предложенной через нашего адвоката.

– Знаю. Вчера я столкнулся с Ричем Кобилтом в хозяйственном магазине, – сказал он, имея в виду сантехника/разнорабочего, который трудился у нас с тех пор, как я унаследовала дом на Трэдд-стрит. Надежный и трудолюбивый, он также был наделен сомнительным достоинством в виде обладания шестым чувством. – Рич выполнял кое-какую работу для Марка и Ребекки и подслушал разговор Ребекки с Джейн. Он подумал, что нам лучше это знать. Он также счел своим долгом сказать мне, что мы не должны подпускать Марка к нашему дому ближе чем на длину футбольного поля.

Я подняла брови, слегка удивленная словом «наш» перед словом «дом». Если он все еще считал его нашим, то, по моим же расчетам, еще не все потеряно.

– Я не мог в это поверить, – сказал Джек.

– В то, что они хотят встретиться с нами?

– Нет, что Рич Кобилт высказал свое мнение, как будто он член семьи.

– Он почти им является. Он практически живет в доме столько же лет, сколько и я, и именно он убедил Нолу не красить волосы в синий цвет, помнишь?

Джек выгнул бровь.

– Еще бы, помню.

– Джейн сказала, что они хотят встретиться в моем офисе… на нейтральной территории. Мы выбираем день и время.

– Ни в какой встрече нет нужды, Мелли. У нас есть средства, чтобы бороться с ним в суде, если потребуется. У нас сейчас есть деньги. Единственная причина, по которой я хотел бы встретиться с Марком, – это сказать ему, куда он может засунуть свой фильм, но я могу сделать это и по телефону.

– И ты не думаешь, что хотя бы один из нас должен встретиться с ними, послушать, что они скажут?

– Если честно, не знаю. – Он с прищуром посмотрел на меня. – Если только ты все равно не собираешься с ними встречаться?

Я хотела было уклониться от его вопроса, но потом вспомнила, что именно так поступила бы Мелли Версия 106. Я вскинула подбородок.

– Почему бы нет? Тем более что мне все равно пора в офис. Я уже давно не появлялась на работе.

Мне показалось, будто я увидела проблеск сострадания в его глазах, но, увы, он быстро исчез.

– Делайте что хотите, но меня там не будет. – Он взбежал по ступенькам в здание приемной комиссии, где наша экскурсия должна была начаться с официальной презентации, и остановился наверху, чтобы придержать для меня дверь. За это время я успела проглотить ком в горле и вернуть себе самообладание. Когда я проходила мимо него, он коснулся моей руки, и я замедлила шаг. Мое сердце наполнилось надеждой, но моя голова отказывалась в это поверить.

– И все же нам нужно поговорить. О нас. Мне просто нужно чуть больше времени. Я все еще так зол на тебя, что едва могу ясно мыслить. Я никогда не думал, что смогу хотеть кого-то так сильно, как тебя, и в то же время не желать видеть тебя снова. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я невольно вспоминаю, как ты предала мое доверие. Это трудно забыть.

Я изумленно ахнула:

– Ты все еще хочешь меня?

Он наклонил голову и усмехнулся:

– О, Мелли! Ты определенно слышишь лишь то, что хочешь услышать. Да, я все еще хочу тебя. Но все не так просто.

Я хотела было возразить ему, но он прижал руку к моей спине и повел меня в просторную комнату, где демонстративно сел между Вероникой и Нолой, лишь бы только не сидеть со мной рядом.

* * *

После презентации нас повел по кампусу студент бакалавриата по имени Алекс – высокий, темноволосый, красивый. Олстон и Линдси было не узнать – они хихикали и старались обратить на себя его внимание. И куда только подевались умные и серьезные девушки, какими я их знала?

Нола была более осмотрительна, поскольку Купер, старший брат Олстон, он же старший курсант Цитадели, собирался после выпуска в мае переехать в Калифорнию, чтобы продолжить карьеру в области авиационной инженерии. Технически они не встречались – в основном из-за разницы в возрасте, – но им действительно было хорошо вместе. Купер даже помог нам разрешить загадку цистерны, да и Джеку он нравился. Но было одно «но»: Нола все еще училась в школе, а Купер уже был готов оставить свой след в этом мире. Она проплакала целых два дня, прежде чем сумела стряхнуть с себя печаль и посмотреть со мной коллекцию DVD с рождественскими фильмами, которую она мне подарила.

Не знаю, что тому причиной – то ли мое утешительное присутствие, то ли ее неспособность принять еще один счастливый конец, но она нашла в себе силы одеться и снова выйти из дома. Возможно, человеку с разбитым сердцем просто нужно побыть с другим человеком с разбитым сердцем, чтобы понять: упиваться жалостью к себе любимой – бесполезно. По крайней мере, для нее это сработало. Я же осталась на диване и досмотрела всю коллекцию, но и это не помогло.

Когда Алекс объявил, что экскурсия включает в себя посещение одного из общежитий, Джек сказал:

– Думаю, эту часть мы можем пропустить. Мы уже решили, в каком общежитии ты будешь жить, если в конечном итоге поступишь сюда.

– «Мы»? – с нажимом произнесла Нола.

– Да, «мы». Люди, которые будут оплачивать твое обучение. Их мнение – единственное, что имеет значение.

Я украдкой взглянула на него. Меня мучил вопрос, включил ли он в эти «мы» и меня, но по выражению его лица и лица Нолы решила, что сейчас не лучшее время спрашивать.

– Но что, если мне там не понравится?

– Не имеет значения. Это единственное женское общежитие. Так что можешь поселиться там. Или жить дома. Выбор за тобой.

Нола посмотрела на него так, будто ее только что отправили в женский монастырь в Сибири. Она остановилась и сложила руки на груди.

– Это несправедливо!

Джек зашагал дальше.

– Еще как справедливо! Я предложил тебе два отличнейших варианта. Знаешь, сколько людей отдали бы все на свете, лишь бы жить в историческом доме в Чарльстоне?

Нола закатила глаза, а в следующий момент к нам присоединились Олстон и Линдси.

– Если там будут спальни на трех человек, чтобы мы могли жить втроем, то меня это устраивает, – сказала Олстон.

– Что это за общежитие? – спросила Линдси, открывая папку, которую нам вручили на презентации.

– Буист Риверс, – с энтузиазмом ответил Джек.

– Хм, – сказала Нола. – Оно такое старое. А еще оно единственное во всем кампусе с туалетом в коридоре. Нет, спасибо.

Я вытащила свою таблицу.

– На самом деле не такое оно и старое, Нола. Оно было построено в 1963 году, но с тех пор его капитально отремонтировали.

Нола сморщила нос:

– Как я уже сказала, оно старое. С тем же успехом я могу жить и дома.

– Как я уже говорил, это можно устроить, – сказал Джек, когда мы остановились рядом с экскурсионной группой, собравшейся перед Студенческим центром имени Стерна, внушительным зданием из кирпича и стекла.

Алекс начал рассказывать о «потрясающем» выборе еды в кафетериях кампуса. Но даже его упоминание о веганских блюдах было бессильно развеять хмурое настроение Нолы.

Вероника подошла и обняла Нолу.

– У тебя появятся морщины, если ты продолжишь так хмуриться, – легко сказала она, встретив через плечо Нолы мой взгляд. – Что теперь не так?

Я пожала плечами:

– У Джека есть «мнения» о жилищных условиях Нолы.

Нола театрально вздохнула:

– Если я решу поступить в Чарльстонский колледж, то у меня есть выбор: либо жить в единственном женском общежитии, либо жить дома.

Вероника замерла, улыбка сползла с лица.

– Что это за общежитие?

– Буист Риверс. Оно такое древнее. Квартиры в Келли Хаус новее и намного лучше. И они розовые. – Она посмотрела на затылок Джека. – Но папе, похоже, все равно, чего хочется мне.

Нола отошла и встала вместе с Линдси и Олстон впереди, рядом с Алексом. Ноздри мне щекотал слабый запах «ванильного мускуса». Я тотчас поняла, почему настроение Вероники так резко изменилось.

– Это было общежитие Адриенны? – тихо спросила я. Это был запах духов ее сестры, верный признак того, что Адриенна была где-то рядом.

Вероника кивнула.

– Комната номер 210. Ее тело было обнаружено в каморке вахтера на том же этаже.

– Может, нам лучше пропустить эту часть экскурсии? – предложила я.

– Вряд ли осмотр этого общежития входит в экскурсию, но я надеялась, что мы все равно сможем попасть внутрь. Вдруг Адриенна захочет показать тебе кое-что.

– Я действительно не…

– О чем вы там шепчетесь? – Майкл наклонился между нами. – Вы нашли в электронной таблице Мелани противоречивые данные? Или колонка слишком широкая?

Вероника повернулась и без улыбки посмотрела на мужа.

– Нет, Майкл. Мы обсуждали общежитие Буист Риверс.

Майкл сделал удивленные глаза.

– Общежитие Адриенны, – пояснила Вероника.

– Понятно, – сказал он и, тяжело вздохнув, посмотрел себе под ноги. – Оно включено в экскурсию? Думаю, нам не нужно заходить внутрь.

– Нет, оно не включено. – Вероника на миг умолкла. – Просто я хочу вместе с Мелани попробовать зайти туда и осмотреться. Держу

пари, мы найдем кого-нибудь, кто впустил бы нас внутрь.

Я была удивлена, увидев на лице Майкла смирение, а не злость или неприятие, которых я ожидала. Все наши предыдущие разговоры на тему выяснения того, что случилось с Адриенной, закончились скверно. Возможно, тот факт, что Вероника наконец согласилась продать семейный дом, стал той оливковой ветвью, в которой он так нуждался. Или же водой, залившей огонь. Хотя пламя и погасло, я была уверена, что все еще чувствую пар.

– Хорошо, – сказал он. – Но только вы двое. Я не хочу участвовать в этой чепухе, Мелани. Мне все равно, действительно ли вы разговариваете с мертвыми или просто притворяетесь. Делайте, что вам нужно, а затем снова присоединяйтесь к нам. Я остаюсь с Джеком и девочками.

Он зашагал прочь, но затем на мгновение обернулся, посмотрел на Веронику, покачал головой и пошел дальше. Я поискала глазами Джека. Заметить его не составило труда: он и Майкл были самыми высокими в группе. Он стоял позади Нолы, но, подняв брови, смотрел на меня.

– Вы сообщите Джеку, Майкл?

Он, не оборачиваясь, кивнул, и мы с Вероникой направились к старому общежитию Адриенны. Чем ближе мы подходили, тем тяжелее становился запах «Ванильного мускуса».

– Чувствуешь? – спросила я.

Вероника покачала головой:

– Это ее духи? Раньше, после ее смерти, я часто чувствовала этот запах, но теперь не так сильно.

Я кивнула и подняла взгляд на коричневое оштукатуренное здание.

– Какое оно уродливое. Я бы тоже не хотела здесь жить.

Я повернулась к Веронике, чтобы узнать ее реакцию, но она, склонив голову набок, смотрела на стеклянные входные двери.

– Здесь многое изменилось с тех пор, как я была здесь… последний раз.

– Когда это было?

Она посмотрела мне в глаза:

– Когда я пришла, чтобы собрать ее вещи после того, как… после. Я думала, что мне придется делать это в одиночку, потому что мои

родители не могли этого вынести, но Майкл пришел мне на помощь. Без него я бы не справилась.

– Как жаль, что она заперта, – сказала я, дергая за ручку, готовая развернуться и уйти.

В этот момент подошли двое студенток, обе нагруженные рюкзаками, слишком занятые своим разговором, чтобы обращать на нас внимание. Одна из девушек провела по замку удостоверением личности, и они обе вошли. Но прежде чем дверь успела закрыться, Вероника протянула руку и придержала ее для меня.

Она стояла у открытой двери. Я на мгновение замешкалась.

– Я знаю, как это тяжело для тебя, Мелани. И мне неловко просить тебя сейчас, когда у тебя полно своих забот. Но я чувствую срочность, какой я никогда не чувствовала раньше. У Адриенны осталось совсем мало времени. – Она умолкла, и по ее лицу промелькнуло странное выражение. – Я не могу вновь ее подвести.

Прежде чем я успела спросить, что она имеет в виду, к двери с пропуском в руке подошла другая жиличка. Мы с Вероникой вошли в вестибюль и придержали для нее дверь, после чего дали ей закрыться за нами.

Я едва не задохнулась от запаха ванильного мускуса. Более того, я поймала себя на том, что меня тошнит, как будто его влили мне в горло и брызнули в ноздри. Вероника достала из сумочки чистую салфетку и протянула мне.

– С тобой все в порядке?

Я подняла руку и кивнула:

– Через минуту. – Я указала на свою сумочку.

Вероника взялась открывать ее и в конце концов вытащила маленькую бутылочку с водой, которую я всегда носила с собой. Когда же она заметила мой набор «на всякий случай», в который, помимо всего прочего, входил небольшой баллончик с универсальной смазкой WD-40, контейнер с дезинфицирующим средством для рук, газовый баллончик «Мейс» и пара плоскогубцев, ее глаза полезли на лоб. Не говоря ни слова, она открутила крышку бутылки и протянула мне воду.

– Спасибо, – сказал я, залпом выпив полбутылки. – Это была…

– Адриенна?

Я кивнула:

– Я думаю, она пыталась привлечь мое внимание. – Я окинула взглядом пустынный вестибюль со стерильной мебелью и флуоресцентными лампами под потолком. – Это сработало.

Я застыла неподвижно, ожидая, пока рассеется запах «Ванильного мускуса».

– Ты слышала?

– Что именно?

– Эту музыку?

Вероника покачала головой:

– Нет. Но мы же в общежитии колледжа, так что ничего необычного в этом нет.

– Согласна, но это старая песня. Не то, что будет слушать современная молодежь. Нола скорее предпочла бы обрить голову.

– Думаешь, это Адриенна?

– Не знаю. Но я думаю, что должна выяснить, откуда она исходит. – Я подошла к лифту и нажала кнопку. – Комната номер 210?

Вероника кивнула, ее лицо было белым как мел.

– Можешь остаться здесь, если хочешь. Сомневаюсь, что смогу попасть в комнату, так что это не займет много времени.

– Я в порядке. Честное слово. Просто сейчас все не так… как раньше.

Дверь открылась, и мы вошли в лифт.

– Его отремонтировали, помнишь? Так что все будет не так.

Мы вышли на втором этаже, и Вероника свернула направо. Я шла следом за ней, хотя в этом не было необходимости. По мере того как мы шли, музыка звучала все громче, а запах духов Адриенны вновь вернулся. Мы одновременно остановились перед выкрашенной в белый цвет дверью, рядом с которой на стене был прибит черный номер 210. Сама дверь была густо покрыта картинками талисманов женского студенческого сообщества и греческими буквами. По обеим сторонам двери на ламинированном картоне красивой каллиграфией были выведены имена жильцов.

Вероника печально улыбнулась:

– Все точно так же, как когда Адриенна жила здесь. Просто другие имена.

Песня теперь звучала на таком зашкаливающем уровне децибел, что я была уверена, что Вероника ее слышала. Я было открыла рот,

чтобы спросить ее, но тут дверь распахнулась и музыка резко оборвалась.

Молодая женщина – то ли Джессика, то ли Рэйчел, судя по приметам, – отступила назад. Ее удивление мгновенно сменилось тревогой. Она сняла наушники, но металлический ритм рэп-песни продолжил звучать. Я уставилась на наушники. То, что слушала эта юная женщина, определенно не было той музыкой, которую слушала я.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила она.

Вероника шагнула вперед.

– Мы знали одного человека, который раньше жил в этой комнате. Мы просто надеялись заглянуть внутрь…

Джессика/Рэйчел в упор посмотрела на нас и покачала головой:

– Как вы сюда попали? Я вызываю охрану.

Она вошла в комнату, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы я смогла заглянуть внутрь и увидеть по обеим сторонам крошечного пространства две узкие двухъярусные кровати, застеленные одинаковыми пестрыми одеялам, после чего дверь захлопнулась у нас перед носом.

– Пойдем, – сказала Вероника, дернув меня за руку, и мы быстро зашагали по коридору к лифтам. Она остановилась перед дверью и повернула ручку. – Заперто. Но ее нашли именно здесь. Ты что-нибудь чувствуешь?

Я закрыла глаза, но ничего не услышала и покачала головой:

– Извини.

Когда внизу дверь лифта открылась, мы поспешили через вестибюль к выходу, то и дело оглядываясь через плечо, нет ли рядом охранника.

– Адриенна была там? – спросила Вероника, когда мы благополучно вышли наружу.

– О да. Она определенно там была. Я чувствовала запах ее духов. И я наконец-то вспомнила название той песни, которую все время слышала, и теперь не могу выкинуть ее из головы. Она из разряда тех прилипчивых песен, которые, стоит их услышать, будут крутиться в голове снова и снова, и, как ни старайся, их невозможно забыть. Кстати, песня старая, кажется, начала восьмидесятых. Моя соседка по комнате на первом курсе была одержима музыкой восьмидесятых, и особенно этой песней, и крутила ее снова и снова.

– И что это за песня?

– «О, Супермен».

Вероника внезапно остановилась, ее лицо побледнело.

– Лори Андерсон?

– Ты ее слышала? Но как?

– Она была на компакт-диске, который был в плеере Адриенны, когда ее нашли. Однако мы так и не поняли почему. Она ненавидела эту песню.

– Странно, – сказала я.

– Что она ненавидела эту песню?

– Нет, все ненавидят эту песню. Я имела в виду, странно, что песня не только была в ее плеере, но что с ее помощью она заманила меня наверх в свою комнату в общежитии. Это должно что-то значить.

Мы присоединились к остальной группе. Я заметила Джека, и мое сердце сделало свое обычное сальто, однако тотчас же упало, стоило мне вспомнить, что между нами по-прежнему разлад и он не вернется домой вместе со мной.

Он проводил нас до внедорожника Фарреллов и подождал, когда Нола села внутрь. Не имея заранее отрепетированных слов, я молчала, хотя и желала что-то сказать.

– Джек…

Он пристально посмотрел на меня, и мне стоило неимоверных усилий не броситься ему на шею. Я поймала себя на том, что наклоняюсь к нему, потому что он мягко положил руки мне на плечи, не давая мне упасть.

– Да, Мелли?

– Ты оставил в шкафу полку со спортивными штанами и худи. Поэтому я их все развернула, перерыла и сорвала с полки сделанную мною же этикетку.

Его губы дрогнули, а в глазах промелькнул намек на так хорошо мне знакомый лукавый блеск.

– Ну, это прогресс. Поздравляю. – Он наклонился мимо меня, чтобы попрощаться с другими пассажирами внедорожника, а затем отступил назад. – До свидания, Мелли, – сказал он с улыбкой, затем развернулся и зашагал прочь. Я уже начала ненавидеть эти слова.

Я забралась во внедорожник, села, а когда пристегивала ремень безопасности, почувствовала что-то у себя за спиной. Пошарив рукой,

я вытащила красную подушку в форме сердца. Даже не рассматривая ее, я знала: это подушка Адриенны с мелкими аккуратными стежками и оборкой по краю. Я нашла ее в коробке с вещами Адриенны на чердаке Вероники. У подушки имелась странная привычка неожиданно появляться в любом месте, независимо от того, куда ее положили в последний раз. Подняв глаза, я поймала на себе взгляд Вероники. К счастью, Майкл выруливал на улицу и его взгляд был сосредоточен на дороге. Вероника вопросительно подняла брови.

– Позже, – одними губами произнесла я и положила подушку в сумочку. Оставшуюся часть короткой дороги до дома я смотрела в окно, и все время то, что сказала Вероника, когда мы были в общежитии, эхом отзывалось в моей голове: «Я не могу подвести ее еще раз».

Надо будет спросить у нее, что она имела в виду. Вернувшись домой, я заперлась в ванной и дала волю слезам, но так, чтобы Нола меня не услышала. После чего начала новую электронную таблицу, чтобы помочь себе самой разобраться с проблемой, хотя я понятия не имела, с чего начать.

Глава 3

Я сидела за кухонным столом с ноутбуком, открытым для новой пустой электронной таблицы под заголовком Мелани Версия № 107. «Сто семь» было лишь моим предположением – реальное число, вероятно, было гораздо большим, – но пока я была готова признать лишь то, что число моих фальстартов, попыток стать улучшенной версией себя любимой уже было по меньшей мере трехзначным.

Вверху каждого столбца были проставлены дни недели, но описание дел было заполнено только в одной строке. «Одеться». В колонке «четверг», то есть сегодня, была напечатана единица. Вот уже почти тридцать минут курсор мигал слева от второго ряда.

Я сделала еще один глоток кофе и поморщилась. Миссис Хулихан и ее превосходное умение варить кофе вернутся лишь в понедельник. Я поставила кружку и, неохотно подняв руки, заставила их напечатать «утренняя пробежка». Джейн каждый день звонила мне, предлагая возобновить наши с ней утренние пробежки, но, как бы тяжко мне ни было, я еще не настолько ненавидела себя, чтобы до наступления рассвета выползти из постели, натянуть на себя что-то, что толком меня не согреет, а затем куда-то бежать.

Впрочем, считалось, что это мне на пользу. К тому же это было нечто такое, что я могла делать на пару с моей сестрой. И это заставило бы меня выйти из дома и не думать постоянно о том, как он пуст. В общем, все то, что новой Мелли нужно было принять, чтобы стать улучшенной версией себя. Правда, мне казалось, что я смогу получить те же преимущества, поговорив с Джейн за чашечкой кофе с пончиками.

К сожалению, Джейн не разделяла моих взглядов и велела мне выбрать понедельник или вторник, чтобы нам возобновить пробежки, что было сродни тому, как если бы вам предложили выбрать день, когда вы подставите шею под нож гильотины.

Нола вошла в кухню, волоча за собой рюкзак. Три собаки вбежали следом за ней и помчались к своим мискам, которые я наполнила накануне вечером. Ей никогда не стать жаворонком. Я уже сделала мысленную пометку, что, когда в первый год ее обучения в колледже я помогу ей спланировать занятия, те не должны начинаться раньше десяти. Я гнала от себя мысль, что, когда Нола поступит в колледж, ей может не понадобиться моя помощь в организации ее жизни. Мне и так было тяжко на душе.

Заметив меня, она резко остановилась.

– Ты второй день подряд в настоящей одежде, и волосы у тебя чистые. Кто ты такая и что ты сделала с прежней Мелани?

– Очень смешно. Я решила, что пора вернуться к работе. Я даже приняла душ.

– Рада за тебя, – сказала Нола без малейшего намека на сарказм. – Над чем ты работаешь? – Она указала на ноутбук.

Прежде чем я успела закрыть крышку, она встала позади моего стула.

– Просто небольшая рабочая таблица по психическому здоровью. Пытаюсь быть лучшей версией себя и все такое прочее, – сказала я, как попугай повторив то, что Джейн и Софи пытались мне вдолбить. – Попытка выяснить, чего мне не хватает.

Нола заглянула мне через плечо.

– Вот это да, Мелани. «Одеться» и «утренняя пробежка». Будь осторожна, не замахивайся слишком высоко.

Я послала ей испепеляющий взгляд.

– Джейн посоветовала начать с малого, с выполнимых целей.

Нола открыла холодильник, достала бутылку густого зеленоватого сока и сделала глоток. Я не стала напоминать ей, что в этом доме пользуются стаканами, потому что никто в здравом уме все равно не захочет пить эту бурду.

– Тогда давай добавь в список слово «дышать». И «реорганизовать то, что уже было организовано десять раз».

– Ты не опоздаешь в школу?

Она распахнула дверь кладовой и достала вегетарианский батончик. Сняв обертку с того, что напоминало маленький кирпичик грязи, она откусила кусок.

– Сегодня нас подвозит миссис Рэвенел, и она как всегда опаздывает, так что у меня в запасе есть добрых десять-пятнадцать минут. – Нола вновь подбородком указала на ноутбук. – Это как-то связано с моим отцом?

Мне пришлось напомнить себе, что ей не только шестнадцать, но и что Джек – ее отец.

– В некотором роде, – призналась я.

Она опустилась на стул напротив меня, и мне стоило немалых усилий не поперхнуться от мерзкого запаха вегетарианского батончика, который она поглощала с видимым удовольствием.

– Знаешь, Мелани, я сомневаюсь, что для папы важно, бегаешь ты по утрам и даже одета ты или нет. Он любит тебя – со всеми твоими недостатками. Он даже считает, что это довольно круто, что ты разговариваешь с мертвыми и что Сара, похоже, унаследовала от тебя этот дар. – Она задумчиво откусила от своего батончика. – Мне кажется, проблема не в том, чтобы, не спросив его, переложить вещи в ящике его стола или наклеить этикетки на полки в шкафу. Дело скорее в том, что хотя вы женаты, ты все равно думаешь, что каждый из вас существует сам по себе. Что он твой партнер не во всем. Ты так боишься услышать «нет», что вместо того, чтобы обсуждать проблему, ты идешь и, невзирая на последствия, делаешь все по-своему.

Я посмотрела на нее, готовая возразить, сказать, что она неправа, потому что мои действия никогда не ставили своей целью уловки или откровенную ложь. Что мною двигало исключительно желание защитить Джека и всех, кого я люблю. Но я не могла найти нужных слов, чтобы опровергнуть то, что она только что сказала. Возможно, мне просто требовалось больше кофе.

– Ты сама это придумала? – спросила я.

Она покачала головой, соскользнула со стула и встала.

– Не-а. Я подслушала разговор папы с бабушкой и дедушкой. Это почти дословно. – Она улыбнулась и откусила еще кусочек от своего батончика.

– Ты работаешь сегодня после школы? Я могу забрать тебя и отвезти домой, чтобы твоему дедушке не пришлось этого делать.

С прошлого лета Нола по несколько часов в неделю помогала моим свекру и свекрови в их антикварном магазине – вела веб-сайт, сидела за кассовым аппаратом и изучала антикварный бизнес и сам

антиквариат. С тех пор как ей подарили старинный кукольный домик, – не самый лучший выбор, как мы потом узнали, – Нола питала болезненное пристрастие ко всему, что принадлежало людям, которые больше не ходили по этой земле.

Я, конечно, не разделяла этого увлечения, но как только Джек согласился, что она уже достаточно взрослая, чтобы работать полдня, Нола пошла работать в антикварный магазин Тренхольмов и, похоже, получала от этого не меньшее удовольствие, чем от сочинения музыки.

По крайней мере, до недавнего времени, пока там не появился новый сотрудник, – похоже, по словам Нолы, большой любитель командовать, хотя был нанят, чтобы помогать с тяжелой работой, а также управлять магазином. Родители Джека решили больше путешествовать, чтобы охотиться за антиквариатом по всему миру, а заодно побыть просто туристами, чего они никогда не могли себе позволить. Они утверждали, что не готовы сидеть без дела, так что это будет лучшее их решение.

Я не знала, в чем проблема Нолы: в том, что она была не готова выполнять распоряжения незнакомца там, где ей, с тех пор как она прибыла в Чарльстон, была предоставлена полная свобода действий, или же в чем-то совершенно другом. Я не стала говорить об этом Амелии, надеясь, что недовольство Нолы уляжется само собой без родительского вмешательства.

Нола вздохнула:

– Не раньше субботы. Лорд Волдеморт решил, что будет продуктивнее, если я буду работать только по выходным.

Я хотела спросить ее еще, но ее внимание привлекло окно позади меня, выходившее в разрушенный сад.

– Пришла доктор Уоллен-Араси. И… вот же дерьмо!

Я закрыла свой ноутбук и, удивившись ее реакции, встала. Подойдя к двери, прежде чем Софи успела постучать и разбудить собак, распахнула ее, чтобы она и ее спутник могли пройти на кухню. Мне в лицо ударил морозный утренний воздух, и я поспешила захлопнуть дверь.

– Доброе утро, – весело сказала Софи, снимая с шеи вязаный шарф в радужную полоску. Он неплохо сочетался с носками, которые она носила с ее вечными биркенстоками, и с шапкой-бини на голове. Я

не спросила про ее пальто, потому что еще не выпила достаточно кофе, чтобы посмотреть в лицо ее прикиду, который прятался под ним.

– Я привела кое-кого, с кем мне хотелось бы вас познакомить, потому что я думаю, что в будущем вы будете видеть его довольно часто.

Я оторвала взгляд от носков Софи, чтобы впервые взглянуть на ее спутника. Он был молод – немногим старше Нолы – и очень высок, не меньше шести футов и трех дюймов. Светлые волосы, вероятно, светло-каштановые, когда на них не падало солнце, карие глаза цвета кофе с молоком. Судя по загорелому лицу и рукам, он много времени проводил на открытом воздухе.

– Бо, это моя подруга Мелани Тренхольм, о которой я тебе рассказывала.

– Бо Райан, – сказал он, протягивая руку. – Приятно наконец познакомиться с вами, мэм.

Даже если бы я не догадалась по его акценту, что передо мной южанин, слово «мэм» служило безошибочной подсказкой. У него было крепкое рукопожатие, что я тотчас оценила, но вот слово «мэм» было совершенно излишним, иначе мне пришлось бы научиться вязать.

– Я тоже рада познакомиться с вами, Бо. Но, пожалуйста, зовите меня Мелани.

– Да, мэм, – сказал он с яркой улыбкой, обнажая ровные белые зубы.

Я пожала ему руку чуть сильнее, чем следовало, и отступила.

– А это моя падчерица Нола.

Нола осталась на месте, с прищуром глядя на вошедшего, что делало ее еще больше похожей на Джека. Демонстративно сложив на груди руки и всем своим видом давая понять, что никаких рукопожатий не будет, она сказала:

– Мы уже встречались. Это новый парень, который работает в «Антикварiате Тренхольмов».

Я одними губами произнесла «Лорд Волдеморт», а затем вновь посмотрела на Бо. По описанию Нолы я представляла себе лысеющего, пузатого придурка средних лет, не способного отличить Чиппендейл от ИКЕА.

– Бо учится на втором курсе Американского колледжа строительных искусств. Получает степень бакалавра прикладных наук

в области кузнечного дела, – пояснила Софи. – По-моему, он идеальная кандидатура для замены недостающих частей вашей железной ограды, поэтому я хотела, чтобы он познакомился с тобой и твоим отцом.

Софи уже назвала мне примерную стоимость замены поверженной ограды и ворот, которые окружали наш участок. Моим единственным ответом был маниакальный смех, который, как я надеялась, означал слово «нет». Как если бы мне было все равно, сломана ограда, отсутствует или полностью исчезла. У меня один ребенок поступал в колледж и еще двое даже не пошли в детский сад. Я не собиралась тратить деньги, отложенные на их образование или наследство, на какой-то там железный забор. Я даже начала искать в Интернете альтернативные варианты оград, которые бы выглядели как железо, но по цене, от которой мне не становилось бы дурно. Я была совершенно уверена: ни одна из них не удостоится одобрения Софи. Не то чтобы в этом была необходимость, поскольку не она оплачивала счета.

– Бо уже начал составлять планы. Надеюсь, он сможет сделать это своим учебным проектом по замене недостающих частей или, при необходимости, полной замене ограды.

Я открыла было рот, чтобы что-то сказать, но смогла лишь мотнуть подбородком. Я была слишком занята, подсчитывая в уме, сколько домов мне нужно продать, чтобы мы могли поставить еду на стол, не продав ни одного рубина.

– Что ж, тогда, пожалуй, мне лучше вернуться к работе. Было приятно познакомиться с вами, Бо. Я обязательно поговорю с отцом. Вряд ли работы будут такими обширными, как вы думаете…

– О, поверьте мне, мэм. Я осмотрел каждый дюйм всей ограды. Там много повреждений. Думаю, будет проще заменить ее всю целиком.

Нола перекинула рюкзак через плечо.

– Надеюсь, он разбирается в железных оградах лучше, чем в антиквариате. – Она сказала это почти себе под нос, глядя на меня, но достаточно громко, чтобы услышали все.

Бо терпеливо улыбнулся ей:

– Вообще-то моя семья владеет антикварным магазином на Ройал-стрит в Новом Орлеане уже почти столетие, он довольно известен в

антикварном мире. У нас в витрине стоит полностью отреставрированная карусельная лошадка фирмы Мюллера 1910 года выпуска, последняя в своем роде, и люди приезжают со всех концов страны просто посмотреть на нее. В младенчестве я сделал свои первые шаги, держась за георгианский сервант, полный севрского фарфора, и доковылял до вырезанной вручную викторианской птичьей клетки, ничего не сломав.

– Как мило, – сказала Нола, хотя ее тон говорил об обратном. – Я никогда не была в Новом Орлеане, так что не знаю.

Он нахмурился:

– Забавно, потому что люди называют Новый Орлеан «НОЛА». Я подумал, может, у тебя есть какая-то связь.

– Еще какая! – сказала она, и ее лицо медленно расплылось в улыбке. Я строго посмотрела на нее. По идее мой взгляд должен был велеть ей на этом остановиться, но она сделала вид, что не заметила.

– Мое настоящее имя – Эммалин Амелия, но моя мама звала меня Нолой, потому что я была зачата там, в дешевом гостиничном номере во Французском квартале. – Она повернулась к Софи: – Кстати, вчера я кое-что обнаружила в своей комнате. Мы думаем, возможно, Меган Блэк нашла это в цистерне, но я ее не видела, так что просто предполагаю. У вас найдется минутка, чтобы взглянуть?

– Конечно, с удовольствием взгляну, – ответила Софи, опуская брови, которые, пока Нола говорила, доползли до линии роста волос.

Нола бросила рюкзак и выбежала из комнаты.

– Быстрее! Я уверена, миссис Рэвенел скоро будет здесь, – крикнула я ей вдогонку.

– Я люблю ее, как родную дочь, но я всего лишь мачеха, – объяснила я, дабы у Бо не осталось сомнений, что я никого не зачала в дешевом гостиничном номере в Новом Орлеане.

– Да, мэм. Я понимаю.

Я стиснула зубы, снова услышав «мэм», но промолчала. В его улыбке было нечто теплое и искреннее. Интересно, заметила ли это Нола?

Я услышала, как ящик комода в прихожей со стуком захлопнулся. Через мгновение Нола вошла обратно в кухню, держа в руке небольшой железный гробик. Она поставила его на кухонный стол перед Софи.

– Это Замороженная Шарлотта, – тут же сказал Бо, заглядывая Софи через плечо. – Что написано там наверху?

– «Слушайся маму», – сказала Нола. – Очевидно, это идея самой матери. – Она закатила глаза.

– Я слышала про Замороженных Шарлотт, – сказала Софи. – Но я ни разу не видела их своими глазами.

Бо наклонился и поднял гробик.

– Он открывается?

Нола кивнула и пальцем открыла защелку.

– Она напоминает мне того страшного клоуна из «Оно». Самый худший фильм.

Бо осмотрел куклу, не прикасаясь к ней.

– Самый лучший. Теперь никто больше не посмотрит на красный воздушный шарик, как раньше.

– Это вовсе не делает его отличным фильмом, – с презрением сказала Нола. – Итак, что такое Замороженная Шарлотта?

– Они появились в Викторианскую эпоху и назывались «Замороженные Шарлотты», или «Чарли» для кукол-мужчин, – пояснил Бо. – Это был своеобразный ответ на популярную песенку «Прекрасная Шарлотта», основанную, в свою очередь, на более раннем стихотворении «Труп идет на бал». – Он поморщился. – Это была поучительная история для детей, особенно для юных леди, об опасностях тщеславия и непослушания. Именно об этом говорят слова на крышке гроба. Кукол делали из фарфора, поэтому эта до сих пор в идеальном состоянии, да и стоили они очень дешево, что добавило им популярности. Одно время их даже запекали в тортах ко дню рождения. Однако не у всех у них имелись собственные гробики, так что эта ваша – особенная.

– Звучит духоподъемно и идеально подходит для детей, – сказала Нола.

– Эти чокнутые викторианцы, – сказал Бо и улыбнулся. – Они также обожали посмертные фотографии близких и даже делали украшения из волос усопшего.

– Ты уверен, что это викторианский стиль? – спросила Софи.

– Да, определенно, – ответил Бо, протягивая ей гробик.

– Значит, он не из цистерны, – сделала я вывод. – Все, что мы уже извлекли из нее, относилось к середине и концу восемнадцатого века.

– Но какое значение имеют пуговицы? – спросила Софи, вынимая из гробика перламутровую пуговицу с нарисованными тюльпанами.

Бо внимательно рассмотрел ее.

– Хороший вопрос. Я могу позвонить бабушке – она, наверное, знает. На самом деле у нее есть коллекция Замороженных Шарлотт.

– Конечно, знает, – пробормотала Нола как раз в тот момент, когда снаружи прогудел автомобильный клаксон. – Это миссис Рэвенел, – сказала она, поднимая свой рюкзак.

– Увидимся в субботу в магазине, – сказал Бо. – Надо будет помыть передние витрины. Мы ожидаем партию итальянской хрустальной посуды, и Амелия хочет поставить ее туда.

Я заметила, как Нола стиснула зубы – совсем как и Джек, когда он пытался притвориться, будто ему все до лампочки. Не говоря ни слова, она вышла из кухни. Несколько мгновений спустя за ней хлопнула входная дверь.

Бо с улыбкой повернулся ко мне:

– Милая девушка. Временами слегка чувствительная, но очень милая. Кстати, говоря о чувствительности…

Софи не дала ему договорить:

– Погоди, Бо. У меня еще не было возможности рассказать Мелани.

Волосы на моем затылке зашевелились, предупреждая меня сразу о двух вещах: мне не понравится то, что должна была рассказать мне Софи, и нас на кухне было только трое.

– Рассказать… что именно? – спросила я.

Бо вскинул руки:

– Извините. Я не хочу поднимать панику или что-то типа того. Но когда я впервые приехал в Чарльстон, я прочел книгу Марка Лонго «Похоть, жадность и убийство в Священном городе». Думаю, вы в курсе, что вы упомянуты в книге вместе с утверждением о том, что вы способны разговаривать с призраками.

Я бросила взгляд на Софи. До меня дошло, что она имела в виду, когда представила меня Бо как подругу, о которой она ему рассказывала. Существуй такая штука, как лазерные кинжалы для глаз, Софи пришлось бы тушить небольшие пожары, которые грозили бы испепелить ее отвратительный шарф. Или же, в целях настоящего

наказания, я заставила бы ее носить однотонный темно-синий и без всякого намека на бахрому.

– Не в курсе, потому что не читала, – сказала я, повернувшись к Бо.

По его лицу промелькнула улыбка, как будто в подтверждение того, что я уклонилась от ответа на незаданный вопрос.

Бо между тем продолжил:

– Я познакомился с доктором Уоллен-Араси на лекции Чарльстонского библиотечного общества о Филипе Симмонсе и рассказал ей про свой подкаст. Она сказала мне, что вы подруги.

Я многозначительно посмотрела на Софи, как бы добавляя слово «бывшие».

– Ваш «подкаст»?

– Да, мэм. Я веду паранормальный подкаст о реальных историях о привидениях. Это просто хобби, которым я увлекся пару лет назад, потому что мне это интересно.

– Я понятия не имею, что такое «подкаст», но, если в описании есть слово «паранормальный», мне, вероятно, не нужно больше ничего слышать.

– Конечно, я понимаю. Доктор Уоллен-Араси предупредила меня. Просто я надеялся… – Он покачал головой. – Ладно, ерунда. – Бо выпрямился и улыбнулся. – Так вот, я выясню, знает ли что-нибудь моя бабушка о пуговицах, и составлю смету на новую ограду. Возможно, вы увидите, как я фотографирую и делаю замеры, но я обещаю вас не беспокоить.

– Звучит здорово. Спасибо, Бо. И когда будете думать об ограде, рассмотрите самые разные варианты, есть множество материалов намного дешевле железа, которые надежны и при этом хорошо смотрятся.

У него и у Софи одновременно вытянулись лица – такое выражение вполне могло быть у людей, на которых надвигалось цунами.

– Да, мэм.

Я подошла к задней двери и открыла ее.

– Была рада познакомиться с вами. Софи, я поговорю с тобой позже. – Я улыбнулась ей, но была уверена, что в ее глазах промелькнул страх – И… Бо?

– Да, мэм?

– Если вы еще хоть раз назовете меня «мэм», вы можете стать темой собственного подкаста.

Он улыбнулся, и я не смогла больше на него сердиться. Улыбка Джека, похоже, производила на меня тот же эффект.

– Да, мэм… Мелани.

Краем глаза я уловила некое движение. Мы все как по команде повернули головы и увидели Замороженную Шарлотту в ее гробу. Правда, гроб стоял на прилавке у холодильника, а не на столе, где мы ее оставили.

– Я ничего не видел, – сказал мой новый знакомый.

Я посмотрела на него. Бо в упор смотрел на поразительно подвижный крошечный гробик.

– Я тоже, – согласилась я. Он на миг посмотрел на меня, а затем быстро отвернулся, оставив меня гадать, как много Софи рассказала ему. И почему.

Закрыв за ними дверь, я прислонилась к ней, закрыла глаза и в миллионный раз задумалась о том, что случилось с моей когда-то спокойной и упорядоченной жизнью.

Глава 4

Чувствуя себя подавленной при виде двух других машин, я припарковала свою позади «Бюро недвижимости Гендерсона». В мои дни до Джека, до того как родители, сестра и дети стали частью моего мира, моей жизнью была моя работа. Мое имя всегда было на вершине таблицы лидеров продаж, и я гордилась тем, что всегда приходила на работу первой. До недавнего времени.

Я узнала серебристый минивэн риелтора Кэтрин Хименес и бледно-голубую «Камри» нашей секретарши Джолли Томпсон. Проходя мимо, я потрогала капот минивэна Кэтрин. Двигатель уже остыл. Очевидно, если я хочу снова претендовать на место в таблице лидеров, мне нужно вставать еще раньше.

Не то чтобы я не любила новые дополнения к моей жизни. Я дорожила каждым из них и ни на что не променяла бы даже минуты, проведенной с моей новой семьей. Но последний месяц научил меня тому, что мое эго и уверенность в себе столь же тверды, как и теплое желе. Моя работа – единственное, что получалось у меня хорошо. Если даже не сказать, отлично. Более того, она придавала мне сил справиться с другими неурядицами в моей жизни.

Я распахнула дверь и прежде, чем Джолли успеет открыть рот и предупредить Кэтрин, что я здесь, приложила палец к губам. Не то чтобы я не люблю Кэтрин, потому что не любить было невозможно. Она была доброй, отзывчивой, с энтузиазмом относилась ко всему и на редкость энергична. Еще она приносила мне бесконечный запас домашней выпечки, что я ценила, так как дома мне отказывали в мучном.

Однако Кэтрин меня утомляла. У нее было четверо детей, о чем свидетельствовали все эти спортивные и школьные наклейки на заднем стекле ее минивэна и фотографии в рамках на ее рабочем столе и разбросанные по ее офису, как конфетти. Она уволилась с работы в мире технологий, чтобы оставаться дома с детьми, и только недавно

получила лицензию риелтора. Поначалу мне было ее жаль, мне не давал покоя вопрос, где она найдет время, чтобы стать эффективным риелтором, но это было до того, как она начала делать крупные продажи и привлекать прибыльные объявления.

Ей понадобилось всего два месяца, чтобы прочно закрепить свое имя наверху доски почета, в то время как мое имя сползало вниз, пока, наконец, где-то в декабре не исчезло совсем. Я больше не жалела Кэтрин и изо всех сил старалась избегать ее или, по крайней мере, держаться от нее на расстоянии, чтобы остаться целой. Она напомнила мне ураган, всасывающий весь воздух в комнате, а затем, прежде чем вы понимали, что произошло, закручивающий его волчком.

Не помогало и то, что она была превосходной матерью и волонтером. Имея в отличие от меня четверых детей и никакой няни, она успевала больше и делала успешную карьеру. Это угнетало и деморализовало. Я могла выносить ее только в малых дозах и только после того, как выпивала достаточно кофе, чтобы держать себя в тонусе.

Джолли неодобрительно покачала головой (поскольку она – как и все остальные – обожала Кэтрин), ее серьги в виде стрекоз закачались в мочках ее ушей. Она подтолкнула мне небольшую стопку розовых бумажек с записями, скрепленных в порядке их дат. У нас была автоматизированная система для сообщений, но Джолли была в курсе, что я предпочитала читать свои в бумажной форме, и инстинктивно знала, что мне нравится, когда они расположены в порядке дат. Вот почему я проголосовала за щедрую рождественскую премию для нее.

Я кивнула в знак благодарности и, радуясь, что Кэтрин разговаривает по телефону, на цыпочках направилась в свой кабинет.

– Вы забыли кого-то снаружи? – громко прошептала Джолли.

– Что? – Я обернулась и посмотрела сквозь стеклянную входную дверь нашего бюро.

Джолли стояла с хмурым лицом, глядя на улицу.

– Там была женщина… она шла прямо за вами, но внутрь не зашла. – Она в упор посмотрела на меня. – Она казалась… мокрой. Как будто только что попала под ливень.

Я подошла к двери и, открыв ее, посмотрела туда-сюда на Брод-стрит. Кроме пробегавшего мимо любителя бега, рядом не было никого, кто мог бы только что находиться перед нашим зданием. И уж

точно никого мокрого. Я посмотрела на ясное голубое небо с изящными белыми облачками. Но, взглянув вниз, на тротуар, я безошибочно увидела, что из-за угла вели мокрые следы женских ног моего размера, а вот обратных следов не было видно. Они просто заканчивались у входной двери.

Не обращая внимания на покалывание в затылке, я покачала головой и снова вошла в вестибюль.

– Не знаю, что вы могли видеть, но там никого нет.

Проходя мимо Джолли, я широко улыбнулась, проигнорировав застывший в ее глазах вопрос, и произнесла безмолвную молитву, чтобы она не вышла на улицу и не увидела следы. Голосом чуть громче шепота я сказала:

– В девять часов ко мне должны прийти мистер и миссис Лонго. Пожалуйста, отправьте их прямо в мой кабинет. И не предлагайте им кофе, я не хочу, чтобы они оставались дольше, чем нужно.

Джолли показала мне большие пальцы, ее зеленые глаза за темной оправой очков были серьезными.

Я наполовину открыла дверь своего кабинета, когда услышала, как меня окликнула Кэтрин.

– Мелани! Очень рад, что ты вернулась в офис. Мы все скучали по тебе. – Она подмигнула нашей секретарше. – Надеюсь, ты не возражаешь, что Джолли нас предупредила. Просто она хотела, что тебя тепло встретили.

Я посмотрела в широко распахнутые голубые глаза Кэтрин. Ее светлые волосы были безукоризненно уложены – каждая прядь знала свое место. Она улыбалась, как мажоретка, которой когда-то была в Технологическом институте Джорджии. Ее облегающее платье с расклешенной юбкой демонстрировало все еще завидной стройности ноги.

– О, спасибо. Я рада вернуться.

Кэтрин подняла пластиковый контейнер.

– Вчера у нас был вечер семейной выпечки. Мы с Хавьером любим устраивать его с детьми. Мы приготовили пралине, и поскольку я знаю, как ты любишь сладкое, я принесла тебе немного.

Хотя мне и было стыдно за то, что я избегала ее, я все же взяла контейнер из ее рук.

– Спасибо, Кэтрин. Очень мило с твоей стороны.

Она улыбнулась:

– Угощайся. А теперь, если ты меня извинишь, у меня сегодня шесть показов, закрытие сделки, балетная и футбольная тренировки плюс собрание Дочерей американской революции. Трудный день!

Я кивнула. Она попрощалась и, создав вслед за собой сквозняк, поспешила в вестибюль и к выходу. Не успела я расположиться за столом, как дверь моего кабинета открылась. Я удивленно подняла глаза и тотчас разинула рот, не зная, что предпочесть – то ли грохнуться обморок, то ли изобразить спокойствие и равнодушие.

– Доброе утро, Мелли, – сказал Джек, ногой закрывая за собой дверь. Его руки были заняты: он держал две большие чашки кофе из пекарни Рут, причем одна была с высокой прозрачной пластиковой крышкой, чтобы вместить все взбитые сливки. – Я подумал, что ты не откажешься от кофе.

Поставив обе чашки на мой стол, он снял кожаную куртку – мой ему подарок на наше первое совместное Рождество – и небрежно сел на стул по другую сторону моего рабочего стола.

Я быстро закрыла рот и попыталась придумать что-то небрежное, чтобы не выдать при этом учащенного сердцебиения или внезапной сухости во рту.

– Спасибо, – выдавила я. Взяв свою чашку и сняв с нее крышку, я уткнулась в нее лицом, чтобы попробовать сливки, – лишь бы перестать пялиться на него так, как утопающий смотрит на плавающую доску. Более-менее восстановив самообладание, я выпрямилась и спросила: – Почему ты здесь?

Джек сделал глоток кофе.

– Разве сегодня утром у тебя не назначена встреча с Марком и Ребеккой?

– Да, но мне казалось, ты сказал, что не собираешься присутствовать на ней.

Он не ответил. Его взгляд переместился к моему рту, и мои внутренности тотчас начали выделывать забавные кульбиты.

– Верно, но потом я передумал. Ты не должна разговаривать с ними в одиночку. Марк и Ребекка должны видеть в нас единый фронт.

Я почувствовала, как мой желудок и сердце поменялись местами.

– Мне казалось, тебе все равно.

– Конечно, мне не все равно, – спокойно сказал он и откинулся на спинку стула. – И если тебе предоставить свободу действий, у тебя есть дурная привычка соглашаться на вещи, которые совершенно не в наших интересах.

Его взгляд остался прикован к моему рту. Он поднес указательный палец к своим губам и вытер что-то невидимое.

Это движение отвлекло меня, помешав вникнуть в смысл его слов. Он вновь что-то смахнул со своих губ, а его взгляд скользил между моими глазами и моим ртом.

– Мелли, – сказал он, снова наклоняясь вперед и протягивая руку.

«Да», – прошептали в унисон мой разум и сердце. Но, к счастью, не мой рот. Вместо этого он провел пальцем по уголку моего рта, и на кончик его пальца налипла капля взбитых сливок. Он тотчас же вытер ее об обернутую вокруг его чашки салфетку, стерев заодно посетившую меня безумную мысль о том, чтобы слизать эту каплю с его с пальца.

– О, спасибо, – сказала я, откидываясь на спинку стула. – Для протокола: я ни разу не сказала и не сделала ничего с намерением тебя обидеть.

– Знаю. Но твое намерение – не проблема. Это результат. Ты мгновенно переходишь от намерения к действию, не задумываясь о сопутствующем ущербе. Что делает тебя очень непростым человеком для совместной жизни. Мне всегда кажется, что я должен спать с одним открытым глазом.

Я слышала каждое его слово, но никак не могла связать их воедино и вникнуть в их смысл. Наверно, я слишком долго жила одна и независимо. Помню, как в пятом классе я получила записку от учительницы, которую должна была принести домой, отцу. «Плохо ладит с другими детьми». Возможно, именно это имел в виду Джек.

– Дело в моем этикеточном пистолете? Могу выбросить его, если это поможет.

Джек тяжело вздохнул и потер рукой щетину на подбородке – этот звук был мне до боли знаком.

– Эх, Мелли…

Резкий стук в дверь не дал ему договорить. Дверь распахнулась. На пороге стояли Марк и Ребекка, за ними смущенная Джолли.

– Простите, Мелани, они не захотели ждать, пока я доложу о них.

– Все в порядке, Джолли… – Это все, что я смогла выговорить, прежде чем мои слова утонули в объятиях Ребекки.

Моя кузина была с ног до головы в розовато-лиловом, включая лиловые сапоги и ленту для волос. Это был ее новый оттенок, чтобы избежать ее обычного ярко-розового, который, по ее мнению, слишком бросался в глаза на фоне нового цвета волос Марка. Завышенную в стиле ампир талию ее платья для беременных венчал еще один розовато-лиловый бант. К счастью, с ней не было ее собачки Пуччи, возлюбленной Генерала Ли и матери Порги и Бесс. Обычно на них были одинаковые наряды, и я сомневалась, что сегодня утром я выдержу это.

– Как твои дела? – сказала она, преувеличенно нахмурив брови. Тот факт, что она одновременно обнаружила, что беременна и что у Марка есть любовница, не охладил ни ее кокетства, ни приверженности браку. И даже если я сочла бы это достойным уважения в других людях, в случае Ребекки это было за гранью моего понимания.

Джек встал и, засунув руки в карманы, в упор посмотрел на Марка.

– Рад видеть тебя на свободе, Мэтт, – сказал он, намеренно исказив имя, как он делал с тех пор, как они – два противника – встретились впервые. – Не уверен, что одобряю твой новый цвет волос, но мы не будем видеться слишком часто, так что это не имеет значения.

Я впервые увидела Марка после той ночи на кладбище, когда его волосы необъяснимым образом поседели. Или все же объяснимым. В конце концов, невидимые руки затащили его в мавзолей. По словам Ребекки, этот опыт сделал его более мягкой и кроткой версией самого себя, но у меня было сильное подозрение, что это временно. У Марка Лонго, которого знала я, вместо сердца был кусок угля, и требовалось нечто большее, нежели сильный страх, чтобы превратить его в нечто, напоминающее нормальное человеческое существо.

Седые волосы на мгновение отвлекли меня, заставив забыть, что он примерно моего возраста, а не дряхлый, глубокий старик. Он был нашим врагом, и я была вынуждена постоянно напоминать себе, что независимо от того, как он выглядел или что Ребекка говорила о нем,

это был все тот же Марк Лонго, которого я знала. И что Марк Лонго не был ни другом, ни родственником.

Марк ухмыльнулся. На этот раз в его ухмылке было меньше льстивости, чем раньше.

– Как продвигается книга, Джек?

Если я что-то и усвоила с тех пор, как познакомилась с Джеком, так это то, что у писателя лучше не спрашивать, как продвигается его новая книга. Этот вопрос вызвал чувство неадекватности, сомнения и явную панику. Лицо Джека осталось спокойным, но я заметила тик на его щеке.

– Отлично продвигается… спасибо, что спросил.

Джек прошел через комнату и, подтащив к моему столу стул, поставил его рядом с тем, который он только что освободил.

– Давайте ближе к делу, чтобы я мог заняться более приятными вещами. Например, натиранием груди воском.

Я снова села за свой стол. Джек подождал, когда Ребекка и Марк сядут напротив меня, после чего присел на угол стола и улыбнулся:

– Я просто останусь здесь на всякий случай. Вдруг Мэтт попытается стибрить карандаш или что-то в этом роде и мне нужно будет его остановить. У него липкие пальцы.

Марк покачал головой. Он выглядел скорее раздраженным, нежели обиженным.

– Послушайте, я пришел сюда, чтобы заключить перемирие. На тот случай, если вы спрятали головы в песок и не знаете, что съемка будет происходить независимо от того, хочется вам этого или нет. Скажу следующее: Харви Бекнер и другие продюсеры не отступят. Вы подписали контракт, и если только не хотите, чтобы на вас подали в суд, я бы посоветовал вам соблюдать его положения.

Джек любезно кивнул, но тик на его щеке усилился.

– Но если у меня нет выбора, то к чему эта встреча? Мне кажется, что наши юристы очень четко изложили нашу позицию. Если нам придется урегулировать спор в суде, мы на это готовы. Нам нет причин встречаться лицом к лицу. Пребывание с тобой в одной комнате вызывает у меня кишечное расстройство, что мне совершенно ни к чему.

Ребекка чопорно сложила руки на коленях.

– Мы с Марком решили созвать эту встречу, потому что мы одна семья. И поскольку мы одна семья, мы уверены, что сможем продолжить съемки на взаимовыгодной основе. Вы бы избежали необходимости опустошить свой банковский счет, а также продать один-единственный рубин, чтобы профинансировать ненужный и опрометчивый судебный процесс, а Марк снял бы свой фильм. Мы хотим, чтобы все прошло как можно более гладко, чтобы съемочная группа могла быстро приходить и уходить, а вы и ваша семья не испытывали бы лишних неудобств. Мы хотим сотрудничать, а не быть противниками. Потому что мы одна семья.

Джек взял мой стаканчик для карандашей и принялся переворачивать каждую ручку и карандаш вверх тормашками. Я внутренне съежилась и даже села, подложив под себя собственные руки, чтобы не вырвать стакан из его рук и поставить все как следует. Джек продолжал улыбаться.

– Я мог бы в это поверить, Ребекка, если бы у нас с твоим мужем не было такой длинной истории отношений. И не будь у него репутации лжеца и вора.

Сжав кулак, Марк вскочил было со стула, но Ребекка прижала руку к его ноге.

– Только без рукоприкладства. Мы тут все взрослые люди. Почему бы нам не обсудить все спокойно и здраво?

– Как только вы назовете нам истинную цель своего визита. Если Харви одержим тем, чтобы мы выполнили наш контракт, нам не о чем говорить. Это дело в руках юристов. – Джек поставил стакан обратно на мой стол, и карандаши торчали из него вкривь и вкось, и встал. – В противном случае я ухожу.

Ребекка, вопросительно подняв брови, посмотрела на мужа.

– Хорошо, – сказал Марк, правда, с лицом человека, который вдруг понял, что его нижнее белье ему жмет. Он глубоко вздохнул. – Его… важно, чтобы этот фильм был снят и чтобы не было никаких судебных исков или иных осложнений, которые могли бы ему помешать или задержать его съемку и выход на экраны.

– Фильм по моей книге, которую ты у меня украл. – Джек направился к двери. – Я уже услышал достаточно. Возможно, я тоже смогу сегодня записаться на колоноскопию. Все что угодно, что сделает мой день ярче.

Джек уже подошел к двери, когда Ребекка вскочила.

– Нам нужен кредит.

Джек замер на месте и какое-то время оставался в полной неподвижности. А когда медленно повернулся, на его лице застыло выражение, которое я видела только однажды, когда он лежал на дне открытой могилы и смотрел на меня.

Он поковырял пальцем в ухе.

– Извини. Кажется, я не расслышал. Или меня внезапно забросило в альтернативную вселенную. Потому что нигде в реальном мире вам двоим даже в голову не пришло бы просить нас о чем бы то ни было после всего, что вы сделали, чтобы навредить мне и моей семье. Либо ты ударился головой о ступени мавзолея сильнее, чем я думал изначально, либо ты невероятно туп, что я всегда знал.

Марк встал и начал застегивать пиджак.

– Пойдем, Ребекка. Я же говорил тебе, что это бесполезно.

Она свирепо посмотрела на него, а затем перевела взгляд на меня.

– Ты неправ, потому что мы с Мелани – одна семья. – Ребекка положила руки на живот. – И потому что наш ребенок будет крестницей Мелани.

Старая Мелани, у которой никогда не было лучшей подруги, которую никогда не выбирали в команду по кикболу на детской площадке и которая никогда не была подружкой невесты, мысленно поаплодировала, в то время как остальная часть меня перевела испуганный взгляд с Ребекки на Джека и Марка.

– О, да ладно, – сказал Джек. – Ты действительно думаешь, что Мелани купится на твое «мы одна семья»?

Когда я ничего не сказала, он переключил внимание на меня.

– Что, Мелли? Ведь так?

И хотя я терпеть не могла привычку Ребекки манипулировала мной, она все-таки была моей родственницей. Более того, бывали моменты, когда она была мне почти другом и, пытаясь помочь мне, делилась своими вещими снами. Я не могла просто взять и повернуться к ней спиной.

– Послушайте, почему бы нам всем не сесть и не выслушать их? – Я указала на стулья перед своим столом.

Джек бросил на меня предостерегающий взгляд.

– Я постою, – сказал он, когда Марк и Ребекка неохотно вновь заняли свои места, – на тот случай, если мне захочется расстаться с завтраком.

Я укоризненно посмотрела на него: обычно так смотрят на канючащего малыша или угрюмого подростка.

– Ребекка, может, ты все же расскажешь нам, что происходит? Но я не хочу делать вид, будто все, что сказал Джек, – неправда, так что постарайся придерживаться правды.

Марк сидел в каменном молчании. Ребекка – скромно сложив руки чашечкой над едва заметным животиком. Она была всего лишь в конце первого триместра. Я невольно вспомнила, как к концу первого месяца я выглядела так, словно была на грани родов.

Ребекка откашлялась.

– Марк… то есть мы – за последние несколько месяцев потерпели неудачу в нескольких инвестициях, причем не по нашей вине.

Джек фыркнул, и я послала ему предостерегающий взгляд.

Ребекка опустила глаза.

– И я уверена, что вы слышали про иск Энтони против нас. Он требует свою долю в имуществе их дедушки. – Она помолчала. – Он утверждает, будто Марк обманул его в отношении винодельни и прочего имущества.

Мы с Джеком переглянулись. Мы не знали, что брат Марка подал на него в суд. Узнав, что Энтони приударял за Джейн по наущению Марка, чтобы шпионить за нашими поисками клада, мы не хотели иметь с ним ничего общего. Хотя неудивительно, что, когда дело касалось Марка, Энтони, в конце концов, постоял за себя и дал брату отпор.

– В результате у нас есть… возникла небольшая проблема с наличностью. Мы знаем, что теперь, когда вы нашли рубины, ваше финансовое положение укрепилось, и мы хотели бы обсудить ссуду. Нам просто нужно, чтобы фильм вышел вовремя и в рамках бюджета и имел успех в кинотеатрах. Агент сказал Марку, что, если так и будет, он может рассчитывать за свою следующую книгу на огромную сумму.

Джек приподняв брови и состроил гримасу.

– Ты же знаешь, – наконец сказал он, – что для продажи книги требуется предоставить оригинальный материал, верно? Я не дам тебе украсть у меня следующую идею. Не то чтобы это имело значение. Ты

не только зря тратишь наше время, но и, похоже, потерял всякую связь с реальностью. – Он сделал шаг к двери.

Но слова Марка остановили его.

– Я могу вернуть тебе твою карьеру. Когда съемки завершатся, я признаюсь в дезинформации, которая могла непреднамеренно запятнать твою репутацию, а также репутацию твоего предыдущего редактора и агента.

Я знала: Марк практически признавался, что это он поставил на карьере Джека жирный крест. Что это он заплатил людям, чтобы те обвинили редактора Джека в нарушениях, и оказал денежную помощь агенту Джека, чтобы тот досрочно вышел на пенсию, по сути, оставив его сиротой. Мы никогда не узнаем в полной мере, что еще сделал Марк, но он воспользовался шатким положением Джека в его издательстве после того, как книга Джека о нашем доме на Трэдд-стрит так и не вышла в свет из-за воровства Марка. Предполагалось, что эта книга станет спасательным кругом Джека, что она даст новый толчок его карьере после мрачного провала его предыдущего труда и публичного разоблачения его содержания. Вместо этого книга Джека не только не попала в списки бестселлеров, но и перед его носом внезапно захлопнулись двери издательств, и его карьера зависла на неопределенный срок. Для человека, чья личность была тесно связана с его карьерой, это было сродни медленной смерти.

Джек спокойно, но с прищуром смотрел на Марка. На его лице осталось то же недоверие, что и у близнецов, когда я пыталась спрятать кусочек брокколи в кекс.

– Непреднамеренно. – Джек с подчеркнутым сарказмом повторил это слово. Интересно, я единственная, кто заметил вспышку интереса в его глазах?

– Более или менее, – сказал Марк, даже не пытаясь изобразить раскаяние. – Независимо от причины я знаю, что твоя нынешняя редакторша еще желторотый птенец, никогда не читала твоих книг и хочет, чтобы Ким Кардашьян прорекламировала твою следующую книгу. И у тебя нет агента, который бы подсказал твоей редакторше, куда ей засунуть ее идеи, потому что ни один мало-мальски достойный агент не отвечает на твои телефонные звонки.

Джек усмехнулся, но тик на его щеке теперь пульсировал, как отбойный молоток. Он небрежно прислонился спиной к моему столу и

закинул одну ногу на другую.

– И ты мог бы это исправить?

– Мог бы.

Ребекка откашлялась:

– Есть кое-что еще, не так ли, Марк?

У Марка был вид человека, сидящего в кресле дантиста. Он кивнул. Сглотнул.

– Да. Мы готовы отдать вам двадцать пять процентов нашего чистого дохода от фильма.

Джек поднял брови.

– Если я одолжу тебе денег.

– Да.

– И если мы отступим и позволим съемочной группе беспрепятственно войти в наш дом.

– Да.

– Пусть это будут пятьдесят процентов. Грязными.

– Это… – начал было Марк, но колючий взгляд Ребекки не дал ему договорить. – Тридцать пять, – возразил он.

– Пятьдесят, или мы уходим. Это не подлежит обсуждению.

Марк кивнул. Его губы были плотно сжаты, отчего они казались почти такими же белыми, как и его волосы.

Джек мельком взглянул на меня, затем снова повернулся к Марку.

– Я не уверен, что доверять тебе – в наших интересах. Мой первый инстинкт – бежать. Но моя жена по непонятным мне причинам считает тебя и Ребекку родней. – Джек в упор посмотрел на меня. – Мы с Мелани должны обсудить это вместе.

При слове «жена» мое сердце екнуло.

– А если мы все-таки утратим здравый смысл и дадим согласие, мы требуем для себя ряд уступок. Во-первых, съемка должна быть ограничена нижним этажом дома и садом, так как именно там происходит большая часть действия. Остальные сцены Харви может снять где-нибудь в павильоне. Это не подлежит обсуждению. Мелли и моим детям не придется прерывать свою обычную жизнь. Я знаю, что контракт предусматривает проживание в гостинице на время съемок, которые, как было согласовано ранее, не должны длиться ни на один день дольше, чем восемь недель. Это наш дом. Мы остаемся в нем. Даже не пытайся отговорить нас от этого – это бесполезно.

Во-вторых, – и опять же это большое «если», – если мы решим это сделать, мы попросим нашего юриста составить договор со всеми условиями займа, включая повышенную процентную ставку. Эта ставка будет увеличиваться с каждой неделей, если основная сумма долга не будет погашена в полном объеме после окончания срока кредита. И, в-третьих, – Джек усмехнулся, – сторона или стороны, ответственные за нарушение контракта, должны будут выполнить свою часть соглашения, при этом потерпевшая сторона не будет нести ответственность за свою.

– Я не уверен, что Харви… – начал Марк.

– Конечно, – перебила его Ребекка. – Марк урегулирует условия с Харви. У Харви многое зависит от успеха фильма, и ему, как и Марку, не терпится приступить к съемкам, поэтому он наверняка согласится. И мы также позволим вашему адвокату проработать детали. После того как вы с Мелани их обсудите, разумеется. – Она встала и, раскинув руки, подошла ко мне и взяла обе мои руки в свои. – Я так рада, что мы одна семья.

Джек оторвался от стола и шагнул в сторону, вне досягаемости рук Ребекки.

– Думаю подписаться на ancestry.com, чтобы удостовериться в этом.

Ребекка рассмеялась:

– Потому что я такая маленькая и белокурая, а Мелани… нет? О, не говори глупостей. Мы из Чарльстона. Наше генеалогическое древо было практически вытатуировано у нас на груди в тот момент, когда мы родились. – Она посерьезнела. – В переносном смысле, конечно.

– Разумеется, – сказал Джек, сопроводив сказанное ледяным взглядом.

Мы с Джеком проводили Марка и Ребекку до двери.

– Будем на связи, – сказала я, когда они вышли в коридор.

– Как скоро? – спросила Марк с ноткой паники в голосе.

– До свидания, – сказал в ответ Джек и перед носом Марка захлопнул дверь.

По другую сторону двери повисла долгая тишина, а затем послышались звуки медленных, удаляющихся шагов. Я посмотрела на Джека и поняла, что мой нос почти касается его подбородка. Он не отступил, а я застыла, не в силах даже пошелохнуться.

– Так что ты думаешь? – негромко спросил он. Мне показалось, что его голос также прозвучал похотливо, хотя, возможно, я просто приняла желаемое за действительное.

Я пару раз прочистила горло и сглотнула.

– Мне кажется, ты слишком легко согласился об этом подумать. Приятно, что ты принял во внимание мои чувства по поводу помощи семье, но мы оба знаем, что эти чувства не распространяются на Марка. Что заставляет меня думать, что у тебя имеется свой собственный план.

Он лениво улыбнулся:

– Помнишь поговорку, что держать друзей надо близко, а врагов еще ближе? Скажем так, я вижу здесь возможность, о которой не догадывается Марк. Похоже, у меня, наконец, появится шанс победить его в его же игре. – Он посмотрел на часы. – Расскажу тебе обо всем этом позже. А сейчас мне нужно бежать.

– На эпиляцию груди?

Джек усмехнулся:

– Не совсем. Ивонна Крейг попросила меня помочь перевезти коробки для ее гаражной распродажи, – сказал он, имея в виду восьмидесятилетнюю библиотекаря-исследователя. Его взгляд стал серьезен. – Если мы согласимся, это будет означать присутствие съемочной группы в доме, пока ты в нем живешь. Но мы никоим образом не можем позволить Марку беспрепятственно шляться по нашему дому.

Я кивнула, стараясь не смотреть на его губы:

– Я знаю.

– И нам не нужен дополнительный стук по ночам из-за этих киношников.

– Верно. Но тебе хотя бы заплатят за твою историю. В этом есть доля справедливости, тебе не кажется? Даже если это всего лишь пятьдесят процентов, а не сто, которых ты заслуживаешь. Но это уже что-то. И нам не придется тратить деньги, предназначенные на образование детей, на судебную тяжбу.

Мой голос звучал почти так же хрипло, как и его собственный.

Его глаза скользнули к моим губам, и я почувствовала, что качнулась вперед. Мои глаза были закрыты, сердце бешено

колотилось. На миг я испугалась, что на моем лице все еще могут быть взбитые сливки.

Руки Джека нежно сжали мне плечи, мои губы коснулись пустого воздуха.

– С тобой все в порядке, Мелли? Было похоже, что ты вот-вот упадешь.

– Извини. – Я смущенно отступила назад.

Его глаза потемнели – признак того, что он тоже почувствовал притяжение. Он застегнул пиджак и направился к двери.

– Спасибо, Мелли. Поговорим позже, хорошо? И как только мы с тобой договоримся об условиях, я дам Харви Бекнеру ровно неделю на то, чтобы согласиться, иначе сделка будет расторгнута. Он уже позаботился о необходимых разрешениях еще в декабре, поэтому ему нет никаких причин тянуть. Он может приступить к съемкам, как только на контракте высохнут чернила.

– Звучит неплохо. – Я заставила себя улыбнуться, глядя, как он вышел за дверь и закрыл ее за собой. Я все еще стояла как вкопанная, когда он открыл ее снова.

– Мелли?

– Да?

– Это был почти поцелуй номер… э-э-э?.. – сказал он, имея в виду шутку, которая была у нас до свадьбы.

– Я не помню. – Я выпрямилась. – Возможно, мы можем начать сначала. Считай это почти поцелуем номер один.

Он печально улыбнулся:

– Ладно, я подумаю. Хотя я не особо верю в еще один шанс. – Он снова закрыл за собой дверь, и я слушала, как его шаги стихают в коридоре.

Я долго смотрела на закрытую дверь, затем снова села за стол и, вытряхнув на него содержимое стакана, принялась раскладывать карандаши и ручки по размеру и цвету. Мои опасения по поводу того, как быстро Джек согласился рассмотреть предложение Марка, уступили в моей голове место воспроизведению слов Джека, когда он назвал меня своей женой, что убедило меня в том, что, несмотря ни на что, он этого не забыл.

Глава 5

Неделю спустя я ехала по Куин-стрит, более чем на полчаса раньше до назначенного показа дома. Кэтрин Хименес сжалилась надо мной и передала мне клиента, так как сама была по горло завалена делами. Я была ей жутко благодарна и даже не стала лгать, будто я сама едва успеваю жонглировать собственными клиентами, чтобы еще подбирать за ней ее клиентов.

Приняв в самый последний момент решение остановиться, я притормозила перед домом Вероники. Десяток строительных машин не дал мне припарковаться поблизости, и я была вынуждена пешком пройти два квартала до желтого викторианского дома Вероники. Шагая, я улыбалась про себя, вслушиваясь в шум и суматоху строительства, счастливая от возможности признать, что, по крайней мере, один из моих планов и в самом деле работает.

Когда я приблизилась, меня встретило завывание циркулярной пилы, звук почти столь же приятный, как и груда старых досок в маленьком переднем дворе. Софи распорядилась, чтобы для замены изъеденных термитами карнизов или половиц не использовалась никакая новая древесина, что значительно удлинило сроки ремонта. Надеюсь, так будет до тех пор, пока я не услышу все, что Адриенна хотела мне сказать, и пока тайна ее смерти не будет раскрыта.

Подойдя к подъездной дорожке, я узнала зеленый «ягуар» моей свекрови. Багажник был открыт. Как всегда, ходячее воплощение вкуса и элегантности, Амелия – в ярко-синем костюме от Шанель из букле и на шпильках того же цвета – нагнулась и вытащила из него стопки каталогов.

Я бросилась к ней.

– Давайте я вам помогу, – предложила я.

– О, Мелани. Я так рада тебя видеть! – сказала она и, поцеловав меня в обе щеки, вручила мне тяжелую стопку бумаг. Затем Амелия откинулась назад и вытащила еще одну стопку. Ловко балансируя ею в

одной руке, она другой нажала кнопку, чтобы закрыть багажник. – Будь добра, помоги мне внести это внутрь.

– Конечно. До моей следующей встречи у меня есть немного времени, поэтому я решила зайти и поговорить с Вероникой о… – Я чуть было не сказала «об Адриенне», но вовремя остановилась. Амелия была лучшей подругой моей матери и матерью Джека и, скорее всего, знала о моем «особом даре», но мы никогда не говорили с ней на эту тему. Она инстинктивно понимала, что мне легче общаться с людьми, когда я могу притворяться нормальный. – О ее поисках нового дома, – закончила я.

Мы направились к парадным ступеням. Я взглянула на стопку буклетов в моих руках.

– Для чего они?

– Это последние каталоги аукционов антикварной мебели. Вероника попросила меня помочь ей с оценкой стоимости мебели в ее доме. Поскольку они переезжают в дом меньшей площади, маловероятно, там найдется место для всех их вещей. Хорошо, что ты здесь, так как, возможно, мы включим часть вещей в продажу дома. Все, что останется, я могу взять для нашего магазина.

– Мне кажется, думать наперед никогда не рано, – сказала я, пытаясь удержать свою стопку и позвонить в дверь. – Вероника хочет подождать, пока дом не будет выставлен на продажу. А я помогу ей и Майклу найти новый.

– Что, по словам Вероники, может затянуться надолго. – Амелия подмигнула мне, и я улыбнулась.

Она наклонила голову, изучая меня, как если бы я была статуэткой майсенского фарфора с отбитым носом.

– У тебя усталый вид, – сказала она, сочувственно на меня глядя. – Эта ваша размолвка… – она покачала головой. – Я не принимаю ничью сторону. Я слишком давно замужем и знаю, что этого лучше не делать. Но я очень надеюсь, что вы с Джеком скоро сами это поймете. Дети скучают по тебе, когда вы не вместе, и я даже не представляю, как сильно ты скучаешь по ним, пока они не с тобой. Не говоря уже о том, как сильно Джек каждый день скучает по Ноле.

Я смогла лишь кивнуть, зная, что если открою рот, то наверняка разревусь. Я скучала по Джей-Джею и Саре каждое мгновение, когда их не было со мной рядом. Точно так же, как я скучала по тому, как

первым делом утром мы с Джеком входили в детскую, чтобы до начала рабочего дня провести с ними время до телефонных звонков, болтовни и доставки Нолы и ее подружек в школу.

Циркулярная пила завизжала снова, заглушая все другие звуки, а также необходимость что-то ответить. Но тут дверь открылась, и Вероника пригласила нас внутрь, но не раньше чем я уловила характерный запах духов «Ванильный мускус».

– Привет, Амелия и – какой приятный сюрприз – Мелани.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я заглянула к тебе.

– Конечно нет, – сказала Вероника, закрывая за нами дверь.

Я с трудом узнала обычно темное фойе и лестницу. Ступени закрывали бумажные дорожки, на всю тяжелую викторианскую мебель были накинуты белые простыни. В доме пахло опилками и краской, периодические удары молотка подчеркивали ровное завывание циркулярной пилы снаружи.

– Здесь лучше, – сказала Вероника, ведя нас в библиотеку.

За темно-бордовым кожаным диваном в стиле честерфилд и таким же креслом вдоль стен тянулись полки с книгами. Древний письменный стол с выдвижной крышкой был придвинут к круглому окну, которое я узнала по башне снаружи. Она закрыла пару раздвижных дверей, и мы вместе вздохнули в относительной тишине.

Вероника с виноватой улыбкой помогла нам выгрузить нашу ношу на библиотечный стол с ножками на маленьких колесиках.

– Я попросила Софи оставить эту комнату напоследок, – объяснила Вероника, – чтобы нам было где спрятаться от всех этих строительных работ. – Она бросила на меня встревоженный взгляд. – Майкл вот-вот тронется умом. Не знаю, сколько еще он сможет выдержать, прежде чем решит просто продать все как есть.

Она указала на диван.

– Почему бы вам двоим не присесть, а я пойду займусь подносом с чаем? Линдси сделала немного знаменитой сырной соломки своей бабушки, и должна сказать, что она лучше той, которую я могу купить в магазине.

Вероника вышла из комнаты, а в следующий момент я затылком ощутила знакомое покалывание. Кто-то легонько потянул за рукав моего платья, и меня окутало легкое облако запаха «Ванильного мускуса».

Амелия взяла каталог и, глубоко вздохнув, снова положила его на место.

– Мелани, дорогая, – сказала она, повернувшись ко мне. – Ты знаешь, что я люблю тебя, как родную дочь, поэтому ты должна знать, что я желаю тебе только всего самого лучшего. А значит, я считаю своим долгом сказать тебе, что я думаю по поводу того, что вы с Джеком дали согласие на съемки фильма в вашем доме, пока ты живешь там одна с Нолой и двумя детьми. Это небезопасно.

– В самом деле, Амелия, все в порядке. Мы договорились, что при желании мы можем временно переехать в отель. Эта опция действует на все время съемок. Поскольку съемочная группа имеет доступ лишь в определенные комнаты внизу, а наверх вход запрещен, в нашу частную жизнь никто вторгаться не будет, она останется в неприкосновенности. Просто я не хочу нарушать жизнь детей больше, чем то необходимо, особенно сейчас. Мы с Джеком не в восторге от того, что Марк получит неограниченную свободу копаться в наших личных вещах. Честное слово, со мной все будет в порядке…

– Твои родители тоже так считают, – словно не слыша меня, сказала она. – Они были у нас вчера вечером на ужине. Мы все согласились, что это не идеальная ситуация, и большую часть вечера пытались найти подходящее решение.

– И никто не догадался позвонить мне и спросить мое мнение?

Она с удивлением посмотрела на меня, как будто кто-то в первый раз прислушался к моему мнению.

– Нет. Полагаю, это потому, что мы знаем, что у тебя сейчас есть более серьезные заботы.

– Да, но… – Амелия похлопала меня по руке. – Я знаю. Ты, безусловно, способна позаботиться о себе и своих детях. Просто нас, как родителей, как бабушек и дедушек, это не может не беспокоить.

– Да, но…

– К сожалению, у нас с Джеймсом нет комнаты, а то мы бы с радостью взяли тебя к себе. Твои родители предлагали тебе и детям переехать к ним, но нам кажется, что увезти детей и Нолу от всего, что им знакомо, – не самый лучший выход из ситуации. Поэтому мы объединили наши усилия и нашли решение, которое, по нашему мнению, сработает лучше всего.

Я откинулась назад и с прищуром посмотрела на нее. Раньше я ни разу не видела этой манипулятивной стороны Амелии Тренхольм, возможно, потому, что ее обычно маскировали добрая улыбка и костюм от Шанель. Но она была матерью Джека.

– И?

– Мы подумали, что будет лучше, если Джек вернется обратно. Разумеется, в гостевую комнату. Пусть поживет там до тех пор, пока не закончатся съемки. Или пока вы не помиритесь.

И она обнадеживающе улыбнулась.

Я бы солгала, если бы сказала, что мысль о возвращении Джека – независимо от причин – никак не влияла на мой сердечный ритм. Я могла бы даже составить мысленный список всего, что мне нужно сделать, начиная с бритья ног, прежде чем он доберется туда. Увы, осознав, что в этом плане недоставало одного компонента, я тяжело откинулась на спинку дивана.

– Джек никогда не согласится. Он найдет другое решение, не связанное с тем, чтобы жить со мной под одной крышей.

По лицу Амелии промелькнула улыбка, которую я бы назвала не иначе как заговорщицкой. Она потянулась и снова похлопала меня по руке.

– Предоставь это нам.

В моей голове промелькнуло воспоминание о том, как Джек, захлопнув у меня перед носом дверь, оставил меня стоять одну в фойе нашего дома.

– Поверьте мне. Джек не готов. И все такой же упрямый, что и всегда. Если он действительно чего-то не хочет, невозможно уговорить его это сделать. И в данный момент он определенно не хочет жить вместе со мной.

Раздвижная дверь снова скользнула в сторону, звук строительных работ на мгновение сделался громче, и внутрь, балансируя подносом в одной руке, а другой закрыв за собой дверь, вошла Вероника.

– Технически он не будет жить вместе с тобой. И вообще, дареному коню в зубы не смотрят, – тихо добавила Амелия, вставая, чтобы помочь Веронике с подносом.

Узел, который начал скручиваться в моем животе, когда Амелия впервые обмолвилась о возвращении Джека домой, при виде сырной

соломки и чая со льдом затянулся еще туже. Я посмотрела на часы, радуясь, что мне не пришлось лгать.

– Вероника, у меня показ, поэтому я не могу остаться. Я просто заскочила, чтобы снова подняться на чердак, посмотреть, что еще я могу найти. Ты упомянула, что у Адриенны был плеер для компакт-дисков. Он был в коробке с остальными ее вещами?

Вероника нахмурила брови:

– По идее да, где же еще ему быть, но я не припомню, чтобы я видела его, когда рылась в ящике Адриенны вместе с детективом Райли. Хотя могла и пропустить. Я несколько раз отворачивалась. Слишком много воспоминаний. – Она помахала перед лицом рукой, словно пыталась остановить слезы. – С тех пор я там не была. Но ты можешь пойти и взглянуть еще раз.

Кто-то еще настойчивее дергал меня сзади за платье.

– Спасибо. – Я подошла к раздвижным дверям, которые Вероника только что закрыла. Повернувшись к Амелии, я едва не сказала: «Удачи». Вместо этого я просто помахала рукой и вышла в фойе, зная, что ей понадобится чудо и бульдозер, чтобы заставить Джека Тренхольма сдвинуться с места.

* * *

Невидимая пара рук толкала меня вверх по лестнице все три этажа до самого чердака. Дверь – когда я добралась до нее – услужливо открылась сама по себе. Я обернулась, чтобы проверить, нет ли свидетелей, и, никого не увидев, облегченно вздохнула.

Я закрыла за собой дверь и встала посреди мрачного пространства. С тех пор как я в последний раз была здесь, похоже, ничего не изменилось. На одном из толстых подоконников стоял фонарь «молния» из пыльного стекла с толстой красной рождественской свечой внутри. Вдоль стен по-прежнему притаились зачехленные силуэты мебели, составляя компанию детским игрушкам, в том числе тряпичной кукле Рэггеди Энн. Мне показалось, будто я увидела в черных глазах-бусинках какое-то движение, и резко обернулась, чтобы посмотреть, не было ли это чьим-то отражением. Но нет, там не было ничего, кроме стойкого запаха духов Адриенны.

Грязные витражи отбрасывали на чердачный мрак водянистую радугу, создавая впечатление, будто он находится под водой: пылинки напоминали крошечные пузырьки воздуха, всплывающие на поверхность. Я на мгновение затаила дыхание, прислушиваясь к тишине, которая вовсе не была тишиной. Скорее как будто кто-то рядом со мной замер в ожидании того, что вот-вот произойдет. Я медленно вздохнула, уверенная, что я не одна.

– Адриенна?

Я ожидала знака: звука, неожиданного движения детской качалки, ждавшей в углу. Даже привидения. Но это было в повадках духа Адриенны. Она как будто ждала, предвкушая, что вот-вот что-то произойдет. Казалось, она приберегала свою энергию, приберегала для тех моментов, когда чувствовала необходимость ее высвободить. Или всякий раз, когда ей нужно было что-то показать мне, подумала я, вспоминая красную подушку и внезапное появление золотой цепочки Адриенны с кулоном «Омега Хи» и местом для пропущенной буквы. Снова и снова я, похоже, продолжала неправильно понимать подбрасываемые мне подсказки.

Я встала на колени перед картонной коробкой с вещами Адриенны из ее комнаты в общежитии. Все четыре створки были открыты, завитки высохшей упаковочной ленты валялись на полу рядом, как я их и оставила. Я узнала альбом женского студенческого общества, стопку фотографий и приглашений на различные мероприятия в кампусе, бейсбольную кепку с логотипом Университета Южной Каролины.

Я подняла бейсболку. Интересно, почему она здесь? Было похоже, что ее ни разу не надевали, что заставило меня предположить, что, возможно, это подарок Вероники, которая училась в Университете Южной Каролины. Положив ее на пол, я начала опустошать коробку в поисках плеера и всего, что могло подсказать мне, что же все-таки случилось с Адриенной.

Вскоре рядом с коробкой уже выросли груды сувениров первокурсниц: бордово-золотистые помпоны, стопка разноцветных пластиковых стаканчиков с отслаивающейся краской, которой были помечены различные события. Я вытряхнула и сложила с полдюжины толстовок Чарльстонского колледжа и общества «Омега Хи», после чего вытащила стопку вдвое большего количества футболок.

Порывшись среди рубашек, я нашла засунутый между ними ежегодник. Вытащив его, я поднесла корешок к свету, падавшему через витраж: «Комета». Внутреннюю сторону передней и задней обложки украшали десятки подписей и пожеланий с множеством сердечек и смайликов. Я широко раскрыла книгу и встряхнула в надежде на то, что из нее что-то выпадет. Когда же из нее не выпало ничего, я положила ее на пол. Все в этой коробке уже давно было изучено и перепроверено полицией Чарльстона, а совсем недавно – детективом Томасом Райли, которому поручали работу над нераскрытыми делами. Я не рассчитывала найти что-то новое. Я просто ждала, когда Адриенна скажет мне, не пропустили ли мы что-то важное.

Когда я вытащила его из коробки, браслет из засушенных роз осыпался мелкими хлопьями. Не знаю почему, но я поднесла его к носу, как будто хотела уловить что-то от той ночи, частью которой он был, и девушки, которая его носила. Но все, что я смогла уловить, это слабый запах «Ванильного мускуса». И запах тления.

Я положила его поверх растущей кучи и снова переключила внимание на коробку. Теперь мне было видно картонное дно, усеянное рассыпанными пластиковыми бусинами из клубка спутанных и сломанных карнавальных ожерелий – желтых, зеленых, фиолетовых.

Снова сунув руку в коробку Адриенны, я вытащила стопку старых журналов. Сверху лежал номер журнала «Севентин» с фотографией актрисы Клэр Дейнс в джинсовой куртке и тизером по верху обложки: «Когда твои друзья предают тебя».

Вынув из почти пустой коробки стопку журналов, я обнаружила старую гарнитуру с наушниками из трухлявого пеноматериала. Положив журналы на пол, я вернулась к наушникам и под ворохом косынок проследовала за проводом их подключения. Моему взору предстал ярко-розовый плеер. Сквозь меня тотчас пробежала волна дрожи, а мимо пронесся сильный аромат духов Адриенны. Я вытащила плеер из коробки, чувствуя себя так, будто я только что открыла капсулу времени.

Почти вся поверхность плеера была покрыта завихрениями белого порошка, уже сбившегося в комки. Не иначе как это был порошок для снятия отпечатков пальцев. У меня никогда не было проигрывателя компакт-дисков, но хотя это устройство было для меня в новинку, было

нетрудно понять, что оранжевая жидкость, просочившаяся из батарейного отсека на задней панели, означает, что батарейки никогда не вынимались. И что, если я нажму кнопку ОТКРЫТЬ, поднимется верхняя крышка.

Я заглянула в пустую полость. Пыль для снятия отпечатков пальцев была щедро насыпана и сюда же. Отсутствие в плеере диска заставило меня задуматься, не изъяла ли полиция компакт-диск Лори Андерсон, о котором упоминала Вероника, чтобы сохранить его в качестве улики.

Стараясь не касаться аккумуляторной кислоты, я вернула плеер обратно в коробку, а затем аккуратно положила поверх него все остальное, чтобы оставить все точно в том состоянии, в каком я нашла эти вещи. Закончив, я встала и отряхнула с колен пыль.

– Хорошо, Адриенна. Я ничего не нашла. Что ты хотела, чтобы я увидела? – Я не ожидала ответа, однако надеялась хотя бы на какой-то знак. Ведь кто, как не она, осторожно подтолкнула меня вверх по лестнице, значит, здесь наверняка есть что-то такое, что она хотела, чтобы я увидела. Я подождала. – Ну, ладно, – раздраженно сказала я и направилась к двери.

Я попробовала повернуть ручку, но та не поддавалась. Я пробовала еще несколько раз, но так и не смогла ее повернуть. Я вытерла руку о юбку и попробовала еще раз. Ничего. Дверь не была заперта. Такое ощущение, будто кто-то держал ручку с другой стороны.

– Давай, Адриенна! – Я кулаком стукнула в дверь. – Мне пора. Пожалуйста, выпусти меня.

Я попробовала еще раз, и вновь ничего. Обернувшись, я прислонилась спиной к двери и внезапно различила металлический звук музыки, как будто доносившейся из далеких наушников. Я вернулась к ящику, чтобы снова все из него вынуть, и по мере того, как я приближалась ко дну, музыка звучала все громче. Я узнала слова «О, Супермен», произнесенные через вокодер, и мои руки заработали быстрее. Но как только я нашла плеер, музыка прекратилась.

– Хорошо, – сказала я, осторожно вынимая плеер и возвращая на место остальное содержимое коробки. – Теперь я могу уйти? – Я с дрожью повернулась к двери. Странная рябь в спертом воздухе обдала

мою кожу холодом. Я протянула руку и повернула дверную ручку. Ничего.

Я взглянула на часы.

– Адриенна, мне пора идти. Пожалуйста, выпусти меня. – Каким-то чудом я сумела скрыть панику в голосе. Как жаль, что я не взяла с собой мобильный телефон, а оставила его в сумочке в библиотеке. На всякий случай я еще раз повернула дверную ручку.

Я снова обернулась, и мой взгляд остановился на ежегоднике, лежавшем на полу рядом с коробкой. Я была почти уверена, что клала его обратно в коробку, но спорить не стала. Я подняла его и положила на него плеер.

– Ты хотела, чтобы я их взяла?

Чтобы проверить мою теорию, я повернула дверную ручку. К моему облегчению, та легко повернулась, и я открыла дверь. Я застыла наверху лестницы, в странном подвешенном состоянии, как будто удерживаемая на месте двумя разными силами. Затылок мне обдало ледяное дыхание. В пустом воздухе возле моего уха кто-то прорычал неразборчивые слова. Затем кто-то толкнул меня, и я, кувыркаясь, полетела вперед. Внезапность этого толчка отключила мой мозг, лишив возможности контролировать свои руки и ноги.

Прежде чем я, прижимая к груди проигрыватель компакт-дисков и ежегодник, достигла нижней ступеньки, мое неконтролируемое падение – столь же внезапно, как и толкнувшая меня сила, – остановили чьи-то руки.

– С вами все в порядке? – Рабочий в забрызганной краской футболке и джинсах посмотрел на меня, а затем на чердачную дверь, которая захлопнулась, когда я спустилась по лестнице.

– Да, все нормально. Спасибо, – сказала я, стараясь не выдать дрожи в голосе. – Просто я неуклюжая.

Он перевел взгляд с двери на меня и кивнул.

– Как скажете. – Не оборачиваясь, он попятился от ступенек к ведру с краской в конце коридора.

Крепко сжимая в руках проигрыватель компакт-дисков и ежегодник, я сбежала по ступенькам в фойе, и все это время меня как будто легонько подталкивала в спину чья-то рука. Лишь когда я снова села в машину и поехала на встречу, меня начало трясти. Мой мозг медленно распутывал то, что только что произошло, переводя рычание

в слова. Вспоминая их, как и те, что сказала моя мать, когда держала в руках сломанный кулон Адриенны, который Вероника и Томас нашли в коробке и который я теперь носила на шее: «Ты не хочешь знать правду».

Я нажала на педаль акселератора, лишь бы поскорее оказаться где угодно, но только не в одиночестве.

Глава 6

Ранним вечером в понедельник я сидела за кухонным столом, работая над таблицей личностного роста. Нола сидела рядом со мной и делала домашнее задание. Сара и Джей-Джей восседали на своих высоких стульчиках и играли с хлопьями «Чириос» – то грызли их, то бросались ими. У нас с Нолой в доме были отдельные рабочие места, но после возвращения миссис Хулихан нас обеих потянуло на кухню, чтобы быть рядом с экономкой, пока она готовила ужин. Мы этого не планировали, но было ясно, что ни одна из нас не хочет вновь применять на практике свои примитивные кулинарные навыки. Быть рядом с миссис Хулихан означало, что она не сможет сбежать через черный ход. Даже собаки ходили за ней по пятам, столь же обрадованные ее возвращению, сколь и возможностью поживиться упавшими кусочками еды.

– Вы сегодня ужинаете только вдвоем? – уточнила миссис Хулихан с обиженным выражением лица, уперев руки в свои внушительные бедра. Она не привыкла к тому, что кто-то вторгался в ее владения, пока она колдовала у плиты.

– Только мы, – сказала я, широко улыбнувшись. – Но мы умираем с голоду. И определенно съели бы ужин для двоих.

– Или троих, – с воодушевлением кивнула Нола. Было важно, чтобы миссис Хулихан чувствовала себя нужной.

Нежно улыбнувшись близнецам, миссис Хулихан дала им свежих хлопьев из коробки, но как только она начала наполнять чайник водой, ее лицо вновь стало кислой гримасой.

Раздался звонок в дверь. Нола подняла голову и встретилась со мной взглядом. Несмотря на заверения Рича Кобилта, что дверной звонок якобы полностью исправен, он работал только тогда, когда в него звонил кто-то, кого мы хотели видеть. Именно поэтому Ребекка обычно была вынуждена стоять снаружи на веранде.

Стараясь не морщиться, я потерла под столом квадрицепсы.

– Тебе придется открыть дверь. Мои ноги слишком болят, чтобы стоять. – Как я и обещала, я уже дважды бегала с Джейн и уже жалела о своем решении возобновить пробежки. Я снова посмотрела на свою таблицу, в которую добавила еще две строки с заголовками: «Будь приветлива с Ребеккой» («Спланируй вечеринку подарков») и «Подготовь дом к съемкам» («Позвони Греко»).

Нола встала и заглянула через мое плечо.

– Правда, Мелани? Ты напоминаешь себе быть приветливой с Ребеккой? Я, конечно, понимаю, что это непросто, и все же… – Схватив из вазы с фруктами, стоявшей посредине стола, яблоко, она откусила кусочек и отправилась открывать дверь. – Не могу дождаться, когда снова увижу Греко, – пояснила она.

Она уже прошла сквозь вращающуюся дверь, прежде чем я успела напомнить ей, что некрасиво разговаривать с набитым ртом.

Миссис Хулихан открыла дверцу холодильника и громко вскрикнула.

Я резко вскочила со стула, мои ноги «взвизгнули» в знак протеста.

– Что-то не так? – спросила я, ковыляя к ней.

Она обернулась, сжимая в руке небольшой предмет.

– Мне придется поговорить с Нолой о том, что она напугала меня этой… штуковиной. Сегодня утром я нашла ее посреди комнаты. Со мной чуть не случился сердечный приступ.

Даже не глядя, я отлично знала, что это за предмет. Замороженная Шарлотта пропала накануне, и я отдавала себе отчет в том, что напрасно даже надеяться, что она исчезла навсегда.

Я взяла из рук домоправительницы железный, ледяной на ощупь гробик.

– Извините, миссис Хулихан. Я обязательно поговорю с Нолой. – Я доковыляла до стула и сунула игрушку в портфель. Знай миссис Хулихан хотя бы про половину происходящих в доме странностей, она бы давным-давно уволилась.

От моей головы отскочил кусочек «Чирио». Я резко повернулась к сидевшим на высоких стульчиках близнецам, желая найти виновника. Оба ангельских личика расцвели улыбками, пухлые ручки потянулись мимо меня к тому, кто только что вошел в кухню.

Но и без их реакции статического электричества, которое внезапно загудело вокруг меня, хватило, чтобы сообщить мне:

в комнату вошел Джек.

– Мистер Джек! – Миссис Хулихан радостно раскинула руки, ее пышные телеса вздрогнули от возбуждения.

– Миссис Хулихан, – произнес он с таким же энтузиазмом, заключая ее в объятья, какие можно было бы описать только как медвежьи. Несмотря на внушительные кулинарные способности миссис Хулихан, я никогда не испытывала к ней ни малейшей ревности. До настоящего времени.

Отпустив экономку, Джек шагнул к детям, чтобы осыпать их поцелуями. Я же использовала эти мгновения для того, чтобы заново устроиться на стуле и казаться лишь слегка заинтересованной, но отнюдь не взволнованной присутствием Джека. Я демонстративно уставилась в монитор компьютера, хотя, если честно, даже не видела, что там на экране.

– Я думаю, что версия 107 – вполне оптимистичная догадка, но я давно бросил вести счет.

Голос Джека раздался рядом с моим ухом. Он наклонился, чтобы прочитать, что там у меня на экране. Я вздрогнула. Мой стул взбунтовался и выскользнул из-под меня.

От падения меня спасли две сильные руки, которые я почувствовала до самого сердца, а вот стул рухнул на пол, испугав младенцев и собак. Те на пару мгновений умолкли, а затем Джей-Джей расхохотался.

Джек медленно отпустил меня и поднял стул.

– Возможно, «уважительное отношение к мебели» должно стоять в самом начале списка.

Мой рот непроизвольно открывался и закрывался, как у умирающей рыбы, но, несмотря на все мои годы работы в продажах, я не смогла найти ни единого слова. Оставалось лишь надеяться, что безумное биение моего сердца не видно под моим платьем.

– Джек… – наконец выдавила я. Я откинулась назад, чтобы небрежно опереться на стол, но неправильно рассчитала расстояние и вместо этого захлопала руками, словно крыльями.

Уголок его рта пополз вверх.

– Привет, Мелли.

Я глубоко вздохнула, приказывая телу успокоиться.

– Что ты здесь делаешь? – Я пододвинула к себе настольный календарь. – Я напортачила с графиком посещений? – Я чуть было не добавила «как будто», но вспомнила, что пытаюсь быть более зрелой.

– Папа принес чемодан! – сказала Нола.

– Погоди. Что? – Я вспомнила наш с Амелией разговор. Зная, что Джека нельзя заставить вернуться под одну крышу со мной, я не стала воспринимать его всерьез. И все же он был здесь. Я подавила желание ткнуть в него вилкой, чтобы убедиться, что он настоящий. – Никто не говорил мне…

Джек скрестил на груди руки.

– Мать сказала, что упомянула о том, что было бы неплохо, если бы я остался здесь на все время съемок, и что ты не возражала. Съемочная группа будет здесь в среду, чтобы начать подготовку, поэтому я хотел опередить их и помочь подготовить дом к предстоящему натиску.

Забыв, что стою недостаточно близко к столу, я снова попыталась откинуться назад и вновь, словно крыльями, взмахнула руками.

– Да, но ты не позвонил, чтобы сообщить мне. – Я упорно пыталась замаскировать свой энтузиазм под обвинение.

– Просто я боялся передумать. И я не думал, что ты скажешь «нет».

– То есть Марк соблюдает свою часть договоренностей?

– Да. – Он похлопал по своему пакету. – Он подписал все бумаги, и они все здесь. Мы можем еще раз их изучить и подписать, чтобы наше соглашение вступило в силу. Не то чтобы я ему доверял, конечно. Но он не получит от нас ни рубина, пока сначала не выполнит все условия.

Но миссис Хулихан перебила его.

– Вы останетесь на ужин? – спросила она, уже потянувшись за коробкой лапши из цельнозерновой муки.

Джек посмотрел на меня:

– Это зависит от Мелли.

Я сделала вид, что задумалась:

– Что ж, если ты считаешь, что так будет лучше, то тебе лучше остаться. – Мы оба вели себя так, как будто окончательное решение было за мной.

– Пойду накрою на стол, – сказала Нола, и все, включая близнецов, повернулись к ней. Обычно она исчезала, когда чувствовала, что миссис Хулихан готовит обед, и не слышала нас, когда мы звали ее на помощь, но как только наступала пора есть, ее слух внезапно обострялся.

– Я только что постелила на кровать чистые простыни, мистер Джек, и я позабочусь о том, чтобы в главной ванной для вас были свежие полотенца.

Чтобы не выдать своих надежд, я занялась сохранением электронной таблицы тремя разными способами, так что мне удалось скрыть мое разочарование ответом Джека.

– Вообще-то, миссис Хулихан, я расположусь в гостевой комнате. Я знаю, где лежат простыни, и вполне способен сам заправить постель.

– И я непременно буду запирать свою дверь, – произнес Джек одновременно со мной, потому что я тоже сказала:

– И я непременно буду запирать свою дверь.

Правда, только один из нас не покривил при этом душой.

Вряд ли мне показалось, будто миссис Хулихан хмыкнула, когда она повернулась к плите.

Нола только что вернулась в кухню, как в дверь вновь позвонили.

– Ты сейчас, скорее всего, отправишь меня открыть дверь, – сказала она так, словно несла на своих хрупких плечах тяжесть всего мира.

– Только если ты хочешь, чтобы тебя сегодня вечером покормили, – предложил Джек.

Тяжело вздохнув, Нола снова вышла из кухни. Через несколько секунд она вернулась с Бо Райаном. Но если тот шагал за ней с приятной улыбкой на лице, то Нола явно была раздражена, а ее щеки пылали. Джек и Бо уставились друг на друга, ожидая, что Нола что-нибудь скажет, но она, что было для нее совсем не свойственно, смутилась.

Наконец Бо протянул Джеку для рукопожатия руку и представился.

– А вы, должно быть, отец Нолы. Рад наконец познакомиться с вами, мистер Тренхольм.

– Аналогично, – сказал Джек, с силой тряхнув руку Бо. Мне показалось, что тот вздрогнул. – Чем мы можем быть вам полезны?

– Вообще-то я пришел к Мелани. Я обещал ей узнать кое-что о том, что, возможно, находилось в цистерне за домом.

– Возможно? – переспросил Джек.

– Мы так думаем, – сказала я. – Нола нашла это в своей комнате. – Я достала из портфеля Замороженную Шарлотту в ее маленьком гробике и, поставив игрушку на стол, открыла крышку. – И она лежит на постели из старинных пуговиц.

Впервые от гроба потянуло запахом дыма, причем достаточно едким. Я даже закашлялась.

– Кто-нибудь еще чувствует этот запах?

Ответом мне стали пустые лица стоявших вокруг стола.

Сара издала со своего высокого стульчика пронзительный крик. Ее взгляд был прикован к крошечной кукле в гробу. Дочь сучила ручками и ножками, как будто пыталась вырваться. Джек подхватил ее на руки, и она прижалась к нему и уткнулась лицом ему в шею. А вот Джей-Джей, похоже, ничего не замечал. Зажав в кулачке свой вездесущий венчик, – по непонятной причине он еще в младенчестве выбрал его в качестве любимой игрушки, – он деловито пытался носом подобрать с подноса хлопья «Чирио».

Держа в руке, словно орудие мщения, деревянную поварешку с пятнами красного соуса на краю, миссис Хулихан повернулась к нам лицом.

– И я нашла это… эту штуку в холодильнике. Это было не очень приятно, Нола.

Нола посмотрела на меня большими глазами. Я быстро покачала головой, и она с полным раскаяния видом повернулась к экономке.

– Извините, миссис Хулихан. Я не буду больше этого делать.

Бо не сводил глаз с Нолы. На его лице застыло задумчивое выражение.

– Я была бы признательна. – Миссис Хулихан повернулась ко мне: – Еще один на ужин?

– Да, – сказала я.

– Нет, – одновременно со мной сказала Нола. Джек приподнял бровь и вопросительно посмотрел сначала на Нолу, затем на Бо.

– Если, конечно, у тебя нет других планов, – уточнила я.

– Только если это не проблема, то с удовольствием, – ответил он, словно не замечая колючего взгляда Нолы. – Давненько я не ел

домашней еды. Сижу на лапше рамен и пицце пепперони. И моих фирменных макаронах с сыром и нарезанными хот-догами.

– Так ты не веган? – спросил Джек, и его лицо оттаяло.

– Нет, сэр. Мне нравится еда, у которой есть вкус. Я ничего не имею против овощей, но дайте мне к ним раков и колбасу андуй. Или сочный стейк, или гамбургер, или и то и другое. – Он похлопал себя по плоскому животу. Мой собственный живот громко заурчал.

Я повернулась к Ноле:

– Будь добра, поставь на обеденный стол еще один прибор для Бо, хорошо?

С очередным тяжким вздохом она достала из ящика столовое серебро и, с силой задвинув несчастный ящик на место, удалилась в столовую.

– Ты сказал, что у тебя есть что-то для меня? – напомнила я Бо.

– Да. – Бо полез в свой рюкзак и вытащил пластиковый контейнер для сэндвичей. – Извините, что я немного опоздал к вам… у меня был школьный проект, а затем мне пришлось ждать, когда моя бабушка пришлет мне это. – Он поставил контейнер на стол, и мы с Джеком шагнули ближе, чтобы посмотреть, как Бо открывает крышку.

Коробка была полна старых пуговиц самых разных размеров, дизайна и материала. На дне контейнера лежали тонкие полоски высохших кожаных ремешков, сморщенные, как мертвые дождевые черви на летнем тротуаре.

Нола вернулась, однако встала на нашей стороне стола, а не рядом с Бо.

– Похоже, пуговицы раньше были нанизаны на шнурки или кожаные ремешки, – изрекла она, внимательно рассмотрев содержимое коробки.

– Очень хорошо, – сказал Бо, и его взгляд остановился на Ноле.

Ее щеки сделались пунцовыми.

– Всего лишь предположение, но эти кусочки старой кожи здесь и на дне гроба Шарлотты как бы говорят об этом.

Нола протянула руку и, вытащив медную пуговицу с гравировкой в виде геральдической лилии, взялась перекатывать ее между мозолистыми пальцами.

– Играешь на гитаре? – полюбопытствовал Бо.

Щеки Нолы вновь зарделись.

– Немного.

Мы с Джеком переглянулись. Скромность была не в характере Нолы.

– Я тоже, – признался Бо. – Мне нравится звук акустической гитары, наверное, потому, что я помню, как моя мама играла мне на гитаре, когда я был совсем маленьким. Она даже сама сочиняла песни.

– Моя мама тоже, – тихо сказала Нола, не сводя глаз с пуговицы между пальцами.

Мы с Джеком одновременно потянулись к ней и заключили Нолу в неловкое групповое объятие. Впрочем, зная нелюбовь Нолы к телячьим нежностям, мы с Джеком тотчас же отстранились. Правда, там, где Джек прикасался ко мне, моя кожа все еще горела.

– Итак, – сказала Нола, бросая пуговицу обратно в коробку, – почему они были вместе с куклой по имени Замороженная Шарлотта?

Бо почесал затылок.

– Мы не совсем уверены. Мими – это моя бабушка – тоже собирает амулеты. Она считает, что эти пуговицы в гробу могут быть от них. Но она не уверена, почему они вместе, хотя и кукла и пуговицы из Викторианской эпохи.

– Амулеты? – переспросил Джек, проводя пальцем по пуговицам.

– Да. Так делали девушки в шестидесятых годах девятнадцатого века. Они пришивали или нанизывали пуговицы на кусок ткани или полоску кожи. Когда они добавляли тысячную пуговицу, это означало, что они якобы скоро встретят мужчину, за которого выйдут замуж. – Бо усмехнулся. – Думаю, до пришествия социальных сетей у девушек была масса свободного времени.

– У девушек? – Нола с вызовом скрестила на груди руки.

– У юношей тоже, – быстро добавил он. – У Мими есть целая секция в задней комнате магазина с антропоморфными таксидермиями и диатомовыми композициями, что доказывает, что и у парней имеется склонность к странным занятиям. У нее там есть целая кроличья школа и кошачья свадьба с проповедником и кафедрой. И неплохая коллекция диатомовых композиций с использованием крыльев бабочек и лапок насекомых. Довольно круто, правда? Рекомендую посмотреть это в Интернете – я управляю их веб-сайтом, и эти страницы получают наибольшее количество просмотров.

Нола наморщила нос:

– Ты унаследовал свою странность от бабушки или это присуще всей твоей семье?

Бо серьезно посмотрел на нее:

– Не знаю. Мои родители пропали без вести во время урагана «Катрина», пытаясь разыскать мою младшую сестру. Мне было всего пять лет, поэтому я мало что о них помню.

Нола зажмурилась:

– Я… извини… Я не… – Она умолкла, понимая, что любых извинений будет недостаточно.

– Мне любопытно, Бо, – сказал Джек. – Когда я служил в армии, я знал доктора Боргарда Райана из Нового Орлеана. Однажды он подлатал меня в Афганистане. Это, случайно, не твой родственник?

В глазах Бо как будто что-то мелькнуло, но он не вздрогнул.

– Да, сэр. Это мой отец.

Джек кивнул, хотя лицо его ничего не выражало.

– И ты не знаешь, что случилось с твоей матерью или отцом после «Катрины»?

Бо ответил не сразу:

– Нет, сэр.

Повисло молчание. Мы все поняли: Бо не намерен больше ничего добавлять. Неловкую тишину милосердно прервал писк мобильника нашего гостя, возвестивший о текстовом сообщении. Бо вытащил его из кармана и посмотрел на экран.

– Извините. Спасибо за приглашение остаться на ужин, но мне пора. У моего партнера по подкасту технические проблемы с оборудованием, и я должен посмотреть, смогу ли я устранить неисправность, прежде чем мы сегодня вечером начнем запись.

– Ничего страшного, – сказала я. – Надеюсь, мы сможем сделать это в другой раз в ближайшее время.

Он кивнул:

– И спасибо вам, миссис Хулихан. Пахнет очень вкусно… Жаль, что мне не удастся попробовать. – Бо протянул Джеку руку. – Был рад познакомиться с вами, сэр.

– Аналогично, – сказал Джек с бесстрастным выражением лица.

– Бо, – сказала я, – раз уж ты зовешь меня Мелани, думаю, тебе следует звать его Джеком.

– Вообще-то «сэр» – это нормально. Или мистер Тренхольм. – Джек улыбнулся.

– Да, сэр, – смущенно ответил Бо, засовывая контейнер обратно в рюкзак.

Что-то заставило меня обнять Бо. Возможно, то, что он сказал про своих родителей и сестру. Или же я только что узнала точно такое же потерянное выражение лица, которое было у Нолы, когда та впервые появилась у моей входной двери.

– Спасибо, что принес пуговицы и поговорил обо всем с бабушкой. Я это очень ценю.

– Всегда рад помочь. – Бо повернулся к Ноле, которая теперь качала Сару, усадив ее себе на бедро. – Увидимся позже. Меня не будет в воскресенье, так что я оставлю тебе на своем столе список вещей. Задняя комната срочно нуждается в хорошей уборке и мытье полов. Каждый раз, когда мне приходится входить туда, у меня начинается аллергия.

Я в упреждающем жесте положила руку на плечо Нолы, чтобы она помолчала.

– Спасибо, Бо. Я надеюсь снова увидеть тебя в ближайшее время.

В мои планы не входило предлагать Ноле проводить его до двери, поэтому я проводила его сама и, прежде чем закрыть дверь, подождала, пока он дойдет до конца веранды.

Обернувшись, я увидела у подножия лестницы Джека с его чемоданом.

– Я подумал, что мне лучше распаковать вещи перед ужином.

– Думаю, ты знаешь, где находится гостевая комната.

– Знаю. – Джек поднял чемодан и начал подниматься по лестнице.

Я пару секунд смотрела на него, а затем выпалила на одном дыхании:

– У Замороженной Шарлотты есть напарник. Он оставил на снегу следы, которые заканчивались у окна столовой. А еще мокрые следы следовали за мной на работу, и я понятия не имею, откуда они взялись, но я не думаю, что это один и тот же человек, потому что они разного размера. Я также взяла с чердака плеер и ежегодник, принадлежавшие сестре Вероники, – вдруг это поможет мне узнать что-нибудь еще об убийстве Адриенны. Я также почти уверена, что на чердаке у Адриенны обитает еще один дух, который не хочет, чтобы я бывала

там. Сегодня в обед я купила в «Финики Филли» очень красивую юбку… нет, не на распродаже, но она классическая и хорошо сшита. Такие вещи никогда не выходят из моды, что оправдает ее цену. Кроме того, она подходит к новым туфлям, которые я купила в «Чарльстонской обувной компании». Я зашла туда лишь потому, что это практически через дорогу от «Бакстон Букс». Я заглянула в него за книгой Марка, чтобы понять, что снимают в моем доме, но в итоге купила еще несколько книг, потому что Софи говорит, что мне нужно читать больше книг, а не ограничиваться лишь чтением объявлений о продаже недвижимости в газетах.

Джек наклонил голову и прищурился. Его губы дернулись, как будто он пытался сдержать смех. Или же не знал, что сказать.

– Ты сказал, что хочешь, чтобы я рассказала тебе все. Я готова.

– Что ж, это уже начало. – И он продолжил подниматься по ступенькам.

Запах гари, который я впервые ощутила, когда мы открыли гробик с Замороженной Шарлоттой, вновь наполнил мне ноздри. Я почувствовала срочную потребность в свежем воздухе. Я вышла на веранду, чтобы вдохнуть прохладный ветерок, и, сделав глубокий вдох, уловила сладкий аромат каролинского жасмина. Его ползучие побеги вились по веранде, как будто бросая вызов прохладному февральскому вечеру.

Я была безмерно счастлива, что Джек вернулся. И пусть он спал в гостевой комнате – это лучше, чем в отдельном доме. Мой разговор с Амелией не шел у меня из головы, как и мой довод, что его невозможно принудить. Что означало одно: независимо от причин, которые он назвал матери или мне, Джек вернулся, потому что он сам этого хотел.

Где-то в глубине моей груди вспыхнула маленькая искра тепла, подарив мне первый лучик надежды с тех пор, как Джек ушел от меня.

Я повернулась, чтобы войти внутрь. Хотя дождя не было вот уже несколько дней, фонарь на крыльце высветил то, что выглядело как лужи на половицах. Я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть, и отшатнулась. Лужи в форме следов тянулись по веранде от самых ступеней и решительно останавливались у входной двери, как будто ожидая, когда их впустят внутрь.

Глава 7

Я проснулась от запаха роз. Полусонная, я прижалась лицом к теплому телу, лежавшему рядом со мной в постели. Радуясь тому, что я в постели не одна, я прижалась еще ближе и потерлась носом о его спину. И ощутила густой мех. Я тотчас открыла глаза и с ужасом увидела в свете прикроватных часов Джека маленькое тельце спящего Генерала Ли, который, похоже, простил меня ровно настолько, чтобы вернуться в мою постель. Я перекатилась на спину и глубоко вдохнула. Пьянящий аромат роз успокоил меня, помогая забыть, что Джек спал в соседней комнате. Я вновь смежила веки и начала погружаться в сон, счастливая от сознания того, что моя семья наконец-то вновь под одной крышей.

Я резко села. Мой взгляд переместился на детский видеомонитор на тумбочке, на котором были видны неподвижные фигуры Джей-Джея и Сары за решетками их кроваток. Запах роз мог означать только одно: вернулась Луиза Вандерхорст. Дух молодой матери, которая когда-то была погребена в нашем садовом фонтане, был не из тех, кто слонялся по дому ради забавы. У нее всегда имелась цель. Луиза появлялась почти как предзнаменование чего-то, что вот-вот должно было произойти. Ожидание неизбежного всегда смягчалось пониманием того, что она вернулась, чтобы защитить детей, пока опасность не минует.

Я, дрожа, выскользнула из постели, надела пушистый халат и тапочки в тон. И то и другое было рождественскими подарками от Нолы. Дверь открылась. Я сделала шаг вперед, но тотчас застыла на месте. Ключ все еще был в замке, но я его не поворачивала. Я отчетливо помнила, как запирала его прошлой ночью – хотя бы потому, что я слышала, как Джек поворачивает ключ в собственном замке.

Я шагнула на ковровую дорожку в коридоре и бесшумным шагом направилась в детскую. Аромат роз между тем становился все сильнее. У входа в комнату я резко остановилась. Ночник в коридоре освещал

зазор шириной в ладонь между косяком и дверью. Я легонько толкнула дверь. Та неодобрительно простонала. В тихом доме этот звук прозвучал громко и пронзительно, как духовой оркестр.

Я застыла на пороге, и меня встретило дуновение пахнущего розами воздуха. Я на цыпочках подошла к кроватке Джей-Джея, чтобы проверить, как он. Его одеяло было тщательно подвернуто вокруг него, а над его краем торчал венчик. Я тотчас отпрянула, представив, как его пухлая, но на удивление сильная ручонка сжимает его любимую игрушку. Кто-то недавно прикрыл его. Рекорд Джей-Джея по лежанию под одеялом приближался к пяти минутам, а мы уложили его спать добрых шесть часов назад.

– Луиза? – прошептала я.

– Не совсем, – раздался мужской голос из угла комнаты.

Мое сердце забилось. Не потому, что я испугалась, а потому, что это был Джек. Я повернулась лицом к углу: там, качая на плече Сару, сидел Джек.

– Здесь Луиза, – тихо сказала я.

– Я знаю. Я услышал, как Сара что-то бормочет, пока стоял в коридоре. Да и температура здесь градусов на пять ниже, чем в остальном доме. – Я чувствовала на себе его взгляд. – Тебе страшно?

Я покачала головой. Возможно, темная комната, освещенная одним лишь ночником, и недостаток сна заставили меня выпалить нечто такое, что прозвучало удивительно похоже на новую Мелли.

– Нет, – ответила я, – потому что ты здесь. С тех пор как я встретила тебя, я ни разу не сомневалась, что нам по плечу что угодно. Главное, чтобы нам быть заодно. – Я чуть не добавила «до сих пор».

Он выдержал мой взгляд, но если и собирался что-то сказать, то момент был упущен. Сара подняла голову, а затем повернулась и потянулась ко мне.

– Мама.

Джек выпустил Сару из рук. Я взяла у него нашу завернутую в одеяло дочь и села с ней в соседнее кресло-качалку. В комнате стояла тишина, не считая тихого поскрипывания кресел-качалок и ритмичного сосания Сарой большого пальца.

Джек нарушил молчание:

– Хорошо, что я уже все собрал в своем кабинете и перевез в квартиру, чтобы не мешать съемочной группе.

– Зачем им соваться в твой кабинет? Контракт оговаривает проведение съемок в фойе, гостиной, столовой и саду.

– Все верно. Но я не стал бы зарекаться, что Марк или Харви не начнут совать туда нос. Кстати, раз об этом зашел разговор, ты уже упаковала столовое серебро? Я не хочу, чтобы кто-то подумал, что его можно брать на сувениры.

Я нежно потерлась подбородком о тонкие, младенческие волосы Сары.

– Это заняло больше времени, чем я думала, так как решила заодно его отполировать. И пересортировать и промаркировать бархатные ящики. Я обнаружила, что гораздо логичнее хранить их горизонтально, чем вертикально. – Я не смогла скрыть гордость в моем голосе. – Софи и Чэд приедут завтра и заберут большую часть по-настоящему ценных вещей на хранение к себе домой.

– Хорошо, – сказал он с улыбкой в голосе. – Я хотел бы снять со стен большую часть картин, но Харви хочет, чтобы они остались висеть… Для «подлинности». – Джек тихо фыркнул. – Как будто в книге Марка есть что-то подлинное. Но Стерлинг Зербе нанял компанию, чтобы провести инвентаризацию на тот случай, если что-то потеряется или получит повреждения.

Я кивнула. Было приятно слышать, что наш адвокат, мистер Зербе, взял дело в свои руки и играет на опережение.

– Я надеюсь, что мы сведем неудобства к минимуму, чтобы эти киношники убрались отсюда как можно раньше. Хотя мертвые не большие мастера слушать или соблюдать график. Я составила таблицу, в которой указан график съемок. Нерабочее время выделено на ней цветом. Она на доске объявлений на кухне, так что любой беспокойный дух, слоняющийся вокруг, может ее увидеть.

Я поймала на себе его взгляд.

– Ты и в самом деле…

Я засмеялась, чтобы скрыть смущение:

– Конечно нет. Это было бы смешно. – Я сделала мысленную пометку первым делом убрать таблицу с доски объявлений.

Джек тихонько кашлянул, хотя это больше походило на сдавленный смех.

– Твой отец сказал, что может приехать завтра и начать маскировать цистерну и заодно снять желтую ленту. Я предложил ему,

чтобы вы двое вытянули соломинку. Проигравший должен будет сообщить Софи, что раскопки придется отложить до окончания съемок.

Я не удержалась от стона. Я испытывала на себе мстительную сторону Софи чаще, чем была готова признать. Я все еще получала гневные письма из организации «Люди за этичное отношение к животным», после того как Софи отослала им фотографии моих наряженных к Рождеству собак.

– Или же я могу спросить Меган. Мне все равно нужно позвонить ей и спросить, знает ли она что-нибудь о Замороженной Шарлотте.

Мы в тишине продолжали качаться в креслах, не желая уходить и не ведя счет времени, пока я не услышала внизу приглушенный бой напольных часов. Сара обмякла в моих руках, что означало, что она глубоко заснула, и это было оптимальное время, чтобы вернуть ее в кроватку. Зная, что дольше тянуть нельзя, я встала. Джек тоже встал и взял спящего ребенка из моих рук. Его руки были длиннее моих, так что у него было больше шансов положить ее в кроватку не разбудив.

Я посмотрела на Джей-Джея. Сбросив с себя одеяло, он лежал на спине в своей обычной позе морской звезды, раскинув руки и ноги и, словно световой меч в руке Люка Скайуокера, сжимая в правой руке венчик. Джек осторожно опустил Сару в ее кроватку, а я снова накрыла Джей-Джея одеялом и, прежде чем Джек выпрямился, даже успела аккуратно поставить несколько его мягких игрушек.

Мы стояли у изножья кроваток, глядя на наших спящих детей, запах роз все еще был сильным.

– Я скучаю по этому, – сказала я.

– Я тоже.

Почему-то его слова задели меня за живое. Возможно, потому, что я слишком надеялась, что, как только он поймет, сколь многое он потерял, этого будет достаточно, чтобы вернуть его.

Я сглотнула. В тихой комнате этот звук был подобен грому.

– Думаешь, ты когда-нибудь простишь меня?

Он поднял взгляд и посмотрел мне в глаза:

– Я уже простил. Но это была самая легкая часть.

– Легкая часть?

Джек кивнул:

– В твои намерения не входило причинить вред, так что прощение никогда не было проблемой.

– Неужели?

– Нет. Проблема в том, что я не могу позволить себе снова стать таким уязвимым, полностью доверяя тебе. Я не кошка с девятью жизнями, Мелли. У меня трое детей, и я хочу прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как они вырастут. И, я хочу сказать, как живой человек.

Я едва не рассмеялась. Любая другая пара, ведущая такой разговор, вряд ли должна была соответствовать этому требованию. Но была проблема. Я знала, как заставить его простить меня. Но понятия не имела, как заставить его мне доверять. И я все еще не была убеждена, что виной всему – недоверие.

– Ты… – Он не договорил.

– Что я?

Джек глубоко вздохнул:

– Пока я не пойму, что происходит с моей карьерой, я поставлю мою нынешнюю рукопись на паузу. Особенно учитывая суматоху, которая будет царить в доме следующие нескольких недель. Поэтому мне было подумалось… – Он умолк.

– Да? – сказала я, как можно более непринужденно.

– Мне подумалось, вдруг я смогу помочь вам с Вероникой узнать, что случилось с Адриенной. И что-то еще… например, почему эта жуткая кукла была в комнате Нолы. Это помогло бы мне отвлечься от… всего. Мне говорили, что я неплохо разгадываю головоломки.

– Это кто же? – уточнила я. – И Демарэ не в счет.

Демарэ была юной редакторшей Джека, сменившей его старого опытного редактора. Последнего внезапно уволили, оставив Джека в издательстве сиротой и во власти нового редактора, которая ничего не знала о книгах Джека. Джек часто обвинял Демарэ в том, что та все еще читает книжки с картинками.

– Конечно нет. Она не читает моих книг, или ты забыла?

– Верно. – Я сделала вид, что думаю. – Раз уж у тебя есть немного свободного времени, почему бы нет? Это не повредит, верно?

– Если только нам не нужно исследовать кладбище.

Я не поняла, шутит он или нет.

– Хорошо. Давай сначала подготовим дом для съемочной группы, а потом я введу тебя в курс дела.

Он улыбнулся мне, и его белые зубы сверкнули в темноте. Положив руку мне на поясницу, он вывел меня в коридор, где мы встали лицом друг к другу, словно неуклюжие подростки на первом свидании, не зная, как попрощаться.

– Ты – единственная женщина, которую я знаю, кто прекрасно выглядит в пушистом халате, тапочках и с всклокоченным волосами.

– Правда?

– Ага. Не то чтобы я видел многих, но ты определенно самая красивая.

Я посмотрела на него в полумраке коридора дольше, чем следовало, пока не обнаружила, что, закрыв глаза, наклоняюсь к нему.

– Спокойной ночи, Мелли.

Его слова вернули меня в реальность. Я резко открыла глаза и попыталась сделать вид, будто ничего не случилось.

– Спокойной ночи, Джек.

Не успев сделать то, что сделала бы прежняя Мелли, я резко повернулась и зашагала к своей комнате. Я уже подходила к двери, когда Джек заговорил.

– Да, ты ведь знаешь… – его голос звучал низко и хрипло.

Я остановилась. Повернула голову.

– Что именно?

– Поверь, мы можем пройти через что угодно. При условии, что мы заодно.

Я сказала себе, что он наверняка имеет в виду нечто большее, нежели разгадка убийства Адриенны и Замороженная Шарлотта. Окрыленная надеждой часть меня не могла не поверить, что он имел в виду нас.

– Хорошо. Я рада, что мы на одной волне.

Он снова заговорил, и я услышала в его голосе улыбку:

– И если бы я верил во второй шанс, это был бы почти поцелуй номер два.

С этими словами он повернулся и зашагал к гостевой комнате. Я закрыла за собой дверь в спальню и, не удосужившись запереть ее, залезла под уже холодное одеяло и прижалась к теплому телу Генерала Ли, чтобы он не подумал, что он всего лишь замена за неимением

лучшего. Я около часа лежала, не сомкнув глаз, раз за разом мысленно проигрывая наш разговор с Джеком, и, наконец, задремала, думая о том, что он сказал, и задаваясь вопросом, что он делал, стоя в коридоре посреди ночи.

Глава 8

На следующее утро мы с матерью стояли и наблюдали за тем, как отец и Джек натягивают над цистерной новый брезент, делая первый шаг к тому, чтобы замаскировать глубокую рану в саду за домом. Следующим шагом было раскатать поверх него искусственное травяное покрытие вместе с целым пластиковым садом, который, как обещала сценограф Харви, Лори Коул, будет выглядеть в фильме как настоящий.

Не желая опоздать на работу, я посмотрела на часы. Если я опоздаю хотя бы на пять минут, к тому времени, как я доберусь туда, Кэтрин уже совершит шесть продаж. Внутри дома Софи, ее муж Чэд и Меган Блэк были заняты тем, что помогали нам переносить коробки в винтажный фургон «Фольксваген» Софи и Чэда. Они дружно заявили, что им не нужна ни моя помощь, ни полезная таблица, на которой было указано, где каждый ящик должен располагаться внутри фургона. Они даже отказались от моего предложения помочь им перенести коробки в свободную спальню Софи и Чэда.

Я попыталась было настаивать, но Джейн потянула меня прочь, чтобы спросить, что надеть близнецам и стоит ли доставать из шкафа детские биркенстоки (подарки на день рождения от Софи и Чэда), так как их дочь, Блю Скай, приехала вместе с родителями к нам в гости. Я была рада отвлечься, и, когда вернулась из детской, Софи сказала, что они почти закончили и что мне не нужно проверять фургон.

Хотя в воздухе все еще витал утренний холодок, отец выпрямился и рукавом вытер со лба пот.

Мать вздохнула рядом со мной.

– Как бы ни было больно твоему отцу видеть, что весь его тяжкий труд пошел насмарку, когда цистерна обрушилась, и теперь он с нетерпением ждет возможности взяться за восстановление сада. Честное слово, я ни разу не видела его таким взволнованным с тех пор,

как он обнаружил в архивах оригинальный дизайн сада Лутрела Бриггса.

– Я знаю. Он и Джейн угрожали вовлечь меня в реконструкцию, как только закончатся съемки. При условии, что Софи даст согласие.

Я поймала на себе взгляд матери.

– Вообще-то хозяйка дома – это ты.

– Софи когда-нибудь была зла на тебя? Поверь мне. Ей лучше во всем поддакивать. Тем более что обычно она права. Но если ты передашь ей мои слова, я никогда не буду с тобой разговаривать.

Мать тихо рассмеялась, и в уголках ее зеленых глаз собрались лучики морщинок. Хотя ей и было за шестьдесят, она вполне могла сойти за мою сестру. Она оставалась стройной, и обладала хорошей фигурой, и по-прежнему сохраняла осанку оперной певицы, которой когда-то была. Хотя большую часть моей жизни она прожила вдали от меня, лишь недавно войдя в нее снова, она стала ее неотъемлемой частью, и я не могла представить себе мою жизнь без нее.

– Когда приедут «звезды»? Не могу дождаться встречи с ними. – Мать была похожа на взбалмошную школьницу.

– Не знаю. На прошлой неделе Харви и Марк все еще вносили в сценарий изменения и работали над графиком съемок. Харви винит во всем нас из-за задержек в декабре прошлого года. Он сказал, что изменения нужны для того, чтобы проект оставался в рамках бюджета, но я понятия не имею, как это сделать, а они не считают необходимым держать нас в курсе.

Мать нахмурилась:

– Я попросила Ребекку передать Марку, что я буду счастлива открыть свой дом для «звезд». Мы ведь живем почти рядом. Я пока не получила ответа.

– И скорее всего не получишь. Думаю, Марк предпочел бы, чтобы доступ был ограничен, особенно для тех, кто так или иначе связан с Джеком. Наш каретный сарай временно переоборудовали под раздевалки, причем со строжайшим приказом никого к ним не подпускать.

Она вздохнула и рукой в перчатке заправила мне за ухо выбившиеся волосы.

– Как прошел вчерашний вечер с Джеком?

– Нормально. И нет, мы не вместе. – Я глубоко вздохнула, все еще чувствуя боль от слов Джека. – Он сказал, что уже простил меня.

– Но это никогда не было проблемой, не так ли?

Я посмотрела на нее, понимая, что мне не стоит удивляться. Хотя осязание связывало ее с миром духов, своей способностью читать мои мысли она была обязана повышенной материнской проницательности.

– Нет. Это вопрос доверия.

Она обернулась и посмотрела на моего отца. Даже если я подумала, что она сейчас начнет давать мне советы, я ошиблась.

– Ты справишься, Мелли, – сказала она. – Любовь всегда находит выход.

Я хотела возразить ей, сказать, что она ошибается, что даже если мы с Джеком все еще любим друг друга, это еще не гарантия того, что мы останемся вместе.

– Привет!

Мы обе повернули головы к садовой дорожке, ведущей от фасада дома, где появилась высокая фигура детектива Томаса Райли. Как обычно, в бежевом плаще… этакая уступка типичной одежде всех детективов. А еще ему срочно требовалось подстричься. Хотя, если честно, отросшие волосы выигрышно подчеркивали его суровую красоту.

Он помахал Джеку и моему отцу, а затем повернулся к нам.

– Доброе утро, – сказала мать и поцеловала его в обе щеки. – Давно вас не было видно. Вы пришли к Джейн?

По его щекам разлился румянец. Он и Джейн прониклись друг к другу симпатией после того, как она переехала в Чарльстон, унаследовав на Саут-Бэттери дом, правда, вместе с довольно неприятным призраком. Затем между ними произошла размолвка, и Энтони Лонго положил конец отношениям. Но мы с матерью были уверены, что не навсегда.

– Нет, боюсь, что нет, – ответил Томас. – Я пришел к Мелани. – Он вытащил телефон и посмотрел на экран. – Ее сообщение пришло сегодня около половины четвертого утра, что объясняет обилие опечаток, но после того, как я его перевел на нормальный язык, думаю, в нем говорилось, что она хочет меня видеть.

Стараясь не щуриться, я посмотрела на экран, радуясь тому, что я без очков и потому не вижу всех опечаток.

– Да, извините. Иногда, когда я не могу уснуть и о чем-то думаю, я, чтобы не забыть, набираю текст. Обычно я жду до утра, чтобы нажать кнопку ОТПРАВИТЬ, но, возможно, я была в полусне. Надеюсь, я вас не разбудила.

– Не волнуйтесь. Я все равно уже встал. А я сегодня утром был в вашем районе и решил зайти. Зачем вы хотели меня видеть?

– Речь идет о нераскрытом деле, над которым вы работали, – убийстве Адриенны Холл.

– Я удивился, когда Вероника упомянула, что вы помогаете ей в этом.

У детектива Райли были причины удивляться. Его спор с Джейн был о ее желании заявить о своих способностях, применять их ради помощи людям, что было полной противоположностью тому, что я хотела делать со своим собственным «даром». Даже наша мать не возражала. А вот детектив был категорически против. Он сказал, что даст согласие, только если она останется инкогнито. Он не стремился сделать из Джейн мишень. И знаете что? Я была с ним согласна.

– Да. Но только в этот раз. Я пообещала ей, потому что она моя подруга, и я очень хочу ей помочь. А затем все, точка. – Я подняла палец и огляделась. – Кто-нибудь еще это слышит?

– Что именно? – спросила мать, наклонив голову.

– Песню. У нее еще такой металлический звук… как будто из чьих-то наушников.

– Странно, – сказала мать. – Я не слышу музыки, но мои ноги хотят отбивать ровный ритм.

И тут до меня дошло.

– Погоди секунду. Я сейчас принесу то, что давно хотела тебе показать.

Я бросилась в кухню, где Джейн кормила близнецов, а миссис Хулихан, стоя у плиты, как бы случайно роняла на пол кусочки бекона для трех собак.

– Мама хочет тебя видеть, – сказала я Джейн. – Она в саду за домом. Мне нужно сбегать наверх и взять там кое-что. Миссис Хулихан, не могли бы вы докормить близнецов?

– С удовольствием, – ответила она, улыбаясь Джей-Джею и Саре.

Поцеловав близнецов в макушки, – едва не коснувшись губами комка яичницы, налипшего на густые волосы Джей-Джея, – я

бросилась наверх, чтобы принести плеер и ежегодник. Когда я вернулась в сад, Джейн неловко стояла перед Томасом, пытаясь составить внятную фразу. Выросшая в приемных семьях и работая няней, она не умела расслабляться или поддерживать беседу с представителями противоположного пола.

– Вы стоите здесь. В туфлях, – пролепетала она Томасу, после чего бросила на меня укоризненный взгляд.

– Ага, – ответил Томас с широкой улыбкой. – Рад снова тебя видеть, Джейн. Давненько не виделись. Ты и Энтони?.. – Похоже, он не смог закончить вопрос.

– Он – мужчина, – подсказала Джейн.

– Неправда, – вмешалась я. – Особенно после того, как мы узнали, что он лгал нам и тайно сотрудничал с Марком. Не то чтобы у них из этого что-то вышло. – Я усмехнулась. – Джейн высказала ему все, что думает, хотя он заслуживал гораздо большего. Не так ли, Джейн?

Моя сестра кивнула, напомнив мне скорее болванчика, нежели разумную женщину. Я надеялась, что ее прежнее знакомство с Томасом означало, что ей не придется заново проходить с ним через неловкую фазу. Похоже, я ошиблась. Чтобы отвлечь их обоих, я подняла ежегодник и проигрыватель компакт-дисков и подошла к маленькому столику из кованого железа, который некогда стоял в ныне стертом с лица земли саду. В настоящее время он стоял на шатких ножках в кирпичном полу патио. Я на пару секунд замешкалась, прежде чем аккуратно положить на него книгу и проигрыватель компакт-дисков.

– Я знаю, что ты уже их видел, Томас. Они были в коробке с вещами Адриенны на чердаке Вероники. Там, где ты нашел амулет. – Мои пальцы автоматически потянулись к цепочке, которую я теперь носила постоянно. Я пыталась хранить его в своей шкатулке с украшениями, но он продолжал появляться в самых неподходящих местах. Я подумала, что, повесив его себе на шею, я избавлю Адриенну от лишних забот.

Томас взял в руки проигрыватель компакт-дисков.

– Да. Я даже попытался заново снять отпечатки пальцев. Но к тому времени он побывал в руках у стольких людей, что любой результат не имел никакого смысла.

Джейн взяла ежегодник и открыла переднюю обложку, демонстрируя автографы и рисунки друзей Адриенны.

– Вы сумели найти всех этих людей и допросить их?

Томас кивнул:

– Тех, чьи личности мы смогли установить. Было несколько надписей с прозвищами, и мы не смогли определить, кто они такие. Мы спросили тех, кого смогли найти, и сумели идентифицировать еще нескольких, но остальные по-прежнему остаются загадкой. Адриенна была убита в конце учебного года, а значит, в ее ежегоднике было много автографов. Мы очень надеялись, что это даст хотя нам бы одну подсказку, которой мы могли бы воспользоваться. К сожалению, никаких новых зацепок нет. В общем, мы вернулись туда, с чего начали. Если только не… – Он в упор посмотрел на меня.

– Если только Адриенна не расскажет мне больше. Вот почему я принесла вот это… – Я выдержала паузу, как то делала всегда, чтобы мысленно убедиться, не ляпнула ли я чего лишнего для непосвященных. – Она сказала мне.

Томас перевернул плеер и тотчас нахмурился:

– Вот как?

– Нет, не словами. Но в некотором роде показала мне.

Томас рассеянно кивнул, снова перевернул устройство, нажал кнопку «ОТКРЫТЬ», а затем посмотрел на меня.

– Где компакт-диск?

– Это то, что я хотела у тебя спросить. Он был внутри плеера, когда вы с Вероникой поднялись на чердак?

Томас отрицательно покачал головой:

– Нет. Но в первоначальном отчете полиции о плеере было указано название компакт-диска.

– Это был альбом Лори Андерсон? – спросила я.

Он нахмурился:

– Думаю, да. Я перепроверю, но я уверен, что это была эта исполнительница. Я помню это, потому что мне пришлось спросить, кто она такая.

– В начале восьмидесятых она была известна своим хитом «О, Супермен», – сказала Джейн. Она говорила медленно, тщательно обдумывая каждое слово. Мы определенно вернулись к исходной точке.

– Никогда о таком не слышал, – сказал Томас.

– Его не слышал никто, – сказали мы хором.

– Но стоит хоть раз его услышать, как его уже не выкинуть из головы. Это как после пищевого отравления. Каждый раз, когда вы чувствуете запах определенной пищи, вас начинает мутить. Это действительно ужасно и в то же время незабываемо. – Я покачала головой, пытаясь избавиться от настойчивой пульсации, проникшей внутрь моего мозга.

– И еще кое-что, – добавила я. – На чердаке была не одна Адриенна. Там был еще один дух. И он не рад меня видеть. Кто-то, кто очень хочет, чтобы я не узнала правду.

Мать схватила меня за руку и крепко сжала.

– Это тот же дух, что и раньше.

Я кивнула. Мы обе вспомнили угрожающие слова, вырвавшиеся из ее уст, когда она сжала в руке амулет.

– Да. Кто бы это ни был, он хочет, чтобы я ушла. Наверно, именно поэтому я так редко вижу Адриенну и лишь чувствую ее присутствие.

– Она бережет энергию, – тихо сказала Джейн, – чтобы защитить тебя.

Взяв у Джейн ежегодник, я принялась изучать подписи и пожелания, сделанные разноцветными чернилами, отметки времени в жизни молодой женщины, чье существование, похоже, зависло в прошлом, привязанное к этому миру оставшимся без ответа вопросом. Впервые с тех пор, как Вероника попросила меня о помощи, я поняла. Не головой, как я обычно осмысливала происходящее вокруг меня и в этом мире и в потустороннем, а самой глубокой частью моего сердца, где хранилась любовь к Джеку и моим детям.

Я провела пальцем по изображению лебедя.

– Предполагаю, что лебеди – это талисман «Омега Хи»?

– Да, – сказал Томас. – Большинство подписей были от девушек из ее женского студенческого общества. Сразу после убийства мы допросили каждую участницу, и еще раз недавно, когда мы вновь открыли дело. Опять же никаких зацепок. То же самое с бойфрендом Адриенны и его товарищами по студенческому братству. Ничего. Возможно, Адриенна стала случайной жертвой какого-то незнакомца. На данный момент нам известно лишь то, что она скончалась от удара по голове тупым предметом, который так и не был идентифицирован или обнаружен, а ее тело было найдено в кладовой только через три дня.

– Почему полиции потребовалось так много времени, чтобы найти тело бедной девушки? – спросила моя мать. Ее глаза увлажнились, не иначе как она подумала о Джейн и обо мне.

– Ее соседка по комнате уехала на выходные домой и вернулась лишь в понедельник утром. Полицию вызвали лишь поздно вечером, когда Адриенна так и не появилась. К тому моменту у преступника было достаточно времени, чтобы замести следы.

Внезапно горло мне сжали чьи-то невидимые пальцы. Едва не задохнувшись, я разевала рот, пытаясь вдохнуть воздух, а мои собственные пальцы безуспешно пытались оторвать от шеи невидимые руки.

– Что происходит? – Томас метнулся ко мне, выискивая обидчика.

– Останови его! – крикнули в унисон Джейн и Джинетт.

Вместе мы сильнее. Мне показалось, будто я слышу заклинание, которое мы произносили, сталкиваясь с общим противником.

Давление на мое горло тотчас прекратилось, осталась лишь тошнота. Я тяжело опустилась на кованую скамью и сделала большой глоток уже остывшего кофе. Я подняла голову и увидела, что отец и Джек смотрят в нашу сторону. Мать проследила за моим взглядом и помахала им. Они оба на мгновение застыли на месте, но затем помахали в ответ и продолжили раскатывать поперек цистерны рулон искусственной травы.

– Что это было? – спросил Томас. Он наклонился ближе и осторожно коснулся пальцем моей шеи. – У тебя на шее рубцы толщиной с палец.

Я потерла горло:

– Я не знаю. Ты уверен, что Адриенну не задушили?

– Однозначно. Я видел фотографии вскрытия. Это определенно был удар по голове.

Мимо нас пронесся сильный порыв ледяного ветра, а вместе с ним и резкий запах «Ванильного мускуса». Моя мать, Джейн и я обменялись взглядами.

– Она здесь, – сказала я.

– Тогда кого задушили? – спросила Джейн, осторожно взяв в ладони мое лицо и поворачивая его из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть мою шею.

Томас достал телефон и сделал несколько снимков.

– Удушение не редкость в делах, над которыми я работал, но в данном конкретном случае его не было.

Прежде чем мы с Джейн сообразили, что она делает, наша мать сняла перчатки и, взяв голыми руками розовый плеер, тяжело опустилась на скамейку рядом со мной. Ее рот приоткрылся. Она явно была в шоке.

– Мама? – Джейн попыталась вырвать плеер из рук матери, но та крепко вцепилась в него.

Мы с беспомощным ужасом наблюдали, как глаза нашей матери закатились, кожа побледнела до смертельной бледности, а красная помада на губах напоминала кровавые ножевые раны. Мы с Джейн инстинктивно встали перед ней, загораживая от нее цистерну. Мы знали, чего ожидать. Моему отцу не нужно было быть тому свидетелем.

Откуда-то из темных глубин груди матери к ее горлу подкатился рык и вырвался из ее рта, как поток нечистот.

ТЫ. ЕЩЕ. ПОЖАЛЕЕШЬ.

Она еще крепче сжала плеер. Ее тотчас начало трясти. Кожа на костяшках пальцев натянулась, а ее выпученные глаза были похожи на черные дыры.

Мы с Джейн одновременно потянулись к плееру, и как только мы коснулись его обеими руками, тряска прекратилась. Руки матери повисли как плети, голова склонилась вперед. Томас подхватил ее, не давая ей упасть, и, встав на колени рядом с ней, нежно погладил ее руку.

– Со мной все в порядке, – выдавила она. Она говорила краем рта. Ее глаза как будто что-то искали, пока не остановились на мне. – Это… устройство, – выдавила она. – Оно крайне важно.

– Давайте проведем вас внутрь… – предложил Томас.

Мать подняла руку.

– Через минуту. Это… важно. – Она сглотнула и повернулась к Томасу: – Возьмите это устройство. Посмотрите еще раз. Есть что-то, чего… вы не заметили. Они… не хотят… чтобы вы это увидели.

– Кто такие «они»? – спросила я.

Она покачала головой:

– Я не… знаю. Они не дали мне их увидеть.

Я встретилась взглядом с Джейн и охрипшим голосом спросила:

– Все еще согласна?

Ее улыбка была бессильна скрыть ее тревогу.

– Вместе мы сильнее, помнишь?

Я кивнула, и каждая из нас сжала руку нашей матери. Совместными усилиями мы осторожно подняли ее на ноги.

– Я отвезу тебя домой и уложу в постель. Джейн придумает что-нибудь, что сказать папе.

Томас поднял плеер и ежегодник.

– Я заберу и то и другое, на тот случай, что мы что-то упустили. Буду на связи. – Убедившись, что с нашей матерью все будет в порядке, он попрощался и ушел. Джейн проводила его взглядом, пока он не свернул за угол дома.

Пока я смотрела, как он уходит, что-то мягкое ударило меня по голове. Мы все посмотрели вниз и увидели красную подушку в форме сердца с оборкой по краю, которая когда-то принадлежала молодой женщине, умершей более двадцати лет назад.

Глава 9

Я вынесла свой заказ на улицу к маленькому красному столику перед «Бакалейной лавкой» на Куин-стрит. От запаха блинчика с «Нутеллой» и горой сахарной пудры и взбитых сливок мой желудок заурчал. Я выбрала сторону фруктов, чтобы подавить любое чувство вины. Это не был мой любимый пончик на завтрак, но любое изделие из «Бакалейной лавки» на Куин-стрит было достойной заменой.

Молодая официантка в футболке колледжа Чарльстона принесла мне большой капучино с двойной шапкой вспененного молока. Подавив желание лизнуть его, я лишь наклонилась вперед и, закрыв глаза, глубоко вдохнула, наслаждаясь моментом. Хотя был февраль, воздух был почти теплым и с редким для Чарльстона удовольствием – низкой влажностью. Я откинулась на спинку стула, намереваясь позволить себе несколько мгновений счастья. Моя семья жила под одной крышей, я была готова завершить свою первую более чем за четыре месяца продажу и собиралась съесть на завтрак настоящую еду без косых взглядов Софи или Нолы.

– Миссис Тренхольм?

Я резко открыла глаза и увидела рядом с моим столиком Меган Блэк. Она была в очаровательном розовом пальтишке свободного кроя с большим бантом на плече, в черных легинсах и сапогах для верховой езды. Я видела эти вещи в витрине «Финики Филли». Либо Меган нашла другой источник дохода, либо ее мать все еще любила наряжать свою маленькую дочку.

– У меня назначена встреча с миссис Фаррелл. – Я не хотела, чтобы это прозвучало как крик или как извинение.

– Хорошо… – медленно произнесла Меган.

– Извини, – сказала я. – Я думала, тебя прислала Софи или Нола.

Видя, что она по-прежнему сбита с толку, я сказала:

– Присаживайся. Я думаю, что моя подруга слегка опаздывает. – Что было вполне объяснимо, учитывая строительную суматоху в доме

Вероники. Я договорилась встретиться с ней за завтраком, чтобы рассказать ей про эпизод, произошедший накануне в моем саду за домом.

– Спасибо, – сказала она, садясь и вешая свой черно-белый рюкзак в горошек на спинку стула. – Я всего на минутку.

Я сделала глоток капучино и аккуратно вытерла с губ пену.

– Спасибо за помощь в упаковке наших ценностей. Мы искренне за это признательны. И я рада видеть тебя сегодня. Мне нужно было кое-что у тебя спросить, а на днях у меня не было возможности, потому что все были так заняты.

Она терпеливо улыбнулась, перевела телефон в беззвучный режим и положила его экраном вниз на стол – жест, который я оценила.

– Речь идет о кукле Замороженная Шарлотта в маленьком гробике, которую мы нашли в спальне Нолы. Мы не поняли, как она там оказалась, и поэтому подумали, что, возможно, это ты могла оставить ее или, по крайней мере, знаешь, как она туда попала.

– Замороженная Шарлотта и гробик? – Брови Меган образовали над носом букву V. – В комнате Нолы?

Я кивнула:

– Нола нашла ее на своей тумбочке и понятия не имеет, как она туда попала.

– Понятия не имеет? – Меган посмотрела на меня круглыми, полными недоумения глазами.

– Да, понятия не имеет, – повторила я. – Мы подумали, что ты могла найти его в цистерне, а затем принести внутрь, чтобы показать нам.

Она медленно покачала головой:

– Я знаю, что такое Замороженная Шарлотта, но я не нашла ее в вашей цистерне. А если бы и нашла, то сначала отдала бы доктору Уоллен-Араси. Вот только… – Меган умолкла. Ее большие карие глаза на мгновение остановились на мне, но затем она быстро отвела взгляд.

– Вот только что?

Она указала на мой блинчик:

– Он с «Нутеллой»? Здесь такие вкусные блинчики, не так ли?

– Вот только что? – повторила я, не желая отвлекаться.

Меган переплела пальцы и положила их на стол.

– Я не думаю, что это из вашей цистерны.

– Нет?

Она покачала головой:

– Последний участок, где мы работали, прежде чем были вынуждены прервать раскопки, принес нам множество артефактов из периода времени, который был гораздо позже Революции, откуда, похоже, происходили все другие находки.

– Но это не имеет смысла, разве не так? Более новые вещи должны быть сверху, верно?

– Верно. Вот почему нам пришлось вернуться и провести небольшое исследование участка, примыкающего сзади к вашему. – Она застенчиво улыбнулась. – Доктор Уоллен-Араси пока не хотела говорить вам об этом, потому что сейчас в вашем доме и без того хватает суматохи. Она сказала, что скажет вам, когда у нее будут ответы.

– Она так и сказала? – Я откинулась на спинку стула. – Но я сейчас здесь, и ты меня заинтересовала. Так что вы там нашли?

Меган скептически посмотрела на меня:

– Вы уверены, что хотите это услышать?

– Еще как хочу.

Она с видимым облегчением вздохнула. Вряд ли у нее просто чесался язык, и она хотела поделиться своим открытием с первым встречным, кому это интересно услышать.

– В общем, похоже, что за вашим домом рядом с цистерной когда-то стояло еще одно строение. Мы вернулись к первоначальным границам участков и увидели то, что похоже на кухню. По-видимому, она сгорела дотла во время большого пожара 1861 года, и груды мусора из дома либо упали, либо были сброшены в цистерну.

Я откусила кусок блинчика и застыла. Странно, но мне потребовалось усилие, чтобы проглотить его: неожиданно еда стала на вкус как пепел.

– Большой пожар 1861 года? Звучит смутно знакомо. – Это была ложь, но я не хотела признаваться, что где бы мы с отцом ни жили, на уроках истории в различных гарнизонных школах я по большей части читала любовные романы.

– Да. Многие люди связывают повреждения, видимые на фотоснимках после Гражданской войны, с обстрелами со стороны

армии северян, но до 1863 года обстрелов не было. Большой пожар случился в декабре 1861 года. Его причины до сих пор неясны. Точно известно одно: четырнадцать домов на Куин-стрит были взорваны, чтобы преградить дорогу огню.

Меган вздрогнула, как будто намеренное разрушение исторических зданий не укладывалось у нее в голове.

– Тем самым удалось спасти пару больниц, медицинский колледж и католический приют для сирот, и все же. – Она вновь вздрогнула. – К полудню следующего дня огонь опустошил полуостров и начал угасать. Городской рынок и большая часть Митинг-стрит, северная сторона Куин-стрит, большая часть Брод-стрит и эта сторона Трэдд-стрит стояли в развалинах. Это просто чудо, что ваш дом не сгорел. – Она взволнованно посмотрела на меня. – Я могу показать вам фотографии.

Я изобразила энтузиазм.

– Как-нибудь позже.

Призрачный запах горящего дерева плыл мимо меня, напоминая мне тот, что ударил мне в нос, когда я открыла крошечный гробик Замороженной Шарлотты. Пытаясь стереть привкус сажи в глубине горла, я сделала глоток кофе.

– Когда ты говоришь «мусор», ты имеешь в виду такие вещи, как кирпичи? – нервно спросила я, вспомнив маленькие следы на снегу.

Меган кивнула, но ее глаза переместились на мою тарелку.

– Ага. Мы определенно нашли кирпичи.

– И?.. – Я затаила дыхание.

Она заерзала на стуле, что совсем не было похоже на ту Меган Блэк, которую я знала.

– И еще осколки фарфора, старые куриные кости и мусор, как и в остальной части цистерны. Но мы также находим все больше… личных вещей.

– Личных вещей, – повторила я. – Каких, например?

Подняв глаза к небу, она принялась перечислять, словно оглашая список и считая вещи на пальцах с выкрашенными розовым лаком ногтями:

– Старая кукла с фарфоровой головой. Серебряный туалетный столик и пара почти новых ботинок для юной девочки. Далее,

тренировочный корсет для девочки-подростка. – Она нахмурилась и снова встретилась со мной взглядом.

Я отодвинула тарелку в сторону. Аппетит мгновенно пропал.

– Звучит почти так, как если бы с ними похоронили человека.

– Вы тоже так подумали? – сказала она. По выражению ее лица было видно, что эта идея отнюдь не нова. – Это мог быть семейный могильник, – с напускной легкостью продолжила она, – имевший отношение к дому, который стоял позади вашего и сгорел в пожаре. Но есть и хорошая новость: мы не нашли человеческих костей. Правда, мы обнаружили почти нетронутый скелет маленькой собачки, но многие люди хоронят своих собак на заднем дворе, так что в этом нет ничего удивительного. Что касается возможных человеческих захоронений, то, когда границы владений были прочерчены заново после того, как Вандерхорсты после пожара приобрели участок за своим домом, они могли переместить тело на кладбище, но оставили предметы, которые не поместились в гроб при погребении.

Я с любопытством посмотрела на нее:

– Тело? Значит, там была могила?

– Даже если предположить, что это место захоронения, – а мы не знаем наверняка, – похоже, что оно было единственным. – Меган схватила салфетку и принялась рвать ее на мелкие кусочки.

– Было что-то еще, о чем Софи еще не хотела мне говорить?

Плечи Меган с облегчением опустились.

– Обещаете не говорить ей, откуда вы это узнали?

– Она все равно узнает, скажу я ей или нет, но давай не будем забывать, что мы обсуждаем мой дом.

– Верно, – сказала Меган, кивнув. – Значит, мы также нашли надгробие.

По моему позвоночнику пробежала ледяная струйка страха. Я вздрогнула и плотнее натянула на себя свитер.

– Надгробие?

– Да. Мраморное. В нашем климате это худший материал для надгробий. Буквы на нем такие мелкие, что их невозможно прочитать, кроме части имени. Мы думаем, что оно начинается с буквы Е, но вторая буква неясна – может быть, М, У или Н. Можно только гадать.

Я тотчас вспомнила следы на снегу, и по моей спине вновь пробежала ледяная дрожь.

– «Э», – повторила я. – Было что-то еще?

Меган почесала подбородок и подняла вверх указательный палец:

– О, и еще большая коллекция пуговиц!

Мои брови взлетели вверх.

– Насколько большая? Десятки? Сотни?

– Я бы сказала, сотни. А так как все остальное казалось викторианским, я сразу подумала, что они могли быть из…

– Амулета, – закончила я за нее.

Она улыбнулась:

– Точно. Вы видели такие раньше?

– Один неполный видела. Но я знаю, что они собой представляют.

Меган посмотрела на часы и встала:

– Извините, мне пора в колледж. Было приятно увидеть вас. И если есть что-то еще…

Она бросила на меня тревожный взгляд.

– Не переживай, я не доставлю тебе неприятностей. Но я поговорю с Софи. Мне любопытно, кому принадлежали все эти вещи.

– Мне тоже. Но мы еще не зашли так далеко в наших исследованиях. – Она улыбнулась. – Увидимся позже. – Она сделала несколько шагов и резко обернулась. – Я хотела спросить… был ли этот Бо Райан у вас дома тем вечером? Я ехала по Трэдд-стрит на велосипеде и могла поклясться, что видела, как он выходил из вашего дома.

Я с удивлением посмотрела на нее:

– Да, был. Но откуда ты знаешь Бо?

Она ответила не сразу.

– В прошлом году мы встречались несколько месяцев, – наконец сказала она. – Я даже была у него в гостях в Новом Орлеане, когда у нас была неделя каникул.

– Значит, у вас все было серьезно.

Меган пожала плечами:

– Он отличный парень, и он мне очень нравился. Просто… – Она не договорила.

Я молчала, ожидая, что она скажет дальше.

– Просто его семья немного… странная. Поймите меня правильно. Его бабушка и дедушка были радушными и гостеприимными, и у них красивый дом в стиле итальянского

Возрождения в Гарден Дистрикт, на Притании. Он принадлежит семье Бо с начала сороковых годов девятнадцатого века. Абсолютно великолепный и полный старого семейного антиквариата.

– Звучит прекрасно, за исключением того, что он старый, – легкомысленно сказала я, уже готовая к тому, что она сейчас мне скажет.

– Да, вы правы. Но… – Меган закусила губу. – В нем была очень странная атмосфера, понимаете? Как в вашем доме на Трэдд-стрит. Только… более жуткая. Бо сказал, что я могу ходить где угодно… я имею в виду, как можно устоять перед великолепным старым домом со всеми его уголками и закоулками?

Я почти подняла руку, но не стала прерывать ее.

– Но там были две двери, которые были заперты, и когда я спросила о них Бо, он сказал, что его бабушка держит эти комнаты запертыми, потому что они забиты тем, что не поместилось на чердак. Я понимаю, но зачем запирать двери?

– Думаю, они точно не первая пожилая эксцентричная пара, живущая в жутковатом старом доме, не так ли? – сказала я и даже улыбнулась.

– Наверно, нет. У них также есть антикварный магазин во Французском квартале. – Она сглотнула. – Но я не думаю, что антиквариат – это все, что они там продают.

Мои брови взлетели вверх.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не должна вам все это рассказывать. Я не сплетница, но когда я увидела вас с Бо…

Я сделала жест, как будто застегиваю на молнию губы.

– Обещаю, что это останется со мной. Хотя, возможно, я расскажу Джеку, – поспешила добавить я. – Но ему тоже можно доверять.

Меган на мгновение как будто задумалась, а затем продолжила:

– Вряд ли это наркотики или оружие, если вы так подумали. Свидетельств этому нет, но, если бы вы встретились с мистером и миссис Райан, вы бы поняли. Но та задняя комната… там так много странных вещей. Тонны старых книг и прочего хлама. Я даже не могла понять, что это такое. Я была там только один раз, потому что Бо меня впустил, но она все время была заперта. И многие люди заходили

через главный вход и шли прямо вглубь дома, и не похоже, что они приходили туда с целью приобрести антиквариат.

Я кивнула, вспомнив слова Бо о коллекции «Замороженных Шарлотт» его бабушки.

– Бо сказал, что он ведет их веб-сайт и у него там кое-что есть.

– Поверьте мне, то, что есть на сайте, – это малая часть того, что там есть. И эти жуткие куклы еще не самое худшее. – Меган снова взглянула на часы. – Извините, мне действительно нужно бежать. Было приятно поговорить с вами. Это как иметь вторую маму, когда я вдали от дома. – Улыбнувшись, она зашагала прочь.

Я хотела крикнуть ей вслед, что мне лишь недавно стукнуло сорок и я еще не настолько стара, чтобы годиться ей в матери, но у меня не было сил. Я откинулась на спинку стула, мой аппетит полностью пропал, мои мысли метались в разные стороны. Интересно, разрешит мне ли Джейн включить это в мой ежедневный график упражнений? Я посмотрела на улицу. Заметив идущую ко мне Веронику, я помахала рукой и взяла телефон, чтобы написать Джеку. Окрыленная, я снова задумалась о совместной работе с Джеком, и во мне зажегся лучик надежды. Мне больше не требовался предлог, чтобы увидеться с ним.

Я открыла экран и замерла, увидев, что у меня есть непрочитанное текстовое сообщение с номера телефона, который я не узнала, но с местным кодом 843. Я нажала на сообщение. У меня тотчас перехватило горло, стоило мне прочитать написанные заглавными буквами слова. Я почти слышала, как они кричали мне в ухо.

ОНА ЗАСЛУЖИЛА ЭТО.

Глава 10

Возвращаясь во второй половине дня домой с работы, я едва не проехала дом номер 55. А все потому, что дорогу мне перегородил огромный грузовой фургон, а по двору и веранде, как муравьи на пикнике, сновали рабочие, волоча внутрь через открытую входную дверь толстые, похожие на канаты провода.

За фургоном стоял красный «Феррари», его задняя половина торчала на улицу. Хотя в конце моей подъездной дорожки внезапно появился знак разрешения от города Чарльстон, я надеялась, что прилежный парковщик увидит автомобиль и прилепит на лобовое стекло штраф. Я не сомневалась, кому принадлежит эта спортивная тачка.

Я остановила машину, сверилась с двумя календарями, убедилась, что сегодня не день уборки улицы, и втиснулась в парковочное место у обочины. Наклейка на парковку по месту жительства позволит мне избежать неприятностей со штрафом, но я не собиралась делиться этой информацией с Харви Бекнером.

Я провела весь свой обеденный перерыв за скорочтением книги «Похоть, жадность и убийство в Священном городе», и мое лицо все еще горело. Посмотрись я в зеркало, я точно бы обнаружила, что опалила ресницы. И хотя я оставила свой экземпляр книги для Джека, чтобы он, после того как вернется, мог прочесть или хотя бы пробежать глазами, он все еще был слишком оскорблен в лучших чувствах, чтобы прочитать хотя бы страницу благодарностей автора. Те немногие подробности, которые Джек знал о книге Марка, он узнал от своего нового редактора, Демарэ, которая сказала ему, что это лучшая книга, какую она когда-либо читала. Это лишь одна из многих причин, почему Джек так стремился заключить сделку с Марком и найти нового издателя. Он изо всех сил пытался закончить книгу, на которую у него был заключен контракт, и в то же время постоянно отклонял предложения Демарэ превратить ее в скабрезный роман и

поместить на задней обложке свое фото без рубашки. Сомневаюсь, что Джону Гришэму или Стивену Кингу когда-либо приходилось выслушивать такие же предложения. И слова его редакторши о том, что книга Марка была якобы одной из лучших, какие она только читала, были сродни соли на рану.

Я могла лишь надеяться, что у нас еще есть время изменить самые неточные и оскорбительные элементы сценария, прежде чем этот кошмар воплотится в полной мере на большом экране. Хотя у меня было сильное подозрение, что это все равно что сдерживать ураган мизинцем.

Я направилась к дому и, услышав шум, замедлила шаг. Каждая лампа в доме была включена, и когда я подошла ближе, все они одновременно вспыхнули ярким светом, а затем так же одновременно погасли. Я застыла на месте. Кто-то выругался, а какой-то человек сбежал вниз по ступеням веранды и, когда дом вновь залил свет, остановился. Мне подумалось, что дом как будто только что подмигнул. Или выслал предупреждение.

– Нам не обязательно оставаться здесь, ты же знаешь.

Я обернулась и увидела рядом с собой Джека. Хотя день лишь начинал клониться к вечеру, зимнее небо уже стало багровым, и я с трудом отличала людей от теней. Или даже хуже. Вот почему независимо от времени года сумерки всегда были моим нелюбимым временем суток.

Я подождала, когда он обнимет меня и притянет к себе, но затем вспомнила, что он этого не сделает. И почему не сделает. Я стояла, наблюдая, как небольшой пятачок травы сбоку от дома вытаптывают десятки обутых в ботинки ног. Я вздрогнула.

– Это то, чего мы хотели, верно? Мы согласились оставаться все это время в доме, потому что Джейн сказала, что детей лучше не отрывать их от привычного распорядка дня.

Челюсть Джека дернулась от знакомого тика.

– Да, но после того, как мы договорились обо всем, что считали для себя приемлемой ситуацией, я понятия не имел, что ограничение съемок тремя комнатами и превращение нашего каретного сарая в раздевалки по-прежнему потребуют всего… этого.

– Я тоже. Но неужели ты доверяешь Харви настолько, что готов позволить ему свободно разгуливать по дому без присмотра?

Джек не колебался.

– Нет. – Поджав губы, он повернулся и посмотрел на дом.

– Как давно они здесь? – спросила я.

– Не знаю, я только что пришел. Я пробыл внутри всего минуту, но ее хватило, чтобы увидеть, как миссис Хулихан половником для супа выгоняет из кухни киношника, кричит Ноле, чтобы она оставалась наверху с Джейн и близнецами, и говорит кому-то, кто тут у них за главного, что прежде чем они поставят на стол обед для съемочной группы, его нужно накрыть скатертью, в противном случаем она даст Софи их телефонный номер.

– Итак, что касается фильма. – Я вздрогнула и подавила свой первый порыв пойти прямо к Харви и потребовать изменений. Я хотела оградить Джека от новых душевных страданий, однако постаралась остаться новой Мелани, как бы сильно мне ни хотелось проигнорировать проблему в надежде, что она исчезнет сама. Я прочистила горло и повторила попытку. – Итак, что касается фильма… – начала я.

– Она красавица, не так ли?

Звук гнусавого голоса Харви был сродни игле, царапающей виниловую пластинку. Мы обернулись: Харви шагал к нам от веранды. На нем были узкие черные джинсы, белая футболка и высокие дизайнерские кеды. На плечи был накинут свитер, рукава были стянуты узлом на груди. Его лицо не выделялось в темноте, как у всех остальных, поэтому я предположила, что под обесцвеченными прядками волос у него был загар. Он выглядел как нечто среднее между участником группы в стиле нью-вейв восьмидесятых годов и рекламным плакатом универмага «Джей Крю».

– Это да, – сказал Джек, обнимая меня и притягивая к себе. Я продолжала мило улыбаться, хотя бы для того, чтобы доказать себе, что могу вести себя как разумная, зрелая женщина, даже находясь в непосредственной близости к Джеку, который только что сказал обо мне что-то приятное, пусть даже в шутку.

Харви с презрительной физиономией встал перед нами.

– Я имел в виду машину. Мне ее перегнали из Калифорнии, чтобы я мог сам ее водить. – Он нахмурился. – Поскольку ваша дочь едва не убила меня, у меня возникли проблемы с доверием к другим людям,

которые меня возят. Я надеюсь, что ваша маленькая угроза исчезла с улиц.

Джек весь напрягся. Он было шагнул вперед, но я остановила его. Напомнив себе, что мы должны держаться приветливо, я все же воздержалась от того, чтобы не ткнуть Харви пальцем в грудь, пока говорила.

– Если вы имеете в виду Нолу, вы так запугали ее после аварии, что она клянется, что ни за что на свете не сядет за руль другой машины.

– Я уверен, что мир ей благодарен, – пренебрежительно отмахнулся Харви. – Итак, – продолжил он, глядя на площадь и непрерывный поток людей, таскавших от грузовика к парадной двери осветительные приборы, провода и коробки, – это то, чего вы ожидали?

Джек нахмурился:

– Вообще-то нет. Я предполагал, это будет более… скромным.

Харви закатил глаза:

– Так и есть. Но хотя ваш смехотворный контракт требует, чтобы мы ограничили съемку тремя основными зонами, нам по-прежнему нужна съемочная группа, свет и способ вырабатывать электричество, чтобы эта куча дерева не вспыхнула, как костер. Так что вариант с проживанием в отеле по-прежнему остается в силе.

Мы с Джеком переглянулись. К Харви подошла молодая женщина с блокнотом. Бросив на него беглый взгляд, он поставил свою подпись и вернулся к нашему разговору. Мне не нравилась улыбка на лице Харви. Взглянув на Джека, я поняла, что и ему тоже.

– Эти «технические сложности» в декабре прошлого года, – сказал Харви, изобразив пальцами кавычки, – стоили мне и другим продюсерам потерянного времени и обошлись в круглую сумму. Мы не любим терять деньги. Поэтому мы были вынуждены внести радикальные изменения, чтобы уложиться в график и бюджет.

Рука Джека, все еще покоившаяся на моем плече, сжала меня, и у меня возникло щемящее предчувствие: что бы там Харви ни собирался нам сказать, нам это вряд ли понравится.

– Что же это за радикальные изменения? – спросил Джек с улыбкой «я умею быть обаяшкой», криво сидящей на его лице.

– Для начала мы хотим начать с современной сюжетной рамки, чтобы проработать все нестыковки до того, как сюда приедут большие звезды для съемки исторической части с Робертом и Луизой Вандерхорст и Джозефом Лонго. Одни только костюмы обойдутся нам в целое состояние, поэтому мы были вынуждены кое-что слегка подредактировать.

Я почувствовала, как Джек вздрогнул. Книга Марка уже настолько отдалилась от реальности, что почти не походила на историю, на которой она была основана. И Джек не знал и половины этого.

– Что именно? – спросил Джек, едва шевеля губами, чтобы не перестать улыбаться.

– Мы наняли молодых неизвестных актеров, чтобы они сыграли вас двоих. Мы подумали, что нашей более молодой зрительской аудитории нужны актеры, с которыми они могли бы соотнести себя, а их более низкие гонорары оплаты помогут мне не выйти за рамки бюджета.

– А как насчет Кэтрин Хейгл и Роба Лоу? – спросила я.

Хотя я старалась не увлекаться звездами, тот факт, что мой дом будут украшать две голливудские звезды, определенно ударил мне в голову.

– В конце концов, они будут здесь. Вот почему мы хотим сначала отснять современные эпизоды фильма, чтобы решить любые технические проблемы. – Он многозначительно посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Джека. – Теперь, когда у вас есть шкурный интерес, мы надеемся, что все пройдет гладко и завершится вовремя без каких-либо предыдущих «технических сложностей». – Он снова изобразил пальцами кавычки.

– Это радикальное изменение? – спросил Джек, и часть напряжения покинула его тело. – Экономия средства не критична. Полагаю, для съемок фильма это даже было бы необходимо.

Харви ухмыльнулся. Сгустившиеся сумерки стали отличным фоном для его белых вставных зубов.

– Я не закончил. Мы также добавляем больше секса… массу секса. Секс хорошо продается, а в нашем деле главное конечная выручка.

Мне стало муторно. Я читала книгу, и она была довольно откровенной. Неужели Харви пытается претендовать на рейтинг R?

Или даже хуже. Я подумала, что сейчас самое время воззвать к лучшей стороне его натуры. Или, поскольку ее у него явно не было, к чувству чести и порядочности. Я представила себе, как мои собственные мысли заставляют меня закатить глаза.

Набрав полную грудь воздуха, я сказала:

– Вообще-то, Харви, в реальной жизни у Луизы Вандерхорст и Джозефа Лонго не было романа, о котором упоминается в книге Марка. Луиза и ее муж были безумно влюблены друг в друга. Она бы не предала его и не бросила бы их сына.

Его ухмылка осталась на месте.

– Как я уже сказал, секс увеличивает продажи…

– Но это не сексуальная история, – перебил его Джек. – Думать так может лишь тот, кто полностью лишен ума и видения.

Улыбка Славного Парня Джека превратилась в угрожающий оскал.

Я положила ладонь на его руку. Я не слишком хорошо знала Харви Бекнера, но была почти уверена: он не из тех, кто готов молча выслушивать оскорбления в адрес его артистических способностей. Особенно когда это делает кто-то, чьи таланты он явно считал слабыми.

Я прочистила горло и изобразила улыбку:

– Я рада, что у нас есть возможность поговорить до начала съемок, Харви. Я читала книгу Марка и должна сказать, что меня отталкивают не только ее исторические неточности, но и безумная жизнь Джона и Марго Треллис. Люди узнают, что это мы, и могут даже поверить, что у нас дома устраиваются безумные секс-вечеринки.

Джек сделал шаг вперед. Я предостерегающе сжала его руку и продолжила:

– Пожалуйста, помните, что в доме живут девушка-подросток и двое малышей. Мне кажется, история убийства Луизы и то, как мы с Джеком нашли алмазы Конфедерации, куда интереснее, нежели непристойный вымысел. Я уверена, если вы позволите Джеку посмотреть сценарий, он сможет…

Джек потянул меня обратно.

– Довольно, Мелли. Я и сам могу сражаться в своих битвах.

Он по-прежнему улыбался, но его мышцы напряглись под моей рукой.

Харви скрестил на груди руки:

– Тогда я предполагаю, что Джек не читал книгу.

Я посмотрела на Джека, чтобы извиниться, или предупредить его, или убедиться, что он знает, что мы с ним заодно. Хотя, призналась я себе, будь у меня в руках книга Марка, я бы огрела ею Джека. Он должен был прочесть ее за несколько месяцев до всего до этого. Мы оба должны были. Но кусать локти было уже слишком поздно.

– Нет, не читал, – сказал Джек. – Для моего личного чтения я предпочитаю книги, написанные выше уровня четвертого класса.

Харви издал звук, который в его понимании, вероятно, был смехом. Из-за ботокса по его лицу это было трудно определить. Я представила себе, как дьявол издает этот же звук всякий раз, когда захватывает очередную человеческую душу.

– Да. Но уже поздно возражать против сценария. Вы должны были подумать об этом прежде, чем спешить подписывать контракт. В любом случае ваше мнение не играет роли. Нет, при желании вы можете довести его до сведения нового режиссера, но что-то подсказывает мне, что он скажет вам то же самое.

– Новому режиссеру? – переспросил Джек.

– Да. – Ухмылка Харви сделалась шире. – Это еще одно радикальное изменение. Оно потребовало некоторых усилий, но в конечном итоге я убедил других продюсеров, что мы можем сэкономить кучу денег, наняв другого режиссера. Пусть с меньшим опытом, но уже знакомого с историей.

Мне не нужно было смотреть на Джека, чтобы понять: мы пришли к одному выводу. Я скорее почувствовала, нежели услышала его вздох – холодный ночной воздух пульсировал между нами, словно живое существо. Словно по вызову, к обочине подъехал огромный черный «кадиллак-эскалада». Его окна вибрировали от тяжелого ритма рэпа, пока водитель не выключил зажигание и не открыл дверь. Через секунду Марк Лонго уже шагал к нам. Его копна седых волос резко выделялась на фоне уже темного неба, а широкая улыбка пугала меня даже больше, чем любой потусторонний призрак.

Он остановился перед нами, небрежно подбрасывая ключи от машины.

– Джек и Мелани. Как вам моя новая машина? Я подумал, раз Нола села за руль, мне нужно что-то надежное. Как я понимаю, Харви

уже сообщил вам хорошие новости.

Не будь я знакома с его развязными манерами и ненормально седыми волосами, я бы не узнала Марка. Он всегда носил консервативные, но стильные итальянские костюмы или хрустящие льняные брюки и мокасины от Гуччи. И он предпочитал в своей автомобильной стереосистеме оперную музыку – по крайней мере, когда мы встречались. Но эта новая версия Марка Лонго была почти неузнаваема. И, похоже, невыносима. Тот факт, что это была не та версия, которую он продемонстрировал нам во время переговоров в моем офисе или в беседе с нашими адвокатами, тотчас вызвала во мне приливные волны тревоги.

Марк опустил голову и положил ключи в висевшую на плече сумку, идентичную той, какую Харви носил на груди. На мочке его левого уха что-то блеснуло, отразив свет дома, и я даже без очков поняла, что Марк теперь носит серьгу. Или даже две. Я посмотрела на Джека, чтобы оценить его реакцию, но была слишком загипнотизирована крушением поезда, которому вот-вот должна была стать свидетельницей.

– Привет, Мэтт. Идеальное время. Только что звонил Билли Айдол. Сказал, что хочет вернуть свои волосы. – Взгляд Джека скользнул вниз, к неоново-зеленым брюкам Марка и такой же рубашке и черной кожаной куртке с множеством молний, небрежно перекинутой через плечо. – Ты похож на любимого ребенка Билли Айдола с куклой-троллем. Пожалуйста, зайди внутрь и переоденься, чтобы я мог воспринимать тебя серьезно.

Почти незаметное движение губ изменило улыбку Марка, сделав ее зловещей.

– Вечный шутник, не так ли, Джек? Смотрю, ты не слишком далеко продвинулся в жизни, верно?

Я отступила назад и в знак солидарности встала рядом с Джеком. Он взял меня за руку. Его прикосновение обожгло мою ладонь. Внешне я оставалась спокойна, но внутри меня все полыхало. Я почти слышала, как он стиснул зубы, как напряглась его челюсть.

Джек пожал плечами:

– Я бы так не сказал. Я попадал в списки бестселлеров и получил несколько писательских наград за книги, которые, кстати, написал сам.

Не знаю, был ли это обман зрения или же Марк моргнул, но внезапно его глаза потемнели. Свет из дома больше не отражался в них, как будто он щелкнул выключателем. Джек, должно быть, тоже это заметил, потому что сжал мою руку.

– Какая разница? По моей книге снимается перспективный кинофильм, и я не только написал сценарий, но и буду его режиссером. Видимо, ты не в курсе, что я изучал кино в колледже. Более того, на моем счету несколько короткометражных фильмов, которые я снял на выпускном курсе, а также документальный фильм о разведении аллигаторов, который чуть не получил награду.

– Ты прав. Я не знал. И, если честно, я удивлен. Мне казалось, твое образование закончилось на восьмом классе.

Ноздри Марка раздулись.

– Главное, держитесь подальше от съемочной группы и актеров… Если только не захотите разносить кофе или пополнять запас туалетной бумаги.

– Я бы с великим удовольствием лично приносил тебе кофе и туалетную бумагу, – парировал Джек. За его приветливой улыбкой наверняка скрывались коварные планы, которые – я не сомневалась – он уже прокручивал в своем изобретательном уме.

Харви направился к веранде.

– Ладно, Марк. Давай не будем тратить время на этих двоих. У нас куча работы, которую нужно успеть сделать до завтра.

Было видно, что Марк не хочет оставить за Джеком последнее слово, но после нескольких фальстартов последовал за Харви в дом. Джек, не двигаясь, посмотрел им вслед и продолжал крепко держать мою руку. Мы долго стояли молча, прежде чем он наконец заговорил:

– За все годы, что я был трезвым, мне никогда так не хотелось напиться, как сейчас.

Он посмотрел на меня, и мне вспомнились глаза Марка, то, как в них исчез свет. Но в глазах Джека не было угрозы, просто они были пусты. Мимо нас продолжали носиться члены съемочной группы. Я потянула Джека за руку и повела его в блаженно-пустой боковой сад, где на древнем дубе висели качели Невина Вандерхорста. Именно там я заметила Луизу во время моего первого визита в дом, когда я надеялась включить его в список выставленных на продажу зданий. Но вместо этого Невин Вандерхорст умер и завещал его мне. Впервые за

долгое время я задумалась, не лучше ли было бы вообще никогда не переступать его порог.

Я подвела Джека к скамейке. Он сел и тут же обхватил голову руками. А когда заговорил, его голос звучал глухо.

– И как только я мог быть таким болваном?

– Это не твоя вина, Джек. Конечно, нам не хватало информации, но учитывая все, что произошло в декабре… А затем Марк с его идеей якобы обелить твое имя и сохранить лицо предложил тебе процент от дохода за историю, которую создал ты, а не кто-то другой… Нам обоим хотелось верить, что удача вновь улыбнулась нам.

– Но ведь я знал, что ему доверия нет. Знал. И все же позволил ему взять надо мной верх.

– Мы оба знали, – поправила я его. – Мы это исправим. Мы всегда разгадываем тайны, разве не так? Если беремся за разгадку вместе.

Он посмотрел на меня, но его глаза были в тени.

– Это никак не связано с тобой, Мелли.

Я отпрянула.

– Что?

Он встал и принялся расхаживать взад-вперед.

– Извини. Я неправильно выразился. Просто… поскольку мы сейчас не вместе, я заставляю себя не думать о нас как о команде. Чтобы увидеть, что из этого получится.

Я стояла, потирая руки, чтобы согреться. Холодный ветерок шуршал над нами фестонами испанского мха и раскачивал старые качели.

– И?

Джек пристально посмотрел на меня, затем нежно взял мое лицо в свои ладони. Мое тело тотчас согрелось от этого единственного прикосновения.

– Я здорово облажался.

На этот раз я не стала закрывать глаза, желая видеть лицо Джека, когда он наклонился ко мне. Воздух вокруг нас вибрировал, как оголенный провод. Мы смотрели друг на друга в саду, стоя недалеко от того места, где когда-то произнесли наши брачные обеты. Хотя мир вокруг нас заходился в крике, а стены нашей жизни, казалось бы, рушились по периферии, это все еще были мы. Я это знала. Но хотя я

ждала, когда Джек сократит дистанцию, я не была уверена, что Джек это сделает.

Он опустил руки. Отступил назад.

– Это было бы ошибкой. Потому что это ничего не решит.

Прежняя Мелани, вечно тыкая пальцем в тонкий слой новой Мелани, которой я пыталась быть, возразила бы, что он неправ. Что мы уже так много пережили, потому что делали это вместе. Но вредная новая Мелани зажала рукой рот старой Мелли, поняв наконец, что Джек должен сам прийти к собственному выводу, без какого-либо принуждения. Его убежденность была одной из тех черт, которые мне в нем нравились. И причиной, почему мы поженились. Он просто никогда не сдавался.

Хотя бывали моменты – вроде этого, – когда мне хотелось броситься ему на шею и стереть все сомнения в том, что нам предначертано быть вместе, и лишь потом разгребать последствия. Я отогнала воспоминание о зачатии близнецов, которое было из разряда таких вещей.

Джек провел руками по волосам.

– Я разберусь с этим, хотя мне кажется, что я ни хрена не могу сделать.

Я вздрогнула, услышав «я» вместо «мы». Но тотчас отодвинула боль в сторону, решив подумать об этом позже.

– Не говори так, – сказала я. – У тебя есть дар разгадывать головоломки.

Уголок его рта на мгновение приподнялся.

– Что делает еще более невероятным тот факт, что я с такой легкостью позволил обвести себя вокруг пальца. Если бы я мог… – Он внезапно умолк и посмотрел на меня.

– Если бы ты мог что?

Он покачал головой:

– Ничего. – Он оглянулся на дом, все еще залитый ярким светом, словно национальный памятник. – Я не могу заставить себя войти туда прямо сейчас и видеть их злорадные рожи. Хочу немного поколесить вокруг, дать себе время подумать. Я вернусь вовремя, чтобы уложить близнецов спать и крикнуть Ноле, чтобы она выключила музыку.

– Я им передам.

Джек кивнул и помахал рукой. Я стояла неподвижно, наблюдая за ним. Он замедлил шаг и повернулся ко мне.

– Это был номер три, – сказал он и зашагал дальше. Я смотрела ему вслед, пока садовая калитка не захлопнулась.

Меня окутал всепоглощающий аромат роз, погрузив в мысли о лете, хотя еще не закончился февраль. Сзади раздался тихий скрипучий звук, и я в ожидании затаила дыхание. Мне не было страшно. Я вспомнила этот звук, когда впервые попала на Трэдд-стрит, в дом номер 55. Казалось, это было тысячу лет назад.

Я обернулась и увидела, как качели раскачиваются взад-вперед, слишком высоко и ритмично, чтобы их приводил в движение только ветер. Что напомнило мне о том, как я в последний раз видела дух Луизы. Это было сразу после того, как я сделала то, о чем просил Невин Вандерхорст: разгадала тайну исчезновения его матери и обелила ее имя. Она стояла под этим деревом и качала на качелях своего маленького сына, которого давно уже не было в живых. И хотя за прошедшие годы я не раз ощущала аромат ее роз, больше я ее не видела. Я не ожидала увидеть ее сейчас.

Но сегодня вечером что-то было иначе. Я всегда чувствовала ее рядом с детьми в моменты суматохи. Но я была в саду одна. Аромат ее цветка давил на меня, как материнские руки. Я прищурилась, глядя в дальний угол сада, пытаясь разглядеть что-то в тусклом свете, отбрасываемом домом.

– Луиза? – Единственное слово украдкой проделало путь по тихому саду. Скрип качелей продолжился, как своего рода подтверждение. Своим присутствием она пыталась сказать мне что-то, что не имело никакого отношения к детям.

Я слышала, как открылась и закрылась задняя дверь, как двое мужчин, шагая к цистерне, спорили, сыпля грязными ругательствами куда обильнее, чем жуки-пальметто откладывают яйца. Я, не оборачиваясь, узнала голоса Харви и Марка. Я была зла на них за то, что они нарушили тишину моего сада.

Качели внезапно закружились и завертелись, пока веревки не скрутились туго, как готовая к броску змея. Я, затаив дыхание, ждала. Между тем невидимые руки отпустили качели, веревка раскрутилась, и они налетели на ствол дерева. Я наблюдала за ними, пока они не

повисли ровно. Теперь их едва заметное покачивание объяснялось лишь легким ветерком.

Я посмотрела на спорящих мужчин и наконец поняла, что пыталась сказать мне Луиза. Этот дом стал частью нашей семьи, которую я собрала под его крышей. Как когда-то Луиза. Нашим долгом было защитить его и живущих в нем людей. Я привыкла воспринимать свой «дар» как обузу, но теперь впервые начала видеть его возможности.

Я глубоко вдохнула. Воздух был наполнен цветочным ароматом. Я мысленно перебрала все свои обещания Джеку и свое стремление стать лучше. Но Джек уехал, чтобы подумать, чтобы додуматься до чего-то самому. Я не возражала. Разве он не говорил, причем не раз, что одна голова хорошо, а две лучше? Сможем ли мы решить нашу общую проблему каждый своим способом? Мы могли бы работать вместе, но в то же время порознь. Ведь мы боролись за нашу семью и за наш дом, только с разных сторон. Важен был результат, а не средства.

Я посмотрела вверх, на ветки дерева, под которым когда-то стояла Луиза, раскачивая на качелях своего маленького сына.

– Спасибо, – прошептала я в ночной воздух, и листья зашелестели на ветру, словно крошечные человечки, хлопающие в ладоши.

Расправив плечи, я зашагала через сад к дому, готовая к битве. Приблизившись к уже закрытой цистерне, я почувствовала, как мурашки пробежали по моему затылку, и замедлила шаг. Кто-то или что-то наблюдало за мной из тени. И этот кто-то не нес в себе угрозы, он просто… испытывал любопытство. Я вспомнила следы на снегу и то, что Меган Блэк нашла в грязи возле цистерны. Как она решила, что это могло быть из могилы.

Я не повернула голову, не желая признавать его присутствие – или иметь дело с тем, чем бы это ни было. Я не сомневалась: когда-нибудь мне придется это сделать, но не сейчас. У меня имелись куда более насущные проблемы, требовавшие решительных действий с моей стороны. Например, спасение моего брака и восстановление мира и спокойствия в нашем семейном доме и со всеми, кто жил в его древних, неспокойных стенах. А еще мне нужно было отомстить Марку Лонго за всю ту боль и страдания, которые он причинил нам с

Джеком. Да, мы подписали договор. Но он был не единственным, кто мог вести грязные игры.

Я пошла дальше, не уверенная, что ощущение нежных рук, толкающих меня вперед, было всего лишь плодом моего воображения.

Глава 11

Я сидела, свернувшись калачиком в шезлонге в гостевой комнате, и ждала Джека. Меня одолевало искушение лечь на его пустую кровать, но я не хотела подавать ни одному из нас никаких идей. Чтобы не заснуть, я слушала на своем айфоне подкаст Бо Райана. Захватывающее название «Стуки в ночи и другие невероятности» помогло мне не уснуть, но не потому, что мне было страшно. Закрыв экран, я сидела в темноте. Комнату освещал лишь ночник в коридоре, а мои мысли метались между тревогой за Джека и тем, что я слушала.

Меня все еще трясло от волнения, когда снизу донеслись три удара напольных часов. Затем я услышала звук шагов на лестнице, возвещающий о возвращении Джека. Мои плечи и шея тотчас расслабились. Затаив дыхание, я слушала, как Джек поднимается по ступенькам. За относительно короткий срок, прожитый в этом доме, я запомнила каждую скрипучую половицу, каждую ступеньку. Интересно, означает ли это, что теперь между нами существует прочная связь? Я была как та мать, что узнает плач своего ребенка в комнате, полной плачущих младенцев.

Его шаги замерли наверху лестницы, как будто он обдумывал, куда ему повернуть. В конце концов он медленно направился к гостевой комнате, где остановился в дверях. Ночник в коридоре подсвечивал его высокую худощавую фигуру.

– Мелли?

Я не ответила и не пошелохнулась. Более того, затаила дыхание. Но он знал, что я здесь. Даже он не мог отрицать существовавшее между нами притяжение и то, что мы составляем единое целое. Мы как два фрагмента пазла с прорезями и углублениями во всех нужных местах.

Я слышала, как он пошарил рукой по стене в поисках выключателя. В следующее мгновение зажглись две прикроватные лампы и старинный фарфоровый светильник на потолке. Комнату

залил яркий свет. Взгляд Джека остановился на мне, сжавшейся в комок в шезлонге. Выражение его лица было непроницаемым.

– Джек. – Я хотела встать и обнять его, но сумела остаться на месте. Вместо этого я нарочито спокойным голосом сказала: – Где ты был? Я волновалась.

Он впился в меня взглядом голубых глаз, заставив забыть про собственный вопрос.

– Извини. Я бы позвонил, но я думал, что ты уже спишь, и не хотел тебя будить. – Джек закрыл за собой дверь, принеся с собой запах кожи и свежего зимнего воздуха. Войдя, он снял куртку и небрежно бросил ее на стул. Я машинально сжала кулаки. Я с трудом подавила в себе желание вскочить и повесить ее как следует.

– Я повешу ее позже, – сказал он, как будто читая мои мысли, и, сев на край кровати, наклонился вперед, уперся локтями в колени и сцепил руки. – Я бесцельно ездил по округе, сжигая бензин. Доехал до Галлен-Холла и ненадолго припарковался перед кладбищем. Не волнуйся. Там все было тихо. Никаких солдат Войны за независимость или тел, свисающих с деревьев. И все дыры в ограде были заделаны.

– Что ж, рада слышать. – Я попыталась скрыть неуверенность в голосе. – Я удивлена, что ты туда вернулся. Тем более что ты не веришь во второй шанс. – Я издала наигранный смешок, который даже мне показался фальшивым.

– Нет, не верю. Поверь мне, я бы не хотел вновь пережить эту сцену на кладбище. Я только… – Он пожал плечами. – Это почти как если бы моя машина поехала туда сама по себе. Как будто она знала, что мне нужно немного тишины. Тот дом продается. Ты в курсе? Интересно, нужны ли Энтони деньги для судебного процесса против собственного брата?

– Я бы не удивилась. Сомневаюсь, что Энтони позволит Марку снова помыкать собой. Хотелось бы надеяться, что Энтони усвоил урок.

Мы молча посмотрели друг на друга. Джек явно хотел что-то сказать, но, похоже, не хотел говорить, как и я, хотя, скорее всего, по другой причине. Я скучала по нашим ночным разговорам в постели, и этот был почти таким же. Мне не хотелось, чтобы он закончился. Последние пару месяцев мне было трудно засыпать без Джека, ведь раньше, засыпая, я всегда слышала его голос.

Мои глаза, должно быть, медленно слипались, потому что, когда Джек наконец заговорил, я вздрогнула и открыла их.

– Ты не ложилась, чтобы понюхать мое дыхание? – Его тон был лишь отчасти шутливым.

– Конечно нет. – Старая Мелли остановилась бы на этом, чтобы оставить неприятности позади и перейти к более приятным темам. Вместо этого я спросила: – Почему? У тебя было искушение?

Не сводя глаз с моего лица, он кивнул:

– Еще какое! Вот почему моей первой остановкой было желание увидеть твоего отца.

Джек был спонсором моего отца в Анонимных алкоголиках, и тот уже второй раз оказывал ему ответную услугу.

– И тебе сейчас лучше?

– Намного. Я много думал, пока ехал. Я заставил себя смириться с тем, что сделал Марк. Полагаю, я смогу потерпеть его еще немного. У нас обоих есть причины хотеть, чтобы фильм получился успешным, так что, думаю, мне просто нужно улыбаться и терпеть. Нам обоим.

При мысли о том, что Марк так же несчастен, как и он сам, Джек улыбнулся:

– Лучшая новость: я придумал довольно захватывающую сюжетную идею. Мне еще нужно все хорошенько обдумать, сделать кое-какие заметки, но мне не терпится приступить к новому проекту, как только он приобретет более-менее ясные очертания. Я давно уже не горел таким желанием взяться за работу.

– Это замечательно, – сказала я. – О чем сюжет?

Он покачал головой:

– Не хочу говорить. Пока. По крайней мере, какое-то время. Сначала нужно, так сказать, посеять зерна, прежде чем я смогу поделиться с тобой.

– Понимаю, – сказала я, хотя, если честно, ничего не поняла. В конце концов, я все еще его жена. И раньше он всегда делился со мной идеями для своих книг. Что заставило меня задуматься, что же такого необычного в этой новой задумке. Но писатели, как я давно поняла, особые люди, с таким количеством странностей, что я отказалась от попыток разобраться в них.

Джек сбросил туфли и закинул ноги на кровать. Сплетя пальцы за головой, он откинулся на подушки, как делал это раньше. Я

вспомнила, как забиралась в постель и клала голову ему на грудь, слушая, как она рокочет, когда он говорил, и как иногда его руки скользила вниз, ложась мне на плечи или бедра, а потом…

– Мелли?

Я отпрянула, поняв, что, пока он говорил, я не сводила глаз с его груди.

– Прости, что ты сказал?

– Я спросил, почему ты ждала меня. Ты могла просто послать мне сообщение или оставить записку. Думаю, ты бы мне позвонила, будь это что-то экстренное.

– Знаю. Но я не думала, что ты придешь так поздно. А потом я начала слушать подкаст Бо и утратила счет времени. – Я села прямо, вновь взволнованная. – Ты слушал его?

– Его подкаст? Нет. С какой стати?

– С такой. Ведь этот человек работает у твоих родителей и находится в непосредственной близости от Нолы.

Джек сел прямо и поставил ноги на пол.

– Это почему же? Он что, сатанист? – он сделал огромные глаза. Очевидно, его посетил новый ужас. – Или коммунист? Впрочем, невелика разница, и все же он не тот человек, с которым Ноле следует водить дружбу.

Я покачала головой:

– Если бы. Все намного хуже.

– Хуже?

Я кивнула:

– Вся цель его подкаста – развенчивать истории о привидениях и разоблачать мошенников-экстрасенсов.

Он пристально посмотрел на меня и моргнул лишь один раз.

– Кажется, я чего-то не догоняю.

– Разве ты не видишь? Он прочел книгу Марка, и так он узнал обо мне… вероятно, именно поэтому он устроился на работу в ваш антикварный магазин. Все это напоминает некий… большой план или что-то в этом роде.

– Большой план чего? Звучит, как если бы ты аплодировала тому, кто проливает свет на тех, кто способен опошлить других, таких как ты, обладающих настоящим даром.

– Больше похоже на зоб на горле, ну да ладно. Просто кого-то с тайными намерениями не следует так легко приглашать в нашу жизнь. – Я закрыла глаза и покачала головой. – Одному Богу известно, что Нола могла нечаянно рассказать ему обо мне, Джейн и нашей матери, даже не ведая, что Бо делает записи.

Джек встал:

– Послушай, Мелли, его семья владеет в Новом Орлеане антикварным магазином, так что вполне логично, что здесь, в Чарльстоне, он искал похожую работу. Думаю, это просто счастливое совпадение, что мои родители связаны с тобой семейными узами.

Мы посмотрели друг на друга.

– Вот только совпадений не бывает, – сказали мы в один голос. Это была мантра Джека еще до нашего с ним знакомства, и в последующие годы она стала и моей тоже. В основном потому, что это всегда было правдой.

– Мы должны поговорить с твоими родителями. Возможно, им следует уволить его или сделать так, чтобы он и Нола не работали в одно и то же время…

Джек шагнул вперед и приложил палец к моим губам.

– Погоди, прежде чем делать поспешные выводы, почему бы нам не поговорить с Бо? Послушать, что он скажет? – Он опустил руку, и я подавила желание облизать губы. Джек же продолжил: – В любом случае я сомневаюсь, что тебе есть о чем беспокоиться. Ты никогда не афишировала свои экстрасенсорные способности. Все духи, с которыми ты имела дело с тех пор, как я знаю тебя, нашли тебя сами, а не наоборот. Если бы он хотел сделать о тебе серию подкастов, думаю, что она получилась бы очень короткой. – Джек криво усмехнулся. – Если только он не хотел обсудить методы организации твоей жизни. Этого хватит на целый год эпизодов. Если не больше.

Я встала лицом к нему.

– Конечно. Теперь можешь смеяться. Но если Бо действительно захочет пойти по этому пути, я могу стать следующей Мари Кондо[1], и мне до конца наших дней не придется беспокоиться о деньгах.

Джек усмехнулся:

– Что ж, давай скажем об этом Бо, когда у нас состоится небольшая беседа. – Он прищурился, пристально на меня глядя. – У тебя ресница вот-вот упадет в глаз. Подожди секунду, не двигайся.

Он шагнул ближе. Я ощутила на своем лице его теплое дыхание, согревшее все мое тело.

– Посмотри вверх. – Положив руку мне на затылок, он осторожно удалил выпавшую ресницу.

– Понятно, – сказал он, но не отступил назад и руку с моего затылка не убрал. – Думаю, теперь ты можешь идти.

Я не сдвинулась с места и даже несколько раз моргнула в надежде, что выпадет еще одна ресница.

– Ты уверен? – Я закрыла глаза, наслаждаясь ощущением того, что снова стою так близко к нему. Я наклонилась ближе.

– Мелли?

Я распахнула глаза:

– Да?

– Есть еще что-то, что ты хотела бы мне сказать? Уже поздно.

– Ах да, верно. – Я отступила назад. – Я хотела сообщить тебе, что завтра утром в десять у меня встреча с Ивонной Крейг. Вдруг ты тоже захочешь пойти. – Я старалась не выдать надежды в голосе. – Я попросила ее узнать все, что можно, про участок рядом с цистерной. Подробности я объясню тебе завтра, но, похоже, мы нашли рядом с цистерной какую-то могилу.

Джек даже бровью не повел.

– Ведь это не был бы наш дом, если бы где-то не был зарыт хотя бы один скелет. Я даже не могу притвориться, что удивлен. – Он посмотрел на потолок. – Уверен, что мой календарь совершенно пуст, поэтому я свободен. – Он зевнул, но деликатно прикрыл рот рукой, потому что его вырастила Амелия Тренхольм. – Что-нибудь еще?

– Последнее… обещаю. Вчера я получила странное сообщение. С кодом города 843, так что это номер местный, но я его не узнала.

– И что было в сообщении?

– Ты огорчишься. Сплошные «кричащие кэпслоки».

– Кричащие кэпслоки? – Джек невольно улыбнулся. – Вряд ли это так называется.

– Представь себе, именно так. Скажи я просто «сплошные кэпслоки», это могло означать, что кто-то просто забыл снять блокировку заглавных букв. Но так как они «кричащие кэпслоки», ты знаешь, что они преднамеренные и что эти слова должны были выкрикиваться специально для тебя. Есть большая разница.

Джек сделал серьезное лицо.

– Тогда все в порядке. Возможно, я воспользуюсь этим в своей следующей книге. – Он вытащил из заднего кармана телефон и включил экран. – Что это был за номер?

– Я уже погуглила, – заявила я с гордостью. – Ни одного совпадения.

– Хорошая мысль. – Его взгляд был теплым, и я была жутко довольна собой, даже больше, чем того требовал простой поиск в Гугле. – Но все равно дай мне его. Возможно, это кто-то, кого я знаю, просто он не внесен в список моих контактов.

Мой позвоночник напрягся.

– Но зачем…

– Я просто выдвигаю гипотезу, Мелли. У меня большой опыт интервьюирования для моих книг людей, которые предпочитают не слишком засвечиваться. Не то чтобы у них имелась причина послать вам сообщение или заполучить ваш номер. Тем не менее я должен проверить. И я клянусь, что у меня нет никакой грязной интрижки.

– Я не говорила, что она у тебя была.

– В этом не было необходимости. Похоже, я приобрел сверхъестественную способность следить за ходом твоих мыслей, когда они от предположения переходят к умозаключению, не делая остановки посередине. Думаю, это может быть инстинкт самосохранения моих доисторических предков.

Я прищурилась:

– Жаль, что ты не продвинулся дальше по эволюционному пути. Думаю, мне стоит радоваться, что отец моих детей может стоять прямо.

– А я подумал было, что тебе даже нравится кое-что из моего животного поведения.

Мои щеки залила краска. Я отчетливо вспомнила, как сильно мне оно нравилось, но, чтобы не смотреть на Джека, потянулась к телефону и взглянула на номер. Джек тем временем вбивал его в свой телефон, и его рот определенно кривился в ухмылке.

Он покачал головой:

– Его нет в моем списке контактов. Нам следует…

– Сказать детективу Райли, – закончила я за него. – Я уже это сделала. Он сказал, что сообщит мне, если что-то найдет.

Джек вознаградил меня своей шикарной улыбкой.

– Молодчина, Мелли. Красота и мозги. Я знал, что наверняка имелась причина, почему я женился на тебе.

Он явно хотел, чтобы его слова прозвучали легко и игриво, но незаданный вопрос тяжело засел у меня в груди. Но недостаточно причин, чтобы остаться со мной?

Я сделала шаг к двери, не зная, чего мне хочется больше – уйти или остаться.

– Думаю, нам обоим пора спать. – Я нахмурилась. Мой усталый мозг прокручивал то, что я только что сказала вслух. – В смысле, отдельно. Ты здесь. А я там. В наших кроватях. Но не вместе. – Похоже, мне нужно было перестать так много времени проводить с Джейн.

– Спокойной ночи, Мелли.

Я попятилась к двери и остановилась лишь тогда, когда моя рука коснулась дверной ручки. Несмотря на усталость, мне все равно не хотелось уходить. Быть с Джеком, даже не прикасаясь, доставляло мне счастье. У меня даже промелькнула мысль спросить его, а нельзя ли мне поспать в шезлонге, чтобы знать, что он рядом. Вместо этого я уставилась на древний фарфоровый потолочный светильник.

– Я хочу позвонить Греко. Он проделал такой великолепный ремонт в спальне Нолы, что я бы хотела, чтобы он переделал гостевую комнату для одного из близнецов. В какой-то момент они больше не захотят делить детскую. Джейн говорит, что, если сделать это раньше, чем позже, это не будет таким стрессом для Джей-Джея и Сары.

– Звучит неплохо. Но нельзя ли с этим подождать?

– Конечно. Мы можем поговорить об этом завтра.

– Нет, я имел в виду, что все еще ночую здесь. Я бы предпочел, чтобы Греко приступил к работе после того, как я уйду.

Его слова задели меня за живое. Я не думала о том, что Джек уйдет. Я была так счастлива, что он хотя бы под одной крышей со мной, что совсем не подумала, что это может быть временно. Почему-то мне казалось, что Джек тоже не считал это временным.

– Да, конечно. – Я улыбнулась, чтобы скрыть комок в горле, и повернула дверную ручку. – Спокойной ночи, Джек, – сказала я и вышла в коридор.

Тишину ночи взорвал пронзительный крик из-за закрытой двери спальни Нолы. Я бросилась к ее комнате, Джек следом за мной. К моему удивлению, дверь открылась сама по себе, и мы, запыхавшись, застыли в дверях, нащупывая выключатель. Потолочный светильник вспыхнул ярким светом, а затем с громким хлопком взорвался мелкими осколками.

– Со мной все в порядке, – сказала Нола из темноты. Она включила прикроватную лампу, и мы увидели, что она сидит в кровати, и лишь черная футболка с Брэдом Пейсли отделяла ее мертвенно-бледное лицо от белых простыней. – Кто-то был здесь… рядом с моей кроватью.

Джек перешел в режим спецопераций – заглянул под ее кровать и в шкаф. Затем исчез в ее ванной, и я услышала, как он отдернул занавеску в душе.

Мимо нас проплыл запах дыма – я тотчас повернула голову к окну, выходящему на цистерну и задний сад. Там было темно, и все же я заметила удаляющуюся от дома тень, которая была темнее ночи.

Джек вернулся, и мы сели на край кровати Нолы.

– Думаю, твой ночной гость не был злоумышленником. – Джек на мгновение встретился со мной взглядом.

Я взяла ледяную руку Нолы.

– Это была девушка, – сказала Нола. – Примерно моего возраста… возможно, чуть младше, лет пятнадцати или шестнадцати. И она была одета в старомодную одежду.

Джек нахмурился:

– Ты закричала. Она сделала тебе больно?

Нола покачала головой:

– Нет. Она просто… напугала меня. Я спала и вдруг почувствовала… на моей руке чью-то ледяную руку. Как будто кто-то пытался меня разбудить. А когда я открыла глаза, то увидела, что рядом с моей кроватью кто-то стоит. – Нола сглотнула. – Она не напугала меня. Она была… печальной. И, похоже, хотела мне что-то сказать. – Нола посмотрела на Джека, а потом снова на меня. – Я закричала, потому что включила фонарик на телефоне, чтобы лучше ее разглядеть. И тогда я увидела ее лицо. – Ее рука задрожала в моей, и я сжала ее крепче.

Голос Нолы сделался чуть громче шепота.

– Ее лицо. Оно было… расплавлено. И… – Она снова сглотнула. – У нее не было глаз, или же… они просто растворились в ее расплавленной коже.

Она заплакала, и я прижала ее к себе и нежно похлопала по спине, как любили Джей-Джей и Сара, когда их требовалось успокоить.

– Завтра мы встретимся с Ивонной и узнаем, что происходит, хорошо?

Нола кивнула, уткнувшись носом мне в грудь.

– Хочешь, я останусь здесь с тобой сегодня вечером? Или пойдем в мою комнату? Обещаю не рассказывать твоим подружкам.

Нола подняла голову и вытерла ладонями глаза. На ее губах промелькнула тень улыбки.

– Нет. Но все равно спасибо. Я, наверное, немного почитаю и усну при свете.

– Тебе не страшно? – спросил Джек.

Нола помотала головой:

– Она не хотела меня напугать… я это поняла. Это было просто… чувство. Она хотела, чтобы я знала, что она здесь. Я уверена в этом. Думаю, она пыталась мне что-то сказать. Она здесь не для того, чтобы меня пугать.

Я убрала со лба ее темные волосы:

– Хорошо. Но ты знаешь, где я, если вдруг передумаешь. В холле горит ночник, но если ты захочешь включить там свет, то пожалуйста. Думаю, раз твой крик не разбудил близнецов, свет в коридоре их тоже не разбудит. – Я встала и взбила подушки за ее спиной, а Джек принес из ванной стакан воды. Я шагнула к ней и наклонилась, чтобы поцеловать ее в лоб. – Спокойной ночи, Нола.

Я ощутила сквозь тонкую подошву тапки что-то твердое. Отодвинув ногу в сторону, я увидела серебряную пуговицу, подмигивающую мне из-под плотного плетения ковра. Наклонившись, чтобы поднять ее, я заметила рядом с ней еще четыре. Я собрала все пуговицы и положила их на вытянутую ладонь.

– Должно быть, они с ее амулета, – сказала Нола. – Она была бы примерно такого возраста.

Я кивнула и подумала о надгробии и других предметах, о которых упомянула Меган.

– Надеюсь, Ивонна, когда мы увидим ее завтра, сможет пролить на все это чуть больше света.

Пожелав Ноле спокойной ночи, мы направились к двери. Джек на миг остановился.

– Может, мне стоит оставить дверь открытой?

На мгновение я подумала, что Нола откажется, но она не отказалась:

– Всего на дюйм. Или два. – Она нахмурилась. – Где Порги и Бесс? Они спрыгнули с кровати, когда я вскрикнула.

– Я видел их под кроватью. Там они выглядели вполне довольными, – сказал Джек.

Я вернулась к кровати и опустилась на колени, чтобы заглянуть под нее. Два пушистых шарика лежали рядом друг с другом, их темные круглые глаза посмотрели на меня. Каждый грыз суповую косточку, припасенную специально для Генерала Ли миссис Хулихан. Я не полезла под кровать и не стала отнимать у них лакомство. Так как знала: какими бы милыми они ни были, угроза источнику их пищи могла стоить мне потери пальца. Или даже двух.

Джек помог мне подняться. Мои колени при этом громко хрустнули. Я выпрямилась и повернулась к Ноле.

– Это ты дала собакам кость?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Кто-то это сделал. Кто-то, кто, похоже, любит собак.

Нола откинулась на подушки.

– Какое облегчение. Я сказала тебе, что мне не страшно. Любой, кто любит собак, не может быть плохим человеком, верно?

Джек кашлянул, вероятно, вспомнив неоднократные антисобачьи заявления, которые я делала с тех пор, как унаследовала Генерала Ли.

– Спокойной ночи, Нола, – снова сказала я и вышла вслед за Джеком в коридор. Было видно, как он частично закрыл дверь. – Может, принести линейку? Она сказала на дюйм или два.

– Лучше не надо. Вряд ли это необходимо.

Я попятилась, желая избежать еще одного неловкого момента.

– Спокойной ночи, Джек. Увидимся утром.

– Спокойной ночи, Мелли.

Я зашагала по коридору. Я не стала оборачиваться, чтобы увидеть, смотрит ли он мне вслед, пока не закрыла за собой дверь моей

спальни.

Я положила пуговицы на тумбочку и забралась в постель, благодарная за теплое место, нагретое Генералом Ли. Я долго лежала без сна, глядя в потолок, и слушала, как Генерал Ли облизывает те части своего тела, которые лучше бы он держал в тайне. Но тут звякнул мой телефон. Перевернув его и включив экран, я нашла сообщение от Джека.

ПП № 4

Моему сонному мозгу понадобилось время, чтобы понять, что это значит. Положив телефон на тумбочку, я свернулась калачиком под одеялом и, в конце концов, с улыбкой на губах уснула.

Глава 12

На следующее утро я проснулась от громкого стука. Кто-то колотил в нашу входную дверь. Я рывком села, сбросив с себя раздраженного Генерала Ли, который удобно спал у меня на макушке. Нащупав очки, я нацепила их на нос и, моргая, посмотрела на два будильника, стратегически расположенных в другом конце комнаты. Пять минут седьмого. Я все еще толком не осознала этот факт, как стук в дверь возобновился.

Волоча за собой половину одеяла и спотыкаясь, чтобы не упасть, я вскочила с кровати. Генерал Ли заворчал, а я, кое-как натянув халат и тапочки, бросилась к лестнице. И чуть не столкнулась в коридоре с голым по пояс Джеком, когда от двери донеслось очередное бум-бум, а Сара истошно закричала. Я знала, что это Сара, потому что Джей-Джей мог проспать даже торнадо.

– Я посмотрю, кто там, а ты пока иди к Саре, – сказал Джек, спускаясь по лестнице. Лишь вопли Сары отвлекли мое внимание от обнаженного торса Джека и заставили со всех ног броситься в детскую.

Сара стояла у края своей кроватки, и из ее больших голубых глаз по пухлым щечкам текли огромные слезы. У нее было жалобное выражение лица, какое часто можно увидеть на фигурках, выпускаемых компанией «Прешес моументс», которые Ребекка собирала по причинам, которые я отказывалась понять.

– Мама, – произнесла малышка, протягивая ко мне руки. Я прижала ее к себе. Ее рыдания тут же стихли, и она уткнулась лицом мне в шею.

Я погладила ее по спине и подошла к кроватке Джей-Джея. Тот все еще мирно спал со своим венчиком. В дверь раздался очередной стук. Странно, подумала я, почему Джек так долго на него не отвечает. С Сарой на руках я поспешила из детской и спустилась вниз.

Мы нашли Джека в вестибюле, где он тщетно пытался открыть дверь. Выглянув в боковые фонари, я увидела раздраженного Марка Лонго, а позади него – еще более раздраженного Харви Бекнера. За ними на примыкающей к веранде подъездной дорожке рядом со своими фургонами стояли члены съемочной группы. Я прикрыла ухо Сары ладонью, чтобы моя дочь не слышала изрыгаемых Марком и Харви сквернословий.

– Я не знаю, в чем проблема, – сказал Джек. Его бицепсы напряглись. Он дернул дверную ручку, а затем попытался повернуть ее влево и вправо. Но та, похоже, застряла намертво.

Джек крикнул киношникам, чтобы те шли к задней двери, изобразив руками, что им нужно свернуть за угол. Не доставляй мне такого удовольствия вид его голого торса, пока он махал руками, я бы сказала ему, что задняя дверь тоже вряд ли откроется.

Дверь потряс оглушающий грохот, и мы отступили. Я с тревогой посмотрела на стеклянные боковые фонари от Тиффани и форточку над дверью. Мне было страшно представить гнев Софи, если та найдет хотя бы одну трещину на стекле или вмятину на двери из цельного дерева.

Я уже открыла рот, чтобы крикнуть им, чтобы они прекратили, когда Сара подняла с моего плеча голову, повернулась к двери и указала на нее мокрым указательным пальцем. С ее детских губ сорвалось слово, которое прозвучало как «откройся».

Дверная ручка повернулась, и дверь внезапно открылась. Сыпля новыми отборными ругательствами, Харви и Марк, спотыкаясь, ввалились внутрь. Джек преградил им путь в фойе, а я в знак благодарности нежно сжала пухлую ножку нашей дочери.

Джек стоял перед ними, словно этакий ангел-мститель.

– Прежде чем я спрошу у вас, что вы делаете здесь до оговоренного времени начала съемок, а именно до восьми часов, я требую, чтобы, пока вы находитесь на моей территории, вы следили за своим языком. Я не хочу мыть вам рты с мылом.

Харви сказал Джеку, что тот может сделать с собой, а затем попытался прошмыгнуть мимо него, но Джек даже не сдвинулся с места.

– Я с нетерпением жду встречи с вами, ребята, но не раньше восьми. Почему вы здесь?

Харви ухмыльнулся:

– Потому что в контракте сказано, что мы не можем начинать съемки до восьми утра. Но мы не можем начать съемку, пока не подготовим все необходимое.

– Неужели? – удивился Джек, все еще преграждая вытянутыми руками путь. – Придется прочитать мелкий шрифт в договоре. Если вы правы, я был бы признателен, если бы вы не колотили в дверь. У меня в доме двое младенцев и подросток, и если дети расплачутся, нам всем мало не покажется.

– Это не моя проблема. Я предлагаю вам дать мне ключ, чтобы мне не стучать в дверь. Ваш дверной звонок неисправен.

– Неправда, – сказал Джек. – Просто вы ему не нравитесь.

– Очень смешно, Джек, – сказал Марк, отступая назад, чтобы нажать на кнопку звонка. Тот не издал ни звука.

Джек с серьезным лицом повернулся ко мне.

– Мелани, может, попросишь Сару показать этим господам, как нажимать на дверной звонок?

– У меня нет на это времени, – сказал Харви, вновь пытаясь проскользнуть мимо руки Джека, но безуспешно. – Если вы не пропустите меня…

Договорить ему не дал звук дверного звонка – заливаясь детским смехом, Сара радостно раз за разом нажимала на кнопку.

– Умница, – сказала я, целуя ее в щеку.

– Просто дайте мне гребаный ключ! – потребовал Харви.

– Нет. Вы можете прийти хоть в шесть, если хотите, но эта дверь до восьми не откроется. Ладно, поскольку я парень покладистый и мы уже проснулись, так и быть, я впущу вас. Но только сегодня. И мне все равно, во сколько вы сюда явитесь. Дом не впустит вас даже за минуту до восьми часов. – Он демонстративно смотрел на часы. – Сейчас двадцать минут седьмого. Вы тратите время впустую.

Харви и Джек сердито посмотрели друг на друга. Наконец Харви развернулся и шагнул ближе к двери.

– Никого. Заходите, – сказал он и поманил ожидавшую снаружи команду.

Съемочная группа застыла на подъездной дорожке, глядя на дом, а точнее, на что-то на втором этаже. Харви разразился потоком брани, более или менее призывая команду поторопиться и приступить к

работе. Те в унисон повернули голову, сначала на Харви, затем на окно наверху, затем друг на друга, снова на Харви и так по второму кругу.

Сжав кулаки, Харви стоял в дверном проеме. Под загаром его лицо было багровым, что делало его похожим на воспаленную кисту, которая вот-вот лопнет.

– У вас есть ровно одна минута, чтобы войти внутрь, иначе вы все уволены!

Одетая в школьную форму, Нола вышла из фургона с чем-то, похожим на банку пива в руке. Увидев Джека, она тотчас же поставила ее на землю.

– Привет, пап! – Она широко улыбнулась, но ее улыбка погасла, как только она проследила за взглядами съемочной группы. – О, не бойтесь, – сказала она с видимым облегчением. – Это просто Луиза, милое привидение. Во всяком случае, большую часть времени вам не нужно из-за нее беспокоиться. – Нола взглянула на Харви и снова повернулась к членам съемочной группы. – И она зла не на вас, так что с вами все должно быть в порядке.

Киношники сбились в кучу, бормоча что-то неразборчивое. Их взгляды метались с апоплексически багрового Харви и обратно на окно наверху.

Марк вышел на крыльцо.

– Он настроен серьезно. Идите сюда немедленно, или же считайте себя уволенными.

Смиренно потупив глаза, киношники собрали свое оборудование, поднялись по ступеням на веранду и прошли в парадную дверь.

Марк подождал, пока все войдут, после чего отвел Джека в сторону.

– Послушай, Джек. Мы ведь одна семья, помнишь?

– Неужели, Мэтт? Каин и Авель тоже были братьями, и посмотри, что из этого вышло.

Губы Марка растянулись в натужной улыбке.

– Нам ведь хочется одного и того же, верно?

Джек явно не ожидал услышать такое.

– Я понятия не имел, что тебе тоже хочется исчезнуть и никогда не быть найденным. Кто знал?

Сквозь зубы Марк сказал:

– Я имел в виду, – процедил Марк сквозь зубы, – что мы оба хотим, чтобы это поскорее закончилось, чтобы мы могли получить деньги, а ты – вернуться к своей карьере. Мне кажется, в твоих собственных интересах помогать делу пойти более гладко. Просто дай мне ключ и код сигнализации, и я позабочусь, чтобы никто не шумел до восьми часов. Идет?

Джек сделал вид, будто обдумывает его предложение.

– Знаешь, я лучше пришью голову к ковру. Но спасибо за предложение.

Марк отбросил всякую видимость вежливости.

– Как скажешь. Но передай своей жене, чтобы она заставила этих призраков не мешать нам. Я был вынужден нанять совершенно новую команду. Прежняя была слишком напугана и наотрез отказалась вернуться после всех этих мелких проблем с электричеством, да и других тоже, с которыми они столкнулись в декабре. Мы не можем допустить, чтобы это повторилось снова.

– Я не уверен, что ты имеешь в виду, но если у тебя есть претензии к Мелани, я бы посоветовал тебе поговорить с ней напрямую. Она и без моей помощи скажет тебе, куда ты можешь засунуть свое мнение.

Я бросила Джеку предостерегающий взгляд как раз в тот момент, когда Сара произвела в своем подгузнике пахучий и на редкость громкий залп. Обычно она делала это исключительно для Ребекки, но я предположила, что она считала Марка продолжением его жены. Я бы с удовольствием дала ей пять, знай она, что это такое.

– Мне нужно заняться ребенком. Что касается моих возможностей контролировать любые предполагаемые паранормальные явления в этом доме, то они вне моего контроля. Это старый дом, а в старых домах почти всегда обитают привидения. Смиритесь с этим.

Оставляя за собой шлейф зловонного запаха, я направилась к лестнице. Сара же как будто ничего не замечала благодаря сверхдорогим (и того стоившим) одноразовым подгузникам, которые я надевала детям на ночь. Тканевые подгузники, которые прислала Софи, аккуратно сложенные, хранились в ящике в задней части шкафа. Голос Джека преследовал меня, пока я медленно поднималась по лестнице. На полпути я остановилась и прислушалась.

– Я знаю, что у тебя на уме, Марк. Знаю, зачем тебе нужен ключ. И я не намерен его тебе давать. Ты не в состоянии понять своим скудным умишком, что в нашем доме больше нет никаких сокровищ. Больше нет никаких спрятанных бриллиантов. Не иначе как ты прочел статью в том блоге искателей кладов в прошлом месяце про Алмаз Надежды, иначе бы ты не дышал мне в затылок, требуя ключ. Не задерживай дыхание. – Марк молчал, как бы раздумывая. – Или все-таки задержи. Сейчас мне нужно поговорить с дочерью. – Топая босыми ногами по деревянному полу, Джек прошел мимо Марка на веранду.

Сара извивалась в моих руках, начиная кукситься. К моему облегчению, в прихожую из кухни вошла Джейн.

– Доброе утро! – сказала она, взбегая нам навстречу по лестнице, и тотчас отстранилась и сунула палец себе под нос. – Надеюсь, запах исходит от Сары.

– Очень смешно, – сказала я, передавая ей ребенка. – Я бы помогла тебе, но мне нужно идти играть судью прямо сейчас. Джей-Джей все еще спит. – Я направилась вниз по лестнице.

– Не хочешь сначала одеться? Или хотя бы причесать волосы?

Я даже не замедлила шаг.

– После того как тут откопали три скелета под аккомпанемент нескончаемых строительных работ, соседи даже не заметят.

Я увернулась от членов съемочной группы, схватила с дивана в передней гостиной плед и бросилась вдогонку за Джеком. Он стоял у обочины, широко расставив ноги, уперев руки в бока, как то советуют рейнджеры в парках-заповедниках, если вы столкнулись с медведем или другим опасным животным. Я в замешательстве заморгала, пока не поняла, что Нола не одна. Я накинула плед Джеку на плечи, хотя и не была уверена, что он это заметил.

– Что ты здесь делаешь в такую рань? – спросил он у Бо, который, учитывая обстоятельства, выглядел довольно спокойным.

Прежде чем Бо успел ответить, взгляд Джека переместился на Нолу.

– А почему ты уже встала и оделась в школу?

– Я должна быть в школе рано, чтобы вместе с Линдси и Олстон подготовить наш учебный проект. А Бо здесь потому, что мне нужно,

чтобы он купил пива, так как он выглядит на двадцать один год и у него есть поддельное удостоверение личности.

– Ты меня не убедила.

Бо шагнул вперед.

– Вообще-то, сэр, пиво не для нее. Оно для съемочной группы.

Джек скрестил руки на груди, и я заметила, что у него начался нервный тик.

– Это правда?

– Папа! – Нола встала перед Джеком, и меня вновь поразили их почти одинаковые профили с одинаковым упрямым подбородком. – Я дала им каждому экземпляр одной из твоих книг и по банке пива. – Она понизила голос. – Я слышала, как вы с Мелани говорили о том, что съемки должны пройти гладко, и решила внести свою лепту. Всем известно, что иногда, чтобы рыба клюнула, нужно насадить на крючок червяка потолще.

Джек опустил руки, посмотрел на дочь, и его лицо смягчилось.

– Спасибо, Нола. Я понятия не имел, что ты умеешь ловить рыбу.

Она покосилась на Бо.

– Это была его идея, – смущенно ответила она. – И я подумала, что мне это не повредит.

В этот момент Джек заметил у обочины мотоцикл, рядом с которым на земле валялся большой рюкзак.

– Это твой?

– Теперь мой. Когда-то это был байк моего отца. Во время «Катрины» он хранился в горном доме моих бабушки и дедушки, поэтому остался цел.

Джек ничего не сказал, лишь шагнул ближе к мотоциклу.

– Винтажный Harley Shovelhead. Хороший байк. Семьдесят пятого года?

– Семьдесят седьмого. Я знаю это лишь потому, что это год рождения моей матери. Мне сказали, что моему отцу пришлось долго искать, пока он не нашел «железного коня» нужного года. Сделал полную реставрацию, заменил все болты и гайки.

Джек обошел мотоцикл кругом, делая вид, что изучает его, хотя я могла сказать, что он просто занят обдумыванием следующего шага.

– Я помню твоего отца, – сказал он, не глядя на Бо. – Он подлатал меня после стычки в Нангархаре. Хороший хирург. У его пациентов

была более высокая выживаемость, чем у большинства других.

Бо наблюдал за Джеком, его лицо ничего не выражало. Джек выпрямился.

– Афганцы почему-то не подпускали его к себе. Никогда не понимал почему.

Бо не вздрогнул и не моргнул. Он просто уставился на Джека, как бы подначивая его задать невысказанный вопрос. Я ждала, кто из них сделает первое движение, но меня внезапно отвлекло полупрозрачное облако, повисшее над широким кожаным сиденьем мотоцикла. Казалось, никто больше его не замечал, и, когда Джек наконец заговорил, оно полностью исчезло.

– Нола, почему бы тебе не пойти внутрь и не позавтракать? Воспользуйся кухонной дверью, пожалуйста.

– Но, папа…

– Кому сказано. – Нет, он даже не повысил голоса.

Мы остались одни, лицом к лицу с Бо, чувствуя себя довольно глупо, в пижамах и диванном покрывале. Бо первым нарушил неловкое молчание:

– Мне нужно на занятия. Извините, наверно, зря я принес пиво. Мне казалось, что так будет лучше.

Он направился к мотоциклу.

– Нола знает цель твоего подкаста? – довольно резко спросил Джек.

Закинув рюкзак на спину, Бо поднял боковую подножку и оседлал байк.

– Понятия не имею. Мы это не обсуждали. Я здесь сегодня только потому, что слышал, как она разговаривала с Амелией об этом парне, Марке, и о съемках. Не считая этого, наши разговоры ограничиваются магазином и работой.

Я шагнула вперед.

– Прошлой ночью я прослушала несколько эпизодов. Так что нам любопытно, Бо, что побудило вас искать работу в антикварном магазине Тренхольмов. Мы с Джеком склонны считать, что вы прочли книгу Марка и приняли все, что он написал обо мне, за чистую монету. Тогда вы нашли способ втереться в доверие нашей семьи, чтобы иметь возможность наблюдать за мной с близкого расстояния.

От моего халата исходил неприятный запах, но я даже не взглянула вниз. Я отлично знала, что это такое, и решила пересмотреть свой выбор марок подгузников.

Бо улыбнулся. Улыбка тотчас превратила его лицо с просто красивого до лица красавца-кинозвезды. Надо будет спросить у Нолы, замечала ли она когда-нибудь это? Или лучше не стоит, судя по прищуренному взгляду, которым Джек теперь сверлил его.

– Думайте что хотите, но мне нужна была работа, а я разбираюсь в антиквариате. Сделать это было проще простого. В Южной Каролине фамилия Тренхольм не редкость, так что не обязательно было думать, что вы родственники.

– То есть это было совпадение? – спросил Джек.

Наша мантра звенела у меня в голове: совпадений не бывает.

– Конечно, – сказал Бо, несколько раз нажав на стартер, после чего дал «железному коню» хороший пинок. Двигатель тотчас взревел, лишив нас возможности продолжить наш разговор, что было, я уверена, не случайно.

– Ты должен надеть шлем! – крикнула я, перекрывая рев мотора. – Доктор Уоллен-Араси называет мотоциклистов без шлема «донорами органов».

Казалось, Бо меня не слышит, его внимание было приковано к асфальту рядом с байком, рядом с которым заканчивались мокрые следы. Светло-карие глаза на миг остановились на мне, затем Бо взглянул на свои наручные часы – настоящие.

– Мне пора на занятия. До свидания, мистер и миссис Тренхольм.

Он надел очки-авиаторы и, запустив двигатель, выехал на улицу. Рокот мотора следовал за ним, как неприкаянный призрак. Эта мысль заставила меня посмотреть на улицу, но следов уже не было.

– Это не совпадение, не так ли?

Джек покачал головой и проводил взглядом мотоцикл, который исчез с Трэдд-стрит.

– Нет. И если он думает, что моя дочь когда-нибудь сядет на эту штуковину, его посетит одна мысль.

Я вспомнила фотографии, которые мне показывала Амелия, где Джек в молодости сидит на таком же мотоцикле или стоит рядом с ним. Чаще всего с какой-нибудь красоткой на сиденье позади него.

Я благоразумно воздержалась от комментариев.

Я вздрогнула от холода, и Джек обнял меня за плечи. Мне явно следовало надеть меньше свитеров, чтобы он и дальше обнимал меня. Мы уже подходили к ступеням веранды, когда я попыталась вспомнить что-то, что Бо сказал во время нашей первой встречи.

– Ты помнишь, что Бо сказал о своих родителях?

– О том, как они пропали без вести во время урагана «Катрина»? Он сказал, что они пытались спасти его младшую сестру. Почему ты спросила?

Я прикусила губу:

– Потому что я все время вижу мокрые следы – женские. Я только что снова видела их рядом с мотоциклом Бо. И я почти уверена, что он тоже их видел.

Джек поднял брови:

– Вряд ли это совпадение, не так ли?

– Разве они когда-нибудь бывают?

Обнимая меня за плечи, он подвел меня к входной двери. Здесь мы замерли на месте: все огни в доме то загорались, то гасли. Даже генератор молчал. Из дома выскочили и бросились к одному из припаркованных на подъездной дорожке грузовиков пара человек съемочной группы. Вслед им полетел гневный крик и поток отборных ругательств Харви Бекнера.

– Это Луиза?

Избегая посмотреть ему в глаза, я пожала плечами:

– Кто знает? Это ведь старый дом, разве ты забыл? В нем непременно будут проблемы с электричеством.

Словно по сигналу, к тротуару перед домом подъехал грузовик с логотипом фирмы Рича Кобилта.

– Должно быть, Марк позвонил Ричу, – сказал Джек. – Я должен выпить кофе, прежде чем я буду готов увидеть так рано утром его спину и то, что ниже.

Он изменил направление и повел нас через сад к задней двери. Я, в свою очередь, испытала благодарность за передышку, которая не имела ничего общего с нашим мастером на все руки. Генератор включился и снова выключился, и я шепотом поблагодарила Луизу.

Глава 13

Одевшись, я направилась к гаражу за своей машиной, не сразу вспомнив, что та припаркована на улице где-то между Легар-стрит и Логан-стрит. Я пробиралась сквозь вереницу машин на подъездной дорожке, радуясь голубому небу и приятной прохладе, которая делала парковку на улице вполне приемлемой. Если съемки все еще будут продолжаться после того, как потеплеет, нам придется придумывать альтернативные варианты парковки, чтобы мне не растаять, пока я буду идти к машине, или не сгореть, сев в нее. Я успела дойти только до тротуара, когда Джек окликнул меня по имени. Я обернулась, и он подбежал ко мне.

– Мне казалось, сегодня утром у нас встреча с Ивонной, – сказал он.

– Именно туда я и направляюсь. Моя машина вон там.

Джек выглядел сбитым с толку.

– Я думал, что мы пойдем туда вместе.

Наступила моя очередь смутиться.

– Мы встречаемся с Ивонной вместе, но я не… Как бы это сказать… Я подумала, что ты бы предпочел, чтобы мы пошли туда порознь. Ведь мы как бы расстались.

– Думаю, мы могли бы совершить короткую совместную прогулку, не действуя друг другу на нервы. Кроме того, у нас обоих отличные парковочные места, и я не хочу терять их, если поеду на машине. Сегодня прекрасный день, мы никуда не торопимся, так почему бы нам не прогуляться?

Я взглянула на часы, а затем еще раз проверила время на телефоне.

– Хорошо. Я обещаю не действовать тебе на нервы. – Я быстро зашагала в сторону Кинг-стрит. По крайней мере, я могла рассматривать витрины. Это поможет мне отвлечься от слов Джека и

удержит от вопроса, что он имел в виду, говоря про «действовать друг другу на нервы».

Широко шагая, Джек легко догнал меня. Он осторожно взял меня за руку и заставил остановиться. Мы стояли лицом друг к другу, его рука все еще лежала на моей руке.

– Извини. Я неправильно выразился. – Он посмотрел на небо и покачал головой. – Небеса знают, что мои нервы – наименьшая из моих проблем. Они тотчас вытягиваются по стойке «смирно», когда ты рядом. Это очень мешает сосредоточиться, а это крайне необходимо, чтобы понять, что нам делать дальше. Всем нам. Наши проблемы точно не физические.

Я на миг закрыла глаза и глубоко вздохнула, пытаясь выразить свое разочарование словами, чему меня в течение многих лет тщетно учила целая череда психотерапевтов.

– На самом деле, Джек? Что тут выяснять? Мы любим друг друга. У нас есть семья. Я допустила ошибку. Ты меня уже простил. Разве мы не можем просто двигаться дальше?

Он взял мое лицо в ладони и прижался лбом к моему лбу.

– Если бы я мог! Все не так просто.

Я хотела возразить ему, что нет же, все просто, просто мы запутались в тонкостях брака. И пусть мы с ним два разных человека, мы все равно любим друг друга. По крайней мере по словам моей матери, с которой я была согласна. Но я держалась за свои слова, зная, что они отскочат от него, как от стенки мяч. Я встречала кирпичные стены, более гибкие, нежели Джек Тренхольм. И если я что-то и уяснила для себя за то короткое время, что мы были женаты, так это то, что он должен сделать собственные выводы. Это я поняла сама, без помощи матери.

Я отступила назад, нуждаясь в пространстве между нами, чтобы ясно мыслить.

– Пойдем. Ты же знаешь, как я ненавижу опаздывать. – Он шагал следом за мной, пока мы не достигли Митинг-стрит, где он пошел со мной рядом. Пискнул мой телефон. Я посмотрела на его экран в надежде, что это пришло сообщение от детектива Райли. Хотя у меня и был установлен самый большой из доступных размеров текста, читать на ходу у меня так и не получалось.

– Могу я чем-то помочь? – спросил Джек. Я почти сказала «нет», но мне не терпелось узнать, удалось ли детективу Райли выяснить, кто написал мне сообщение с неизвестного номера. Я вздохнула.

– Если ты не возражаешь. – Я протянула Джеку свой телефон.

Через мгновение Джек доложил:

– Томас говорит, что у него есть много информации, которой он хотел бы поделиться. Но сегодня днем он недоступен, работает над другим делом и спрашивает, не можем ли мы встретиться с ним сегодня вечером.

С этими словами он вручил мне телефон.

– Я свободен.

– Я тоже.

Мы остановились у светофора на углу Брод-стрит и Митинг-стрит. Мой взгляд скользнул в сторону церкви Святого Михаила, где под портиком между двумя огромными колоннами стояла невеста в свадебном платье в стиле сороковых годов, держа под руку мужчину в форме военно-морского флота времен Второй мировой войны. Они улыбались друг другу, отчего я тоже не сдержала улыбки. Пока жених не повернулся, чтобы посмотреть на меня, и я увидела, что половина его лица отсутствует.

– Ты в порядке? – Джек взял меня за руку и повел через Брод-стрит.

Я кивнула, глядя, как мужчина с мобильным телефоном проходит сквозь призрачных молодоженов.

– Да. Я в порядке.

– Точно? Ты плохо выглядишь. Я могу что-то сделать?

Мы дошли до противоположной стороны улицы. Я остановилась и через плечо оглянулась на молодоженов. Их осыпал шквал белых лепестков, которые, падая, становились алыми.

– Ничего. Ничего, что можно было бы исправить прямо сейчас.

Потому что сколько бы раз это ни случалось, я так и не могла привыкнуть к сонму беспокойных духов, которые, завидев мое приближение, пытались вторгнуться в мою жизнь, стоило мне зазеваться. Я содрогнулась при мысли о том, что произойдет, если я соглашусь с Джейн.

– Хочешь, я отвечу Томасу?

Я посмотрела на Джека, пытаясь вспомнить, о чем мы говорили. Он поднял мой телефон.

– Встреча… сегодня вечером.

– Верно. – Мы пересекли Митинг-стрит и, свернув направо у магазина одежды «Берлинс», зашагали к Кинг-стрит. Я лишь мельком взглянула на витрину магазина, стараясь не вспоминать красное платье, которое мать купила там и которое я надела на свое сорокалетие. То самое платье, которое мы с Джеком считали причиной счастливого появления на свет близнецов. Слишком тесное для меня теперь, оно висело в глубине моего шкафа, но хранило в себе больше воспоминаний, нежели целый фотоальбом.

Я продолжила:

– Думаю, нам лучше встретиться где-нибудь помимо дома, потому что там находится съемочная группа, не говоря уже про Марка и Харви. Я уверена, что Марк что-то замышляет, и потому предпочла бы, чтобы он не знал, что мы делаем. По идее они должны закончить к шести, а там кто знает?

Я остановилась перед большой витриной книжного магазина «Бакстон Букс». Напомнив себе, что мне нужно больше читать и что приближается день рождения Софи, я сделала мысленную пометку вернуться в магазин и что-нибудь купить.

– Почему бы тебе не предложить ему встретиться с нами в половине седьмого за ужином? Пусть он сам выберет ресторан, а мы забронируем столик. Я также приглашу Джейн. Думаю, она захочет быть в курсе последних событий.

– Верно. И к тому же три – нечетное число для ужина.

– Точно, – сказала я, отводя глаза в сторону.

У меня не было ни малейшего желания услышать, что мои романтические инстинкты – не самые лучшие, а кто-то даже мог бы сказать, что они совершенно не соответствуют действительности. В конце концов, я когда-то встречалась с Марком Лонго и считала его брата Энтони отличной парой для Джейн. И то и другое обернулось жуткой неудачей, но, по крайней мере, я вынесла из этого кое-какой урок. Это да.

Мы свернули с Кинг-стрит и побрели по закоулкам к городской библиотеке на территории кампуса Чарльстонского колледжа. Джек затронул тему, которую я предвидела.

– Нола сказала, что хотела бы подать заявление в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Заявила, что если она хочет продолжить писать песни, то этот университет самое то. А заодно она вернется к своим корням. В конце концов, первые тринадцать лет своей жизни она росла в Лос-Анджелесе.

Я кивнула:

– Она также упомянула колледжи в Нью-Йорке и Огайо, где обучают не только написанию песен. А недавно упомянула Севани и Тулейн. Лично я считаю, что если она не уверена, какую специальность ей выбрать, то лучше начать с Университета Южной Каролины или Чарльстонского колледжа, а затем, если нужно, перевестись, когда она поймет, чего, собственно, ей хочется.

– Я тоже так думаю, – сказал Джек.

– Что?

– Я тоже не готов с ней распрощаться. Мне не по себе при мысли о том, что она будет так далеко от дома. Не могу поверить, что я так долго не знал о ее существовании… и как за такое короткое время она стала такой огромной частью моей жизни.

– Верно. Моей тоже. – Я костяшками пальцев смахнула коварную каплю влаги с ресниц. – Аллергия, – пояснила я, поймав на себе взгляд Джека.

– Зимняя аллергия хуже всего. – Он взял мою руку и сжал ее, а затем отпустил.

Я прочистила горло:

– Я слышала, что ты сказал Марку про недавнюю запись в блоге. Что-то насчет алмазов Конфедерации?

Джек засунул руки в карманы, как он это делал, когда, глубоко задумавшись, расхаживал по кабинету.

– Ага. Судя по всему, некий охотник за кладами, завсегдатай Интернета, известный как блогер Черная Борода, заявил, что раскопал какие-то факты о том, что алмазы – не единственная часть сокровищ, подаренных Конфедерации султаном Брунея. Что есть некая связь с Алмазом Надежды.

– И люди восприняли это всерьез?

– Когда существует вероятность найти ценный клад, люди обращают на это внимание. Вроде того, как упоминание о новом сорте роз вызывает слюнки у садоводов твоего отца. С той разницей, что,

когда речь идет об охоте за сокровищами, тут задействованы настоящие деньги, поэтому в ней царит высокая конкуренция. А кое-кто не гнушается и грязными методами.

– Так вот почему Марк следит за такими блогами! Но ведь это неправда, верно? Мы нашли в часах все бриллианты. Их не может быть больше, иначе мы бы уже слышали о них.

Джек пожал плечами:

– Думаю, возможно все. Недавно в USA Today была статья о том, что Алмаз Надежды был отправлен из Смитсоновского музея естественной истории в музей Гарри Уинстона в Нью-Йорке для очистки и мелкой реставрации. Один мой читатель прислал ее мне по электронной почте, поскольку в ней упоминалась история алмаза и различные заговоры, включая возможную связь с алмазами Конфедерации. Читатель знал, что я работаю над книгой о бриллиантах, поэтому подумал, что статья может меня заинтересовать. Судя по всему, он не знает о книге Марка.

– И я надеюсь, ты ему не сказал. Не хотелось бы думать, что благодаря тебе Марк получил хотя бы цент гонорара.

– Я скорее склею себе губы. – Он взял меня за руку и подвел нас обоих к краю тротуара. Мимо нас гуськом прошествовали две девушки в толстовках с логотипом колледжа Чарльстона. Обе разговаривали и одновременно яростно шлепали пальцами по экранам своих телефонов, ни разу не споткнувшись и не подняв глаз.

– Разве Алмаз Надежда не принадлежал когда-то Марии-Антуанетте? – спросила я, когда мы зашагали дальше.

– Не ей лично, но он принадлежал французской королевской семье, пока им не отрубили головы. Вот почему легенда гласит, что он проклят. Ничто так не способствует нехорошим слухам, как смерть под ножом гильотины.

– Готова спорить на что угодно. Итак, что общего у Алмаза Надежды с алмазами Конфедерации? Как я понимаю, это должно быть довольно правдоподобно, чтобы взволновать пишущих про клады блогеров.

Джек странно посмотрел на меня:

– Ты действительно хочешь знать?

– Конечно. Если Марк снова начнет копать, наверно, я должна знать почему.

– Разумно. Что ж, когда во время революции французская казна была разграблена, Французский Голубой – как тогда назывался Алмаз Надежды – был украден и исчез на двадцать лет. Первоначально он весил около шестидесяти семи каратов, но, когда вновь объявился два десятилетия спустя, его вес был всего около сорока четырех каратов. Ходили слухи, что его распилили пополам, но никто точно не знает, что случилось с другой половиной, пока не было обнаружено малоизвестное фото султана Брунея, щеголявшего чем-то похожим на копию Французского Голубого. Камень висел на шейной ленте в той же оправе, которую когда-то носил король Людовик XIV. Даже без проверки снимок был помещен в статью USA Today. На всех форумах, посвященных поиску кладов, тотчас начались разговоры.

Говоря, Джек держал руки в карманах, его взгляд был прикован к тротуару перед нами, брови сосредоточенно нахмурены. Точно такой же взгляд бывал у него, когда он был погружен в свои замыслы.

– Это та самая идея, которой ты не был готов со мной поделиться?

Он собирался что-то сказать, но несколько раз умолкал, так и не сумев произнести ни слова.

– Ты еще не готов говорить об этом, – сказала я, не сумев скрыть обиду в голосе.

– Похоже на то.

Прежде чем я успела напомнить ему, что мы всегда обсуждали его книги на каждом этапе процесса ее написания, Джек отвлек меня, положив руку мне на поясницу, чтобы провести мимо группы туристов, шедших в ряд по тротуару, не обращая внимания на других пешеходов. Мне было приятно твердое тепло его ладони, оно окутывало меня, как пальто. Когда он опустил руку, я едва не попросила его вернуть ее на место, но затем вспомнила, что мы расстались. Хотя и жили до сих пор в одном доме. И все равно любили друг друга.

Я снова подумала, не поднять ли тему визита к семейному консультанту, но проглотила слова. Я не стремилась повторить опыт, который был у меня, когда я была моложе и обратилась за советом о том, как мне пережить разлуку с матерью. Было что-то в процессе открытия моего разума и глубокого копания, что делало меня особенно уязвимой для беспокойных душ, ищущих путь внутрь. Я то и дело меняла психотерапевтов, когда они предлагали выписать мне

лекарства, чтобы заставить умолкнуть духов в моей голове, а затем и вообще отказалась от терапии.

Я также лелеяла тайный страх, что психотерапевт может сказать Джеку и мне, что мы несовместимы и должны сделать наше расставание постоянным. Вот почему, когда моя мать или Джейн поднимали эту тему, я возвращалась к прежней Мелли и старалась перевести разговор в другое русло.

Мы свернули направо на Коминг-стрит, и наш разговор прервался. Мы были вынуждены то и дело петлять в многолюдной толпе, прежде чем достигли впечатляющей и совершенно новой городской библиотеки, где теперь располагался архив Исторического общества Южной Каролины. Поднявшись по ступенькам, мы, затаив дыхание, прошли через библиотеку и направились в читальный зал на третьем этаже.

Мы застали Ивонну Крейг сидящей перед компьютером за справочным столом. Сегодня на ней был красивый желтый свитер, элегантно облегавший ей плечи. Ее красивые седые волосы были зачесаны назад и собраны в блестящий пучок. Я все еще мысленно представляла ее себе в старом Огнеупорном здании на Чалмерс-стрит, где хранились архивы, до того как их вместе с Ивонной перевезли в новую библиотеку на территории кампуса Чарльстонского колледжа.

Несмотря на свои годы, Ивонна стремительно поднялась. Ее очки болтались на цепочке на ее шее. Она подошла к нам, сияя улыбкой, предназначенной нам обоим. Впрочем, я знала: в первую очередь эта улыбка предназначена Джеку. Мне потребовалось время, чтобы перестать ревновать близкие отношения восьмидесятилетней дамы с моим мужем, но в конце концов я с этим смирилась.

Она подставила каждую щеку Джеку для поцелуя, затем сделала то же самое со мной, после чего отступила и поправила на плечах желтый свитер.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, Ивонна, но, когда мы впервые встретились, я, кажется, помню, что вы пользовались тростью.

– Да, конечно… ужасный артрит, знаете ли. Джек предложил йогу, и она изменила мою жизнь. Сделала меня гибкой. И зумба. Настоятельно рекомендую вам попробовать ее как-нибудь.

Хотя я все еще была в пальто, я вздрогнула. Не знаю, что было тому причиной – то ли низкая температура, необходимая для хранения старых архивов, то ли тот факт, что хрупкие тома и бумаги, хранящиеся в этих стенах, сопровождали их создатели. Безошибочно ощутив затылком, что за мной наблюдают, я украдкой огляделась по сторонам. Хотя мне и раньше не раз доводилось испытывать это ощущение во время моих многочисленных посещений архива, мне впервые показалось, что это намеренный интерес, а не просто праздное любопытство.

Я снова вздрогнула, и Джек небрежно обнял меня за плечи. Что ж, шпионаж со стороны неизвестного духа имеет свои преимущества, подумала я. Задумчиво сжав накрашенные розовой помадой губы, Ивонна пристально посмотрела на меня:

– Все хорошо? У вас… усталый вид. – Ее лицо просветлело. – Вы?..

Прежде чем она успела закончить, мы с Джеком в сказали в один голос:

– Нет.

Мы явно сказали это достаточно громко, потому что в нашу сторону повернулись несколько читательских голов.

– Все в порядке. Просто я не высыпаюсь, – сказала я, избегая смотреть Джеку в глаза.

– Мне жаль это слышать, – сказала Ивонна, бросив косой взгляд на Джека, после чего повела нас к одному из длинных деревянных столов, где нас ждали аккуратно сложенные папки и книги. Имелось немало причин любить Ивонну Крейг, но ее любовь к порядку стояла на первом месте в списке ее достоинств. Не иначе как у нас с ней имелся общий предок… что не редкость среди старых семей Чарльстона.

Джек выдвинул для Ивонны стул во главе стола перед стопкой книг, затем еще один рядом с ней для меня и, наконец, сам сел напротив меня.

– Это для новой книги? – прошептала Ивонна, наклонившись к Джеку.

– Нет, – сказала я.

– Возможно, – сказал Джек одновременно со мной.

Я бросила на него колючий взгляд, которого он избежал, взяв со стопки первую книгу и открыв ее.

– Итак, что вы обнаружили?

– О, как обычно, массу интересного. – Ивонна кокетливо улыбнулась Джеку, затем похлопала меня по руке. – Не волнуйтесь, Мелани. Теперь у меня есть свой кавалер, так что Джек в безопасности.

Я вспомнила красивого пожилого джентльмена, которого она в декабре привела в магазин «Холлидей шоп энд стролл» в отеле «Фрэнсис Марион».

– Я так рада слышать, что вы с Гарольдом Чалмерсом все еще пара.

На гладкой коже между ее бровями появилась маленькая буква V.

– Разве в наши дни это не называется «скорешиться»? Сейчас вокруг меня постоянно молодежь, студенты колледжа, поэтому пытаюсь овладеть их жаргоном.

Я вопросительно посмотрела в глаза Джеку.

– Гм, я не уверена, что это правильный термин… – начала я.

– Эй, посмотрите на это, – прервал нас Джек, открывая лежащую перед ним книгу в кожаном переплете, к которому был приклеен ярлычок-маркер. – Это план участка нашего дома? – Он пододвинул книгу к середине стола, чтобы нам троим было лучше видно.

Проигнорировав легкую дрожь внизу живота, когда он произнес слова «наш дом», я наклонилась ближе.

– Я не вижу ни цистерны, ни каких-либо хозяйственных построек. Однако план должен включать в себя все строения на участке, верно?

Ивонна улыбнулась нам, как будто мы были ее лучшими учениками, и положила поверх первого плана еще один.

– Это было бы правильно. Как видно на этом плане 1848 года, когда дом был построен, на участке было несколько пристроек, в том числе летняя кухня и курятник. – Пальцами с розовыми ногтями она указала на маленькие прямоугольники на страницах. – Цистерну добавили чуть позже, поэтому на этом плане она не показана.

Она вернулась обратно к исходной странице.

– Этот план был выполнен в 1944 году, когда земля в задней половине первоначального участка на Трэдд-стрит была продана, и на ней была проложена Аллея Форда и построены два дома. – Ивонна

постучала пальцем по контуру одной из хозяйственных построек на странице, затем переместила палец. – Ваша цистерна вот здесь, верно? В 1944 году она была засыпана, поэтому здесь не фигурирует. Но логично предположить, что цистерна должна была находиться рядом с кухней.

– Что же случилось с надворными постройками? – спросил Джек.

– Судя по тому, что я смогла найти в архивах касательно вашего дома, похоже, он получил некоторые повреждения во время пожара 1861 года, а затем еще раз во время землетрясения 1886 года. Предполагаю, что хозяйственные постройки были повреждены или полностью уничтожены, и в какой-то момент было решено не восстанавливать их. И когда это случилось, кухня, по всей видимости, была включена в главный дом.

– Пожар? – переспросила я, и мои ноздри раздулись, стоило мне вспомнить исходивший от Замороженной Шарлотты запах. – Жертвы были?

– Если и есть список жертв, мне еще предстоит его обнаружить. Конечно, жертвы были… в конце концов, огонь уничтожил более пятисот сорока пяти акров. Это были неспокойные времена, шла война. Учитывая масштабы пожара, не приходится удивляться, почему сохранилось так мало документов о нем. И не забывайте о землетрясении 1886 года. Почти все строения в городе получили повреждения, и большую их часть пришлось восстанавливать или сносить.

Джек наклонился ближе, чтобы лучше рассмотреть план.

– А тут, случайно, никогда не располагалось кладбище?

Ивонна покачала головой:

– Думаю, нет. Как вы знаете, мавзолей Вандерхорстов находится на кладбище «Магнолия». Конечно, любые обнаруженные могилы могут быть старше дома и никак не связаны с Вандерхорстами.

– Возможно. – Я полезла в сумочку и вытащила пластиковый пакет с пуговицами, которые мы нашли в комнате Нолы тем утром. Я открыла его и высыпала пуговицы на стол. – Мы нашли их рядом с цистерной, в месте, которое, как мы думаем, могло быть могилой. Возможно, они были частью амулета.

– Вы нашли их в могиле? – спросила Ивонна, взяв перламутровую пуговицу, и надела на кончик носа очки, чтобы лучше ее рассмотреть.

Мы с Джеком переглянулись, и я ответила:

– Более-менее. Наряду с другими предметами, которые определенно указывают на Викторианскую эпоху. Но никаких останков. За исключением собачьих, но это может и не быть как-то связано.

Ивонна снова опустила очки на цепочке.

– Тогда почему вы думаете, что это была могила?

– Потому что экскаваторы нашли надгробие. С единственной разборчивой буквой – Е. Никаких других надгробий, указывающих на то, что это могло быть кладбище, обнаружено не было, но все они могли исчезнуть, когда земля за домом была раскопана в 1945 году перед строительством домов на Аллее Форда.

Ивонна сосредоточенно нахмурилась:

– Мне нужно перепроверить, но, если мне не изменяет память, в 1830-х годах родилась Эмили Вандерхорст. Я припоминаю, что перед войной она вышла замуж за англичанина и остаток жизни прожила в Лондоне. Я посмотрю, смогу ли я найти ее могилу, но я уверена, что она была похоронена в Англии.

– Есть другие идеи? – спросила я.

– Скажем так, – продолжила Ивонна, – Викторианская эпоха продолжалась с 1837 по 1901 год. Так что, возможно, надгробие принадлежало жертве пожара или землетрясения, и из-за хаоса, вызванного обеими катастрофами, семья временно похоронила человека на своем участке.

– Это был пожар, – решительно заявила я. Ивонна бросила на меня вопросительный взгляд. – Просто предположение, – поспешила добавить я.

Ее глаза на миг задержались на мне, затем снова вернулись к чертежу.

– То есть то, что было в этой могиле, могло вообще не иметь никакого отношения к цистерне.

Я кивнула:

– Если жертва любого из этих событий была похоронена среди руин разрушенных хозяйственных построек, со временем вследствие наводнений и других факторов эрозии любые останки или артефакты могли смешаться с теми, что были в цистерне.

– Совершенно верно. – Ее глаза сияли от волнения. – Похоже, нам следует провести больше исследований! Джек, у вас уже есть фамильное древо Вандерхорстов, так что вернитесь назад и посмотрите, есть ли другие люди – возможно, женщины, но давайте поищем и мужчин, – чьи имена начинались с Е, и которые могли умереть в 1861 или 1886 году.

Я открыла было рот, чтобы сказать ей, что это определенно был пожар, но она осадила меня строгим взглядом.

– Главное в моей работе библиотекаря-исследователя – не упустить ни одной мелочи. Землетрясение вызвало ряд пожаров, поэтому не исключено, что люди стали жертвами огня. Кроме того, это делает исследование намного увлекательнее.

– Еще как! – повторила я. – Верно.

Джек отодвинул стул Ивонны и, когда она встала, помог ей поправить на плечах желтый кардиган. Она взяла со стола папку и протянула ему.

– Я сделала копии планов, а также несколько старых газетных статей о пожаре и землетрясении. Даже если они бесполезны, я знаю, вы найдете их информативными.

– Спасибо, как всегда, Ивонна. Вы самая лучшая.

Она просияла, а Джек взял ее за руки и поцеловал в каждую щеку.

– Дайте мне знать, если Гарольд не будет воздавать вам королевских почестей, слышите? Я могу поправить его.

– О, не беспокойтесь, – сказала она, и ее щеки порозовели. – Но я обязательно дам вам знать.

Я отодвинула стул и встала. А когда наклонилась, чтобы поцеловать Ивонну в щеку, она схватила меня за руки и с теплотой заглянула мне в глаза.

– Мы не всегда связываем нашу судьбу с тем, с кем мы можем жить. Часто это тот, без кого мы жить не можем. – Она подставила щеку и, когда я поцеловала ее, шепнула мне на ухо: – Он одумается. Не волнуйся.

Я отстранилась, не спеша сняла со спинки стула сумочку и, нарочито медленно поправив ее на плече, сморгнула пылинки, которые, очевидно, собрались у меня в глазах.

Выйдя из библиотеки, Джек остановился у подножия лестницы.

– Ты сейчас идешь в офис?

Я демонстративно взглянула на часы, а затем на телефон, сделав вид, что перепроверяю время.

– Да. У меня нет встреч раньше часа дня, но у меня всегда есть документы и объявления о продаже домов, которые нужно просмотреть. – Чувствуя себя занудливой школьницей, которой я когда-то была, я ждала, когда он пригласит меня пообедать.

– Понятно. Тогда я сбегаю обратно в свою квартиру, чтобы забрать все свои записи по Вандерхорстам. Затем вернусь домой, чтобы присмотреть за Марком и Харви. Надеюсь, они будут заняты своим делом и я смогу поработать.

– Звучит как солидный план, – сказала я с наигранным воодушевлением.

– Томас выбрал для ужина сегодня вечером «Бакалейную лавку». В какое время ты хочешь туда отправиться? Я готов подвезти тебя.

Мое сердце сделало маленькое сальто, но затем я вспомнила, что мы, вероятно, поедем вместе с Джейн.

– В шесть пятнадцать? Это короткая поездка, и рядом с рестораном есть бесплатная парковка.

Я ждала, когда он платонически поцелует меня в щеку, как только что поцеловал Ивонну. Вместо этого он просто улыбнулся, попрощался и зашагал прочь.

Когда я свернула к Брод-стрит и «Бюро недвижимости Гендерсона», мой телефон запищал. Я тотчас посмотрела на него в надежде, что Джек передумал и приглашает меня на обед. Увы, сообщение было от пронырливой репортерши и моей некогда заклятой немезиды, Сьюзи Дорф. Сокрушенно вздохнув, я немного помешкала, раздумывая, удалить ли его, так и не прочитав. Но так поступила бы прежняя Мелани. Я остановилась и, прищурившись на экран, дважды прочла все сообщение и тотчас пожалела, что выбрала этот момент, чтобы стать более зрелой версией себя любимой.

Напоминаю – вы должны мне интервью. Слышали новую информацию о ваших бриллиантах? Нужно срочно обсудить.

Я очистила экран и пошла дальше. Я избегала ее больше месяца. Еще несколько недель ничего не изменят, и если я планировала позвонить ей через несколько недель, это означало, что я не притворялась, что она исчезнет, как то делала прежняя Мелли. Просто мне сейчас было не до нее. Есть вещи и поважнее.

Вместо этого я написала матери, спросив, сможет ли она сегодня вечером посидеть с близнецами, так как мы с Джейн идем в ресторан. Нола будет у Линдси готовиться к контрольной. Я написала и ей тоже, спросив, должны ли мы заехать за ней после ужина и привезти домой.

Я почувствовала, как кто-то наблюдает за мной с другой стороны улицы, где более шестидесяти лет находился мой любимый обувной магазин «Боб Эллис». Здание по-прежнему стояло на месте – теперь бутик-отель с торговой галереей, – но мне было слишком больно видеть его и вспоминать счастливые времена, когда я занималась там шопинг-терапией. Но мое внимание привлекла женщина – стоя на углу перед зданием, она явно наблюдала за мной.

Она показалась мне знакомой, и я ждала, что она окликнет меня или помашет рукой, но она просто стояла на месте. Чтобы лучше ее рассмотреть, мне потребовались очки. Вдруг это моя бывшая клиентка? А я не хотела показаться грубой. Но когда я вытащила из сумочки очки и снова подняла глаза, женщины уже не было. Я оглядела Кинг-стрит, гадая, куда она могла подеваться за те несколько секунд, которые потребовались мне, чтобы открыть сумочку. Я перешла улицу к тому месту, где она стояла. Вдруг она вошла в отель? Я заглянула сквозь большие стеклянные двери, а затем вновь повертела головой, разглядывая обе стороны Кинг-стрит. Лишь почувствовав затылком мурашки, я посмотрела вниз на тротуар, уже зная, что увижу капли воды, стекавшие с намокших волос, и два мокрых следа, исчезающих за углом.

Глава 14

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я вошла в ресторан «Бакалейная лавка», была стена банок с соленьями на полке с подсветкой над открытой кухней, к которой можно подобраться по вращающейся лестнице. Банки были аккуратно расставлены в соответствии с цветом их содержимого слева направо, от темно-красных перцев до бледно-зеленых помидоров. Еще не отведав первого кусочка, я знала, что это будет мой новый любимый ресторан.

– Ты бывала здесь раньше? – спросила Джейн, когда Джек назвал наше имя молодой женщине, которая стояла у входа в ресторан, встречая посетителей.

– Нет. Это было предложение Томаса.

– Понятно. Он гурман.

Я повернулась к ней:

– Томас? Детектив Томас Райли? Я думала, он больше любит пончики и пиво.

Джейн послала мне испепеляющий взгляд.

– Почему? Потому что он детектив?

– Это не было оскорблением. Некоторые из нас считают пончики деликатесом.

Она сокрушенно покачала головой и вернулась к изучению столов и сидящих за ними людей.

– Когда мы встречались, он всегда водил меня в самые новаторские рестораны. Знал, как правильно подобрать вино и все такое прочее. Одна из его сестер работает шеф-поваром в Новом Орлеане и обучалась у самого Эмерила. В юности она проверяла все свои рецепты на Томасе, так как он был самым младшим и не разбирался в таких вещах.

– Вот сюда. – Мы направились вслед за хостес, и рука Джека легла мне на спину. Джейн громко ахнула. Этого было достаточно, чтобы

предупредить меня, что мы приближаемся к нашему столику и что Томас уже там.

– Сделай глубокий вдох и говори медленно, – понизив голос, сказала ей я. Джейн согласно кивнула. Выражение ее лица было похоже на то, какое бывало у Джей-Джея, когда ему говорили, что пора купаться.

Томас встал, чтобы отодвинуть для нее стул. Джейн улыбнулась ему. Улыбка осталась на ее лице, пока Джек усаживал меня. Затем мы взяли из рук официанта меню.

– Рад снова видеть тебя, Джейн, – сказал Томас, разворачивая салфетку и кладя ее себе на колени. – Я не знал, что ты будешь здесь, но я рад тебя видеть.

Джейн укоризненно посмотрела на меня.

– Извини, я, должно быть, забыла, – сказала я, теребя свою салфетку. – Я просто подумала, учитывая то, что мы будем обсуждать, что Джейн должна в этом участвовать. Как и Вероника, но у нее годовщина свадьбы, и у них с Майклом другие планы. – Я не стала добавлять, что не хочу, чтобы при нашем разговоре присутствовал Майкл. Хотя мы и объявили своего рода перемирие, его сомнения в моей способности найти ответы и его нетерпение закончить расследование смерти Адриенны слишком отвлекали. – Я расскажу Веронике позже. И пусть она сама решает, чем из этого она захочет поделиться со своим мужем.

В ответ на мою откровенную ложь о том, что я забыла рассказать Томасу о Джейн, Джек толкнул меня под столом ногой, но я его проигнорировала.

– Итак, – бодро сказал я, – мне не терпится услышать все, Томас. Но сначала, может, закажем еду? Я умираю от голода. – Я открыла свое меню. Оно оказалось поделено на такие разделы, как блюда из овощей, морепродуктов и мяса. Я изучила все полезные для здоровья варианты, и мое сердце упало. У меня тотчас возникли сомнения по поводу того, что это будет мой новый любимый ресторан. Но стоило мне заглянуть в раздел «десерты», как мое настроение тотчас же устремилось вверх.

– Давненько я здесь не был, – признался Джек. – Что порекомендуешь?

– Все, – ответил Томас. – Шеф-повар, Кевин Джонсон, заменит чудесами, которые он творит с овощами, но в меню любое блюдо –

чудо. – Томас открыл меню и пробежал его глазами. – Я бы предложил поделиться несколькими закусками, при условии, что одна из них – жареные устрицы. И я очень рекомендую в качестве основного блюда цельную рыбу, приготовленную на открытом огне.

– Я не против. – Джек наклонил голову в мою сторону. – Но Мелли не любит делиться едой. Поверьте мне, у меня на руках остались шрамы от колотых ран, подтверждающие это.

Зная, что только половина его заявления была выдумкой, я сердито посмотрела на Джека и перевела взгляд на Джейн. Она продолжала улыбаться и кивать, как болванчик. Я подняла под столом ногу, чтобы дать ей быстрый, но сильный пинок, чтобы она прекратила.

Томас тихо ойкнул и наклонился, чтобы потереть ногу.

– Извините, – улыбнулась я. – Я нечаянно. – Я повернулась к сестре: – Ты не против, если сначала мы поделимся закусками, а затем закажем рыбу для всего столика?

Она дважды кивнула.

– Хорошо, – сказала я. – Давайте. Но я бы хотела заказать себе устрицы, и можно я закажу себе на десерт батончик с арахисовым маслом? Не хотелось бы, чтобы они закончились до того, как мы закончим ужин.

Чувствуя на себе три пары глаз, я осторожно отодвинула меню, чтобы показать, что решение принято.

– Я проголодалась, – повторила я.

Томас заказал газированную воду с лаймом для Джека и вино для остальных. После нескольких попыток Джейн смогла присоединиться к светской беседе, пока не принесли основное блюдо и официант не покинул нас. Джек поставил стакан с водой и повернулся к Томасу.

– Вам удалось узнать что-нибудь о том, кто отправил это сообщение Мелли?

– Да, удалось. – Томас положил в рот кусок рыбы под названием «полиприон» и, закрыв глаза, медленно его прожевал, а когда проглотил, добавил: – Но это оказалось не так полезно, как я надеялся.

– Что ты имеешь в виду? – Джейн не торопилась, четко произнося каждое слово, как мы и тренировались.

– Последний раз номер телефона принадлежал таксофону-автомату, который стоял в вестибюле общежития Буист Риверс. Его

там больше нет, и номер не был переназначен.

– Телефон-автомат? Но вы не можете отправить сообщение с телефона-автомата.

– Вы также не можете отправить сообщение с телефона, которого больше нет, – добавил Томас.

– Это общежитие, в котором жила Адриенна и где было найдено ее тело, – пояснила я Джеку.

– Ее соседка по комнате когда-нибудь была подозреваемой? – спросил Джек.

– Нет. – Томас сделал глоток вина. – В те выходные она уезжала домой к родителям в Атланту. У нее надежное алиби. Сейчас она живет в Саммервилле, и я съездил туда, чтобы с ней поговорить. Хотел проверить, вдруг она вспомнит что-то такое, о чем раньше не сочла нужным упомянуть.

– И? – Джейн отлично справилась с односложным словом.

– Она вновь подтвердила, что Адриенна не ссорилась со своим парнем. Что у нее было много друзей и, насколько ей известно, ни одного врага. Но она упомянула кое-что, чего не было в полицейских отчетах на момент убийства.

Мы втроем одновременно подались вперед.

– Возможно, она не ссорилась со своим парнем, но соседка по комнате помнит, как за неделю до ее смерти Адриенна несколько раз спорила с кем-то по телефону.

– С кем? – уточнил Джек, кладя руки на стол.

Я уставилась на его левую руку. На ней не было золотого обручального кольца, которое я надела ему на палец в день нашей свадьбы. Я не была уверена, это что-то новое или же он не носил его несколько месяцев, а я просто отказывалась замечать. Это не первый раз, когда я намеренно в упор не замечала очевидных вещей. Я сделала большой глоток из бокала, надеясь, что это поможет успокоить боль, которая уже начала распространяться по всему моему телу.

– Ее сестра, – сказал Томас, и его голос вернул меня к разговору.

– Вероника? – уточнила Джейн, освоив вопрос из одного слова.

Томас кивнул:

– Да. Линда – соседка по комнате – сказала, что, похоже, Адриенна собиралась сказать Веронике что-то крайне важное, но она не хотела делать это по телефону. Каждый их разговор был

одинаковым: Адриенна говорила Веронике, что должна увидеться с ней, чтобы сказать ей лично. На что Вероника отвечала, что если она не может сказать ей этого по телефону, то им придется дождаться выходных, потому что ее поджимают сроки выполнения какой-то учебной работы и она не может уйти, чтобы встретиться с сестрой.

Джек побарабанил пальцами по столу, что он обычно делал, когда думал, но теперь, когда я заметила отсутствие у него обручального кольца, мне показалось, что он просто разминает пальцы, чтобы проверить, каково его безымянному пальцу без лишней обузы.

– И они встретились? – спросил он.

Томас покачал головой:

– Нет. Адриенна была убита в ту пятницу. Вероника больше никогда не видела ее живой.

У меня в голове промелькнула сказанная Вероникой фраза: «Я не могу подвести ее еще раз». Я откусила большой кусок рыбы и, пока медленно жевала, задумалась. Вероника была моей подругой, и я не собиралась раскрывать ее секреты, предварительно не поговорив с ней.

– Это ужасно. – Джейн положила вилку на тарелку и, прижав обе руки к сердцу, откинулась на спинку стула. Теперь, когда она была сосредоточена на предмете обсуждения, а не на Томасе, она могла говорить нормально. – Неудивительно, что она так отчаянно хочет узнать, кто убил Адриенну. Вероятно, она чувствует себя виноватой.

Я сделала еще один глоток вина. Джек продолжал барабанить пальцами по столу. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не шлепнуть ему по пальцам.

Наконец мы закончили основное блюдо, и официант унес пустые тарелки.

– Есть что-нибудь новенькое по выпускному альбому и проигрывателю компакт-дисков? – спросил Джек.

– Есть, – сказал Томас, наблюдая, как наш официант ставит передо мной мой батончик с арахисовым маслом.

Я единственная из нас четверых заказала десерт. Я держала нож и вилку так, чтобы все их видели и серьезно отнеслись к недавнему предупреждению Джека.

Томас продолжил:

– Вот почему я хотел встретиться лично, а не рассказывать все это по телефону. Я надеялся, что здесь будет Вероника. Она не отвечала по мобильному телефону, а когда я позвонил на домашний, мне ответил Майкл. Я сказал ему, что у меня есть новая информация, и попросил, чтобы Вероника мне перезвонила. Но она так и не сделала этого.

Немного поколебавшись, я положила в рот первый кусочек десерта и сказала:

– У нее вечер свидания с Майклом, вот почему.

Он кивнул:

– Может быть. Я попробую еще раз завтра. Мне также нужно спросить ее об участии Адриенны в парусной команде. Ее имени нет в списке, но я почти уверен, что это она изображена вместе с командой на фото в ежегоднике. Если она была в составе команды, это могло бы послужить совершенно новым источником людей, с которыми мне следует поговорить. При условии, конечно, что это она. Похоже, никто из членов команды не был допрошен после убийства.

– Это определенно что-то новенькое, – сказал Джек, взглянув на мою тарелку с десертом. Я пододвинула ее на дюйм ближе к себе.

Томас между тем продолжил:

– Мы также обнаружили на проигрывателе компакт-дисков новый отпечаток пальца. Я его заново основательно перепылил, хотя если учесть, в скольких руках он побывал, у меня были сомнения, что мы найдем что-нибудь полезное. Но я подумал, что, если мы собираемся возобновить это дело, нам нужно испробовать все средства.

– И? – спросила Джейн.

Томас посмотрел на нее и улыбнулся:

– И я был прав. На внутренней стороне крышки есть единственный и очень четкий отпечаток большого пальца. Но человек обычно редко к ней прикасается. Вероятно, именно поэтому он остался незамеченным. Я сравнил его со всеми другими отпечатками, обнаруженными в первый раз, и он определенно новый. Сейчас я прогоняю его через систему дактилоскопического учета. Вдруг он уже где-то засветился. Если у этого человека хотя бы раз брали отпечатки пальцев, мы узнаем, кто это такой.

Джек перестал барабанить по столу и взял свою чашку кофе без кофеина – его вариант десерта.

– Вы помните, чьи отпечатки пальцев были идентифицированы изначально?

Томас кивнул:

– Да. Во-первых, самой Адриенны, затем ее соседки по комнате Линды, которая любила брать взаймы ее плеер, а также бойфренда Адриенны, Криса Келли. Иногда он болтался в их комнате, слушая музыку, пока Адриенна была на занятиях. Как я уже сказал, у Линды было надежное алиби, как и у Криса.

Я посмотрела на Джейн. Та сделала глубокий, успокаивающий вдох.

– А как насчет компакт-диска… того, на котором был «О, Супермен»? Ты нашел его?

– Он есть в инвентарном списке, но его не нашли. Возможно, его не вернули на место. Или кто-то взял его себе.

– Или же его намеренно уничтожили из милосердия, – сказала я.

– Никогда об этой песне не слышал, – признался Джек, опуская чашку на блюдце.

– Считайте, что вам повезло.

Я удивленно обернулась на Майкла, который стоял за моим стулом. Джек встал и протянул руку.

– Майкл, рад вас видеть. Вероника с вами?

– Пошла припудрить нос. У нас годовщина, и мы решили себя побаловать. Мы только что выпили в «Обычном», а теперь готовы поужинать. – Он внимательно посмотрел на Томаса, а затем на остатки нашего ужина. – Это была деловая встреча или знакомство со здешней кухней?

– Понемногу и того и другого, – неопределенно произнес Джек. – Мы бы пригласили вас присоединиться к нам, но мы уже заканчиваем.

– Жаль. – Майкл переключил внимание на меня. – Мне нужно поговорить с Мелани. О сроках выставления нашего дома на продажу. У меня такое впечатление, что этот ремонт никогда не закончится.

Я отодвинула стул, встала и положила салфетку на сиденье.

– Просто позвоню Джолли в мой офис, и мы договоримся о встрече. У меня там все данные о продажах. Если не ошибаюсь, у меня есть несколько опций в конце недели. А теперь извините меня.

– И меня тоже, – сказала Джейн, отодвигая стул.

Джек остался стоять, а когда мы вышли из-за стола, чтобы найти дамскую комнату, Томас тоже встал. Пока мы шли, Джейн толкнула меня локтем в бок.

– Ты думаешь о том же, что и я?

– Если ты о том, что это прекрасная возможность побыть с Вероникой наедине, то да.

Мы застали Веронику у раковины, где она подкрашивала губы. Наши взгляды встретились в зеркале, и она с улыбкой обернулась.

– Какой приятный сюрприз, – сказала она, сунув помаду в сумочку и захлопнув ее.

– Это да, – согласилась я. – Мы как раз заканчивали трапезу, когда Майкл подошел поздороваться. Он хочет назначить мне встречу, чтобы обсудить, как нам ускорить процесс продажи. Обещаю придумать еще пару-тройку препятствий, которые я могу упомянуть на встрече, но и ты также должна придумать несколько. Похоже, мы нашли еще пару улик, которые помогут нам продвинуться в расследовании смерти Адриенны, но нам требуется больше времени.

Глаза Вероники вспыхнули интересом.

– Что вы узнали?

– Вообще-то не мы, а Томас, – сказала Джейн, не заикаясь и чувствуя себя вполне уверенно. Правда, ее щеки покраснели, когда она произнесла имя Томаса. – Он нашел на внутренней стороне крышки плеера новый отпечаток пальца, так что есть надежда. Он также думает, что заметил Адриенну на фото парусной команды, но ее нет в списке команды под фотографией.

Вероника пару секунд молчала.

– Я почти забыла. Адриенна не была в команде. Но у нее было много хороших друзей, как юношей, так и девушек. Она обожала парусный спорт и тащила маму, папу и меня на каждую регату посмотреть соревнования, но под парусом сама она не ходила. В нашей семье никогда не было таких денег. Вместо этого она стала своего рода неофициальным менеджером команды.

Послышался шум спускаемой в унитазе воды, и из одной из кабинок вышла женщина. Мы подождали, пока она вымоет руки и уйдет, а затем продолжили наш разговор.

– Ты должна сказать об этом Томасу, – сказала я. – Он не смог найти в деле Адриенны ни одного протокола допроса членов парусной

команды. Так что это может быть новой информацией.

Вероника кивнула. Ее лицо озарилось надеждой.

– Я позвоню ему завтра. Я не смогу поговорить с ним сегодня вечером…

Джейн подняла руку:

– Мы в курсе. Не переживайте.

– Спасибо. – Вероника сунула под мышку сумочку и приготовилась уйти.

– Еще одна вещь, – сказала я. – Когда мы были в общежитии Адриенны, ты сказала мне кое-что, о чем я хотела тебя спросить.

Вероника закрыла глаза, быстро вздохнула и посмотрела мне в глаза.

– Я сказала, что не хочу подводить ее еще раз.

Я кивнула:

– Что ты имела в виду?

Она ответила не сразу:

– В дни, предшествовавшие ее смерти, она несколько раз звонила мне, просила меня встретиться с ней. Сказала, что ей нужно сказать мне что-то важное.

– И вы не приехали к ней, потому что у вас на работе была запарка, – мягко предположила Джейн.

Увидев испуганный взгляд Вероники, я пояснила:

– Это нам сказал Томас. Он поговорил с соседкой Адриенны по комнате, Линдой.

Вероника кивнула:

– Она сказала, что хочет сообщить мне что-то важное, но может сделать это лишь при личной встрече.

– И ты понятия не имеешь, о чем это было? – спросила я.

Вероника покачала головой:

– Ни малейшего. Она всегда была немного склонна к драматизму, поэтому я не думала, что это на самом деле так срочно, как она говорила.

– Вы не виноваты, – спокойно сказала Джейн, обняв Веронику. – Вы понятия не имели. Единственная вина лежит на человеке, который ее убил. Не на ней и не на вас. Мы обещаем вам, что найдем виновного, и кто бы это ни был, он предстанет перед правосудием.

Я посмотрела на сестру с новой признательностью. Я была мастер по части электронных таблиц и выстраивания логических цепочек, но первые инстинкты Джейн были связаны с личными последствиями. Не то чтобы я не понимала эмоциональных сторон утраты близкого человека. Просто я росла в иной атмосфере и не научилась открыто выражать свои эмоции. За последние несколько лет, с тех пор как в мою жизнь вошли Джек, Нола и мои родители, я была вынуждена пройти ускоренный курс. И я до сих пор страдала от того, что меня резко вытолкнули из моей уединенной жизни в мою нынешнюю семейную, полную эмоциональных желаний и потребностей других людей.

Я прочистила горло:

– Я хочу вернуться на твой чердак и задать Адриенне вопросы. Когда это можно сделать так, чтобы Майкла не было дома?

– Я дам тебе знать. Может, сразу после нашей встречи? Майкл очень торопится вернуться в офис. Он терпеть не может, когда его отрывают посреди рабочего дня.

– Звучит заманчиво… Просто позвони мне.

Джейн снова обняла Веронику:

– Идите и наслаждайтесь ужином, хорошо? И с годовщиной вас.

Вероника улыбнулась и попрощалась. Я уже собралась было предложить Джейн воспользоваться удобствами, раз уж мы там были, когда замок на одной из кабинок щелкнул, и дверь открылась.

– Мелани, какой приятный сюрприз! – нахально произнесла Сьюзи Дорф, подходя к раковине. Она принялась мыть руки, как это делает хирург: терла между пальцами и вокруг кончиков. Это было в ее духе, который, в свою очередь, соответствовал ее журналистской профессии: обстоятельный, дотошный, навязчивый. Лично меня это в равной мере и впечатляло, и раздражало. Особенно когда ее туннельное зрение было направлено на меня.

– Сьюзи, какая приятная неожиданность. Рада вас видеть. – Я схватила Джейн за локоть. – Я бы с удовольствием осталась и поболтала с вами, но мы обе уже уходим…

Вытирая руки, Сьюзи повернулась ко мне:

– Разве вы не читали мои сообщения? За последнюю неделю я отправила их вам как минимум десяток.

– Правда? Я была так занята, что, возможно, пропустила…

– Вы задолжали мне интервью, помните? Вы обещали… еще до всей этой истории с кладбищем Гален-Холл. Теперь это устаревшие новости, поэтому я прошу эксклюзив об охоте за новым кладом, о чем сейчас гудит весь Интернет.

– Эксклюзив?..

– Интервью. То, которое мы запланируем прямо сейчас, пока у нас обеих с собой телефоны, так что у нас не будет никаких пропущенных сообщений.

– Я не… – Я умолкла, вспомнив момент, когда я, стоя в саду за домом, почувствовала присутствие Луизы. Почувствовала ее тонкое напоминание о приоритете семьи. Вспомнив, как Джек ушел, чтобы подумать самостоятельно, и мою убежденность в том, что мы с Джеком отлично работали вместе. Даже если это означало, что порой нам приходилось работать порознь, ведь у нас всегда была одна и та же конечная цель.

Я посмотрела Сьюзи в глаза:

– Хорошо.

– Хорошо? – Она не стала скрывать своего удивления.

– Да. При условии, что это будет анонимно. – Предвидя ее возражение, я подняла руку. – В конце концов я разрешу вам использовать мое имя, но сейчас мне нужна ваша помощь в изгнании нашествия нежелательных вредителей, которые в настоящее время заполонили мой дом. И даже развлекаются, мучая конкретного режиссера.

Сьюзи улыбнулась, и я вспомнила, что у нее тоже имелись причины точить зуб на Марка. Но тут ее губы скривились.

– Как бы заманчиво это ни звучало, я не думаю, что смогу напечатать что угодно…

– Но вы уже напечатали. Одну минутку… – Я закрыла глаза и дословно процитировал статью, которую она напечатала в «Пост энд курьер». Я прочла ее так много раз, что выучила наизусть: – «… раскопки цистерны в бывшей резиденции Вандерхорстов на Трэдд-стрит все еще продолжаются, но неназванный источник сообщил мне, что там спрятано больше тайн, и в некоторых частях нашего общества уже делаются ставки по поводу того, будут ли владельцы дома жить вместе к тому времени, когда будет обнаружено последнее сокровище».

Я улыбнулась:

– И любой, кто читает вашу колонку, знает, что вы не чураетесь использовать анонимные источники… покуда это помогает продавать вашу газету.

Сьюзи полезла в сумочку и достала телефон.

– Я свободна в понедельник утром. Встретимся у вас в офисе?

– Нет. Как насчет Вашингтон-сквер? Я очень не хочу, чтобы мой муж или кто-то еще видел нас вместе. В восемь часов парк обычно бывает пуст. – Я вытащила из крошечной сумочки телефон и нахмурилась. – Вообще-то мне также нужен мой настольный календарь. Не могли бы вы прислать мне подробности по электронной почте и в текстовом сообщении? И на всякий случай позвоните Джолли, секретарше в моем офисе. Это самый надежный способ.

Сьюзи ввела информацию в свой телефон.

– Тогда ладно. Буду с нетерпением ждать. Надеюсь, я не ошибусь, если скажу, что давно пора.

Мы попрощались, и она вышла из туалета, очень довольная собой.

– О чем это было? – спросила Джейн.

Я взялась за ручку двери и потянула, чтобы ее открыть.

– Пойдем, нам нужно вернуться, пока мужчины не подумали, что мы упали в унитаз.

Джейн последовала за мной в ресторан.

– Мелани, – в ее голосе прозвучала строгая нота, – ты отдаешь себе отчет в своих действиях?

– Разве я это делаю не всегда? – парировала я.

– Ты действительно хочешь, чтобы я ответила на этот вопрос?

Сделав вид, что не слышала ее, я проплыла мимо других столиков к нашему. Когда мы подошли, мужчины встали, и мы вышли из ресторана всей нашей компанией. Томас предложил подбросить Джейн до ее дома, чтобы сэкономить нам время. Я моментально ухватилась за эту идею и отмела все доводы Джейн.

И все же, даже когда Джек вез нас домой, мне казалось, что я чувствую, как сестра прожигает взглядом мне затылок. Или же это старая и новая версии Мелани играли в перетягивание каната с моей совестью.

Глава 15

В следующий понедельник я, скрестив ноги, сидела на полу гардеробной, и голубой свет экрана моего ноутбука освещал подолы висящих над ним платьев. Было почти четыре часа утра, и я не спала уже почти два часа. Естественно, это означало, что я должна была реорганизовать свою обувь и переделать ее список по сезонам. У меня также имелась пара обновок – я нашла их в пакете с логотипом магазина «Обувь на Кинг-стрит», который я спрятала от Джека, забыв, что он не заходил в нашу гардеробную с тех пор, как в декабре забрал свою одежду.

Я вытянула руки над головой. Мои суставы тотчас захрустели, словно тарелка рисовых хлопьев, и я вспомнила, какие мысли не давали мне уснуть. Большая их часть крутилась вокруг моей предстоящей беседы со Сьюзи и того, что я не собиралась рассказывать об этом Джеку. Что бы там ни думала Джейн, я знала, что делаю. Я решала проблему, чтобы принести пользу нашей семье, делая то, что я умела делать лучше всего, не отвлекая Джека от того, что он делал лучше всего. Да, я знала: ему это не понравится. Но других вариантов у меня не было.

Мои предрассветные размышления также задержались на отсутствии на пальце Джека обручального кольца. Мне казалось, что то, что я пыталась сделать, было способом отомстить ему, показать, что я тоже могу быть независимой, способной задействовать собственные ресурсы. Одна настырная мысль напомнила мне, что это могло быть корнем проблем, с которыми мы столкнулись сейчас, но я отбросила ее в сторону, чтобы подумать об этом позже. Потому что, как бы я ни пыталась изучить ситуацию, на все наши проблемы я видела лишь один ответ: вернуть карьеру Джека в прежнее русло. Дискредитация Марка Лонго была просто бонусом. Как бы мы ни работали – сообща или по отдельности, – как команда мы преследовали одну и ту же цель.

Чувствуя, что не в состоянии уснуть, я открыла таблицу «Улучшенные версии Мелани» и с удивлением обнаружила, что ничего не добавила к ней с тех пор, как внесла строчку «Быть приветливой с Ребеккой». («Планирование вечеринки подарков».) Праздник совершенно вылетел у меня из головы, Ребекка же не позвонила мне. Я очень надеялась, что она понимает: из-за съемок у меня и так забот полон рот. Я чуть не расхохоталась.

Я закрыла таблицу и приготовилась закрыть крышку компьютера и попытаться уснуть. И остановилась, держа руку на крышке. С обоев рабочего стола ноутбука на меня смотрели прекрасные лица моих детей и Джека, напоминая обо всем, что мы потеряли. Или, возможно, мы просто положили не туда. Все были в разных нарядах, а собаки и вообще раздетые, несмотря на все мои усилия скоординировать наше фото для рождественской открытки, но все выглядели счастливыми. Я вспомнила тот день, и на глазах тотчас навернулись слезы. Как жаль, что я не могу туда вернуться. Нет, с удивлением поняла я, сделать что-то по-другому я не могу. Я просто хотела, чтобы мы все снова были счастливы и вместе.

Смирившись с тем, что уснуть мне не удастся, я нажала на иконку Гугла и, глубоко вздохнув, начала печатать, стремясь отвлечь себя поиском анонимного блогера, известного в Сети под ником Черная Борода. Не забыв отфильтровать такие термины, как Пират и Эдвард Тич, я приготовилась к долгим часам поиска ссылок, но короткий список результатов стал для меня неожиданностью. Либо Черная Борода был новичком на форумах по поиску кладов, либо эта интернет-персона была создана недавно.

Не было ничего предосудительного в том, что пользователи имеют в Интернете разные профили. Когда я только начала исследовать историю своего дома, Ивонна Крейг предложила мне для защиты моей частной жизни использовать другое имя. Только она, Джек и Нола знали, что Пончик на самом деле была первоклассным риелтором Мелани Миддлтон. Ивонна была Бэтменшей, хотя она так и не объяснила почему, а я побаивалась спросить.

Каждая ссылка была связана с форумом, блогом или каналом YouTube, посвященным поиску кладов. Все помеченные флажком комментарии были под историями об Алмазе Надежды и предполагаемом существовании и местонахождении другой его

половины. Я стиснула зубы, наткнувшись на упоминание Джека, меня и нашего дома в связи с бриллиантами Конфедерации, а также ссылки на покупку в Интернете книги Марка. Мистер (или мисс – узнать было невозможно) Черная Борода задавал умные вопросы и, похоже, искренне интересовался историей бриллиантов и даже выдвигал гипотезы по поводу правдоподобности слухов, окружавших султана Брунея.

Мой телефон звякнул – пришло сообщение от Ивонны.

Не спите?

Я едва не рассмеялась, представив себе, как элегантная пожилая дама строчит сообщение. Сначала нас сблизило взаимное восхищение Джеком Тренхольмом, но недавно выяснилось, что мы обе встаем рано. Или, в моем случае, поздно ложимся спать из-за вызванной стрессом бессонницы.

Нет.

Пока она печатала, появились три точки, и я, пока ожидала, вновь сосредоточилась на своем ноутбуке. Телефон звякнул снова, но на этот раз, когда я посмотрела на экран, меня охватил страх. Это был прежний анонимный номер, номер, присвоенный несуществующему телефону-автомату в вестибюле общежития Чарльстонского колледжа, где когда-то жила Адриенна. И где она умерла.

Я не знала, что делать. Мой палец завис над экраном, во рту пересохло. Я хотела стереть сообщение не читая. Сделать вид, что я его не видела. Но так поступила бы прежняя Мелани. Прежняя Мелани, которой мне иногда хотелось снова стать. Например, в данную минуту. Прежде чем я смогла отговорить себя от этой затеи, я открыла текст и прочла.

ЭТО БОЛЬНО БОЛЬНО БОЛЬНО БОЛЬНО

Я уставилась на экран. Я еще ни разу не обменивалась текстовыми сообщениями с призраком, и, пока я раздумывала, стоит ли мне ответить, в зеленом пузыре всплыло новое сообщение.

ОНА ЭТО ЗАСЛУЖИЛА

Трясущимся пальцем я медленно набрала каждую букву.

Кто?

Зазвонил мой телефон. Я вздрогнула и уронила его. Телефон отлетел прочь по деревянному полу. Сонный Генерал Ли жалобно тявкнул с кровати. Я же потянулась к телефону и посмотрела на экран.

К моему облегчению, звонила Ивонна. Я нажала на иконку «Ответить».

– Алло?

– Мелани, с вами все в порядке? Вы как будто запыхались.

– Все нормально, – солгала я, хотя все мое тело содрогалось от тяжелых ударов сердца. – Я уронила телефон и должна была найти его… Извините.

– Успокойтесь. У меня появилась для вас кое-какая информация, и я подумала, что проще позвонить, чем писать эсэмэску. Я знаю, как вы не любите читать на телефоне. Вам стоит попробовать увеличить размер текста.

– Да, – пробормотала я, не желая признаваться, что Нола сравнила размер букв на моем телефоне с размером, используемым на огромных уличных рекламных экранах.

– Кстати… Джек уже проснулся? Поставьте телефон на громкую связь, и я смогу рассказать вам обоим, что я нашла. Я про могилу, о которой мы говорили.

– Боюсь, он крепко спит, и я не хочу его будить. Лучше расскажите мне, и я передам ему, когда он проснется.

– Или я могу перезвонить позже.

– Нет. Пожалуйста. Я не выдержу ожидания и не смогу уснуть.

Она рассмеялась:

– Вы не знаете, Джек, случайно, не изучал генеалогическое древо Вандерхорстов?

– Да. У него хватило времени лишь на беглый взгляд, но он не нашел ни одного Вандерхорста – ни мужчины, ни женщины, – умерших в 1861 или 1886 году, чье имя начиналось бы на букву Е, за исключением Эмили. Но мы уже сбросили ее со счетов. Он сказал, что копнет глубже завтра, когда у него будет возможность. Его файлы хранятся… вне сайта. Поскольку здесь идут съемки, он решил хранить их в безопасном месте.

– Разумно. У меня нет доверия к этому Марку Лонго. Он позвонил и оставил в справочном бюро сообщение с просьбой о встрече. Я сказала другому дежурному библиотекарю, что разберусь с этим сама.

Я тотчас представила ее озорную улыбку. Когда же она ничего не добавила, я поняла: она ждет, когда я спрошу первой.

– Итак, Ивонна, вы что-нибудь нашли?

– О да!

Я представила себе Ивонну, как она затаила дыхание, ожидая моей реакции. Может, сказать ей, что я передумала и решила подождать? Но вместо этого я ответила:

– Поскольку сейчас четыре утра и мы с вами разговариваем по телефону, вы могли бы также рассказать мне, что вы нашли?

В трубке послышался медленный вздох.

– Ну, хорошо. Вы помните имя капитана Джона Вандерхорста?

Мои пальцы нетерпеливо постукивали по согнутым коленям.

– Да. Это он спрятал бриллианты в напольных часах. Он погиб в бою в 1863 году.

– Отлично! – Я представила, как она, услышав мой звездный ответ, хлопает в ладоши. – Я нашла картину, на которой он изображен в форме капитана кавалерии. Это был красивый мужчина. Картина принадлежит Чарльстонскому музею, но больше не выставляется. Вы с Джеком могли бы попытаться приобрести ее, так как я считаю, что ей место в вашем доме…

– Я внесу это в свой список дел. Что еще вы узнали?

– Поскольку я не смогла найти ни одного Вандерхорста, подходящего под наши параметры, я слегка расширила поиск и начала искать имена других людей, так или иначе связанных с домом на момент пожара или землетрясения.

– И что-нибудь нашли? – подсказала я, когда она умолкла.

Кто-то должен поговорить с Ивонной о ее склонности к излишним драматическим эффектам, когда она делится информацией.

– Да! Во время большого пожара 1861 года у Вандерхорстов была кухарка. Конечно, у них имелась и другая прислуга, но я подумала, что из-за близости надгробия к кухне лучше всего начать с…

– И ее имя начиналось на «Э»? – прервала я.

– Нет. Ее звали Люсиль. Ее родители были рабами, и мать Люсиль работала у Вандерхорстов на плантации Магнолия-Ридж кухаркой. В 1847 году Люсиль привезли из Магнолии для работы на кухне в доме на Трэдд-стрит. Год спустя Джон Вандерхорст освободил Люсиль и ее родителей. Я не могу найти дату рождения Люсиль, но из того, что мне удалось извлечь из крайне скудной информации, ей, когда она переехала в Чарльстон, было лет восемнадцать-девятнадцать.

Я подавила нетерпение.

– Так кем был этот Э?

– Я к этому иду. – Она откашлялась. – По-видимому, у Люсиль в Магнолии был муж.

– И его имя начиналось на «Э»?

– Нет. Это не так. Но когда Люсиль привезли в Чарльстон, ее муж остался в Магнолии.

– Это ужасно.

– Согласна. Но это не все. – Она вновь умолкла, и я представила себе, как она, лукаво сверкая глазами вновь, затаила дыхание, нарочно пытая меня и ожидая, когда я задам ей вопрос.

– Но почему, Ивонна?

– Архивных данных о не членах семьи мало, но я немного покопалась в семейном архиве Вандерхорстов, и вы не поверите, что я нашла! По-моему, я просто молодец, что подумала о…

– Ивонна, – процедила я, не заботясь о том, поймет ли она, что я говорю сквозь стиснутые зубы.

– Да, простите. Но всякий раз волнуюсь, когда нахожу очередной неуловимый фрагмент! Итак, я знала, что ничего не найду в генеалогических записях, поэтому я пошла по другому пути. А именно, поискала сведения по их домашнему хозяйству. Вы не поверите, как много интересного можно найти в старых амбарных книгах, списках провизии и счетах из галантерейных магазинов!..

– И что вы нашли? – спросила я, перебивая ее. Мое терпение давно иссякло.

– Счета за детские товары. Коляска, люлька, бутылочки для кормления и все такое прочее.

– Что ж, в этом есть смысл. У Джона был сын Уильям.

– Очень хорошо, Мелани! Но Уильям родился только в 1860 году. Эти счета датированы 1847 годом, то есть на добрых тринадцать лет раньше. Еще более показательно то, что я нашла счет из магазина тканей на Маркет-стрит.

Я тяжело вздохнула в трубку, слишком усталая, чтобы гадать.

– И что это было, Ивонна?

– Два ярда розового муслина и два куска бледно-розовой шелковой ленты.

Я подумала о Ребекке.

– Значит, кто-то обожал носить розовое.

– Можно подумать и так, пока не вспомнить моду того периода и то, что двух ярдов ткани было мало для полноценного платья взрослой женщины.

Сев прямо, я пролистала детали в картотеке, которую называла своим мозгом.

– Значит, где-то в 1847 году родилась девочка?

– Именно! И это не ребенок Вандерхорста, иначе она бы появилась на семейном древе. Не говоря уже о том, что у семьи уже была фамильная колыбелька и новая ей не понадобится. К тому же вещи были куплены не в самых модных магазинах и не самого лучшего качества.

– Значит, Люсиль, когда она бросила мужа в Магнолии и пришла работать кухаркой на Трэдд-стрит, могла быть беременна?

– Верно! – торжествующе воскликнула Ивонна.

– И у нее родилась девочка с именем, начинающимся на букву Е!

– Я все думала, когда же вы, наконец, догадаетесь, – с упреком в голосе сказала Ивонна. – Угадайте, как я узнала это имя.

– Просто назовите мне имя, а историю можете оставить на потом.

Как будто не слыша меня, Ивонна продолжила:

– Был небольшой счет, который я едва не пропустила… из галантерейного магазина. Счет за то, чтобы вышить на розовом муслиновом одеяльце имя. Судя по всему, человек, который заказал вышивку, не принадлежал к тому классу молодых женщин, которых учили вышивать практически с пеленок.

Я вытянула ноги и откинула голову назад, чтобы посмотреть в потолок.

– Как увлекательно, – сказала я ровным тоном. – Так как звали ребенка?

– Эванджелина, – ответила Ивонна, выдержав театральную паузу. – Совпадение или нет, но так называется знаменитое стихотворение Лонгфелло, опубликованное в том же году.

Я нахмурилась, вновь пролистывая свой мысленный файл.

– Не похоже на имя, с которым необразованный раб будет знаком, и тем более назовет свою дочь.

– Верно. К сожалению, это все, что я смогла найти о ней. Впрочем, я продолжу поиски. Но если это была ее первоначальная могила, то ваше предположение, что она погибла в пожаре 1861 года, а

не во время землетрясения 1886 года, означало бы, что она умерла молодой женщиной лет четырнадцати.

– Самый возраст, чтобы носить амулет, – сказала я.

Звук открывающейся в коридоре двери заставил меня вздрогнуть.

– Ивонна, я должна идти, – прошептала я в телефон. – Мне нужно проверить детей.

– Да, дорогая. Поцелуйте за меня ваших милых крошек. И Джека тоже.

Я нажала на кнопку ЗАКОНЧИТЬ. Слыша, как хрустнули мои колени, я встала и подождала, пока остальная часть моего тела приспособится к вынужденному вертикальному положению. Генерал Ли тихо похрапывал, лежа на спине посреди кровати, задрав в знак капитуляции все четыре лапы. Бросив взгляд на детей на мониторе, мирно спящих в своих кроватках, я на цыпочках подошла к двери своей спальни и прижалась ухом к прохладной деревянной поверхности. Затаив дыхание, я прислушалась.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять, что я слышу шлепанье бегущих по коридору босых ног, а следом за ними чью-то более медленную походку – цоканье каблуков и звон украшений. Волосы на моем затылке тотчас встали дыбом, но я не испугалась. Медленно открыв дверь спальни, я выглянула в освещенный ночником коридор.

В нос мне ударил запах роз, причем довольно сильный. Если закрыть глаза, может показаться, что находишься посреди майского розового сада. Я вышла в коридор и тотчас ощутила под моими босыми ногами лежащую на полу пуговицу. Я наклонилась, чтобы поднять ее, и застыла на месте. В свете ночника в коридоре поблескивала полоска из еще дюжины пуговиц.

Стараясь не наступить на них, я последовала за ними по коридору туда, где они заканчивались – прямо перед стоящей настежь дверью спальни Нолы. Я заглянула внутрь, и мое сердце сжалось. Кровать была пуста, одеяло сброшено на пол. Опустившись на колени, я заглянула под кровать и, к своему ужасу, увидела, что Порги и Бесс тоже исчезли.

Направившись обратно к двери, я мельком увидела на тумбочке необычный предмет, черную и зловещую тень в форме маленького гробика. Я невольно вздрогнула, проходя мимо него. Затем быстро

прошла по коридору и, дрожа от холода старого дома, спустилась по лестнице.

Предательский звон ошейников в передней гостиной привел меня в нужном направлении. Я резко остановилась, едва не столкнувшись с крепкой обнаженной грудью, от которой пахло Джеком. Положив руки мне на плечи, он мягко развернул меня лицом к часам.

В бледном предрассветном свете, пробивающемся сквозь окна, я первым делом заметила Порги и Бесс. Они катались по полу в своей обычной щенячьей игре, но было в них и что-то еще. Что-то странное. Я прищурилась в тусклом свете и в конце концов сообразила, что собак три. Вспомнив, что Генерал Ли остался храпеть на моей кровати наверху, я прищурилась еще сильнее и попыталась определить, откуда взялся незваный гость. Я надеялась вопреки всему, что это не собака Ребекки, Пуччи, ведь это означало бы, что Ребекка где-то недалеко.

По моей коже побежали мурашки. Я подошла ближе к Джеку, чтобы согреться о его тело, а затем проследила за его взглядом в сторону Нолы. Она, подбоченившись и вопросительно наклонив голову набок, стояла перед часами.

– Нола? – мягко сказал Джек. – С тобой все в порядке?

Когда он заговорил, изо рта у него вылетело морозное облачко, подтверждая мою догадку, что мы определенно тут не одни. Волоски на моем затылке застыли по стойке «смирно», но глаза не находили ничего, что таилось в темных углах.

– Она привела меня сюда, – прошептала Нола в ответ.

– Она? – спросил Джек.

– Девушка. Та, что с расплавленным лицом. Она вернулась.

Я вздрогнула и быстро оглянулась назад.

– Я ее не вижу.

Нола, не оборачиваясь, покачала головой:

– Ее мать сказала, чтобы никто не видел ее лица.

Я быстро переглянулась с Джеком.

– Это из-за ее ожогов?

Нола пожала плечами:

– Она не сказала. На этот раз она привела свою собаку.

Порги и Бесс выскочили вперед, но сейчас были видны лишь смутные очертания хвоста третьей собаки.

– Его кличка Отис.

Мы с Джеком шагнули вперед и встали по обе стороны от Нолы.

– Ты ее слышишь? – прошептала я.

Нола кивнула:

– Вроде как. Это как… разговор во сне. Ты не видишь, как двигаются губы или что-то в этом роде, но слышишь в своей голове слова… ну, ты же знаешь?

– Да, знаю, – сказала я. – Должно быть, она очень сильный дух, раз она способна общаться с тобой. Большинство людей, которые… лишены чувствительности… обычно их не слышат, вот почему так много рассказов о призраках, но крайне редко о том, что призраки говорят.

– Бо использует в своих расследованиях ФЭГ рекордер. Может, мне стоит спросить его.

– Нет, – в один голос сказали мы с Джеком.

– Ты вообще знаешь, что такое ФЭГ рекордер? – спросила я его.

– Нет. Но я не думаю, что Ноле нужно спрашивать об этом Бо. Он ездит на мотоцикле. Ей не нужно ни о чем спрашивать Бо.

– У тебя в далекой юности не было мотоцикла?

– Нет.

Я не стала развивать эту тему, оставив для более продолжительного разговора позже.

– ФЭГ означает «феномен электронного голоса». Для охотников за привидениями, которым нужна помощь в общении с духами. В основном для любителей. – Я снова переключила внимание на Нолу. – Она сказала тебе, как ее зовут?

Нола покачала головой:

– Нет. Только то, что ей не нравится плохой человек. – Нола тяжело вздохнула и наконец повернулась к нам лицом. – Как вы думаете, зачем она привела меня сюда?

Я открыла стеклянную дверцу, закрывающую циферблат, словно могла найти там ответ. Он выглядел точно так же, как и в первый день, когда я увидела его во время визита к Невину Вандерхорсту.

– Не знаю. Мы нашли все алмазы. Поверь мне, мы осмотрели каждую часть этих часов, чтобы удостовериться, что ничего не пропустили. Теперь это просто часы.

– Хм. – Нола нахмурилась. – Помнишь, в тот первый раз, когда я увидела ту девушку, я сказала, что подумала, будто она пытается меня

предупредить? Я просто смотрела на часы, пытаясь это понять. Она исчезла, как только папа вошел в комнату.

– Извини, – сказал Джек. – Вдруг она даст нам еще один шанс. А сейчас почему бы тебе не отвести собак наверх и не попытаться еще немного поспать? Завтра учебный день. Вернее, уже сегодня.

Нола ответила широким зевком.

– Конечно. Но если вдруг увидишь ее, пожалуйста, скажи ей, чтобы она перестала класть Замороженную Шарлотту в мою комнату. Это жутко.

Сказав это, она взяла двух собачек и вышла из комнаты. Мы с Джеком слушали, как она поднимается по скрипучей лестнице.

– Интересно, что это было, – сказала я, повернувшись к Джеку.

Он как-то странно посмотрел на меня.

– Что-то не так? – спросила я.

– Нет. Просто я… – Он потер ладонями небритые щеки, что тотчас вызвало волну воспоминаний.

– Просто что?

– Я забыл, как ты выглядишь рано утром, когда только проснешься. Со всклокоченными волосами. И твое лицо…

Он поднял руку и погладил меня по лицу. Я даже не пошелохнулась.

– Я скучал по этому, – сказал он.

– Я тоже.

Он опустил руку. Мы молча смотрели друг на друга в свете наступающего дня, слушая мерное тиканье часов и ожидая, кто из нас сделает первый шаг.

– Я так скучала по тебе, Джек. – Прежде чем я смогла остановить себя, я подалась вперед, чтобы поцеловать его в губы, но в последний момент повернула голову и коснулась губами его щеки. Я играла с огнем… огнем, который всегда тлел между нами, ожидая момента, когда он разгорится снова. Огонь, который в данный момент я должна была держать под контролем. Я отстранилась и, выбежав из комнаты, бросилась вверх по ступенькам так быстро, как только могла, лишь бы не передумать.

– Это был почти пятый поцелуй? – тихо окликнул он меня.

Я остановилась на полпути.

– Если не в губы, то не считается.

Я пробежала остаток пути вверх по лестнице, влетела в свою спальню, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней, чтобы отдышаться. Услышав, как напольные часы внизу пробили полчаса, я бросила взгляд на кровать. Мое дыхание замерло на середине вдоха. Я увидела на моей подушке аккуратный ряд пуговиц, а рядом Замороженную Шарлотту, спящую в своем крошечном железном гробике.

Глава 16

Я стояла на кухне перед кофемашиной. Мои мутные глаза впились в нее, заставляя ее работать быстрее. Пальцы нетерпеливо барабанили по столешнице. Я так и не уснула прошлой ночью, подошвы моих ног постоянно натыкались на пуговицы в изножье кровати. Несколько раз я подходила к двери, намереваясь пойти к Джеку, чтобы поговорить с ним о том, что могут означать пуговицы и кем может быть этот «дурной человек». Я первым делом подумала о Марке или Харви, но мы уже и без того знаем, что они собой представляют. Я опасалась, что мы что-то упустили.

Я сказала себе, что просто хочу поговорить с Джеком, обсудить, почему та девушка пыталась предупредить Нолу и о чем именно. Но я так и не решилась повернуть дверную ручку, зная, что у меня есть скрытые мотивы прийти в комнату Джека посреди ночи. «Я забыл, как ты выглядишь, когда только проснешься… Я скучал по этому». Взгляд его глаз, когда он произнес эти слова, был главной причиной, почему я не смогла уснуть.

Измученная, но все еще не способная уснуть, я приняла душ и оделась, затем написала Джеку длинное электронное письмо. В нем я объяснила все, что обсудила с Ивонной, и, не желая будить его, запланировала отправку с задержкой, чтобы он получил его лишь после того, как я встречусь со Сьюзи Дорф. Джек обычно ложился за полночь, засиживаясь за рабочим столом допоздна, и, как и Джей-Джей, ворчал, если его будили слишком рано.

Глянув с прищуром на крошечные цифры часов на кофеварке, я сдалась и посмотрела на свой телефон. У меня было ровно тридцать минут, чтобы уйти из дома до прибытия съемочной группы и актеров. Первые пару дней после начала съемок я ждала, не спеша на работу, чтобы увидеть их в действии. Несмотря ни на что я отчасти была в восторге от того, что в моей гостиной есть частичка Голливуда. Я не узнала смехотворно молодых актеров, игравших нас с Джеком. А вот

Нола узнала их и изо всех сил старалась не выдать своего восхищения, что отняло часть волнения. Ко второму дню мне надоело видеть напыщенное самомнение Марка и его наглую ухмылку всякий раз, когда он замечал, что мы с Джеком смотрим в его сторону, и я решила, что с меня достаточно. Хотя Джек сказал, что может остаться дома, чтобы работать и присматривать за Марком, я старалась уходить, пока там работала съемочная группа. Предстояло снять несколько ночных сцен, уже обговоренных юристами и стоявших в наших календарях, а я все еще не решила, остаться ли мне в своей комнате, пока идут съемки, или же сбежать с детьми в дом моих родителей.

Услышав стук в заднюю дверь, я дернулась и задела рукой свою керамическую кружку. Та соскользнула к краю кухонного стола. Я закрыла глаза, ожидая услышать стук и звон разлетающихся осколков, не желая быть свидетельницей гибели моей любимой кружки. Это был подарок от Джека на мой первый День матери, и на боковых сторонах были нанесены крошечные отпечатки ладошек Джей-Джея и Сары – голубые и розовые соответственно. Стука не последовало, и я снова открыла глаза. Кружка опасно застыла на самом краю стола, словно олимпийский прыгун в воду.

Я вовремя схватила ее.

– Входите, – сказала я, наполняя кружку кофе и сливками, а в следующий момент в кухню вошла моя мать.

– Доброе утро, Мелли, – сказала она, обняв меня и расцеловав в обе щеки. Затем отстранилась и придирчиво посмотрела меня. – У тебя усталый вид. – Она многозначительно подняла бровь.

– Нет, мама. Не поэтому.

Она сняла с шеи шелковый шарф от Hermès и расстегнула пальто.

– Нельзя винить мать за то, что она желает дочери счастья. И вы с Джеком делаете друг друга счастливыми. Большую часть времени.

– Что ж, кто-то должен сказать об этом Джеку. – Я нахмурилась. – Что ты здесь делаешь?

– Сегодня утром у Джейн прием у дантиста, так что я присмотрю за детьми. Джек сказал, что сделает это сам, но я знаю, что он глубоко погружен в фазу исследований для своей новой книги, и мы с Джейн не хотели отвлекать его. Да и вообще, я рада любой возможности увидеть своих маленьких жевунов.

– Джек занят исследованиями?

– Так сказала мне Амелия, – объяснила она. – Я предполагала, что ты в курсе.

Я покачала головой:

– Он сказал, что еще не готов обсуждать со мной проект новой книги.

– Извини. Должно быть, это задело твои чувства. – Она с прищуром посмотрела на меня. – Тогда почему ты не притворяешься обиженной?

– Разве нет?

Слово «жевуны» напомнило мне, что я еще не завтракала. Пытаясь отвлечься, я поставила кружку на стол, открыла дверь кладовой и вытащила коробку с хлопьями быстрого приготовления – продукт, который гарантированно останется на полке неоткрытым навечно. Ни один уважающий себя южанин никогда не станет осквернять крупу, доставая ее из коробки. Засунув руку в коробку, я вытащила пропитанный масляными пятнами пакет кондитерской «Глазурованные пончики» и, закрыв глаза, блаженно вдохнула щекочущий ноздри аромат его сладкого содержимого. Вернув пустую коробку в кладовку, я закрыла дверь.

– Нет. Что ты задумала, Мелли?

Я занялась тем, что достала из шкафа две тарелки. Манеры требовали, чтобы я предложила одну матери, хотя знала, что она откажется.

Но вместо этого она повесила свое пальто на спинку кухонного стула, села и чинно сложила руки на столе.

– Спасибо, Мелли.

Я подавила легкий укол досады из-за того, что поделилась своими пончиками, положив их все – кроме шоколадно-карамельного чизкейка, лежавшего в том же пакете, – на сервировочную тарелку, которую поставила на середину стола.

– Хочешь, я заварю тебе чаю? – спросила я. Словно заметив, как мои ноги подрагивают в предвкушении, она покачала головой:

– Просто воды, дорогая. Можно из-под крана.

Я сумела сесть и первая предложила ей кулинарные щипцы. Я пожалела лишь о потере простого глазированного пончика, который она положила на свою тарелку. Поместив себе на тарелку пончик с орехами чоконана, я вилкой отломила кусок и сунула себе в рот. Я

медленно жевала, глядя на часы и прикидывая, сколько времени у меня есть, прежде чем Нола спустится вниз и застукает меня на месте преступления.

– Разве они не самые лучшие? – спросила я, сделав глоток кофе со сливками.

– Ты не ответила на мой вопрос, Мелли. Не забывай, хотя мы пропустили много лет вместе, я все еще твоя мать.

Следующий кусок застрял у меня в горле. Я была мачехой и матерью совсем недолго, и все же я всегда чувствовала натяжение незримой нити, которая связывала меня с тремя моими детьми – связь, которая шла от моего сердца к их сердцам. Всегда радостная, порой болезненная, но неизменно более чуткая и точно настроенная, нежели любое другое шестое чувство.

– Я уверена, что не знаю…

– Мелли, – сказала она тем же тоном, каким я говорила с Джей-Джеем, когда он пытался покататься верхом на Генерале Ли.

Я опустила вилку.

– Прошлой ночью в саду Луиза помогла мне получить откровение. – Я глубоко вздохнула, ожидая, что она прервет меня. Приготовилась отстаивать право слова. Но она молчала, и я продолжила: – Сила Джека в разгадывании головоломок и умении писать о них. Моя сила в том, что я могу разговаривать с мертвыми. Нет никаких причин, почему мы не можем работать вместе – но порознь – для решения наших проблем. Даже Джек согласился бы, что мы довольно грозная команда, когда мы объединяем наши силы и таланты, чтобы разобраться во всем.

Я ждала, когда мать заговорит, мой аппетит к пончикам чудесным образом испарился. Во всяком случае, на данный момент.

– Молодец, Мелли.

Я открыла было рот, чтобы встать на свою защиту, но вместо этого пробормотала нечто неразборчивое.

– Что? – выдавила я после нескольких неудачных попыток.

– Кроткая, покорная Мелли – не настоящая ты. Она самозванка, чье существование было необходимо какое-то время, пока ты боролись с тем, что случилось, пока пыталась понять, как справиться с последствиями.

Я в упор посмотрела на нее. Затем моргнула. Дважды.

– Кто ты такая и что ты сделала с моей матерью?

Она потянулась через стол и ладонью накрыла мою руку.

– Я должна перед тобой извиниться. Мы все должны. То, что ты подходишь к проблемам иначе, чем мы, не делает тебя неправой. Конечно, порой ты поступаешь слишком необдуманно, но тобой движет желание никогда никому не причинять вреда. Ты любишь сильно и страстно, и твое стремление к независимости достойно восхищения.

Я сжала ее руку.

– Ты умираешь?

Она от удивления отпрянула.

– Надеюсь, ненадолго. Почему ты спрашиваешь?

– Тогда зачем ты все это говоришь?

– Потому что я скучаю по моей Мелли. По моей дочери-воительнице, которой пришлось бороться буквально за все в своей жизни и которая сумела стать сильной, решительной и успешной женщиной… не говоря уже о том, что ты невероятная мать.

Она откинулась на спинку стула.

– Самое главное, что у тебя прощающее сердце. Ты простила своего отца и меня за ту страшную боль, которую мы причинили тебе в детстве, и даже впустила нас в свою жизнь и разрешила нам общаться с твоими детьми. – Мать пристально посмотрела на меня. – Мелли, ты не рождена ходить по жизни на цыпочках. Я рада, что ты пытаешься найти выход из ситуации, в которой ты оказалась. Наверно, я почувствовала бы себя лучше, если бы ты с кем-нибудь это обсудила… ты ведь знаешь, я всегда доступна, – но я не собираюсь указывать тебе, что делать. Ты умная женщина. Я верю, что ты поступишь правильно.

Я согрелась под ее взглядом.

– А если Джек не согласен с моими методами?

– Тогда он даже наполовину не тот, кем я всегда его считала. – Она помолчала. – Тебе нужен не такой муж, тот, кто видит то, что считает недостатками, но все равно тебя любит.

Я кисло улыбнулась:

– Джек однажды это сказал. Пусть он назвал их причудами, но мне кажется, он имел в виду именно это.

Мать сжала мою руку:

– Что ж, это хороший знак.

Сверху раздался исступленный крик валькирии. Мать испуганно вздрогнула:

– Что это было?

– Нечто новое. Этот звук Джей-Джей издает, когда просыпается и видит венчик на полу. Иногда Луиза кладет его обратно ему в кроватку, но она, должно быть, была занята чем-то другим.

– Тогда мне лучше пойти и воссоединить его с венчиком. – Она улыбнулась. – Полагаю, мне не следует удивляться, что у одного из твоих детей в качестве утешения есть кухонная утварь.

– А вторая способна видеть мертвых, – добавила я.

Мы обе встали, и мать заключила меня в крепкие объятия. Несмотря на миниатюрное телосложение, она умела крепко стиснуть ребра. Это было одно из самых счастливых воспоминаний моего детства. Я закрыла глаза, наслаждаясь ощущением тепла и защиты от всех невзгод, которое я заново открыла в объятиях матери. И чувством уверенности в том, что мое решение было правильным, раз оно встретило поддержку и понимание у моей матери.

– Мелли?

– Ммм?

– Ты можешь пообещать мне одну вещь?

Я, не открывая глаз, кивнула.

– Что бы ты ни планировала, пожалуйста, сначала все хорошенько обдумывай. И ради всего святого, держись подальше от кладбищ.

* * *

Свежий утренний воздух предвещал еще один прекрасный ясный и довольно теплый зимний день в Чарльстоне. Я решила пройтись до Вашингтон-сквер, где у меня была назначена встреча со Сьюзи Дорф. Эта встреча могла стать моей оливковой ветвью для Джейн за то, что я пропустила утреннюю пробежку. И ответным жестом за то, что она принесла мне пончик.

Я прошла через кованые железные ворота парка, выходящего на Брод-стрит. Мне не терпелось найти скамейку и использовать пятнадцать минут до нашей встречи, чтобы съесть свой второй пончик и спокойно выпить кофе. Но, шагая по кирпичной дорожке в

направлении миниатюрной копии монумента Вашингтона в центре парка, я вскоре вздрогнула и застыла на месте как вкопанная. На скамейке под одним из величественных дубов сидела не кто иная, как Сьюзи Дорф собственной персоной. Тяжелая полоска испанского мха свисала с толстой ветки прямо над ее головой, временно скрывая меня от ее взгляда.

Я сменила направление и нырнула за пьедестал со статуей Джорджа Вашингтона. Я еще не знала, что предпочесть – съесть пончик там или рискнуть найти другую скамейку.

– Мелани, я здесь! – Ее безошибочно узнаваемый голос был бодр, как и все остальное в ней, и я, подавив стон, выпрямилась.

Изобразив удивление, я помахала Сьюзи рукой и направилась к ней.

– Доброе утро, – сказала я. – У меня ни разу не было возможности прочитать таблички на этих статуях. Так интересно.

По ее взгляду было ясно, что она видит мое притворство насквозь.

– Доброе утро, Мелани. – Она наклонила голову. – Честно говоря, я не думала, что вы придете.

Я села рядом с ней, отметив про себя, как мыски ее туфель едва касаются земли.

– Неужели? Это почему же?

Она удивленно подняла брови:

– Вы серьезно спрашиваете меня? Вероятно, постоянное избегание моих телефонных звонков вынудило меня предположить, что вы не желаете со мной разговаривать. И это притом что вы задолжали мне интервью.

– Знаю, знаю. И я сожалею. Просто с тремя детьми, домом, работой…

– Можете не продолжать. – Она подняла руку. – Я в курсе. И с Марком Лонго, который практически живет в вашем доме и снимает фильм. Я все жду, когда мне позвонят и попросят написать про убийство.

– Правда, Сьюзи. Марк довольно подлый и коварный, но я не могу представить, чтобы он совершил убийство.

– Я беспокоюсь не о нем.

Я выгнула бровь:

– Даже после того, как его не станет, нет никакой гарантии, что он больше не будет меня беспокоить. Если предположить, что я умею разговаривать с мертвыми.

Сьюзи в упор посмотрела на меня:

– Верно. Если предположить.

Я даже не моргнула:

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Она удовлетворенно вздохнула:

– Вы не представляете, как долго я ждала этого момента. Как я уже упоминала ранее, поскольку вы якобы способны общаться с мертвыми, я хотела бы взять у вас интервью о ваших способностях, а также увидеть, как вы, – она неопределенно махнула рукой, – разговариваете с призраками. Моя цель – написать серию статей для газеты или же собрать их в книгу. Или и то и другое. Я уже начала работу над книгой об удивительных жителях Чарльстона в прошлом и настоящем и, как я уже говорила вам, думаю, вы станете ключевой фигурой, поскольку вы – своеобразный мостик между ними и нами.

Я была осторожна, не желая показать ей, что я слышала то, что она сказала, тем более согласиться с чем-либо из этого. Я пожевала нижнюю губу, тщательно взвешивая слова:

– Вы как-то сказали мне, что не являетесь поклонником Марка Лонго. Что он разорил вашего брата в результате сомнительной сделки.

Сьюзи впилась в меня взглядом.

– Да. Так оно и было. Вот почему я несколько раз помогала вам, несмотря на ваше нежелание отвечать на мои телефонные звонки. Он не просто разорил Кенни. Он уничтожил его. Кенни провел два года в психиатрической лечебнице и до сих пор пытается наладить свою жизнь.

– Прискорбно это слышать. – Я посмотрела на свой скомканный пакет с пончиками. – Мои «способности», как вы их называете, – это не то, что я когда-либо хотела рекламировать или даже применять на практике. Но все может измениться. Марк загнал нас в угол, и я готова на все, лишь бы убрать его из нашей жизни.

Сьюзи вздернула свой острый подбородок:

– Думаю, мы могли бы заняться этим вместе. У нас есть общая цель. Я могла бы помочь вам вынудить Марка бежать поджав хвост, а потом «обелила» бы вас в моей книге. Перо сильнее меча, верно?

Уверяю вас, пара удачно размещенных в газете колонок, и песенка Марка спета. – Она наклонила голову. – Вот только что-то подсказывает мне, что вы заключили с Марком какую-то дьявольскую сделку, чтобы позволить ему снимать в вашем доме. Так что вынудить его бежать может быть очень непросто. Учитывая всю болтовню в Сети о том, что пропавшая половина Алмаза Надежды может быть связана с вашим тайником, я имею все основания предположить, что это и есть главная причина, почему Марк проник в ваш дом. Он хочет все изучить на месте.

Я посмотрела ей в глаза, вспомнив, как однажды она сказала мне, что видела Джека в баре, когда он, похоже, торговался со своими демонами, прежде чем заказать имбирный эль. Несмотря на наши довольно натянутые отношения, ее предупреждение было явно сделано с добрыми намерениями, а не со злорадством, которого я ожидала. Она также не предала гласности то, что могло стать для Джека унижением, которое он не мог себе позволить. Ее доброта удивила меня, даже изменила мое восприятие как человека и стала главной причиной, по которой я в конечном итоге согласилась встретиться с ней.

– Возможно, – сказала я. Мое нежелание признать всю полноту нашей сделки было вызвано скорее смущением по поводу нашей доверчивости, нежели неуверенностью в том, доверять ей или нет. – Мы совершили ошибку, полагая, что Марк изменился, как изменился цвет его волос. Он и Ребекка обратились к нам, говоря, что мы «одна семья», – пусть даже мы и не близкие родственники и, слава богу, только по браку.

– Итак, что случилось? – осторожно спросила она.

Не дождавшись моего ответа, она продолжила:

– Мой брат пытался покончить с собой после того, как Марк его бросил. Ему потребовалось почти пять лет, чтобы вернуть свою жизнь в нормальное русло. Поверьте мне, когда я говорю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы поставить Марка Лонго на колени. – Она пожала плечами. – Кроме того, вы мне нравитесь. Мне нравится ваша семья и то, как вы превратили дом Вандерхорстов в уютное семейное гнездо, хотя я знаю, что вы не любительница старых домов. Возможно, меня восхищает ваше умение поступать правильно. Я уверена, Невин Вандерхорст одобрил бы то, что вы делаете.

– Вы знали его?

Она мягко улыбнулась и кивнула:

– Я встречалась с ним всего раз или два, но мы были своего рода друзьями по переписке. Много лет назад он указал мне на ошибку в статье, которую я написала. Разумеется, он был прав, плюс то, как деликатно он покритиковал меня, что я написала ему в ответ, чтобы поблагодарить. Мы продолжали обмениваться письмами на протяжении многих лет, почти до дня его смерти. И я знаю, как сильно он любил свой дом и как счастлив был бы видеть, как вы и ваша семья живете в нем в радости и счастье. – Сьюзи поджала губы. – Точно так же, как ему вряд ли бы понравилось, что Марк Лонго отравляет вам существование. – Она наклонила голову. – Итак, что случилось?

Я глубоко вздохнула:

– Марк поставил крест на карьере Джека. Не только тем, что украл идею его книги, в результате чего издатель Джека отменил его книгу. Марк, у которого, по-видимому, повсюду есть связи, распространял ложь и слухи о Джеке и тех, с кем он работал, так что все сторонники Джека в издательском мире отвернулись от него. Марк пообещал Джеку все исправить, если мы разрешим съемку, и даже пообещал познакомить его с несколькими влиятельными литературными агентами. Он также согласился поделить с нами пополам свой доход. Думаю, что именно соблазн заработать денег на собственной идее и заставил Джека сдаться и согласиться. Но, несмотря на всю нашу осмотрительность, я убеждена: это всего лишь очередная ложь, которую рассказал нам Марк. Он просто надеется проникнуть в дом, чтобы найти клад, который, по его мнению, все еще может быть там спрятан. Я не сомневаюсь, что, когда все закончится, он найдет способ уклониться от своих обещаний и оставит нас там, где мы были. Только все будет еще хуже, потому что мы разрешили снимать фильм по книге, которую Марк, по сути, украл у Джека. Мало того, мы оба подписали договор, в котором говорится, что тот, кто нарушит его условия, теряет все.

– При условии, что вас поймают. – Сьюзи озорно улыбнулась мне. – А что думает Джек?

Я взялась рассматривать свои руки, особенно левую. Обручальное кольцо и кольцо невесты на ней подмигивали солнечным светом, напоминая мне о голом безымянном пальце Джека.

– Тут я одна. Сейчас между Джеком и мной… не все так просто. Я просто знаю, что не могу сидеть сложа руки и ждать, когда поезд сойдет с рельсов, не попытавшись сначала его остановить.

Она захлопала в ладоши, и я подняла глаза.

– Браво, Мелани. Браво. – Она вновь лукаво улыбнулась. – Думаю, у нас много общего, и я надеюсь, что нам понравится работать вместе.

Я ответила ей улыбкой, но тотчас же посерьезнела.

– Меня останавливает лишь одно – вопрос, не ошибаюсь ли я насчет Марка. Что, если он намерен выполнить свое обещание, а я непреднамеренно лишу Джека этой возможности?

– Что подсказывает вам ваше внутреннее чутье?

– Что жук-пальметто не способен изменить свои крылья.

– Что-что?

– Извините, это чарльстонский вариант поговорки «Горбатого могила исправит». Моя собственная региональная адаптация.

Сьюзи медленно кивнула:

– Понятно. Я согласна с вами относительно Марка. Подлый и низкий лжец, он на всю жизнь подлый и низкий лжец. Он жаден и бесчестен. Я бы не удивилась, узнав, что он продает собственного ребенка, если это сулит ему выгоду.

Я не стала озвучивать мою мысль о том, что, если ребенок, которого сейчас носит Ребекка, будет воспитан другими родителями, это не так уж и плохо.

– Похоже, наши мысли двигались в одном направлении. Я думала о том, как остановить съемки и ранить Марка в его самое больное место – его кошелек и его эго. Это предполагало использование моих… «способностей». Это также потребовало бы ваших журналистских талантов и возвращения на страницы газеты вашей серии статей о зарытых в Священном городе кладах.

Сьюзи подалась вперед.

– Вы правы. Нам с вами пришли одинаковые мысли, и это замечательно. Я очень хочу услышать больше, но еще больше мне не терпится начать.

Я встретилась с ней взглядом.

– Мне тоже. Но я никак не решусь, так как результат будет один и тот же – карьера Джека застопорится навсегда, независимо от того,

снимет Марк свой фильм или нет. Возможно, Марк сделает меня козлом отпущения, чтобы Джек обвинил во всех грехах меня.

Сьюзи удивила меня своим смехом.

– Не беспокойтесь об этом, Мелани. Поверьте мне. Марк Лонго – не единственный, кто имеет хорошие связи в издательском мире. И у Джека немало поклонников, включая меня.

– Почему вы не говорили мне об этом раньше?

– Не потому ли, что вы никогда не отвечаете на мои телефонные звонки или сообщения.

Я покраснела:

– Извините. Просто я…

Она подняла руку.

– Можете не продолжать. А теперь, – сказала она, вытаскивая разлинованный блокнот и карандаш, – нам предстоит работа.

Глава 17

Я толкнула дверь пекарни «Нормандская ферма» на Брод-стрит. Ноздри мне тотчас защекотали мои любимые ароматы свежеиспеченного хлеба и кофе. После недавнего внезапного закрытия пекарни Рут я была вынуждена найти новый источник кондитерских изделий и кофе со взбитыми сливками поблизости от моего офиса. Арендная плата заведения Рут выросла в три раза, и дочери уговорили ее уйти на пенсию, купив ей небольшой дом на той же улице, где они жили с ее внуками. Кэтрин Хименес занималась как размещением объявлений, так и была агентом по продажам, конечно, так что я осталась не только без милой улыбки Рут и вкусного кофе с пирожными, которые ждали меня каждое утро, но и столкнулась с острой необходимостью найти поблизости замену.

Найдя в центре небольшой обеденной зоны столик, я села за него с моим большим стаканом кофе и круассаном с ветчиной и сыром грюйер. Я думала отнести эти лакомства через несколько дверей в свой кабинет и съесть за своим рабочим столом, но я не хотела, чтобы Кэтрин видела, как я сижу или ем, потому что я никогда не видела, чтобы она сама это делала.

Не успела я откусить первый кусочек круассана, как услышала скрип ножек отодвигаемого стула, а затем почувствовала удар по ножке моего стола. Мой кофе выплеснулся. С набитым ртом я раздраженно подняла глаза и, к великому своему удивлению – что, однако, не уменьшило моего раздражения, – увидела, как Майкл Фаррелл опустился на стул, который теперь стоял рядом со мной.

– Доброе утро, Мелани. Я как раз собирался зайти к вам в офис, но увидел, что вы зашли сюда. Надеюсь, вы не против.

Хорошо, что у меня был набит рот, иначе я бы сказала ему, что я очень даже против. Он воспринял мое молчание как согласие и откинулся на спинку стула. Сделав глоток кофе, я устроила

грандиозное шоу: посмотрела на часы и телефон, а затем на два календаря.

– Мне казалось, наша встреча состоится через полчаса.

Я произнесла это не как вопрос. Когда дело касалось расписаний, я никогда не ошибалась.

– Знаю. Вероника присоединится к нам в вашем офисе. Просто я хотел поговорить с вами наедине… Когда мы говорим об Адриенне и продаже дома, она принимает все слишком близко к сердцу, и я хотел бы перейти к делу до нашей официальной встречи.

– Слишком близко к сердцу? Адриенна ее сестра и была убита кем-то, кто так и не предстал перед судом. Кем-то, кто спустя более двух десятилетий после того, как Вероника и ее родители похоронили Адриенну, гуляет на свободе. Дом, от которого вы так стремитесь избавиться, – последняя ниточка, которая связывает Веронику с ее умершей сестрой. Я думаю, совершенно логично, что она принимает все близко к сердцу.

Он поджал губы, так что, по крайней мере, он выглядел огорченным.

– Разумеется. Я понимаю. Но эмоции затмевают ее рассудок. Я имею в виду задержку с продажей дома, чтобы его отремонтировать. Я уже дошел до того, что уже все равно. Я устал от визга пил и грохота молотков. Мы должны немедленно закончить этот бесконечный ремонт, отправить рабочих домой и выставить дом по той цене, которую вы сочтете разумной. Меня не волнует, получим мы максимальную цену или нет. Мне надоело топтаться на одном месте.

Я сдержалась, зная, что нам с Вероникой еще нужно потянуть время. Выдавив из себя улыбку, я сказала:

– Правда, Майкл, они почти готовы. Софи говорит, что еще максимум месяц. А учитывая состояние, в котором будет дом, когда мы выставим его на продажу, не пройдет и дня, как мы будем завалены предложениями. Вот увидите, мы получим даже больше, чем просим. В Чарльстоне историческая недвижимость идет нарасхват, особенно если дом был отремонтирован.

Я ободряюще улыбнулась, как на всех своих рекламных фото.

Он уже качал головой, но я уже подключила тяжелую артиллерию.

– А пока у меня в офисе есть целый список домов, которые я могу показать вам и Веронике. Чтобы найти идеальный, потребуется

некоторое время. Вы ведь, наверное, захотите, чтобы он стал вашим домом навсегда, верно? Так что давайте использовать это время с умом. Обещаю вам, если мы начнем искать уже сейчас, у нас будет две сделки – продажа и покупка – за один день. Раз – и готово.

Он на мгновение задумался.

– Она… вам что-то сказала?

– Кто… вы имеете в виду Адриенну?

Он смущенно кивнул:

– Да. Это ведь то, чем вы занимаетесь, верно?

Я расправила плечи:

– Вообще-то я известна как напористый риелтор. Я помогаю моим клиентам осуществить их мечту. Вам просто нужно доверять мне, и все.

Я начала завертывать недоеденный круассан в салфетку, намереваясь закончить разговор и вернуться в офис, но он положил руку мне на плечо.

– И вы?..

Я не стала спрашивать его, что он имел в виду.

– Нет, ни разу. – Что было правдой. Адриенна ни разу не говорила со мной напрямую. Она лишь появлялась и иногда подталкивала меня в нужном направлении, но ни разу не заговорила со мной. И я была убеждена: она бережет силы для чего-то такого, чего я еще не поняла.

Он опустил руку.

– Если Адриенна… заговорит с вами, не могли бы вы сначала сказать об этом мне? Вероника сейчас очень уязвима. Я же сообщу ей об этом так, чтобы она не слишком расстраивалась.

Я прищурилась:

– А что, по-вашему, может сказать Адриенна, что могло бы расстроить Веронику?

Он покачал головой, его лицо выражало раскаяние.

– Понятия не имею. Я лишь… – Его глаза, казалось, увлажнились, и я тотчас смягчилась по отношению к нему. – Я люблю свою жену. Она прошла через многое. Когда Линдси окончит школу, Вероника останется одна, каждый день одна, и я не знаю, как это может отразиться на ее психическом здоровье. Вот почему я хочу переехать как можно скорее. Чтобы нам начать новую жизнь, пока Линдси все еще живет с нами, чтобы облегчить для Вероники смену обстановки.

– Я понимаю, Майкл, и я…

Он потянулся через стол и взял меня за руку. Я почувствовала себя неловко, но подумала, что, отдернув руку, поставлю себя в еще более неловкое положение, и потому не стала этого делать.

– На самом деле? – В его глазах появилась неожиданная боль, и я тотчас невольно смягчилась по отношению к нему. – Учитывая то, что происходит с вашим собственным браком, я не уверен.

Я отдернула руку, моего сочувствия как не бывало.

– Моя личная жизнь никак не связана с моей способностью делать все возможное для моих клиентов. Как я уже сказала, я прошу еще только один месяц… месяц, чтобы закончить все ремонтные работы и чтобы я могла подыскать для вас новый дом.

Он задумчиво посмотрел на меня:

– И вы уверены, что это займет только месяц?

– Абсолютно, – сказала я в надежде, что я права, и еле подавила желание скрестить за спиной пальцы.

Майкл, похоже, расслабился: его плечи слегка поникли, а сам он откинулся на спинку стула.

– Я просто хочу, чтобы это закончилось.

Я кивнула:

– Вы хорошо знали Адриенну?

Он смерил меня цепким взглядом и пожал плечами:

– Не очень. Она была младшей сестрой Вероники. Они были близки, разница всего в три года. Но она была сущим ребенком, честное слово. Она была подружкой невесты на нашей свадьбе, и я видел ее на семейных торжествах, но этим мои отношения с ней ограничивались. На первом курсе я помог ей въехать в ее комнату в общежитии, а затем еще раз во время рождественских каникул.

– Она переехала? Почему? Проблемы с соседкой по комнате?

Он покачал головой:

– Та же самая соседка. Просто они хотели комнату побольше, и такая комната освободилась.

Я села прямо.

– А были другие студенты, которых вы помните, которые помогали ей с этим?

Какое-то время помолчав, он кивнул и продолжил:

– Да, была еще пара парней. Ее бойфренд – я не помню его имени – и, кажется, парень, которого она знала по парусной команде. На вид типичный спортсмен, понимаете? И я почти уверен, что это была парусная команда, потому что она была одержима парусным спортом. – Он усмехнулся. – Что всегда казалось мне забавным, потому что она сама не была моряком. Но она любила смотреть соревнования.

– Вы помните его имя?

– Нет. Только то, что он был высокий и стройный. Блондин. Очень загорелый. – Майкл печально усмехнулся. – Но они все такие, верно? – Он взглянул на часы. – Нам пора.

– Еще кое-что. На той неделе, когда умерла Адриенна, она отчаянно пыталась сказать Веронике что-то такое, чего не хотела говорить ей по телефону. Но они так и не встретились лично. Она умерла прежде, чем они смогли поговорить. Вы хотя бы представляете, что это могло быть?

Упершись локтями в стол, он подался вперед.

– Поверьте мне. За эти годы мы с Вероникой делали это миллион раз, рассматривали разные варианты, но так ни к чему и не пришли. Вероника же постоянно корит себя за то, что она тогда не поехала к Адриенне. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем правду. Вот почему нам пора двигаться дальше. Начать новую жизнь и уйти от этой… неизвестности. Поэтому, пожалуйста, помогите нам продать наш дом и как можно скорее найти новый. – Следующие слова как будто застряли у него в горле. – Я не знаю, сколько еще это может продолжаться.

– Я поняла, – сказала я. – И я найду вам новый дом, который вы все полюбите. Обещаю, – добавила я, отодвигая стул.

Майкл сделал то же самое и встал.

– Я непременно дам вам знать, если что-нибудь придумаю. – Он отодвинул мой стул и, положив руку мне на спину, вывел из пекарни. Моя кожа горела под его ладонью, как будто по ней ползала сотня огненных муравьев.

* * *

После встречи с Майклом Вероника отвезла нас к себе домой на Куин-стрит. Я отправила его обратно на работу с папкой, полной объявлений о продаже домов, чтобы он просмотрел ее на досуге. (Все помечены цветом и перечислены в порядке убывания соответствия его пожеланиям.) Такую же папку я дала Веронике, но порядок был другим, так как ее пожелания и потребности не совпадали с пожеланиями Майкла. Если честно, я была рада, что эта возможная дополнительная задержка продажи дома из-за их несопоставимых требований не будет моей собственной инициативой.

Вероника въехала на небольшую парковочную площадку перед ее домом, и до моего слуха сквозь закрытые окна машины донесся визг пил и стук молотков. Не успела она припарковаться, как мы обе обернулись на звук подъехавшей сзади машины. Я узнала детектива Райли: он вышел из машины, неся что-то похожее на ежегодник Адриенны. Он поздоровался с нами, но его слова быстро заглушил вой цепной пилы. Вероника жестом пригласила его следовать за нами внутрь, где мы вновь нашли убежище в библиотеке.

Сев рядом со мной на диван, Томас положил на кофейный столик ежегодник.

– Извините, что зашел без предупреждения, Вероника, но с вами трудно связаться. Я оставил на вашем телефоне около десятка голосовых сообщений и еще несколько на стационарном автоответчике.

– Извините. Обычно мы удаляем сообщения, не слушая их, так как в основном это рекламные звонки, и я не помню, куда я положила свой мобильник. Я не хочу заменять его новым, потому что уверена, что он когда-нибудь появится сам… я теряю его десяток раз в день только у себя дома! – Она заставила себя рассмеяться. – Должно быть, я выключила его, когда была дома у клиента, а приложение «Найди свой телефон» не работает.

– Не беспокойтесь, – сказал Томас. – Вообще-то я сначала зашел к Мелани в офис, и секретарша – та, что с серьгами в виде стрекоз, – сказала мне, что Мелани только что ушла вместе с вами. Она сказала, что вы направились сюда. – Он нахмурился. – Кажется, э-э-э… ее зовут Джолли, да?

Я кивнула.

– Да, Джолли. Она интересный персонаж, не так ли? Она также сказала мне, что меня окружает белая аура и что она хочет дать мне защитный кристалл. – Он поднял брови. – Она также сказала, что за мной следит некая девочка – не ребенок, а скорее подросток. Вместе со своей собакой.

– Неужели? – сказала я, и по моей спине на цыпочках пробежал знакомый холодок. – Либо ее онлайн-уроки на тему, как стать экстрасенсом, идут гораздо успешнее, чем я думала, либо у нее очень хорошо развита интуиция. Те же самые явления были и в доме. Хотя лично я ничего не смыслю в аурах или кристаллах. Тут я ничем не могу вам помочь.

– Спасибо. – Он снова нахмурился. – Сначала я не придавал особого значения тому, что она говорила, но потом Джолли сказала нечто такое, что заставило меня насторожиться.

– И что именно?

– То, что привидение сказало, что девочка в опасности. Что ей нужна моя помощь.

– Девушка? – повторила я.

Томас кивнул:

– Сначала я подумал, что привидение говорит о себе. Но это не имеет смысла, не так ли? Она скорее назвала бы себя по имени или хотя бы употребила личное местоимение, например «я» или «меня»? Что заставило меня подумать, что это была другая девушка.

Мы с Вероникой переглянулись.

– Как, например, Нола или ее подружки? – предположила я. – Если только у Адриенны не было собаки…

Вероника покачала головой:

– Никогда. И она не была маленькой девочкой, когда умерла.

– Да, брать интервью у призраков – это по части Мелани, – сказал Томас. – Это может абсолютно ничего не значить – учитывая источник. Я просто счел нужным упомянуть об этом. – Он полез в карман пиджака и вытащил блокнот и карандаш. – Итак, у меня есть кое-какая информация об отпечатке пальца на плеере. Хотя, если честно, я разочарован. Он оказался не столь информативен, как я надеялся.

Опасаясь, что мне придется тянуть из него каждую крупицу информации, как то было с Ивонной, я сказала:

– Просто расскажите нам все. Без утайки. – Я посмотрела на Веронику, и та кивнула.

– Я смогу держать себя в руках.

Томас посмотрел на свои записи. При этом он не стал надевать очки для чтения. Я подавила приступ зависти.

– Был снят только один четкий отпечаток – отпечаток большого пальца. Прогнав его через нашу базу данных, мы смогли точно определить, что он принадлежит Лорен Демпси, родом из Сарасоты, штат Флорида, на момент смерти Адриенны студентке колледжа. Она также была членом парусной команды. Ее отпечатки есть в базе, потому что за время учебы в колледже у нее было несколько штрафов за вождение в нетрезвом виде и мелкую кражу. Она на спор украла несколько тюбиков губной помады из аптеки «Теллис», но Лорен единственная, кому было предъявлено обвинение. Это имя вам ни о чем не говорит?

Вероника сосредоточенно нахмурила брови и медленно покачала головой:

– Не думаю. У вас есть ее фото?

Томас пододвинул к себе ежегодник и открыл его на странице с закладкой. Затем перевернул его так, чтобы Веронике было хорошо видно, и указал на общую фотографию.

– Это фотография ее класса. – Он подождал, пока Вероника изучит ее, затем открыл ежегодник на другой странице. – А это два групповых снимка парусной команды – формальная и, так сказать, непринужденная, обе на церемонии награждения. Лорен стоит рядом с парнем, держащим кубок.

Вероника наклонилась ближе, глядя то на одну страницу, то на другую, и, наконец, остановилась на снимке команды.

– Она выглядит смутно знакомой. Адриенна несколько раз приглашала нас на вечеринки после регаты. Наши родители обычно находили предлог, чтобы туда не ходить, но мы с Майклом иногда ходили, так что мы познакомились практически со всей командой. Просто это было так давно, и я не помню… – Она умолкла и склонила голову набок. Затем взяла ежегодник и посмотрела на него, держа прямо перед собой. – Платье, которое на ней. Это платье Адриенны.

– Вы уверены? – Томас встал и посмотрел через плечо Вероники.

Она кивнула:

– Да, потому что это я дала его ей. Я надевала его всего пару раз и, зная, что у нее нет денег на обновки, предложила ей это платье. Она переделала его – пришила к подолу рюш и укоротила рукава. Я едва не пожалела, что рассталась с ним. Но она прекрасно владела иголкой и любила шить. Она планировала стать модельером. – Голос Вероники сорвался на шепот. – Да, это определенно одно и то же платье.

– Вам не кажется странным, что она могла одолжить его кому-то еще?

Вероника села, прижимая ежегодник к груди.

– Нет. Нисколько. Адриенна была самым щедрым человеком, какого я когда-либо знала. Скажи вы ей, что вам что-то нравится из ее вещей, как она либо разрешила бы вам это надеть, либо предложила сшить точно такое же для вас. Даже если она и эта Лорен Демпси были всего лишь знакомы по парусной команде, Адриенна точно одолжила бы ей платье. Или проигрыватель компакт-дисков.

Я встала и потянулась за ежегодником.

– Которая из них Лорен?

Томас указал на высокую блондинку с выгоревшими на солнце почти белыми волосами. Она была стройна, а ее мускулистые руки выгодно смотрелись в платье с короткими руками, выдавая ее увлечение парусным спортом. С ослепительной белоснежной улыбкой, сияющей на загорелом лице, она вполне могла бы позировать для рекламы зубной пасты.

– Она очень даже симпатичная.

– Если вам нравятся высокие блондинки, – сказал Томас без тени сарказма.

Мы с Вероникой посмотрели на него. Я задумалась, представив Джейн. Моя сестра была высокой, но определенно не блондинкой.

– У вас была возможность допросить ее? – спросила Вероника у Томаса.

– В том-то и все дело. Мы не смогли найти Лорен, поэтому я связался с ее родителями, которые до сих пор живут в Сарасоте. – Он помолчал. – Они не видели ее после окончания колледжа. Судя по всему, Лорен оставила записку в своей комнате в общежитии за день до того, как должна была получить диплом. Она сообщила им, что ей нужно некоторое время побыть в одиночестве и что она в течение года собирается путешествовать по стране и лишь потом найдет работу и

остепенится. Большая часть ее одежды и вещей были собраны и вынесены из ее комнаты, когда ее соседки по комнате не было, поэтому никто не знает, куда она отправилась и с кем.

Я представила, как бы я чувствовала себя, если бы Нола убежала, оставив записку, и мне тотчас стало тяжко на душе.

– И ее родители не видели ее с тех пор? Неужели они не заподозрили неладное? Неужели Лорен была из тех, кто может просто взять и исчезнуть?

– Ее мать сказала, что у Лорен всегда имелась тяга к путешествиям, ей нравились походы и прогулки на природе, и она несколько раз ездила с друзьями за границу. Но никогда одна и неизменно сообщая родителям, где она. Они обратились в полицию и заявили, что Лорен пропала без вести, но без каких-либо доказательств того, что она была похищена. А поскольку она оставила записку о том, что уехала по собственному желанию, они ничего не могли сделать.

– Бедные родители, – сказала я. – А записка была написана рукой Лорен?

– По словам родителей, да. Когда полиция закрыла дело, Демпси продали почти все, что у них было, и взяли на свой дом вторую ипотеку, чтобы оплатить услуги частных детективов. Время от времени они получали зацепки, но Лорен как сквозь землю провалилась.

– Какой кошмар, – сказала я. – Интересно, были ли Лорен и Адриенна близкими подругами? Что, если убийство Адриенны повлияло на нее сильнее, чем она была готова признать?

Томас кивнул:

– Я думал точно так же, но когда я спросил у родителей Лорен, упоминала ли она когда-нибудь имя Адриенны, то они ответили, что не помнят. Впрочем, это было давно, а Лорен была очень популярна, и у нее было много друзей.

– Прямо как Адриенна, – тихо сказала Вероника.

– Значит, она ни разу не дала о себе знать? – спросила я.

Томас кивнул:

– Вообще-то давала. Время от времени родители получают от Лорен открытки – всегда из разных мест, – в которых говорится, что с ней все в порядке и что она вернется домой, когда будет готова это сделать. И что она их любит.

– Но прошло уже более двадцати лет, – сказала Вероника. – Они уверены, что открытки были от Лорен?

– Они говорят, что да, но я попросил их прислать мне открытки, а также записку, которую она оставила в день своего исчезновения, и несколько образцов ее старого почерка. Я попрошу эксперта проанализировать почерк, чтобы убедиться, что все они написаны одним и тем же человеком. – Томас помолчал. – Я не решался поделиться с вами этой информацией. Отпечаток большого пальца Лорен на плеере компакт-дисков означает, что в какой-то момент она прикасалась к нему. Ее исчезновение может не иметь абсолютно никакого отношения к смерти Адриенны. Это могло быть простым совпадением.

– Вот только совпадений не бывает, – сказала я, повернув голову и лишь затем вспомнив, что Джека с нами нет.

Комнату наполнил терпкий аромат «Ванильного мускуса», но Вероника и Томас, похоже, этого не почувствовали. Я небрежно оглядела комнату, но, как обычно, не увидела никаких признаков Адриенны. Волосы у меня на затылке встали дыбом. Я почувствовала, как Адриенна встала за моей спиной, как будто защищая меня. При этой мысли мои нервные окончания начало покалывать, все чувства обострились. Интересно, от чего она пытается меня защитить?

Томас между тем продолжил:

– Я также связался с колледжем. Копия диплома Лорен и ее оценки ни разу не запрашивались ни одной компанией, где она могла бы искать работу.

– И что это значит? – спросила Вероника.

– Будь у нее хоть какой-то трудовой стаж, мы могли бы хотя бы отследить ее передвижения, посмотреть, соответствуют ли они открыткам, которые ее родители получали на протяжении многих лет, – пояснил Томас. – Мы проверили ее номер социального страхования. Так вот, он нигде не фигурировал с тех пор, как она работала в книжном магазине колледжа, когда училась здесь.

– Что означает, что она намеренно где-то скрывается, – сказала Вероника.

– Или что она мертва.

Ни Вероника, ни Томас даже не посмотрели на меня, когда я это сказала, но их мысли отражали мои собственные.

– Я буду копать дальше, – пообещал Томас. – Либо отпечаток пальца – наша главная зацепка, либо он вообще ничего не значит. Боюсь, мы не узнаем этого наверняка, пока не найдем Лорен и не допросим ее.

Я закашлялась, горло внезапно перехватило. Я попыталась сглотнуть и потерла шею так же, как терла ее Генералу Ли, когда давала ему пилюлю, чтобы ему было легче ее проглотить. Ощущение невидимых пальцев, взявших в тиски мою шею, заставило меня вскочить на ноги и закашляться. Мимо меня пронесся запах «Ванильного мускуса». Удушающий захват внезапно исчез. Я принялась растирать кожу, пытаясь убрать ледяной отпечаток десяти невидимых пальцев, только что сжимавших мне шею.

– С тобой все в порядке? – Вероника вскочила и подошла ко мне.

– Думаю, да. Можно мне стакан воды?

– Конечно. Я сейчас вернусь. – Она вышла из комнаты, оставив нас с Томасом наедине.

– Это тот же человек, который напал на вас в вашем саду? – спросил он.

– Понятия не имею… может быть. Но это точно не Адриенна. Она пытается защитить меня от кого-то, кто испытывает ко мне сильную неприязнь.

Вошла Вероника со стаканом воды. Взяв его у нее, я жадно большими глотками выпила воду, пытаясь избавиться от жжения в горле.

– Позвоним Джейн? – спросил Томас. Мы с Вероникой посмотрели на него.

– Потому что я знаю, что у вас это получается лучше всего, когда вы работаете вместе, – быстро добавил он.

– Верно. Но это вряд ли необходимо. Но я разрешаю тебе ввести ее в курс дела. У тебя все еще есть ее номер?

– Возможно, он все еще в моем телефоне. – Он даже не удосужился посмотреть, и я постаралась скрыть улыбку.

У него зазвонил телефон. Взглянув на экран, Томас извинился и вышел в коридор, чтобы ответить на звонок. Через мгновение он появился снова.

– Я должен идти. Я дам вам обеим знать, если узнаю что-нибудь еще.

Мы вышли в фойе. Пилы временно умолкли – рабочие работали в другой части дома, в воздухе витал густой запах краски и сосны.

Томас остановился у двери.

– Кстати, пока я не забыл: когда я выходил из вашего офиса, одна из ваших коллег вручила мне контейнер с домашними пирожными. Она пояснила, что она и ее дети испекли их для вас, и, когда я сказал ей, что ищу вас, она попросила меня передать их вам, когда я вас найду. Я не расслышал ее имени, но она была спортивного сложения. И очень энергичная.

– Кэтрин Хименес, и да, она потрясающая, – сказала я и не покривила душой. – Пока она пекла, она, вероятно, заодно сделала еще две новые продажи. – Я надеялась, что он не заметит горечи в моем голосе.

– Они у меня в машине, если хотите, я достану их для вас.

Я помахала ему рукой.

– О, я бы сама не додумалась, – сказала я, пытаясь быть новой версией Мелани, но при этом зная, что эти пирожные были всем, о чем я могла думать. – Она постоянно приносит мне выпечку, так что угощайся.

– Спасибо. Непременно.

Он было потянулся к дверной ручке, но в этот момент наше внимание привлекло что-то красное на лестнице. Я заметила предмет первой и медленно поднялась по лестнице на площадку, чтобы поднять его для Вероники и Томаса.

– Это подушка Адриенны. В последний раз, когда я смотрела, она была в моей спальне.

Я положила руку на перила, чтобы спуститься по лестнице, но мой телефон пискнул, возвестив об очередном сообщении, и я была вынуждена остановиться. Зажав подушку под мышкой, я вытащила телефон и посмотрела на экран. Меня тотчас как будто окатили ведром ледяной воды. Я передернулась.

– Это с того номера… телефона-автомата в общежитии «Буист-Риверс».

Томас сделал шаг вперед.

– Что там написано?

Я нерешительно щелкнула большим пальцем, чтобы открыть текст и прочитать его вслух.

– «Теперь ты знаешь, каково это».

Я подняла глаза и встретилась взглядом с Вероникой. Прежде чем я успела что-то сказать, невидимая сила внезапно толкнула меня на стену, а потом и с лестницы. Я кубарем покатилась вниз. Последнее, что я запомнила, прежде чем потерять сознание, был металлический звук отдаленной музыки, очень похожей на песню «О, Супермен».

Глава 18

Услышав стук в дверь моей спальни, я быстро закрыла ноутбук и, сунув его под одеяло, крикнула:

– Войдите!

Дверь открылась, и на пороге вырос Джек с подносом для завтрака, на котором стояла огромная дымящаяся кружка кофе и, что менее интересно, тарелка овсяных хлопьев. За Джеком шла Нола в форме школы «Эшли Холл» и с бумажным пакетом в руках, от которого подозрительно пахло пончиками. Она прижала пакет к груди, а Джек поставил поднос мне на колени. Он наклонился надо мной, и я закрыла глаза, предвкушая хотя бы поцелуй в лоб. Вместо этого мой ноутбук, как назло, выскользнул из-под одеяла. Я тотчас открыла глаза и увидела Джека. Он держал мой компьютер и, вопросительно приподняв бровь, смерил меня укоризненным взглядом.

Нола поставила пакет на дальний край подноса.

– Можешь взять пончик, но только после того, как съешь овсянку. И только один. Оставь второй на потом.

– Спасибо, – сказала я, усаживаясь поудобнее, чтобы поднос не качался и чтобы мне не пролить ни одной драгоценной капли кофе. – Честное слово, я это ценю. Но я в полном порядке. Я вырубилась буквально на минуту. Для постельного режима нет никаких причин…

– Распоряжения доктора… только до завтра. – Джек вновь поднял руку с моим ноутбуком. – А ты должна отдыхать.

Признавая поражение, я откинулась на подушки.

– Вы знаете, сколько еще продаж сделает Кэтрин, пока я здесь лежу, прикованная к постели? Единственный плюс в том, что сегодня утром Джейн не вытащила меня на пробежку. – Я указала на кофе. – Надеюсь, он с кофеином. Ты знаешь, что случилось в прошлый раз.

Нола покачала головой:

– Поверь мне, мы усвоили урок. Держать тебя в полной мере пропитанной кофеином нужно для нашей же собственной защиты.

– А если серьезно, – сказала я Джеку, – я в полном порядке. Тебе не нужно было отсылать съемочную группу.

Джек воткнул в овсянку ложку и повернул ее ручку в мою сторону.

– Они все еще работают. Они снимают сцену, в которой в фонтане обнаруживают останки скелета.

Нола села на край моей кровати, схватила с моей овсянки черничину и сунула ее в рот.

– Надеюсь, Луиза не против.

Я удержалась от улыбки.

– Да. Я тоже надеюсь. Но если даже против, я все равно ничего не могу сделать. Я уже предупредила Марка, что не в состоянии контролировать необъяснимые вещи.

Нола взяла еще одну черничину.

– Я пригласила Линдси и Олстон после тренировки по лакроссу посмотреть съемки. Обещаю, мы будем вести себя тихо, как мыши, и не беспокоить тебя.

– Ничего страшного, можете беспокоить… и приведите близнецов. Сегодня утром Джейн разрешила лишь краткий визит под присмотром, но по мне, чем дольше, тем лучше. Я уже умираю от скуки. В любом случае ты принесла мне пончики, так что можешь шуметь, сколько захочешь.

В дверь вновь постучали. Увидев Бо Райана, я запахнула на горле воротник своей толстой фланелевой ночной рубашки. На его лице застыла смущенная улыбка, под мышкой торчала газета, а в другой руке он держал скомканный бумажный пакет.

– Доброе утро. – Он неуверенно заглянул в комнату и, заметив Нолу, расслабился. – Нола велела мне подождать снаружи, но я принес кое-что для Мелани. Прежде чем я успел позвонить в звонок, входная дверь сама открылась. Я позвал. Никто не ответил. Я не знал, что делать, поэтому вошел сам. Возможно, вам нужно проверить защелку. Так или иначе, я собирался подождать в фойе, но та милая дама сказала мне, что я могу подняться. Поэтому я просто следовал за голосами. Извините, если я вас прервал.

– Абсолютно нет, – сказала я, жадно глядя на пакет.

– Да, – одновременно со мной сказал Джек и впился прищуренным взглядом в Нолу.

– Он шутит, – сказала я, приглашая Бо войти.

Тот, переминаясь с ноги на ногу, встал у кровати и положил на поднос с завтраком газету.

– Я нашел сегодняшнюю газету на столике в холле и принес ее сюда. Я подумал, что вам захочется что-нибудь почитать, пока вы прикованы к постели.

– Спасибо, Бо. – Я покосилась на часы у кровати. Джек подвинул их ближе ко мне.

– Сейчас семь пятнадцать. – Мне вспомнились слова Бо о «той милой леди». – Думаю, миссис Хулихан пришла рано… вчера, уходя, она мне ничего не сказала.

– Это была не миссис Хулихан. Леди, которая впустила меня, была намного моложе и, гм, меньше ростом.

– Верно. – Я почувствовала на себе взгляды Нолы и Джека. – Должно быть, это ее сестра. Иногда она приходит помочь миссис Хулихан. – Мой взгляд вновь переместился на бумажный пакет.

– Ой, извините! – Бо вручил мне вожделенный пакет. – Нола сказала мне, что вы обожаете жареный арахис. Лучший арахис можно найти на прилавке фирменного отдела «Роузбэнк Фармз», но они откроются лишь в апреле. Но и этот тоже неплох. – Он протянул мне пакет. – Он не очищенный, так что удаление скорлупы поможет вам скоротать время.

– Какая трогательная забота с твоей стороны. Спасибо, Бо.

Я ждала, пока Бо уйдет, но он явно не торопился. Джек скрестил руки на груди и повернулся к Ноле.

– Как ты узнала, что сегодня утром приедет Бо?

– Потому что он везет меня в школу. – Нола схватила с моей быстро остывающей овсянки еще одну ягоду и стала медленно ее жевать, словно не замечая бензина, который она только что подлила в тлеющий костер.

Джек повернулся к Бо и ледяным тоном произнес:

– Абсолютно нет. Моя дочь не поедет на заднем сиденье мотоцикла.

– Нет, сэр. Я приехал на пикапе. У него есть ремни безопасности, двери и все такое прочее.

Его губы тронул намек на улыбку, и я надеялась, что Джек этого не заметил.

Нола спрыгнула с кровати.

– Папа! Бо делает мне одолжение. Поскольку у Олстон и Линдси есть водительские права, они едут в школу со своими мамами. Но им нельзя брать пассажиров, поэтому я сказала, что найду другой способ добраться до школы.

– Странно, – сказал Джек ледяным тоном. – Я не помню, чтобы ты просила меня подвезти тебя.

Бо откашлялся:

– Сэр, это потому, что я был с Нолой в магазине, когда ей позвонила Олстон, и я предложил их подвезти. Мне стало ее жаль, так как ей не разрешают получить права. И я подумал, что могу помочь. Сегодня я работаю над сломанными секциями железной ограды, так что мне все равно нужно было ехать сюда.

Джек уставился на него:

– Потому что ей нельзя…

– Папа! – прервала его Нола. – У меня нет прав, потому что мне они не нужны, – с нажимом произнесла она. – Им придается слишком большое значение.

Мы с Джеком переглянулись, и она закатила глаза.

– Ладно, раз я здесь, – сказал Джек, направляясь к двери, – давай я тебя отвезу.

Я села и оттолкнула поднос.

– Вообще-то мне нужно с тобой кое-что обсудить. Я уверена, что Бо способен отвезти Нолу в школу. Это всего две мили.

– Или я могла бы дойти пешком, – сказала Нола. – Это не так далеко. Тем более что Бо предложил только потому, что жалеет меня.

Бо пожал плечами:

– Мне не в труд. Хотя я только что скачал весь новый альбом Vampire Weekend и подумал, что ты захочешь его послушать. Там есть пара гитарных риффов и текстов, которые напомнили мне ту песню, над которой ты работала в магазине, вместо того чтобы инвентаризировать серебро.

Нола умолкла, изобразив задумчивость, и сделала глубокий вдох.

– Ладно. Пожалуй, я поеду с Бо. – Она направилась к двери.

Я протянула руку и, схватив ее за юбку, удержала на месте.

– И?

– Спасибо, – сказала она едва слышно.

– Я скоро вернусь, чтобы заняться этой оградой, – сказал Бо, выходя вслед за Нолой за дверь.

– Не торопись! То есть с оградой! – крикнула я ему. Мне было страшно представить, какой счет он выставит мне, когда закончит. Даже с неожиданно свалившимися на нас деньгами от продажи рубинов нам, скорее всего, все равно придется продать одного ребенка, чтобы позволить себе ремонт и обучение близнецов в колледже.

Джек сделал шаг к двери, но я удержала его:

– С ней все в порядке, Джек. Честное слово. И гораздо безопаснее, чем ей самой сидеть за рулем.

По нему пробежала дрожь.

– Твоя правда. – Его лицо просветлело. – И если она не получит права, ей, пока она учится в колледже, возможно, придется жить дома.

Джек сел на край кровати и, упершись по обе стороны от моего лица ладонями в подушку, принялся рассматривать меня, словно ученый, изучающий образец под микроскопом.

– Что-то не так? – спросила я.

– Вчера, когда Вероника позвонила мне и сказала, что везет тебя в больницу, я… – Он умолк. – Я подумал худшее. Я бы не поверил, что с тобой все в порядке, пока сам тебя не увидел. – Он откинулся назад, продолжая смотреть на меня. – Ты сводишь меня с ума, но я не могу представить свою жизнь без тебя.

Во мне вспыхнул лучик надежды.

– Ивонна сказала, что мы связываем свою судьбу не с теми, с кем мы можем жить, а с теми, без кого мы жить не можем. Для протокола, я полностью с ней согласна.

Он снова наклонился надо мной и отодвинул поднос. Я подняла подбородок в предвкушении долгожданного поцелуя. Я затаила дыхание. Я закрыла глаза. И почувствовала, как его лоб прижался к моему.

– Мне нужно больше времени, Мелли.

Увы, почувствовав, что Джек отстраняется, я коснулась его руки и ощутила в пространстве между нами знакомое звенящее напряжение. А как насчет меня? Слова, которые пыталась сказать новая версия Мелани, были отброшены старой Мелли, упорно не желавшей сдавать позиции. Ведь в глубине души я все еще оставалась несчастной брошенной девочкой, отчаянно нуждающейся в привязанности,

боящейся сказать или сделать что-то такое, что навсегда оттолкнуло бы от меня Джека.

Я опустила руку. Джек бросил на меня последний испепеляющий взгляд, затем вытянулся на кровати на своем обычном месте и открыл газету.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Жду, когда ты позавтракаешь, чтобы рассказать мне, о чем ты хотела поговорить.

– Верно, – сказала я и, даже не пытаясь скрыть гримасу, положила в рот ложку остывшей овсянки. За ней последовала еще одна, которую я запила большим глотком кофе.

Я взяла ложку, но, увидев, что Джек, похоже, поглощен тем, что читает, раздумала есть. Положив ее обратно в миску, я очень медленно и осторожно начала разворачивать пакет с пончиками. Мне удалось открыть верх пакета достаточно широко, чтобы моя рука могла пролезть внутрь, когда Джек внезапно сел и выругался себе под нос.

– Я просто хотела перекусить, – сказала я. Он в замешательстве посмотрел на меня, пока не увидел открытый пакет. С гримасой он сложил газету так, чтобы все, что он читал, было сверху, и положил ее на поднос рядом с моей тарелкой.

– Ты видела это?

Я быстро прочла заголовок:

АЛМАЗ НАДЕЖДЫ ИЛИ БЕЗНАДЕЖНАЯ ОХОТА ЗА СОКРОВИЩАМИ?

Мой взгляд скользнул вниз, к подписи. Сьюзи Дорф. Я сглотнула.

– Нет, не видела. – Что было правдой. Я действительно не видела этой статьи.

Джек взял газету.

– Похоже, мисс Дорф решила воскресить серию статей «Скрытые сокровища в Священном городе». Надеюсь, это принесет местной газете еще одну Пулитцеровскую премию. Послушай вот это:

«И снова в одном доме на Трэдд-стрит происходит драма. В данный момент там снимается фильм, основанный на беллетризованной истории исчезновения Луизы Вандерхорст в 1929 году в интерпретации Марка Лонго. Интересно отметить, что мистер Лонго является потомком пресловутого Джозефа Лонго, подозреваемого в смерти миссис Вандерхорст. Источник, пожелавший

остаться неизвестным, называет роман и снятый по нему фильм словосочетание ДОР (“Далеким От Реальности”) – так, для непосвященных, военные реконструкторы называют тех участников, которые демонстрируют равнодушие к исторической достоверности».

– Марк будет в ярости. – Почему-то Джек не выглядел расстроенным. – И послушай это. «Лонго, бизнесмен из Чарльстона, по профессии не является ни писателем, ни режиссером, что заставляет данного журналиста обратить внимание на слухи о том, что более точная версия исторических событий вокруг алмазов Конфедерации, некогда спрятанных в доме на Трэдд-стрит, была похищена и выхолощена, чтобы создать более яркий роман и последующую пикантную его экранизацию».

Какое-то время он читал молча.

– Похоже, мисс Дорф следила за блогами, посвященными поиску кладов. Она упоминает Алмаз Надежды и слухи о султане Брунея, а также растущий консенсус в отношении того, что самая ценная часть клада еще не найдена. – Он прочистил горло. – «Еще неизвестно, будут ли во время съемок молчать предполагаемые сонмы духов, которые якобы обитают вместе с живущими внутри дома людьми. Оставайтесь с нами, чтобы узнать больше об этом и других скрытых сокровищах в нашем любимом Священном городе».

Джек бросил газету на мою тумбочку.

– Возможно, мы получим выговор от Харви и кучу угроз от Марка. Вероятно, они скупят весь тираж газеты, чтобы съемочная группа не прочла о призраках. Ведь если их активность достигнет уровня, который мы наблюдали в декабре, они все уволятся, и Марк заявит, что мы нарушаем условия контракта.

– Что мы будем делать, если это произойдет? – тихо спросил я.

Он пожал плечами:

– Поживем – увидим.

Это прозвучало так не по-джековски, что я пристально посмотрела на него:

– Правда?

– Правда, – сказал он как ни в чем не бывало. – Я ничего не могу сделать, кроме как подождать и посмотреть, что будет, а затем разгребать последствия. И продолжать работать над моей новой книгой.

Я затаила дыхание, ожидая, что он, как в старые добрые времена, поделится со мной своим новым замыслом. Вместо этого он сказал:

– Мы ведь с тобой замечательно умеем разгребать последствия, не так ли?

– За исключением одного примечательного случая, – напомнила я ему.

– За исключением одного примечательного случая. – Он пристально посмотрел мне в лицо. – Итак, что ты хотела мне сказать? Вряд ли это что-то помимо того, что произошло вчера вечером у Вероники. Хотя, похоже, что-то часто случается с людьми и вещами вокруг тебя.

Я усмехнулась:

– Ты меня очень хорошо знаешь.

Он не ответил на мою улыбку.

– Это да.

Сосредоточившись на кофе, я сделала медленный глоток и попыталась взять себя в руки.

– У Джолли был еще один экстрасенсорный опыт. Она сказала Томасу, что видела дух девушки, которая сказала: «Девушка в опасности».

– Девушка? Без имени?

Я покачала головой:

– Да, без имени. Предполагаю, что это может быть кто угодно, – или никто, потому что это сказала Джолли, – но у нее и раньше бывали пугающе точные предсказания. Я просто хочу, чтобы мы обратили внимание. Я беспокоюсь о Ноле. Она говорит, что призрак с расплавленным лицом здесь для того, чтобы защитить ее, хотя она не уверена, от чего именно. А еще есть Луиза. Я чувствую запах ее роз каждый день. Как будто она начеку.

Он медленно кивнул:

– Мне не дает покоя вопрос, что призрак пытался показать Ноле, когда мы нашли ее у часов. – Он потянулся к моему ноутбуку. – Возможно, она читала блоги об охоте за кладами. Думаю, если призраки могут звонить по телефону и отправлять текстовые сообщения, то им ничего не стоит также выйти в Интернет, верно?

– Возможно, нет, но ты не стесняйся. На всех сайтах, посвященных кладам, имела место бурная деятельность.

Он сел рядом со мной и прислонился к изголовью.

– Давай, ешь свои пончики, а я пока посижу в Сети. Обещаю не рассказывать Ноле.

Бросив быстрый взгляд, чтобы убедиться, что он не шутит, я достала из пакета пончик и откусила.

– Твоя таблица самосовершенствования Мелани выглядит довольно скудно.

– Пожалуйста, закрой ее. Это незавершенная работа. И касается только меня.

– Извини. – Он нажал на иконку. – Ух ты, а вот таблица колледжа впечатляет. Ты уже показывала ее Ноле?

Я покачала головой и проглотила еще кусочек глазированного пончика.

– Нет, потому что я еще не закончила. Мне еще нужно добавить столбцы с крайними сроками для результатов, заявлений о приеме, эссе и тому подобным. Тогда она сможет рассортировать их по датам, чтобы не пропустить ни одного дедлайна. Также хотелось бы для наглядности украсить таблицу различными шрифтами и цветом.

По лицу Джека промелькнула тень улыбки.

– Как мы вообще смогли поступить в колледж, не владея современными технологиями?

– О, у меня была рабочая таблица. Я составила ее от руки карандашом. Когда я укладывалась в срок, я ставила красным маркером огромную галочку. А еще я использовала маркеры четырех разных цветов, чтобы…

– Спасибо, Мелли. Но это был риторический вопрос. – Джек закрыл таблицу и тихонько присвистнул. – В твоем браузере открыто девять вкладок, и все они – блоги, посвященные поиску сокровищ. – Он посмотрел мне в глаза поверх компьютера. – Ты не сидела без дела.

– Мне было скучно просто лежать и маяться бездельем, – честно призналась я. – И поскольку это касается нас и нашего дома, мне интересно, что говорят люди. В чем, собственно, нет ничего нового. Вот разве что Черная Борода подливает масла в огонь всякий раз, когда текущие разговоры начинают стихать. Он не называет меня по имени, но он – или она – утверждает, что «кто-то из близких родственников» использует свои экстрасенсорные способности, чтобы поговорить с призраком капитана Вандерхорста о местонахождении алмаза султана.

Как ты думаешь, Черная Борода может быть онлайн-именем Марка? Это имело бы смысл – публиковаться везде, чтобы другие люди выполняли за него самую сложную часть расследования слухов.

Джек поднял брови:

– Хорошая мысль. Это очень даже в духе Марка. Меня бы это совсем не удивило.

Внезапный лай трех маленьких собачонок заставил нас обоих вскочить с кровати и подойти к окну, откуда была видна только часть заднего двора, так что собаки и тот, на кого они лаяли, были вне поля зрения. Во время съемок собак держали на кухне, и они отлично слушались миссис Хулихан, которая кормила их и выводила на улицу по их собачьим делам. Она бы никогда не позволила им лаять во весь голос.

– Что-то не так. – Я накинула на себя махровый халат, сунула ноги в пушистые тапочки и направилась к двери.

– Оставайся здесь, Мелли. Тебе положено отдыхать в постели, или ты забыла?

Сделав вид, что не слышу, я поспешила из комнаты вниз по лестнице, Джек бросился следом за мной и едва не столкнулся с миссис Хулихан, которая только что вошла в парадную дверь. Она была в шляпе, пальто и перчатках и держала в руках большой ридикюль, в котором, несомненно, лежала стопка любовных романов, которые она обожала читать в свободное время.

– Думаю, сегодня утром разносчик газет пропустил наш дом, потому что газеты на тротуаре не было.

Я вспомнила, как Бо сказал, что ему открыли и милая дама велела ему подняться наверх. И что газета лежала на столе в холле. Ему открыла явно не миссис Хулихан, что наполнило меня теплым чувством по поводу того, что Бо знал: Луиза Вандерхорст рада его присутствию в нашем доме.

Миссис Хулихан посмотрела на часы.

– Извините, что опоздала. Движение на Кросстауне было просто кошмарным, а еще мне пришлось отвезти на работу мужа, так как его машина в ремонте.

– Не переживайте, – сказала я. – Вы пока приходите в себя, а мы пойдем посмотрим, как там собаки. – Я встретилась взглядом с Джеком. Мы одновременно повернулись и поспешили в кухню, задняя

дверь которой стояла открытой настежь. Я вслед за Джеком вышла на улицу на звуки собачьего лая. Наши собаки застыли у цистерны, рыча, как три разъяренных мохнатых клубка, – причем на том месте, где когда-то стояла старая кухня. Их уши были прижаты к голове, а пышные хвосты, которые обычно торчали трубой, были поджаты. Бо стоял рядом с ними у забора из кованого железа, глядя в том же направлении, что и собаки. Ящик с инструментами стоял у его ног.

Мы с Джеком успели подойти к Бо как раз вовремя: я увидела длинную юбку и почти прозрачную фигуру девочки-подростка. Она медленно испарялась, как пар над кастрюлей, за ней последовал виляющий хвост почти невидимой собаки. Я наклонилась, чтобы поднять Генерала Ли, который уже начал скулить, и прижала его к груди.

– Ты это видел? – спросила я Бо.

Он повернулся ко мне, взгляд его светло-карих глаз был безмятежен и ясен.

– Что именно?

Я уставилась на него, ожидая, что он скажет мне, что шутит, потому что я узнала выражение его лица. Взгляд отрицания, который я не раз видела у своего собственного отражения в зеркале.

– Ладно, не бери в голову.

Я подняла Порги, а Джек поднял Бесс, которая, хотя и была ровесницей своего брата, была на добрых пять фунтов тяжелее.

– Мы не будем мешать тебе работать.

Мы с Джеком вернулись на кухню и, усадив собак у мисок, в которые миссис Хулихан уже насыпала корм, вышли в фойе, чтобы поговорить наедине.

– О чем все это было? – спросил Джек.

– Я не уверена. Он определенно видел то же, что и я: девушку и собаку, которую мы с Нолой видели возле напольных часов той ночью. Но он это отрицал.

– У меня есть повод для беспокойства?

Я покачала головой:

– Луизе он нравится. Она открыла ему дверь и велела идти наверх. Я не верю, что он знал, что разговаривает с призраком.

Джек встретился со мной взглядом.

– Тогда почему же он отрицал, что видел девушку и ее собаку?

– Понятия не имею. Но неплохо бы узнать. А еще хотелось бы узнать больше о его родителях. Женщина с мокрыми следами, возможно, его мать, и неплохо бы выяснить, почему она все еще здесь.

Телефон Джека запищал, и он посмотрел на экран.

– Это от Демарэ. Я должен ответить. У нее, вероятно, есть для меня новые блестящие маркетинговые стратегии. Например, я мог бы добавить инопланетян или мускулистых героев в духе кинобоевиков.

– И я думаю, мне нужно вернуться в свою тюрьму. – Я нарочито медленно направилась вверх по лестнице.

– Мелли?

Я застыла на месте. Обернулась.

– Да?

– Раньше… наверху, в спальне. Это мог быть почти поцелуй номер шесть.

– Это да. Если бы ты верил во второй шанс.

– Если бы я верил во второй шанс. – Его телефон зазвонил снова. – Возможно, я уже начинаю.

Прижав телефон к уху, он отвернулся. Я смотрела ему в спину, чувствуя, как старая и новая версии Мелани играют в перетягивание каната. Версия номер 107, должно быть, одержала верх, потому что я обнаружила, что спускаюсь вниз по лестнице к Джеку. Я протянула руку и, оборвав его на полуслове, притянула его голову к себе и поцеловала так, как целовала его раньше, как по-прежнему целовала его во сне. Джек притянул меня к себе, целуя в ответ, и я знала, что он тоже это помнит.

Я отстранилась и посмотрела в его испуганные глаза:

– Возможно, да.

Я развернулась и с гордым видом – насколько то позволял пушистый халат и тапочки – поднялась по ступеням в спальню.

Глава 19

На следующий день после работы я, шатаясь, брела от машины к дому, отчаянно нуждаясь в нежных объятиях моих детей и долгой горячей ванне. Даже пластиковый контейнер с домашними лимонными пастилками, который я захватила из офиса, не компенсировал два выгодных предложения, которые Кэтрин Хименес получила накануне, пока я валялась в постели. Она умудрилась сделать это, одновременно тренируя волейбольную команду своей дочери и упаковывая посылки для наших солдат со своим отделением волонтерской помощи. И, похоже, одновременно выпекая домашние лимонные пастилки. Было бы неплохо прикрепить к ее идеально выглаженному лацкану камеру видеонаблюдения, чтобы проследить, как ей это удается, хотя теперь я была почти уверена: она сумела неким образом клонировать себя.

Я остановилась перед моим домом, уверенная, что попала в нужное место, только потому, что увидела красный «Феррари» Харви. Тот был вновь частично припаркован на улице, перегородив тротуар и подъездную дорожку. Двор напоминал цирк. Все бегали туда-сюда, кричали и переговаривались друг с другом. Разбрызгиватели пускали струйки воды, все лампочки в доме то зажигались, то гасли, синхронно с громкой музыкой, доносившейся откуда-то изнутри дома. Я на миг замедлила шаг, слушая знакомый припев аббовской «Танцующей королевы», затем снова взглянула на передний двор, пытаясь понять, что тут, собственно, происходит.

Мое внимание привлекла форменная клетка школы «Эшли-Холл» рядом с красным «Феррари», и мой взгляд выхватил Харви Бекнера в почти апоплексическом состоянии. Такой же красный, как и его машина, он выкрикивал ругательства в адрес Нолы и двух ее подруг, Олстон и Линдси. Нола стояла чуть впереди других девушек, принимая на себя основной удар, а не просто брызги слюны, вылетавшей изо рта Харви.

Я бросилась к ним. Пластиковый контейнер выполнял роль этакого тарана.

– Что вы делаете? – крикнула я. Лимонные пастилки и я встали между Харви и девочками.

– Они изуродовали мою машину!

– Мы ничего не сделали, – сказала Нола, изо всех сил пытаясь сдержать слезы. Она не была плаксой, но не привыкла, чтобы на нее кричали. – Мы просто смотрели, как снимают фильм, а он прибежал и начал орать. – Последнее слово застряло у нее в горле.

– Подержи, пожалуйста. – Я протянула Ноле контейнер с лимонными пастилками и сочувственно посмотрела на нее, давая понять, что я ей верю. После чего повернулась к Харви и изобразила любезность. – Покажите мне, что, по вашему мнению, они сделали.

Смерив девушек колючим взглядом, он подвел меня к переду машины и указал на лобовое стекло. Хотя температура сейчас не опускалась ниже шестидесяти градусов, стекло было усеяно звездочками снежинок. На слое инея было выцарапано то, что я поначалу приняла за случайные буквы.

Я шагнула к боку машины, чтобы лучше рассмотреть лобовое стекло. Я наклонилась, чтобы дотронуться до него, но тотчас же отпрянула. Ощущение было такое, будто я отморозила пальцы. А еще я внезапно осознала, что инеем покрыта внутренняя поверхность стекла. Потирая руку, я посмотрела на Харви.

– Разве вы не держите машину запертой с включенной сигнализацией?

– Конечно, держу! Или вы принимаете меня за идиота?

Я вопросительно подняла бровь, но комментировать не стала. Я вернулась к переду машины, чтобы еще раз посмотреть на буквы, и поняла, что это отнюдь не тарабарщина, просто они написаны справа налево.

– Это было написано на инее внутри салона машины.

– Тогда это трио гангстеров должно быть экспертами по взлому автомобилей. – Он самодовольно посмотрел на меня. – И у меня есть тому доказательства.

Я едва замечала, как Харви решительно направляется к водительской двери, и почти не услышала звуковой сигнал, когда он ее

отпер, так как была слишком занята расшифровкой слов, нацарапанных на лобовом стекле.

Девушка в опасности. Остерегайтесь высокого мужчины.

Я отпрянула назад и затаила дыхание, глядя, как слова медленно исчезают – температура в машине возвращалась в норму, и каждая буква испарялась на глазах.

– Видите? – Харви рывком открыл водительскую дверь. – У меня есть доказательство!

Я поспешила было к нему, но тотчас остановилась, услышав, как под каблуком моего ботинка что-то громко хрустнуло. Я подняла ногу и посмотрела вниз. На земле лежала большая фарфоровая пуговица, теперь разделенная на три части, в окружении дюжины других старинных пуговиц. Харви, похоже, ничего не заметил, так как был слишком занят, ругаясь на чем свет стоит и тыча пальцем во что-то на водительском сиденье.

Ощутив запах дыма, я поняла, что увижу, еще до того, как дошла до двери. Замерзшая Шарлотта лежала навзничь в своем железном гробике. Ее незрячие глаза смотрели вверх через маленькое окошко в крышке. Наклонившись, я подняла оскорбительный предмет и бросила его себе в сумку. Я не сомневалась, кто его туда положил, и это явно была не Нола и не ее подружки.

– Ваша дверь была заперта?

Он посмотрел на меня так, будто я не в своем уме.

– Конечно, была. Думаете, я оставлю машину за триста тысяч долларов незапертой, особенно в этом районе? Должно быть, они залезли мне в карман и украли ключ, а затем положили его обратно.

Я пропустила мимо ушей колкость по поводу моего местонахождения к югу от Брод-стрит, а также намеки на то, что моя дочь и ее подружки были бандой карманников, ибо была слишком занята тем, чтобы пригладить его взъерошенные перья.

– Послушайте, Харви. Никакого ущерба нет, ведь так? Ни единого отпечатка пальца, ни пылинки, ни каких-либо повреждений. Возможно, не припаркуйся вы таким образом и не заблокируй тротуар, а заодно и подъездную дорожку, ваша машина не стала бы мишенью для злоумышленников.

Он изрыгнул очередное громкое ругательство, которое, к счастью, утонуло в реве клаксонов всех транспортных средств поблизости. На

веранду, зажав ладонями уши, выскочил Марк и окинул глазами хаос у входной двери. Заметив меня, он свирепо на меня посмотрел и бросился вниз по ступеням веранды.

Я повернулась к Ноле.

– Ступайте в кухню. Живо. И используйте заднюю дверь. Можете съесть лимонных пастилок сколько вашей душе угодно.

– Они веганские?

Линдси закатила глаза и обеими руками подтолкнула Нолу в спину, чтобы та двигалась в нужном направлении. Олстон побежала следом за ними.

Я с облегчением увидела, что Джек приехал и припарковал минивэн сразу за «Феррари». Захлопнув дверь, он бросился в мою сторону и добежал до меня одновременно с Марком.

– Останови это! – Марк закричал. – У нас же была договоренность, помнишь?

Джек встал перед Марком.

– Не ори на мою жену, а не то неразбериха на съемочной площадке будет меньшей из твоих забот.

Харви встал рядом с Марком. Ни один из них двоих не выглядел угрожающе. Должно быть, искусственный загар и белоснежные зубы выдавали их неопытность по части уличных драк. Очевидно, Харви не понял его намека, потому что наклонился ко мне и очень громко и четко, брызжа большим количеством слюны, сказал:

– Пусть. Они. Прекратят.

Я положила руку на локоть Джека, удерживая его, а другим рукавом вытерла лицо.

– Ты пробовал попросить вежливо? – Я заставила себя улыбнуться, хотя бы для того, чтобы не поддаться искушению плюнуть ему в ответ.

– Попросить вежливо? – усмехнулся Харви. – Я вообще зря спросил вас…

– Не меня… а дом.

Он закрыл рот и прищурился:

– Я не настолько туп. И я не собираюсь делать из себя дурака…

Марк повернулся лицом к дому и, сложив ладони рупором, крикнул:

– Прекрати!

Беспредел продолжился, шум сделался еще громче.

– Видишь? – Харви толкнул Марка в плечо. – Они просто пытаются выставить тебя еще большим идиотом, чем ты уже есть.

– Леди сказала, чтобы ты попросил вежливо. – Джек обнял меня за плечи.

С прищуром посмотрев на нас, Марк вновь повернулся и крикнул:

– Пожалуйста!

Немедленно разбрызгиватели перестали извергать воду, свет остался включенным, рев музыки и гудки, к счастью, прекратились.

– Видишь, что бывает, когда ты вежлив? – сказал Джек. – Ты должен пробовать это чаще.

Марк сделал угрожающий шаг в нашу сторону.

– Мы же договорились.

Джек приложил к груди Марка ладонь.

– Верно. И мы соблюдаем все условия. Но как ты помнишь, Мелани не давала никаких обещаний относительно того, что находится вне ее контроля.

Харви вступил в перепалку:

– Тогда как вы объясните эту статью в «Пост энд курьер»? Моя съемочная группа уже в шоке от того, что предыдущая команда рассказала им о том что произошло в декабре. Если эта команда покинет съемочную площадку, это отбросит нас так далеко назад, что мы, возможно, не сможем восстановиться.

Шагнув ближе к Джеку, который был на голову его выше, он указательным пальцем с покрытым лаком ногтем принялся в такт каждому слову тыкать его в грудь.

– Чтобы. Такого. Больше. Не было.

Джек сделал шаг ближе.

– Можно еще раз. Пожалуйста.

Грозное выражение лица Джека, должно быть, убедило Харви, что тот не шутит.

– Мелани. – Марк попытался изобразить раскаяние и примирение. Это было для него в новинку, и в итоге он больше походил на ухмыляющегося Скелетора[2].

– Я уже сказала вам, что не контролирую ничего из… – я махнула рукой в сторону дома, – всего этого. – И, повернувшись к Харви, добавила: – И если у вас есть претензии к газете, предлагаю вам

позвонить журналистке, написавшей статью. Кажется, ее зовут Сьюзи Дорф.

– Я уже звонил, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Она не отвечает на мои звонки.

– Какая невоспитанность. – Я отвернулась, мое внимание привлекла суматоха возле дома, где Нола и ее подружки столпились вокруг молодой пары и протягивали им листки бумаги.

– Пожалуйста, не говори мне… – Джек не договорил.

– Кто это? – спросила я, щурясь в сгущающейся темноте.

– Это Челси Джи и Джейкоб Рейнольдс. – Харви подождал, явно надеясь, что мы их узнаем.

Имена звучали смутно знакомыми – возможно, я слышала о ком-то из них от Нолы. Или Челси была ее одноклассницей? Я покачала головой:

– Просто скажите мне. Я понятия не имею.

Харви пару секунд пристально смотрел на нас, словно проверяя, шутим мы или нет.

– Это актеры, играющие вас двоих.

Мы с Джеком посмотрели друг на друга, потом снова на Харви.

– Но они такие молодые, что годятся нам в дети, – сказала я.

Марк самодовольно ухмыльнулся:

– Как хорошо, что главный здесь я, а не вы. Секс хорошо продается в индустрии развлечений, и никто не хочет видеть стариков, занимающихся сексом на большом экране.

Джек нацепил на лицо улыбку, которая не была ни вежливой, ни дружелюбной, а означала предостережение.

– Но разве секс с несовершеннолетними не является противозаконным?

– Не смешно, – огрызнулся Харви. – Им обоим по тридцать. Они просто выглядят молодо.

– Да, это не смешно, – согласился Марк и, понизив голос, добавил: – И если я увижу хотя бы еще одну подстрекательскую новостную статью о моей книге или об этом фильме, я буду считать наш договор расторгнутым.

– Не думаю, что это разрешено, – сказал Джек, засовывая кулаки в карманы и принимая небрежную позу. – Особенно когда все это правда. Особенно реконструкторская часть. – Он усмехнулся, но я

видела, как напряглась его челюсть, и знала, чего ему стоит держать себя в руках.

– Не подначивайте нас, – бросил Харви, топая обратно к дому. – И держите этих девиц-вандалов подальше от моей машины!

Оглянувшись на нас, Марк отошел и закричал киношникам:

– Перерыв окончен! И никто не пойдет домой, пока мы не закончим эту сцену.

Я взяла Джека за руку и пошла к дому.

– Пойдем внутрь. Уже почти темно, и ты знаешь, что с наступлением темноты начинают твориться странные вещи. Особенно когда Луиза видит, как Марк оболгал ее в своей книге. Большинство порядочных женщин не любят, когда их ложно изображают прелюбодейками, бросающими своих детей.

Приподняв бровь, Джек посмотрел на меня сверху вниз, и в его глаза вернулся знакомый свет.

– Я мало что знаю о порядочных женщинах, так что поверю тебе на слово.

Я покраснела, мучимая вопросом, помнит ли он наш поцелуй у подножия лестницы.

– Очень смешно.

Мы оба остановились и обернулись на звук машины, подъехавшей к дому. Хорошо знакомый грузовик с логотипом фирмы Рича Кобилта возвестил о прибытии нашего мастера на все руки, который, похоже, теперь также был на быстром наборе в телефоне у Марка.

Джек схватил меня за руку и повел к стене дома. Я сомневалась, что кому-то из нас хватит сил, чтобы справиться с другой проблемой. Или лицезреть самый низ спины мистера Кобилта.

Мы снова миновали «Феррари» Харви. Чувствуя головокружение, я попятилась назад. И вздрогнула от исходившего от машины холода, стекла вновь покрылись изнутри инеем. Там, на ветровом стекле, были те же самые слова, написанные задом наперед, которые я видела раньше. Девушка в опасности. Остерегайтесь высокого мужчины.

Джек потрогал стекло и повернулся ко мне.

– Это внутри.

– Я знаю. – Позади него я увидела спешащего в нашу сторону Харви. Схватив Джека за руку, я сказала: – Пойдем, я объясню позже.

Остаток пути до кухни мы проделали бегом, пытаясь избежать громких и изощренных ругательств Харви. Неожиданная тяжесть моей большой сумки напомнила мне о крошечном железном гробике и его обитательнице и обо всех остававшихся без ответа вопросах, которые не давали мне покоя почти так же, как и подвешенный статус моего брака.

Глава 20

На следующее утро я, вздрогнув, проснулась, слова на ветровом стекле плясали у меня перед глазами. Девушка в опасности. Остерегайтесь высокого мужчины. Ролодекс в моем мозгу пролистывал всех мужчин в нашей жизни и их приблизительный рост. Никто, кроме маленького ребенка, не мог бы назвать Харви высоким, поэтому я быстро его исключила из списка. Но было так много других претендентов, что мне требовалось составить таблицу. И на вершине списка будет Марк Лонго.

Я села в кровати, плохо понимая, где я, пока не вспомнила, что сегодня суббота и будильники меня не разбудили. Я прищурилась и посмотрела на часы у кровати – девять двадцать две, – а затем на пустые кроватки на мониторе радионяни. Даже Генерал Ли отсутствовал, вероятно, накормленный и нагулявшийся, пока я спала как убитая. Или как очень усталый человек, поправила я себя. Мертвые не всегда спят.

Я быстро приняла душ и оделась, после чего отправилась на поиски Джека и детей, уверенная, что они будут вместе, поскольку сегодня у Джейн выходной. Съемочная группа все еще снимала сцену с фонтаном, поэтому я впервые за неделю спустилась вниз не на цыпочках, в кои веки не боясь прервать сцену или столкнуться с Марком или Харви.

Я достигла нижней ступеньки, когда мое внимание привлек характерный стук закрывающейся дверцы напольных часов. Я замерла. Мне жутко хотелось его проигнорировать, особенно если это был призрак девушки с расплавленным лицом. Но за стуком вскоре последовали очень твердые и вполне реальные шаги по деревянному полу. Глубоко вздохнув, я медленно направилась в гостиную.

Сначала я почти никого не увидела, лишь легкое колыхание шторы предупредило меня, что я не одна. Я шагнула к окну и отдернула штору. За ней стоял Марк Лонго, лицом к плексигласовой

панели, которую я установила, чтобы защитить детский ростомер Невина Вандерхорста, сделанный его матерью Луизой.

– Что ты делаешь? – спросила я, уверенная в том, что уже знаю ответ. – Разве тебе не полагается быть на съемочной площадке?

Марк с деланым удивлением посмотрел на меня. Он вышел из-за шторы и в очередной раз не стал изображать ни примирения, ни раскаяния.

– У нас перерыв – таковы требования профсоюза. Меня заинтересовал ростомер, и я решил воспользоваться возможностью и взглянуть на него. Я слышал о нем, но не думал, что он настолько важен, чтобы включать его в мою книгу.

Он лгал, но я ему подыграла.

– Знаю, – сказала я, не пытаясь скрывать свое презрение. – Самая важная часть истории Луизы и Невина Вандерхорстов – это любовь между матерью и сыном… То, что ты полностью проигнорировал в своей версии, а затем превратил в гадкую историю супружеской измены и отказа от ребенка. Так что не удивляйся, что Луиза зла на тебя.

Его губы побелели. Было видно, что он с трудом сдерживает гнев. Но его нежелание выплескивать свои истинные эмоции подсказывало мне, что он еще не закончил просить об одолжении.

– Но ты ведь можешь поговорить с ней, верно?

– Я уже сказала тебе…

– Я не об этом. – Он наклонился вперед, его голос звучал еле слышно, глаза бегали, как будто проверяя, что никто больше не слышит. – Я про потерянный бриллиант.

– Ты не хуже меня знаешь, что новостная статья, с которой все началось, основана исключительно на предположениях.

Он прищурился:

– Но есть фотодоказательство.

Я не удержалась и закатила глаза:

– Да, у султана Брунея на шее большой бриллиант на той же ленте, на которой король Людовик XIV носил бриллиант, известный в ту пору как Французский Голубой. Но помимо отсутствия доказательств того, что бриллиант султана является недостающей половиной, я могу заверить вас, что ни в этих часах, ни где-либо еще в доме больше нет бриллиантов. Поверь мне. Мы все уже посмотрели.

– Понятно. И это не первый раз, когда вы с Джеком в упор ничего не замечаете, не так ли?

Я с удовольствием влепила бы ему пощечину, лишь бы не видеть его самодовольную физиономию, однако чудом сдержалась. Не хотелось стать причиной нарушения контракта. Если этого не миновать, то пусть виновником будет Марк.

– Я услышала достаточно. И, пожалуйста, прекрати шнырять по нашему дому. Не только потому, что ты ничего не найдешь, но и потому, что мне не нужны твои грязные отпечатки пальцев повсюду. Одному Богу известно, где побывали твои пальцы.

Я повернулась, чтобы уйти, но Марк со странным блеском в глазах схватил меня за локоть.

– Все, что я читал в Интернете, – произнес он, понизив голос, – говорит мне, что алмаз султана был спрятан вместе с остальными бриллиантами Конфедерации или где-то рядом. А их мы нашли прямо здесь, в ваших часах.

Его большой палец принялся ласкать мою руку, заставляя мой желудок от отвращения скручиваться узлом.

– Мы ничего не нашли… нашли мы с Джеком, несмотря на все твои усилия.

Я попыталась вырвать свою руку, но он ее не отпускал, а его большой палец омерзительно водил кругами по моему рукаву.

– Между нами ведь что-то было, помнишь?

Марк многозначительно приподнял брови, и я испугалась, что меня стошнит прямо тут же, на дорогущий обюссонский ковер. Я вырвала руку из его хватки.

Не подозревая о том, что меня уже мутит, этот наглец продолжил:

– Поскольку вы с Джеком на мели, предлагаю, давайте объединим наши мозги и найдем этот клад. И нам больше никогда не придется беспокоиться о деньгах.

Я молча посмотрела на него, ожидая, что он скажет, что шутит. И, не дождавшись, сказала:

– Это означало бы, что будет только один мозг, и я не имею в виду твой. Нет никаких «мы». Никогда не было и не будет. Ты забываешь, что у тебя жена на сносях. Кроме того, слухи в Сети – это всего лишь слухи. На всякий случай, если тебе никто этого не говорил: не верь всему, что читаешь в Интернете. – Я сглотнула подступившую к горлу

желчь. – А теперь почему бы тебе не вернуться к своим киношникам, чтобы вы могли поскорее закончить съемку и оставить нас в покое?

Я хотела было уйти, но остановилась.

– Кстати, какой у тебя рост?

Он, прищурившись, посмотрел на меня:

– Зачем тебе это знать?

Я раздраженно вздохнула:

– Потому что я заказала гроб.

Я вышла из комнаты, не в силах оставаться в его присутствии ни секундой больше, не испортив старинный ковер.

*** * ***

Я нашла Джека и Нолу в заднем саду, подальше от актеров и съемочной группы у фонтана. Близнецы сидели в мини-качелях, которые мой отец смастерил для них. На них были разношерстные наряды, которые Джек, по-видимому, вытащил наугад, вместо того чтобы прочесть этикетки на ящиках. Я глубоко вздохнула и сосчитала до десяти, как учила меня Джейн, сосредоточившись на том, как мило выглядят наши близнецы, несмотря на их разноцветные наряды. Меня так и подмывало сказать, что не иначе как их одевала Софи, да еще с завязанными глазами, но я не стала этого делать, чтобы не нарушить сцену семейной гармонии передо мной.

Нола сидела рядом с Джеком на выдвинутой перед качелями скамейке, положив голову ему на плечо, и время от времени легонько толкала качели своей младшей сестры.

– Доброе утро, – сказала я, протягивая Джеку кружку кофе, который он по неведомым причинам пил черным. Наверно, я вздрогнула, когда поставила ее рядом со своей, пока добавляла в нее сахар и сливки.

Я поцеловала всех троих детей в лоб, – хотя за щечки ущипнула только близнецов, поскольку Нола не позволяла мне себя щипать, – после чего села к ним на скамейку. Нола оказалась посередине.

– Спасибо, – сказал Джек, держа кружку. Он улыбнулся мне, его глаза сияли. Я даже заставила себя отвернуться, чтобы не сделать перед Нолой и близнецами ничего глупого или неподобающего.

– Наконец-то я заставил себя дочитать книгу Марка, – сказал Джек.

– Прими мое сочувствие. Я бы с великой радостью избавила тебя от травмы, но, вероятно, тебе следовало увидеть это своими глазами.

Джек сделал глоток кофе.

– Это все равно что смотреть на э-э-э… спину Рича Кобилта… просто есть вещи, которые вы не в состоянии развидеть.

Нола села прямо.

– По крайней мере, сцены секса снимаются на съемочной площадке в Лос-Анджелесе. Они довольно откровенны. Особенно сцены между «Джоном и Марго Треллис». Это явно вы двое. Я имею в виду… фу!

Мы с Джеком уставились на нее. Она пожала плечами:

– Я нашла книгу валяющейся, поэтому прочитала ее. Полный отстой.

Мы пару секунд помолчали, а потом Джек спросил:

– А как насчет Речных Псов?

Нола закатила глаза. Я окинула взглядом сад и заметила Бо, работающего над задней оградой. Он не добился особого прогресса по причине сложности работ и требования не использовать современные инструменты (продиктовано Софи).

Впервые с тех пор, как я унаследовала дом, я была благодарна за трудоемкие и затратные по времени методы, которые требовались для подлинного его сохранения. Даже если причиной моей благодарности целиком и полностью была задержка выставления счета.

Словно почувствовав мой взгляд, Бо повернулся и кивнул в знак приветствия. Затем наклонился, чтобы что-то взять, и направился туда, где мы все сидели.

– О нет, – простонала Нола, съеживаясь на скамье, словно пыталась спрятаться.

Когда он подошел ближе, я узнала в его руке красную подушку в форме сердца.

– Это ваша? Кто-то положил ее на пассажирское сиденье моего пикапа, пока тот был припаркован на подъездной дорожке. Не могу понять, кто и почему, но я надеялся, что вы знаете, кому она принадлежит. – Он прислонил подушку к ножке скамьи рядом со мной.

– Это моя, спасибо. Должно быть, я уронила ее снаружи и кто-то из съемочной группы просто бросил ее в ближайшую машину.

Это была вопиющая ложь, но Бо, казалось, так же страстно желал принять объяснение, как и я. В утреннем воздухе внезапно тяжело повис сильный запах «Ванильного мускуса». Бо повернулся и, слегка запрокинув голову, принюхался.

– Кто-нибудь чувствует этот запах? – спросила я, пристально глядя на Бо.

Ноздри Нолы слегка раздулись.

– Запах чего?

– Духов. – Запах стал настолько сильным, что меня даже замутило.

Бо покачал головой, упорно отказываясь посмотреть мне в глаза.

– Нет, мэм. Мне показалось, будто я уловил запах звездной магнолии, но она еще не цветет.

Он наклонился, чтобы слегка подтолкнуть обоих детей на качелях. И Сара, и Джей-Джей радостно взвизгнули, чем отвлекли меня от размышлений о том, почему он говорит неправду.

Сара потянулась к Бо, то сжимая, то разжимая маленькие ручки, словно клешни крошечного омара.

– Держи меня, держи меня! – нежно пропела она.

Бо снял ее с качелей и, слегка покачивая в воздухе, поднял вверх. Она от радости залилась смехом.

– Мне кажется, у тебя появился новый друг, – сказала я, наблюдая, как Сара, хихикая, указывает за головой Бо на что-то – или на кого-то, – чего я не могла видеть.

– Какой счастливый ребенок, не правда ли? – спросил Бо, явно растроганный, когда Сара вновь сосредоточила внимание на его голове и принялась играть с его ушами.

– Она просто не слишком избирательна, – буркнула Нола, не совсем себе под нос.

– Нола! – одернула ее я.

Бо спокойно посмотрел на Нолу:

– Ты сказала им?

– Что именно? – спросил Джек.

Нола выпрямилась на скамейке, затем вскинула подбородок и посмотрела на Бо:

– Он уволил меня.

– Я временно отстранил тебя от работы. Есть разница.

– Никакой. Мои бабушка и дедушка владельцы магазина. Ты не имеешь права делать ни то ни другое.

– Видимо, твоя бабушка иного мнения, поэтому ты на неделю отстранена от работы.

– Что случилось? – медленно спросил Джек.

Щеки Нолы покраснели, губы плотно были сжаты.

– Нола, – мягко потребовала я объяснений.

– Мне сказать им самому? – спросил Бо. Он был само очарование. Ни грана серьезности, пока Сара играла с его волосами, закручивая их в торчащие рожки.

– Мы с подружками просто развлекались, – выпалила она. – Это всего лишь игра.

– Что за игра? – спросила я.

Когда она не ответила сразу, я все поняла.

– С доской для спиритических сеансов?

Она один раз кивнула.

– Ты отстранил ее от работы из-за игры? – Джек, похоже, был скорее раздражен, нежели озабочен.

– Она должна была находиться на рабочем месте, – спокойно ответил Бо. – В магазине был покупатель, которого заинтересовал фуршетный стол эпохи Регентства с арочным фасадом, но он не смог найти сотрудника, потому что Нола была в задней комнате. Я случайно зашел в магазин, когда покупатель уже собирался уходить, и в итоге совершил прибыльную продажу.

Я пристально посмотрела в лицо Бо. Что-то подсказывало мне, что он назначил Ноле испытательный срок вовсе не потому, что она играла в игру в задней комнате, пока должна была находиться в торговом зале.

Нола с вызовом посмотрела на Бо:

– Олстон слушала твой подкаст и слышала, как звонивший из Саванны спрашивал, как играть с доской для спиритических сеансов. Она и Линдси принесли ее в магазин, потому что я сказала им, что мне скучно, так как покупателей было мало. Это просто глупая игра. Кроме того, ты ясно дал звонившему понять, что не веришь в подобные вещи.

Лицо Бо как будто застыло.

– Верю я в это или нет, не имеет значения. Ты была на работе. Не будь ты внучкой Амелии, я бы уволил тебя на месте.

– Ну и как… повезло? – небрежно спросила я, чувствуя на себе взгляд Бо. Нола знала, что я запретила доски для спиритических сеансов и почему, поэтому я очень старалась говорить спокойно.

Нола пожала плечами:

– Я так не думаю. Я почти уверена, что Олстон двигала планшетку. Она продолжала писать имя Адель.

– Как имя певицы? – спросил Джек.

– Да, пишется так же. Вот почему я узнала, что это Олстон. Она помешана на Адель.

– А что ты сделала с игрой после того, как Бо застукал тебя?

Нола бросила на Бо свирепый взгляд:

– Он забрал ее у меня.

Я встретилась взглядом с Бо. Его лицо заметно побледнело, губы были сжаты так крепко, что побелели.

– Отлично, – сказала я. – Я бы поступила точно так же.

Нола поникла и сделалась еще ниже. Я украдкой вновь взглянула на Бо. Цвет начал возвращаться на его лицо, но глаза по-прежнему смотрели настороженно.

Сара начала суетиться, и я потянулась к ней, но она вцепилась в Бо. Он машинально погладил ее по спинке. Она положила голову ему на плечо и снова улыбнулась кому-то, стоявшему позади него.

Телефон Нолы пискнул, возвестив о сообщении. Быстро прочитав его, она посмотрела на Джека. Пару секунд она молчала, как будто раздумывая, говорить или нет, но затем пришло еще одно, и на этот раз она стиснула зубы и глубоко вздохнула, словно для храбрости. Расправила плечи, сглотнула и повернулась к Джеку:

– Через несколько недель в биргартене на Бэй-стрит будет вечеринка по случаю Марди Гра. Олстон и Линдси пойдут на нее вместе с другими школьными подружками. Можно и мне тоже, пожалуйста? Обещаю вернуться к комендантскому часу.

– Не думаю, что временное отстранение от работы – это нечто такое, что я хочу вознаградить. К тому же вы все несовершеннолетние.

– Папа! – запротестовала Нола. – Все мои подруги туда идут, и кроме пива там подают и другие напитки. Я буду единственная, кого там не будет, и мне придется слышать об этом как минимум месяц.

– Прости, Нола. Но я должен ответить тебе твердым «нет».

Она посмотрела на меня, в надежде услышать второе мнение.

– Вынуждена согласиться с твоим отцом, Нола. – Я улыбнулась. – Остаться дома может быть так же весело. Я приготовлю попкорн, а потом мы можем посмотреть по телевизору детективы. Или глупые видео с собаками на YouTube.

– О боже! – воскликнула Нола, скрестив на груди руки. – Звучит намного веселее, чем обыкновенная вечеринка.

– Знаю. И, возможно, твой отец захочет составить нам компанию.

Джек поверх головы Нолы посмотрел на меня, и его глаза лукаво блеснули.

– Посчитай и меня.

– Многие мои одноклассники говорят, что пойдут, – сказал Бо. – Говорят, там бывает довольно отвязно. Но это определенно народ постарше.

Нола одарила его колючим взглядом.

– Еще одна причина, почему ты не должен идти, – сказал Джек. – Ты пока еще школьник и определенно не должен ходить на вечеринки в колледже.

Бо пожал плечами, но мне показалось, что ему нравится троллить Нолу.

– Я иду лишь потому, что Марди Гра напоминает мне о доме. Обычно я участвую в Параде Бахуса, но в этом году мне придется его пропустить.

– Разве Бахус не бог вина и плодородия? – спросил Джек. В его голосе мне послышалось скорее обвинение, нежели любопытство.

– Да, сэр. А также земледелия. – Он еще раз погладил Сару по спинке, после чего вновь посадил ее на качели и легонько подтолкнул. – Мне пора на работу. В противном случае я пробуду здесь, пока Сара и Джей-Джей не закончат колледж.

– Я не против, – сказала я. Нола пнула меня. – Это займет столько времени, сколько потребуется, верно?

– Да, мэм. – Бо на миг задумался. – Кстати, сколько у вас собак?

– Три, – ответила я. – Почему ты спрашиваешь?

Он начал было что-то говорить, но покачал головой:

– Я так и думал. Похоже, есть бродячий пес, который продолжает появляться. На вид очень милый, так что поводов для беспокойства

нет. – Бо попрощался и зашагал прочь, а пока мы трое провожали его глазами, один раз обернулся.

– Как ты думаешь, какой у Бо рост? – спросил Джек, когда он был вне пределов слышимости.

Нола пожала плечами:

– Он чуть выше тебя. Может, шесть футов и три или четыре дюйма?

Мой взгляд переместился на Джека, и я поняла, что мы оба подумали одно и то же.

– Почему ты спрашиваешь? – спросила Нола и посмотрела вслед Бо.

– Его отец тоже был высоким парнем. Мне просто было интересно.

Я молча дала Джеку пять за то, что он успешно уклонился от правды.

– Нола… – начал было Джек, но тут же осекся.

– Что?

– Я хочу, чтобы ты держалась подальше от Бо, хорошо? Собственно, от всех мужчин. Особенно от высоких. И подружкам своим тоже скажи.

Она в замешательстве прищурилась:

– Никаких проблем с Бо… поверь мне. Достаточно того, что я вынуждена работать с ним вместе. И я не собираюсь ходить ни на какие вечеринки, где могу встретить других парней, так что я думаю, что там мы в безопасности. – Преувеличенно вздохнув, она встала. – Поскольку мне не разрешено ходить туда, где весело, думаю, мне пора начать мыть полы, ползая на четвереньках. – Она направилась к задней двери, и до нас донесся ее голос: – Затем я буду доить коров, кормить лошадей и убирать из конюшни навоз…

– Как ты думаешь, откуда у нее такое саркастическое чувство юмора? – задумчиво произнес Джек, наблюдая за тем, как высокая фигура его дочери исчезает в доме.

Я промолчала, не уверенная в том, что он серьезно.

Несколько мгновений мы сидели молча, осторожно качая близнецов, наслаждаясь умиротворением сада, лучами солнца, пробивающимися сквозь ветви древних дубов и магнолий,

дремлющими остатками сада моего отца, ожидающими, чтобы расцвести по первому сигналу весны.

– Я тут размышлял… – сказал Джек.

Мое сердце сжалось. Я из последних сил старалась скрыть надежду, которую зажгли его слова.

– Да?

– Я вспомнил кое-что, о чем, по твоим словам, упоминала Ивонна, о портрете капитана Джона Вандерхорста, хранящемся в Чарльстонском музее.

Мне удалось удержать на губах улыбку.

– Верно. В Чарльстонском музее.

– Поскольку мы не можем найти никакой информации о том, кому могло принадлежать это надгробие, я позвонил своему знакомому в музей, чтобы узнать, нет ли у них других портретов или картин Вандерхорстов, которые нам разрешили бы изучить.

– Он сказал тебе, что это займет какое-то время? Сомневаюсь, что они легкодоступны.

Джек наклонился вперед, чтобы толкнуть Джей-Джея. Тот стучал по качелям венчиком и вопил:

– Еще! Сильнее!

В отличие от брата Сара сидела запрокинув голову и удовлетворенно созерцала окружающий мир.

– Вообще-то Мэнди пообещала показать мне, что у них есть, в среду в два часа дня.

– Мэнди? – Джек кашлянул и сосредоточился на раскачивании качелей. – Возможно, мы встречались пару раз.

– Конечно, встречались.

– Знаешь, ты тоже можешь прийти.

– Я должен проверить свое расписание. В два часа?

– Я даже могу тебя подвезти.

– Я дам тебе знать. – Я посмотрела на красную подушку в форме сердца на траве у скамейки и попыталась сменить тему. – Я застукала Марка, когда он шнырял по гостиной. Он убежден, что пропавшая половина Алмаза Надежды где-то здесь.

– Разве это не здорово? Будь это правдой, конечно. Марк, похоже, отчаянно нуждается в деньгах, раз он верит всему, что читает в

Интернете. Мы можем лишь надеяться, что он совершит какую-нибудь глупость и станет стороной, нарушившей условия договора.

– Или киношники будут так напуганы, что покинут съемочную площадку.

– В любом случае, – сказал Джек, – мы победим. А то я уже начинаю забывать, каково это.

Я положила голову ему на плечо.

– Я тоже, – тихо сказала я. – А пока мне действительно нужно выяснить, кто преследует Нолу и почему она посылает нам предостережения.

Джек обнял меня за плечи и притянул к себе.

– Мы это выясним. У нас всегда получается, когда мы беремся за дело вместе, не так ли?

Я закрыла глаза, вдыхая его запах. «Почти, – подумала я. – Почти».

– Я просто не хочу, чтобы беременность Ребекки мешала ее способности видеть пророческие сны. Ее предчувствия почти стоят того, чтобы объявить ее родственницей и быть с ней приветливой.

– Будь осторожна со своими желаниями, – сказал Джек себе под нос, а в следующий миг я услышала, как открылась задвижка на садовой калитке.

– Привет! Есть кто-нибудь дома?

Джек быстро убрал руку, и в тот же момент я заметила Ребекку – в новом розовато-лиловом пальто для беременных и ботильонах в тон, с двумя пакетами, набитыми бело-розовым тюлем.

– О нет, – простонала я. – Я забыла, что она придет, чтобы обсудить праздник подарков для будущего малыша.

– Для меня это сигнал уйти. – Джек встал и с рекордной скоростью поднял обоих близнецов. – Кстати, – он наклонился, чтобы его никто не услышал, – мне понравился наш поцелуй. Я тоже скучаю по этому.

С этими словами он выпрямился и, коротко поприветствовав Ребекку, зашагал в противоположном направлении обратно к дому.

Вставая, я подняла красную подушку в форме сердца и, теребя рюши, смотрела, как приближается Ребекка. Внезапно до меня дошло, что подушка насквозь мокрая. Как будто ее погружали в воду.

Я снова посмотрела на Бо. Наши взгляды на миг встретились. Затем он снова вернулся к работе. У меня же не осталось никаких сомнений в том, кто положил подушку в его пикап. Или что Бо это тоже знал.

Глава 21

Я вышла из дома пораньше, чтобы встретиться с Софи в ее новом кабинете на сигарной фабрике в Ист-Бэй, оставив достаточно времени, чтобы, найдя место для парковки, посидеть в машине и послушать группу ABBA на максимальной громкости, какую только вынесут мои уши. Мне потребовалось на это не менее двадцати минут, прежде чем я сумела заблокировать черно-белые лица умерших фабричных рабочих, которые, похоже, все еще ощущали потребность каждый день приходить на работу и прижимались лицами к окнам моей машины, как если бы я проверяла, нет ли среди них прогульщиков.

Несмотря на капитальный ремонт, превративший старое здание фабрики в роскошные лофты, рестораны, учебные классы и офисные помещения, я была вынуждена идти быстрым шагом и с опущенной головой миновать кирпичные стены, деревянные потолки и только что отполированные полы, если я надеялась прийти и уйти прежде, чем беспокойные духи заметят меня.

Дверь кабинета Софи, увешанная плакатами с радужными пацификами, напоминаниями «покупайте местное», наклейками на бампер (в том числе одна с надписью «Защитники исторических зданий продляют им жизнь») и вездесущей графикой против круизных лайнеров, была приоткрыта. Я легонько постучала, прежде чем войти.

Софи встала мне навстречу из-за захламленного стола. Как обычно в первые мгновения, когда я видела свою подругу, мне понадобилась пара секунд, чтобы схватить взглядом ее ансамбль. Если бы мне предложили угадать, я бы сказала, что прическу ей делала малышка Скай, – опять-таки если судить только по огромному количеству разноцветных пластиковых заколок, покрывавших вьющиеся волосы Софи, словно конфетти, – а также выбрала ей наряд. На ней был комбинезон в стиле 1980-х годов с радужными подтяжками, как у героя сериала «Морк и Минди» и соответствующей расцветки гетры, натянутые на штанины до самых колен. Меня не

удивило, что пальцы ее ног были обмотаны радужным трикотажем, выглядывавшим из-под светло-зеленых биркенстоков.

– Пожизненный контракт, – напомнила мне Софи, отвечая на мой немой вопрос, почему ей разрешается приходить на работу в таком виде.

– Доброе утро, миссис Тренхольм.

Находившаяся в углу комнаты Меган Блэк выпрямилась от картотеки, в которой она, очевидно, что-то искала. Ее жемчуг на шее и кашемировый кардиган резко контрастировали с нарядом Софи. Видеть их обеих вместе чем-то напоминало картинку «до» и «после» из реалити-шоу «Что лучше не надевать».

– Привет, Меган. Рада видеть тебя снова. С тех пор как в доме начались съемки, мы почти не пересекались.

– Знаю. Доктор Уоллен-Араси заставляет меня исследовать кирпичные растворы в городе и изобретать краткосрочные и долгосрочные цели для кирпичных стен, которые ранее были «отремонтированы», – сказала она, пальцами беря в кавычки последнее слово. – Люди, которые ни в чем не разбирались, использовали раствор с высокой долей цемента. Такой раствор слишком тяжел для старых кирпичей, от него по ним идут трещины. Это действительно больно видеть.

– Не сомневаюсь, – сказала я, изображая горячий интерес.

– В жертву нужно приносить раствор, а не кирпич. – Она улыбнулась Софи. – Мы должны поместить это на наклейку на бампер.

– Отличная идея. – Софи выглядела серьезной и даже сделала пометку в блокноте, после чего вернулась за свой письменный стол.

– Итак, что ты хотела отдать мне на хранение? – спросила она.

Я полезла в сумку и вытащила Замороженную Шарлотту в гробике. Стойкий запах дыма обволакивал ее, как саван. Я поставила гробик посреди стола Софи на сложенную газету.

– Вот это. Можешь поставить его в безопасное место? И запереть на замок. – Я покосилась на Меган. – Он постоянно появляется в самых неожиданных местах, и я не хочу, чтобы он потерялся.

Вообще-то я была бы только рада, если бы он потерялся, но я не могла произнести это вслух в их присутствии.

Софи подняла его и, пристально рассматривая, повертела в руке.

– Знаешь, – сказала она, возвращая гробик на стол и открывая крышку, – это кое-что мне напомнило. В музее Гиббса в ближайшие несколько месяцев будет работать новая выставка, которую ты, возможно, захочешь увидеть.

Софи улыбнулась мне той же улыбкой, которой благодарила меня за подарочную карту для посещения парикмахерской или маникюрного салона. Ей не хватало той искренности, какую я привыкла видеть у моей подруги.

– Она называется «Живые мертвецы».

Меган захлопнула за моей спиной ящик с папками.

– Фу, вы имеете в виду викторианские посмертные фото? Я отказываюсь на такое смотреть! Это снимки мертвых людей, сидящих на стуле, как будто они все еще живы. Картинка из ночного кошмара.

– Это да. Картинка из ночного кошмара, – повторила я. Если не хуже. Я с трудом представляла, какие духи будут сопровождать одно-единственное посмертное фото, не говоря уже о целой комнате. – Почему ты думаешь, что мне будет интересно взглянуть на них? В моей жизни и без того достаточно травм, тебе не кажется?

– Понимаю. Но эти фото были выбраны потому, что на них изображены чарльстонцы. Во многих случаях фотографии были подарены вместе с личными вещами умерших и выставлены вместе. Но я подумала о тебе, потому что некоторые из изображенных на снимках людей держат амулеты и по крайней мере у одной есть кукла Замороженная Шарлотта!

Я посмотрела на Меган. Ее внимание было приковано к папке, которую она достала из шкафа.

– Будь девушка, которой принадлежала наша Замороженная Шарлотта, жертвой ожогов, – сказала я, вновь посмотрев на Софи, – то никакой фотографии не было бы, верно? – При этой мысли я вздрогнула.

– Кто знает? Викторианцы делали куда более странные вещи! Но не все из этих снимков являются посмертными фотографиями. К тому же ты даже не уверена, что она погибла в пожаре 1861 года.

– Я уверена, – сказала я, взглянув на Замороженную Шарлотту. Запах дыма уже разъедал мне глаза.

Софи сокрушенно вздохнула:

– Разве ты не пытаешься установить личность девочки-подростка, которая, по всей вероятности, была похоронена на вашем заднем дворе примерно в 1861 году? Ты знаешь, что ее имя начиналось с буквы Е и, возможно, оно было Эванджелина, так что, по крайней мере, это начало. Я знаю, что это лишь предположение, но, как ты сама сказала мне, даже Ивонна уперлась лбом в стенку, пытаясь ее найти. – Она улыбнулась. – Это не каламбур. Как я уже сказала, это всего лишь предположение, но что тебе терять?

– Мой разум?

– У тебя трое детей, Мелани. Сомневаюсь, что у тебя осталось много мозгов. У меня только один ребенок, и я чувствую, что почти все дни функционирую только с одной половиной мозга.

Я услышала смешок Меган у себя за спиной, но она тут же поспешила замаскировать его под кашель.

– Понятно. Я пойду. Найду кого-нибудь, кто пойдет со мной, потому что я не собираюсь делать это одна.

Софи взяла гробик с Замороженной Шарлоттой, поставила его в ящик стола и повернула ключ.

– Я также сожгу немного шалфея, чтобы избавиться от любой токсичной или негативной энергии.

Мы с Меган переглянулись.

– Хорошо, – сказала я. – Все, что ты думаешь, должно сработать. Она слегка напоминает мне куклу Эдисона, которую мы нашли в доме Джейн, помнишь?

Софи сделала большие глаза.

– О да! Мне до сих пор снятся кошмары. Эта кукла в гробу – плюшевый мишка по сравнению с ней. – Она вздрогнула. – Мне следовало обработать ее шалфеем, но тогда я еще не научилась правильно его наносить.

Она взяла газету, на которой стоял гробик, и протянула ее мне. Газета была сложена так, чтобы выделить статью в три колонки.

– Чуть не забыла… Ты видела сегодняшнюю газету?

– Еще нет. – Я взяла газету и пробежала глазами заголовок. ПОДСКАЗКА ИЛИ ФАЛЬШИВКА? Мой взгляд упал на следующую строчку. «Неужели злые духи угрожают живым, чтобы защитить легендарный алмаз? Погибших пока двое, но что, если их больше?»

Я, даже не глядя, знала, что под статьей будет стоять подпись Сьюзи Дорф.

Я пробежала глазами остальную часть короткой статьи… в основном рекламную вставку о продолжении ее популярной воскресной серии о старых домах, семьях и легендах Чарльстона. В ней упоминалось несколько других домов в историческом районе города, по общему мнению, населенных привидениями, включая здание старой биржи и ресторан «Пуганс порч», чтобы мне не чувствовать себя чем-то исключительным.

– Предполагаю, Джек еще не видел ее, иначе бы он уже позвонил мне. – Я на всякий случай проверила свой телефон, но не увидела ни пропущенных звонков, ни голосовых сообщений, ни текстовых. Я тотчас занервничала, но не потому, что думала, что он расстроится из-за негативного резонанса, который может быть воспринят как нарушение нами контракта. Скорее я нервничала из-за того, что ему это будет до лампочки. Наш недавний разговор и его безразличие к такому развитию событий с тех пор беспокоили меня, но по причинам, которые ускользали от меня. Пока что ускользали.

Я вернула газету на стол Софи и взглянула на часы, после чего еще раз проверила время на своем айфоне.

– Мне пора. Я встречаюсь с Томасом и Вероникой в «Кухне Марты Лу» и пообещала Джейн зайти за ней.

– Я слышала, там к каждому блюду предлагают таблетки для снижения уровня холестерина и тонометр для измерения кровяного давления на каждом столе. – Софи скрестила руки на груди, хотя я была почти уверена, что мы с ней обедали у Марты Лу, до того как она помешалась на здоровом образе жизни и стала веганом.

– Очень смешно. Не то чтобы я ходила туда каждый день, но иногда просто хочется немного ее фирменного жареного цыпленка и кукурузного хлеба. Я люблю ее листовую капусту, но она подает ее только по средам, так что в качестве овощей я возьму запеченные макароны.

Меган оторвалась от папки, которую читала.

– Простите, миссис Тренхольм. Но вы же знаете, что запеченные макароны – это не овощи, верно?

Софи оперлась локтями о стол, что могло быть попыткой выглядеть угрожающе, но из-за пластиковой заколки в волосах

потерпела полный провал.

– Мелани считает, что, раз они указаны вместе с овощными гарнирами, значит, это тоже овощи. Пожалуйста, не пытайся спорить с ней. Это бессмысленно. Мы с ней спорим по этому поводу уже более десяти лет. Хотя, похоже, ей что-то известно, потому что она заставляет своих детей есть настоящие овощи. Даже органические. Но, возможно, лишь потому, что я угрожала позвонить в органы опеки.

Брови Меган поползли вверх. Она перевела взгляд с Софи на меня, а затем вновь на Софи, но та мудро промолчала.

Я перекинула ремешок сумки через плечо, собираясь уйти, но мой мозг пощекотала другая настырная мысль.

– Еще кое-что, Меган. Ты упомянула, что когда-то встречалась с Бо Райаном, и я хотела бы спросить у тебя одну вещь.

Она настороженно посмотрела на меня:

– Какую именно?

– Бо рассказал нам, что его родители пропали во время урагана «Катрина», занимаясь поисками его младшей сестры. Он когда-нибудь рассказывал про обстоятельства?

Меган задумалась над ответом, и ее пальцы поиграли ниткой жемчуга на шее.

– Он не любил говорить об этом. Нет, он отвечал на мои вопросы, но не вдавался в подробности. – Она помолчала. – Признаюсь, мне было любопытно, поэтому я погуглила их имена. – Меган взглянула на Софи. – В наши дни ведь все так делают, верно?

Мне хотелось это отрицать, притвориться, будто я выше подобных вещей, но я вспомнила, как сама искала в Сети информацию про Джека, когда мы с ним только познакомились. Я рассеянно кивнула, а затем мысленно отругала себя за то, что не додумалась погуглить родителей Бо.

– Нашлось что-нибудь информативное?

Меган прикусила нижнюю губу:

– Не очень информативное. Просто очень… странное.

– Это почему же?

– Я нашла статью о Джоли – младшей сестре Бо. Очевидно, за неделю до «Катрины» она была похищена. Вот почему, когда приближался ураган, мать Бо отказалась эвакуироваться. Она не хотела уезжать на тот случай, если Джоли вернут или найдутся какие-то

улики, которые могут быть утрачены. Бо с бабушкой и дедушкой отправили в горы в Алабаму, где у них был дом, – переждать ураган и его последствия. Никто не знает, какая судьба постигла его родителей или Джоли. С тех пор их никто не видел и не слышал.

Я снова вспомнила мокрые следы, которые, казалось, следовали за Бо и женщиной средних лет, которую я видела на Кинг-стрит.

– На сколько Джоли была младше Бо?

– Года на два, не больше.

– Значит, сейчас ей около восемнадцати.

Услышав в моем голосе облегчение, Меган удивленно подняла глаза.

– Да. Когда она пропала без вести, ей было три года.

– Какой ужас. – Софи прижала руки к сердцу, несомненно, подумав о наших собственных малышах.

– Это да, – согласилась я. – Джоли может быть жива и даже не знает, кто она такая и что у нее есть семья в Новом Орлеане. И еще хуже, что ее мать умерла, так и не узнав, что с ней случилось.

– Почему вы думаете, что миссис Райан нет в живых? – спросила Меган, в упор на меня глядя.

Поняв свою оплошность, я пожала плечами:

– Просто предположение. Возможно, потому, что я сама мать. Если бы меня разлучили с любым из моих детей, я бы сделала все, что в моих силах, чтобы быть с ним. Быть частью его или ее жизни. – И, возможно, она уже мертва. – Поскольку это не так, я предполагаю, что она умерла. Возможно, и ее муж, по той же причине.

Меган кивнула:

– Думаю, именно поэтому у Бо есть свой подкаст. Он долгое время пытался общаться с родителями с помощью медиумов и экстрасенсов – даже самопровозглашенных ведьм и гадалок. Он потратил кучу денег, и все безрезультатно. Он запустил свой подкаст, чтобы развенчать все это. Думаю, он хотел уберечь других людей, чтобы они не бросали на ветер с трудом заработанные деньги.

– Да. – Я с жаром кивнула. – Это все объясняет. Я бы не стала его винить. – Я улыбнулась. Шальная мысль жужжала у меня в голове, как настырный комар. – Мой муж познакомился с отцом Бо, когда они служили в армии. Его звали Боргард Райан, так что я предполагаю, Бо

назван в его честь. Но мне любопытно. Когда ты погуглила семью, ты нашла упоминания имени его матери?

– Вообще-то да, и я помню это, потому что я большая поклонница певицы…

– Адель, – закончила я, вспомнив услышанное от Нолы имя, когда она рассказала нам, как играла в задней комнате магазина «Антиквариат Тренхольмов» с доской Уиджа.

Меган удивленно посмотрела на меня:

– Откуда вы знаете?

– Должно быть, от Бо. Спасибо, что ответила на мои вопросы. Я это ценю. – Я повернулась к Софи. – А тебе спасибо за то, что ты позаботилась о Шарлотте и сообщила мне об экспонате в «Гиббсе». Я дам знать, если что-то найду. И даже угощу тебя фруктовым коктейлем. А если я этого не сделаю, ты можешь купить мне дюжину пончиков. – Я попрощалась и направилась к двери.

– Ты так и не ответила на мое электронное письмо, – крикнула мне вслед Софи, – но ты все еще мне нужна, чтобы помочь раздать в эти выходные листовки про общественный сад, который я открываю. У меня есть костюм кукурузного початка и костюм помидора. Можешь выбрать любой, какой больше нравится, а я надену другой.

– Извини. Мне звонят, – сказала я, поднося к уху телефон и делая вид, что слушаю. Помахав Софи, я вышла из ее кабинета и закрыла за собой дверь.

* * *

Когда я ехала по Трэдд-стрит, Джейн уже ждала на подъездной дорожке, а когда я притормозила за красным «Феррари», бросилась к машине. Она что-то кричала на бегу, поэтому я опустила стекло возле пассажирского сиденья, чтобы услышать.

– Не останавливайся! – крикнула она. – Я догоню.

Я не была уверена, что она собралась делать, – возможно, она насмотрелась серий про приключения Джека Райана, – но когда я взглянула ей за спину, то увидела Харви и Марка. Они как угорелые неслись ко мне, а вслед за ними неторопливой походкой шествовал Джек.

Я протянула руку и, открыв дверцу машины, нажала на кнопку, чтобы поднять стекло. Джейн едва успела юркнуть внутрь и захлопнуть дверь, когда к нам подбежали Харви и Марк. Харви стукнул кулаком по лобовому стеклу и помахал экземпляром газеты, чтобы мне не пришлось спрашивать Джейн, чем они так расстроены.

Мы с ней смотрели, как Джек небрежной походкой идет к машине. Он показал мне большие пальцы и жестом велел уезжать, а сам, улыбаясь, небрежно обнял Харви за плечи. Тот поспешил смахнуть его руку. Я приоткрыла окно.

– Ты уверен? – крикнула я Джеку.

Он кивнул и пальцами изобразил пистолет.

– Желаю вам приятно провести время. Я, наверное, поведу близнецов в парк, если не будет дождя.

Мы с Джейн уставились на его небрежную позу, дивясь его способности не обращать внимания на то, что кто-то кричит ему в ухо.

Марк выхватил у Харви газету и указал на статью Сьюзи.

– Сегодня ушли двое моих парней. Не хотелось бы мне узнать, что за этим стоишь ты!

Джек снова дал мне сигнал уезжать, поэтому, быстро помахав ему и секунду помедлив, чтобы убедиться, что он не передумает, я отъехала от бордюра, чудом не сбив при этом Марка. Чему была несказанно рада, так как я обожаю мою машину.

– Как прошел твой день? – спросила Джейн.

– Очень смешно. Ты слишком много болтаешься с Джеком. – Я указала позади машины на кричащих мужчин. – Когда это началось?

– Практически сразу, как только ты ушла этим утром. Я была занята детьми, поэтому не вмешивалась… Джек сказал, что сам разберется.

Взглянув в зеркало заднего вида, я увидела, что Джек стоит, скрестив руки на груди, и слушает, как Марк что-то кричит ему. Прежде чем свернуть с улицы в сторону Ист-Бэй, я успела заметить, как он вытер лицо.

– Он выглядел обеспокоенным?

– Нет. А он должен?

Помедлив мгновение, я кивнула. Мы с Джеком предпочитали не распространяться про наш неортодоксальный уговор с Марком и

Харви. Не хватало нам, чтобы друзья и семья считали нас такими жалкими, какими мы считали себя сами.

– Да, – сказала я. – Если съемку придется остановить, виновная сторона будет считаться нарушившей договор с довольно серьезными вытекающими последствиями.

– И что еще? Ты мне что-то недоговариваешь.

– Почему ты так говоришь?

Джейн тяжело вздохнула, и я предположила, что, вероятно, она тоже закатила глаза.

– Потому что я твоя сестра и, как и мама, знаю, когда с тобой что-то не так. Я чувствую это вот здесь. – Я покосилась на нее, сидящую на пассажирском сиденье: она трогала пальцами шею. – В том самом месте, которое горит, когда съешь что-то слишком сладкое?

– Я не думаю, что я когда-либо ела что-то слишком сладкое, так что нет.

Она снова вздохнула:

– Да, что-то не так. Это как-то связано с нашей встречей со Сьюзи Дорф в женском туалете «Бакалейной лавки»?

Стараясь ненароком не наехать на пешеходов, переходящих дорогу в неположенном месте, я повернула налево, на Ист-Бэй. Накануне вечером прошел сильный дождь, оставивший на дороге глубокие лужи, но, по крайней мере, дорога была пуста, что бывало не всегда. Частые наводнения в известной мере компенсировали букеты цветов в горшках и оконных ящиках и пышные кисти лоз глицинии, украшавшие Священный город весной.

– Я боюсь первого весеннего паводка, а ты? Это напомнило мне, что в моих резиновых сапогах дырки и мне нужна новая пара.

– Мелани. – Мое имя предполагало предостережение.

– Хмм? – Я продолжала смотреть на дорогу перед собой.

– Ладно. Ты не обязана мне все рассказывать. – Она сжала мою лежавшую на руле руку. – Просто помни, вместе мы сильнее.

Я кивнула:

– Я помню.

– Просто держись подальше от кладбищ, хорошо? Не думаю, что смогу пройти через это снова.

Я скользнула по ней взглядом. Интересно, говорила ли она с нашей матерью? Я остановила машину на стоянке перед приземистым

розовым зданием, в котором располагалась «Кухня Марты Лу», и у меня уже заранее потекли слюнки. Я заметила машины Томаса и Вероники. Ага. Значит, они уже там, и, надеюсь, у них есть столик, так как у дверей уже выстроилась очередь.

– У тебя все нормально? – спросила я у Джейн, указывая на машину Томаса.

– Конечно. Почему ты спрашиваешь?

Я подняла брови и отошла в конец очереди. Мы разместили наши заказы и присоединились к Веронике и Томасу. Они уже потягивали сладкий чай. Их белые пенопластовые тарелки стояли рядом с пластиковыми вилками и бумажными салфетками.

Томас как истинный джентльмен встал и выдвинул для нас стулья, а Джейн в знак благодарности улыбнулась и сказала:

– У тебя чай. Он сладкий.

– Верно, – сказал Томас и сел, неловко подогнув под маленьким столиком длинные ноги.

Поздоровавшись со всеми и немного поболтав, – в основном чтобы Джейн не чувствовала себя скованно, – мы все принялись за еду, зная, что как только мы начнем, нам будет трудно оторваться от вкусных запеченных макарон и супа из бамии.

Наконец мы насытились, и Томас вытащил из кармана пиджака блокнот.

– Итак, вы готовы услышать кое-что новое?

Я не была, потому что собиралась положить в рот очередной кусок, но вместо этого кивнула и сделала глоток сладкого чая. Мы все подались вперед, наблюдая, как Томас перелистывает страницы, прежде чем остановиться на одной из них.

– Я посетил родителей Лорен во Флориде, чтобы лично поговорить с ними. Они были рады меня видеть и до сих пор не оставили надежды найти дочь.

– Ее нет с тех пор, как нет Адриенны, – сказала Вероника. – Думаю, мы все чувствуем одинаковую утрату.

Джейн обняла Веронику и притянула к себе.

– Это было не для слабонервных, – продолжил Томас. – Лорен была их единственным ребенком. Они сохранили ее спальню такой же, какой та была в последний раз, когда Лорен навещала их, как будто в любой момент ждали ее возвращения. – Он полез в карман, вытащил

небольшую стопку фотографий и положил их на стол. – Я сделал их, пока был там.

Джейн прищурилась, рассматривая один из снимков, как будто пыталась разглядеть больше деталей.

– Это все призы парусной команды?

Томас кивнул:

– Мать Лорен сказала, что ее дочь обожала ходить под парусом едва ли не с самого рождения. И что Лорен всегда была счастлива на парусной лодке.

Джейн пальцем указала на что-то на снимке и повернула его к Томасу.

– Вот этот большой… он похож на приз на фото из ежегодника. Это он?

– Зоркий глаз, – похвалил Томас. Джейн густо покраснела. – Я подумал то же самое.

Он вытащил свой телефон и, несколько раз проведя пальцем по экрану, повернул его к нам. Вероника протянула мне очки для чтения.

Томас между тем продолжил:

– Я сфотографировал страницу ежегодника, чтобы не брать все это с собой. Это командное фото с призом национального чемпионата. Он похож на тот, что был в комнате Лорен, но не совсем. Я знаю, потому что проверил. Настоящий приз должен храниться вместе со всеми другими спортивными наградами колледжа в запертой стеклянной витрине.

– Но его там нет, – тихо сказала Вероника.

Мы все как по команде повернулись к ней.

Она посмотрела на свои сложенные на столе руки.

– После смерти Адриенны я провела много времени, гуляя по кампусу, мне нужно было… чувствовать ее. Как будто, увидев вещи, которые она видела и любила, я частично могла ее вернуть. Наверно, я также искала улики, что-то, что могло бы подсказать мне, о чем она так упорно пыталась поговорить со мной, прежде чем ее убили.

Вероника подняла чашку с остатками водянистого сладкого чая и сделала глоток.

– Я пошла взглянуть на приз, потому что Адриенна так гордилась им, как будто сама ходила под парусом. Когда его в витрине не оказалось, где по идее ему полагалось быть, я поинтересовалась у

тренера команды. Он сказал, что разрешил капитану взять его домой, чтобы показать отцу, который, по-видимому, в то время был серьезно болен. Капитан принес его обратно в свою спальню, но прежде чем смог вернуть его в витрину, заявил, что приз украли из его комнаты.

– Есть идеи, кто мог это сделать? – спросила я.

Томас покачал головой:

– В то время они думали, что это розыгрыш и что в конце концов он обнаружится. Но этого не случилось.

Вероника взяла у Томаса телефон, чтобы лучше рассмотреть фото из ежегодника.

– Этот парень… тот, кто держит приз. Кажется, я его помню. Насколько мне помнится, он из тех ребят, что помогали Адриенне переносить вещи, когда она и ее соседка по комнате переехали в большую комнату в общежитии.

– Чарли Бликрод, – сказал Томас. – Капитан парусной команды. И бойфренд Лорен.

Мы втроем повернулись к Томасу, ожидая, что он нам скажет.

– И с твердым алиби. Он был выпускником, но пропустил выпускной, чтобы присоединиться к команде для кругосветного плавания. Когда Адриенна была убита, а Лорен исчезла, он огибал оконечность Южной Америки.

Он перелистал другую страницу блокнота.

– Вот где становится интересно. Я заметил, что весьма обширная коллекция компакт-дисков Лорен хранилась в доме ее родителей и осталась нетронутой. У нее был довольно эклектичный вкус в музыке. От классики до регги и почти все, что между ними. По словам ее отца, ее фаворитом была электронная и авангардная музыка восьмидесятых, особенно в исполнении широко известной исполнительницы и звукорежиссера по имени Лори Андерсон. Правда, я никогда не слышал о такой, пока не занялся этим делом.

– Никто не слышал, – буркнула я.

Джейн бросила на меня взгляд няни, каким она смотрела на детей, когда те капризничали.

– Кажется, в начале восьмидесятых у нее был неожиданный поп-хит. Что-то очень навязчивое, если я правильно припоминаю.

– «О, Супермен». Однажды услышав, уже не забудешь. К сожалению. Песня длится восемь минут, и, если кто-то способен

выслушать ее целиком, он сильнее меня. Думаю, требуется… более изощренный слух, чтобы ее оценить. – Я подняла бровь.

Томас прочистил горло:

– Да. Ее отец сказал, что один из последних концертов, которые посетила Лорен, был в Колумбии, в Университете Южной Каролины, где выступала Андерсон. – Томас на миг умолк. – Она сказала матери, что едет туда со своим новым бойфрендом. И что «О, Супермен» – ее новая любимая песня, потому что она напоминает ей о нем.

– В смысле не о Чарли? – уточнила Вероника.

– Именно. Они удивились, потому что Лорен не говорила, что они с Чарли расстались. И они были немного обеспокоены, что Лорен скрывала от них эти новые отношения. Она даже не назвала родителям его имени, потому что не хотела сглазить. Она якобы собиралась подождать, чтобы убедиться, что это серьезно, и лишь потом представить его родителям. Они утверждали, что у нее действительно хорошая голова на плечах, и доверяли ее суждениям.

– Это так странно, – сказала я. Джейн посмотрела на меня.

– Что именно? Что ей нравился «О, Супермен»?

– Да, но также то, что она никогда ничего не рассказывала родителям о своем новом парне.

– И это еще не все, – продолжил Томас. – Я получил анализ почерка, в котором сравниваются известные образцы почерка Лорен как с запиской, оставленной в ее комнате в общежитии, так и с открытками, которые периодически получали ее родители. Они не совпали. Они были очень похожи, и этого хватило, чтобы одурачить несчастных родителей. Но под микроскопом стало видно, что это подделки.

Вероника откинулась на спинку стула. Ее хлебный пудинг остался нетронутым, пальцы машинально рвали на клочки бумажную салфетку.

– То есть, по-вашему, это означает, что убийство Адриенны и исчезновение Лорен как-то связаны?

– Вполне возможно, – ответил Томас, – особенно если Лорен уехала не по своей воле. Они знали друг друга, и Лорен исчезла примерно в то же время, когда была убита Адриенна. Так что да, они могут быть связаны. А может, это просто совпадение.

Мы с Джейн переглянулись.

– Вот только совпадений не бывает, – тихо сказала она.

Я покосилась на хлебный пудинг Вероники. Интересно, не будет ли невежливо спросить у нее, собирается ли она его есть? Рядом с ним уже начала расти горка порванных на клочки салфеток. Я вновь переключила внимание на Томаса.

– Так куда же мы поедем отсюда?

– Пока не знаю. Мы приложим усилия, чтобы найти Лорен, ведь теперь мы знаем, что она не отправляла эти открытки. Отличной зацепкой было бы, сумей мы найти недостающую часть кулона Адриенны. Предположу, что, поскольку мы его не нашли, он либо уничтожен, либо спрятан там, где его никому не найти. Возможно, это сделал ее убийца. – Томас многозначительно посмотрел на Джейн и на меня. – Хотелось бы пойти к этому человеку и спросить его напрямую.

– Согласна, – сказала я. – Но есть… кто-то еще. Кто-то, кто не хочет, чтобы я разговаривала с Адриенной. Этот кто-то столкнул меня с лестницы. Думаю, Адриенна не использует свою силу, чтобы появиться перед нами, потому что та может ей еще понадобиться. Чтобы защитить нас от… кто бы это ни был.

Джейн села прямо.

– Если только не найдется место, где Адриенна может быть одна. Кстати, а где она похоронена? – спросила она, повернувшись к Веронике.

– На кладбище «Магнолия». – Вероника помолчала, потом посмотрела на меня. – Ты думаешь, это хорошая идея?

– Нам не обязательно идти ночью, – предложила Джейн.

– Нам не обязательно вообще туда идти. По крайней мере, вместе. Могу только представить парад духов, выстроившихся в очередь, чтобы поговорить с нами. Но еще больше мне не нравится идея, что кто-то из нас пойдет туда в одиночку.

– Я не вижу альтернативы, Мелани. Если только ты не хочешь, чтобы я привела маму.

– Только не это.

– Что ж, – сказала Джейн, скомкав салфетку и бросив ее на тарелку, – Тогда начинай репетировать песни группы ABBA.

Когда мы вышли из ресторана, снова пошел дождь. Я с помощью пульта открыла дверь машины. Мы с Джейн со всех ног бросились к ней в бесплодной попытке не промокнуть. Ни она, ни я даже не

попытались пристегнуть ремни безопасности, глядя вместо этого на брызги дождя на лобовом стекле.

Джейн первой нарушила молчание:

– Мне кажется, Вероника знает больше, чем говорит нам.

– Почему ты так думаешь? Потому что она рвала за обедом салфетки?

– Это, а также из-за ее чувства вины. Вероника до сих пор корит себя за то, что подвела Адриенну. Чаще всего это просто некое чувство. С годами я научилась прислушиваться к своей интуиции. Она никогда не ошибается.

Я сжала руль и впилась взглядом в свое обручальное кольцо.

– Мне не дают покоя телефонные звонки Адриенны Веронике перед ее смертью. Возможно, Адриенна не рассказала ей всего, но что, если она все же что-то сказала?

– А какие могут быть у Вероники причины скрывать это от нас? – Джейн натянула ремень безопасности и замерла, увидев что-то на полу перед собой. Она наклонилась и подняла красную подушку в форме сердца. – Я бы спросила, почему ты возишь ее в своей машине, но что-то подсказывает мне, что это не ты положила ее сюда.

Я уставилась на подушку. Теперь в машине ощущался слабый запах «Ванильного мускуса».

– Нет, не я.

Я застегнула ремень безопасности и включила заднюю передачу. Пока я выезжала с парковки, мы обе молчали. Ни одна из нас не проронила ни слова, пока я не свернула на Моррисон-драйв, и тогда мы обе, как по команде, фальшивя, загорланили «Ватерлоо».

Глава 22

Я вернула ключ в сейф входной двери дома в стиле «лоукантри» на острове Джеймс, где я только что гастролировала с Вероникой и Майклом. Прочно закрепив вымученную улыбку, я обернулась. Широкое крыльцо – есть. Большая кухня-гостиная – есть. Бассейн на заднем дворе – есть. Можно добраться до центра Чарльстона – есть. Потрясающий вид на болота – есть. Это был восьмой дом, который я показала этой паре в тот день. Еще один идеальный дом, согласно моей электронной таблице, который максимально удовлетворял запросам обоих. И все же придира Вероника по-прежнему колебалась, в то время как Майкл был полон энтузиазма и готов поставить на пунктирной линии свою подпись.

Когда я обернулась, Вероника выглядела слегка испуганной. Я немного расслабила мышцы щек, чтобы не быть похожей на Чеширского Кота.

– Итак, что ты думаешь? – спросила я, приготовившись услышать отказ.

– Бассейн был немного великоват, – сказала она.

– Немного великоват, – медленно повторил Майкл. Я уже привыкла к раздраженной нотке в его голосе.

– И я боюсь, что из-за того, что болото так близко, нас тут заедят комары.

Я почти слышала, как Майкл, затаив дыхание, считает до десяти. Я разжала зубы.

– Знаешь, Вероника, это Южная Каролина. Комары – это часть сделки. Задняя часть дома имеет одну из самых больших застекленных веранд, какие я когда-либо видела за свою карьеру риелтора. И получить такой вид по такой цене – неслыханная удача. Это совершенно новое объявление, но я гарантирую: этот дом через пару дней уйдет. Не думаю, что мы найдем более совершенный дом, на

который ты согласишься. Предлагаю сделать предложение о покупке уже сегодня.

Она обернулась и посмотрела на дом, на его идеально ухоженную лужайку с поросшими мхом дубами и на новую крышу.

– Я не любитель лампочек на переднем крыльце.

– Вероника… – собрался было возразить Майкл.

Я подняла руку.

– Их можно легко заменить, а по этой цене замена не будет проблемой. – Я сделала глубокий, очищающий вдох. – Послушайте, давайте сядем в машину и немного поколесим по окрестностям, чтобы вы могли подумать? Плантация Стайлз-Пойнт – один из самых популярных районов на острове Джеймс, так что теперь это не только красивый дом, но и отличное вложение денег.

Мы снова сели в машину, Вероника рядом со мной, Майкл – на заднее сиденье. Я медленно покатила по старому району с его высокими деревьями и ухоженными газонами. И пока мы ехали, я попыталась развеять густые миазмы напряжения болтовней о местной недвижимости.

– Здесь есть теннисный корт, баскетбольная площадка и парк площадью пять акров. А еще это очень близко к мосту Рэвенел, так что Линдси легко проедет шесть миль до школы менее чем за двадцать минут – в зависимости от дорожных пробок, разумеется.

Вероника молча смотрела в окно, хотя сомневаюсь, что она видела пролетавший мимо пейзаж.

– И все же я хотела бы снова поискать что-нибудь к югу от Бродстрит, – сказала она в конце концов. – Этот район мне хорошо знаком, и мне не хочется никуда уезжать из него.

– Но именно поэтому мы переезжаем, Вероника, – сказал Майкл с заднего сиденья, с трудом скрывая раздражение. – Не понимаю, зачем нам переезжать в дом на той же улице. С тем же успехом мы можем остаться в старом!

– Это вариант? – спросила Вероника, поворачивая голову к мужу. – Именно его я бы и предпочла. Ни один из этих домов, какими бы прекрасными они ни были, никогда не станет домом, в котором я выросла и который люблю.

– Послушайте, – сказала я в последней отчаянной попытке снять напряжение. – Давайте не будем торопиться. Обсудите все между

собой, а потом позвоните мне утром. Мы все устали, мы сегодня просмотрели слишком много вариантов, и нам всем не помешает хорошенько выспаться. Как говорится, утро вечера мудренее.

Я восприняла их напряженное молчание как согласие и поехала обратно в Чарльстон.

– Знаете, нет необходимости торопиться с этим решением, – сказала я, выруливая на скоростную автомагистраль острова Джеймс. – Даже если вы быстро продадите свой дом на Куин-стрит, – а я думаю, что так оно и будет, – вы всегда сможете что-то временно снять. Это даст вам время, чтобы понять, чего вам действительно хочется. – В зеркале заднего вида я встретилась взглядом с Майклом. – Кажется, Линдси как-то раз упомянула, что у вас есть рыбацкий домик на острове Салливана, верно?

– Нет, – резко сказал он и шумно втянул в себя воздух. – Я имел в виду, что он не совсем подходит для семьи или постоянного проживания. Я бы не хотел заставлять жену и дочь жить там какое-то время.

– Майкл прав, – сказала Вероника. – Я была там всего один раз. Сразу после того, как мы поженились. Домик был построен в тридцатых годах и вряд ли с тех пор ремонтировался. Там всего лишь одна комната, а в ванной нет двери. – Я услышала в ее словах улыбку. – Майкл никогда не приглашал меня туда снова, но я не в обиде. Это его мужская берлога.

Она повернулась к Майклу.

– В конце концов, в худшем случае ты мог бы ночевать в своей рыбацкой лодке, а мы с Линдси расположились бы в домике.

Я видела, что она пытается поднять настроение, но Майкл не ответил.

Вероника снова повернулась вперед и попыталась придать голосу легкость.

– Он назвал лодку «Омега-3», потому что это рыбацкая лодка. Как тебе это? По-моему, довольно остроумно.

– Даже очень. Вы двое проводите много времени на лодке? – спросила я, пытаясь избавить ее от бремени тягостного разговора.

– О нет. – Она вымучила веселый смешок. – «Омега-3» – это продолжение «мужской берлоги» Майкла. Я была на ней только раз… в тот самый, когда я все время оставалась в каюте. Скажем так, я рада

предоставить ему уединение в выходные, когда он рыбачит. Может, нам стоит поискать дом с глубоководным причалом? Мы могли бы держать лодку поблизости, а, Майкл? Научишь нас с Линдси ловить рыбу.

Майкл ничего не сказал, и в машине воцарилась неловкая тишина. Обычно я не слушаю радио с клиентами в машине, но в данном случае посчитала нужным его включить. Я повернула ручку. Салон автомобиля моментально наполнился «ха-ха-ха» – отупляющим фоновым припевом песни «О, Супермен».

* * *

Отключенный стационарный телефон в моей спальне зазвонил в три часа ночи. Он безжалостно вытряхнул меня из сна, в котором мы с Джеком стояли в саду у фонтана в окружении друзей и семьи. Это напомнило мне о нашей свадьбе, с той разницей, что на мне вместо свадебного платья было красное, а Бо играл на гитаре. Нола стояла рядом с ним и пела, и к третьему звонку телефона я поняла, что она озвучивает припев из песни «О, Супермен».

Я выбралась из постели и, волоча одеяло и сварливого Генерала Ли, прошаркала через комнату, чтобы снять трубку.

– Алло, – сказала я. Мои частые разговоры с покойной бабушкой научили меня не чувствовать себя глупо, говоря в отключенный телефон.

Далекий шум, доносящийся из трубки, навел меня на мысли о черной пустоте космоса, этакое гулкое эхо звуков звезд, вращающихся в черной бездне.

«Нола».

Звук голоса моей бабушки был больше похож на выдох, чем на слово, но я все равно ее поняла.

– Что с Нолой?

«Нола», – повторила она, и от одного только слова по моей спине пробежал холодок. Я закрыла глаза, ожидая, что она скажет дальше. Я как будто кружилась вместе со звездами, не в силах остановиться.

«Она в опасности».

Я крепче сжала трубку.

– Что ей угрожает?

Вместо ответа в телефонной трубке прозвучал лишь треск статического электричества. Я ждала, с такой силой сжимая трубку, что у меня заболели пальцы. Я уже собралась повесить трубку, когда до меня вновь донесся бабушкин голос:

«Высокий мужчина».

Раздался щелчок, а затем гудок, известив меня о том, что телефонный разговор окончен. Я быстро накинула халат и прошлепала в толстых носках в спальню Нолы. Генерал Ли увязался за мной, как будто ему тоже нужно было проверить свою старшую сестру.

Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Нола лежала на боку лицом к двери, Порги и Бесс устроились рядом ней в позе ложечки. Оба посмотрели на меня, когда Генерал Ли встал на задние лапы, чтобы убедиться, что все в порядке. Нола даже не шелохнулась, когда я подняла пса на матрас, и он прижался к обоим щенкам.

Вздохнув во сне, Нола обняла трех собак, и нежная улыбка осветила ее лицо. Я смотрела на нее, не зная, что мне делать. Может, пойти по коридору и разбудить Джека, чтобы рассказать про телефонный звонок? Едва эта мысль пришла мне в голову, как я отбросила ее, зная, что вступаю на зыбкую почву.

Вместо этого я свернулась клубком в большом клубном кресле, которое, по словам Греко, непременно требовалось Ноле, и дождалась рассвета. Лишь тогда я убедилась, что Нола в безопасности. Пока.

* * *

Пока Джек после обеда вез нас в Чарльстонский музей на Митинг-стрит на нашу встречу с Мэнди, я всю дорогу клевала носом. Даже обсуждение вчерашнего телефонного звонка моей бабушки было бессильно заставить мои глаза оставаться открытыми.

– Приехали, – сказал Джек, осторожно тряся меня за плечо.

Я подняла взгляд и увидела, что он припарковался на небольшой стоянке за зданием музея из коричневого кирпича, на последнем свободном пятачке.

– Ты самый удачливый парковщик в мире, – сказала я, отстегивая ремень безопасности.

– Обычно да, но сегодня в этом моей заслуги нет. Мэнди сказала, что зарезервирует для меня место, и оставила конус. Ты не знала, что я вышел из машины, чтобы убрать его, потому что ты храпела, как циркулярная пила.

– Я не храплю.

Джек приподнял брови:

– Как бы ты узнала, храпишь ты или нет?

– А ты как? – ответила я, тотчас пожалев о словах, которые слетели с моих губ.

– Срезала, – сказал он тихо, признавая поражение, и улыбка сползла с его лица.

Мы вышли из минивэна. У входной двери музея нас встретила хорошенькая рыжеволосая женщина лет тридцати, которую Джек представил как Мэнди Ривз. На ней было мини-платье в обтяжку – наглядное свидетельство о том, что она никогда не рожала детей, не говоря уже о близнецах. Хотя ненавистные совместные утренние пробежки с Джейн помогли мне сбросить большую часть набранного во время беременности веса, моя талия уже никогда не будет прежней.

Мэнди дружески поприветствовала нас, и я вспомнила, как Джек признался, что они когда-то встречались. Лишь заметив на ее левой руке массивное обручальное кольцо с изумрудом, я расслабилась. Что вообще-то было глупо. За время нашего недолгого брака я поняла: ничто и никто не способны разлучить нас. Кроме меня самой.

Мы последовали за Мэнди в вестибюль музея, где поднялись по лестнице под гигантским скелетом кита, свисавшим с потолка двухэтажного дома. Мэнди вела нас мимо антикварного серебра, индейских артефактов и старинного оружия, и я слышала, как бормотание голосов, поначалу звучавшее почти как слабый шепот, становилось все громче и громче. Я начала напевать Mamma Mia. Тем временем мы приблизились к выставке текстиля и моды. Здесь вокруг стеклянной витрины с расшитым бисером вечерним платьем темно-синего цвета начался всплеск бурной потусторонней активности, имевшей целью привлечь мое внимание. Вместо этого я схватила Джека за руку и замычала еще громче. Наконец Мэнди открыла дверь и провела нас внутрь.

– С вами все в порядке, Мелани? – Ее зеленые глаза смотрели на меня с тревогой.

Джек похлопал меня по руке:

– Иногда она так ведет себя, когда пытается вспомнить слова песен ABBA. Она непременно должна напевать себе под нос.

Мэнди рассмеялась:

– Какая прелесть! Моя мать тоже любит группу ABBA. Я не большая фанатка. Они определенно для людей постарше.

Она пошла дальше, как будто не осознавая, что только что намекнула, что я гожусь ей в матери. Я пыталась придумать, как дать ей понять, что я всего на десять лет старше ее, но не смогла найти подходящих слов. Джек накрыл мою руку своей ладонью и слегка прижал, как будто боялся, что я могу ударить.

– Вот мы и пришли, – сказала Мэнди, открывая еще одну дверь и заходя в пустой кабинет. Несколько картин – все с картонными защитными уголками на рамах – были прислонены к стене. Четыре небольших портрета лежали на столе лицом вниз на пленке с пузырьками.

– По идее это все произведения искусства семейства Вандерхорстов в коллекции нашего музея. Я выбрала пустой кабинет, чтобы вы могли все хорошенько рассмотреть. Только, пожалуйста, ничего не трогайте, предварительно не надев перчаток. – Она указала на коробку с резиновыми перчатками. – И ничего не выносите из этой комнаты, иначе у нас у всех будут проблемы. – Она украдкой выглянула за дверь, затем тихо закрыла ее за собой. – Я не должна этого делать, поэтому, если кто-то спросит, скажите им, что вы рассматриваете возможность крупного пожертвования.

– Понятно, – сказал Джек, подмигнув.

Бледные щеки Мэнди вспыхнули милым румянцем.

– У меня встреча через пять минут, так что я оставлю вас тут одних. Если вы закончите до окончания моей встречи, пожалуйста, заприте за собой эту дверь и попросите администратора в вестибюле сообщить мне, чтобы я могла вернуть все обратно. Не стесняйтесь фотографировать, но только без вспышки.

Мы попрощались, и она ушла. Я подождала, когда дверь закроется, и лишь тогда сказала:

– Она немного властная, тебе не кажется?

Джек улыбнулся своей фирменной улыбкой:

– А по-моему, замечательно, когда женщина не боится показать, что она главная.

Волна тепла захлестнула меня, стоило мне вспомнить, сколь замечательным он это находил. Поставив свою вместительную сумку на пол, я вытащила ручку и блокнот, а также телефон, чтобы делать снимки.

– Давай делать это систематически, – сказала я. – Двигаемся слева направо, сзади наперед. Ты держишь портрет, а я записываю имя, которое написано на табличке на раме, а потом сфотографирую. Я уже подготовила таблицу, в которой мы сможем сопоставить…

– Мелли! – прервал меня Джек.

Я подняла голову от блокнота, в котором до этого нумеровала строки.

– Что?

– Можем мы просто посмотреть на портреты? Вдруг на них есть что-то такое, что способно помочь нашему расследованию? Их всего двенадцать, так что это не займет много времени. Если мы что-то найдем, тогда мы сможем делать и все остальное. Хорошо?

Я посмотрела на портреты. Они так и просили, чтобы их систематизировали и классифицировали с помощью моих методов, которые наверняка превосходят методы любого музея.

– Пожалуй. – Я положила блокнот рядом с сумкой, взяла из коробки две пары перчаток, присела на корточки рядом с Джеком и протянула ему одну пару.

Для меня стало приятным сюрпризом, что картины были расположены в хронологическом порядке, причем самые старые – впереди. Было приятно осознавать, что, если мне когда-нибудь надоест продавать дома, я могу подумать о карьере музейного куратора. Или библиотекаря.

На первых четырех портретах были изображены самые ранние Вандерхорсты, жившие раньше в доме на Трэдд-стрит. Поскольку я жила в доме их потомков и была близко знакома с некоторыми членами их семейства, сопоставлять лица с именами на генеалогическом древе было сродни тому, как если бы я обнаружила давно ушедших родственников. С той разницей, что они не были моими родственниками и они не совсем исчезли.

Джек быстро пробежался по картинам. На одной была изображена скаковая лошадь, на другой – куст камелии в полном цвету. Затем помедлил у третьей, на которой был изображен павлин с раскинутым во всем его великолепии хвостом.

– Здесь написано Элизабет Гровнер, – сказал он.

У меня перехватило горло. Я вспомнила шпиона времен Войны за независимость, который помог мне найти рубины, закопанные на кладбище Галлен-Холл. Я подняла телефон и сделала снимок.

– В какой-то момент нам нужно будет найти способ вернуть его в Галлен-Холл, чтобы повесить рядом с портретом Элизы на лестничной клетке. Но я не намерена спрашивать Энтони. Просто не имеет смысла держать картину здесь, спрятанной в хранилище.

Я сфотографировала следующую картину. На ней был изображен Кэрролтон Вандерхорст, в жилете и бриджах колониальной эпохи – тот самый Кэрролтон, который построил мавзолей в Галлен-Холле и использовал кирпичи старого мавзолея для постройки цистерны у нашего дома на Трэдд-стрит, что теперь доставляло мне всевозможные проблемы. Он также убил своего сына, который, однако, его простил, а я даже стала свидетельницей их воссоединения. Прямо перед тем, как Марка некая сила затащила в мавзолей, а Джек едва не погиб. Джек ничего не ответил, но как только я сделала снимок, перевернул картину.

Он медленно просмотрел несколько следующих картин, зачитывая знакомые имена из восемнадцатого и девятнадцатого веков, затем остановился.

– Ага, вот на эту мы должны взглянуть повнимательнее! – Он отодвинул в сторону картины, которые мы уже просмотрели, и встал так, чтобы поднять картину, на которой был изображен офицер Конфедерации верхом на лошади и с саблей на боку. Его серые глаза строго смотрели прямо на зрителя. – «Капитан Джон Вандерхорст, первый кавалерийский полк Южной Каролины», – прочитал Джек надпись на табличке.

– Это та самая картина, которую Ивонна посоветовала нам попытаться приобрести, поскольку, по ее словам, она принадлежит дому. Это он стоял за историей с бриллиантами, – сказала я, – да и сейчас источник немалых тревог.

– А также тот, кто спас нас от финансового краха.

– Верно, – согласилась я. – Но как бы мне ни было приятно знакомство с его внучкой Луизой, мы бы избежали многих проблем, если бы он просто появился и поговорил со мной, согласен?

– Может, нам нужна доска для спиритических сеансов.

Я быстро перекрестилась, хотя и не была католичкой.

– Не говори так. Никогда. Ничего хорошего от использования доски для спиритических сеансов не было и нет. Я уверена: будь у капитана Вандерхорста желание со мной поговорить, он бы уже что-нибудь сказал. – Я прищурилась, глядя на лицо на портрете, пытаясь разгадать его секреты. – Будь в этом слухе про Алмаз Надежды хотя доля правды, он бы наверняка знал, не так ли?

Джек уже опускал портрет, чтобы вернуть его к остальным.

– Думаю, да. Но в этой истории нет правды. Поверь мне, считай я, что она есть, я бы уже подумал о доске для спиритических сеансов. Но правды в ней нет. Я уверен на все сто.

Я открыла было рот, чтобы напомнить Джеку об опасности спиритических досок, но он перебил меня:

– Эй, ты это видела?

Он положил картину обратно на стол и указал на фон, который я проглядела, так как мое внимание было приковано к лицу капитана. Джек указал на небольшое побеленное сооружение вдалеке.

– Похоже, это то место, где сейчас задний сад… видишь железную ограду? Когда был написан этот портрет, за домом был только пустырь. – Он наклонился и прищурился. – Видишь дым из трубы? Готов спорить, это кухонный домик.

Джек наклонился ближе к картине.

– Предполагаю, что капитан Вандерхорст заказал портрет. Но в большинстве заказных картин персонаж стремится продемонстрировать свои достижения, богатство или что-то еще, чем он больше всего гордится. Поправь меня, если я ошибаюсь, но из того, что я помню о генеалогическом древе Вандерхорстов, Джон умер позже на войне, но его вдова и сын Уильям остались живы.

Я надела очки и подошла ближе к картине.

– Так почему же он заказал свой портрет на лошади и в военной форме, а затем изобразил кухню, а не дом и семью? – Я наклонилась, чтобы рассмотреть картину поближе. Мое внимание привлекло нечто,

что сначала я приняла за большой коричневый камень на ступеньках кухонного домика. Мои глаза полезли на лоб. – Это собака.

– Где? – Джек наклонился ко мне, наши щеки почти соприкасались. Он был так близко, что я едва не забыла, что говорила.

Я указала:

– Вот… видишь? Если присмотреться, можно разглядеть хвост и уши. – Я выпрямилась. – Это Отис.

– Отис?

– Пес, которого я видела в гостиной, он играл с нашими собаками. И в заднем саду. Я думаю, он принадлежал девушке-призраку, преследующей Нолу. Вот откуда мы знаем, что его кличка Отис. Нола сказала, что ей так якобы сказала та девушка.

– Девушка с расплавленным лицом. Эванджелина.

Я кивнула и продолжила рассматривать картину.

– По крайней мере, мы знаем, что говорим о верном историческом периоде, поскольку мы видим Отиса в 1861 году, по-видимому, еще до пожара. Просто хотелось бы знать, где получить ответы на остальные наши вопросы. Потому что всякий раз, когда мы задаем вопрос, мы вместо ответа просто получаем еще один. – Я взяла телефон и сделала крупный план кухонного домика и собаки.

– Как я уже говорил, мы всегда находим ответы, – раздался рядом с моим ухом голос Джека. – Вот почему мы с тобой такая замечательная команда.

Наши взгляды встретились.

– Меня не нужно в этом убеждать.

Его взгляд переместился на мои губы.

– Я хочу…

В дверь постучали, и на пороге появился молодой человек в жилете, галстуке-бабочке и с «ирокезом» на голове.

– Мэнди только что послала меня спросить, не нужно ли вам что-нибудь. Может, стакан воды?

Джек отступил.

– Мне нет, но спасибо.

– Мне тоже, – сказала я. – Мы почти закончили.

– Хорошо. Меня зовут Тим, если передумаете, просто позвоните на стойку регистрации. – С этими словами Тим закрыл за собой дверь, но Джек уже переключил свое внимание на оставшиеся портреты.

– Ух ты. – Джек сел на пятки. – Это могло бы стать отличной обложкой для моей книги, будь она опубликована. – Он поднял маленькую картину, примерно три на два фута, в золоченой раме. – «Луиза Гиббс Вандерхорст, 1921 год».

Я видела черно-белые фото Луизы, но эта картина маслом передавала ее красоту и изящество красноречивее любой фотографии. Как будто художник запечатлел в красках ее дух, превратив его в трехмерное изображение, недоступное для быстрого снимка фотоаппарата. Я видела ее всего лишь как тонкую, полупрозрачную нить, но это изображение Луизы в полном цвете вернуло ее к жизни.

– Эх, будь у нас деньги, чтобы купить у музея эту картину, – сказала я. – Она должна вернуться в дом, где ей самое место, а не пылиться в какой-то кладовой, где ее никто не увидит. – Я подняла телефон и сделала снимок.

Остальные две картины были акварелями с изображением цветущих роз Луизы и дуба, который более века стоял на страже во дворе дома. На свисавших качелях сидел маленький мальчик, и, хотя табличка умалчивала, кто это такой, я знала: это Невин Вандерхорст в детстве.

– И эти тоже, – сказала я, делая последние снимки, и подошла ближе, чтобы запечатлеть мальчика на качелях. – Они – часть нашего дома и его истории. Они принадлежат дому. – Мой голос сорвался, чем удивил меня. Я почти услышала, как мистер Вандерхорст шепчет мне на ухо. Это часть истории, которую можно подержать в руке. С тех пор как считала свой унаследованный дом просто кирпичами и известковым раствором, я прошла долгий путь. И все же неким образом я позволила фундаменту рухнуть. Без Джека я больше не ощущала его семейным гнездом.

Перед моим затуманенным взором появился свежевыглаженный носовой платок. Я посмотрела на него с удивлением – не потому, что Джек носил с собой носовой платок, а потому, что я плакала.

– Все будет хорошо, Мелли. Обещаю тебе. У меня хорошее предчувствие, что победа будет за нами, а Марк будет ломать голову над вопросом, что же поразило его.

Я вытерла глаза и кивнула, отчаянно желая сказать ему, что большую часть моих часов бодрствования и сна мне не давали покоя отнюдь не наши финансы.

Пока я собиралась с мыслями, Джек расставил все картины в их прежнем порядке и, выйдя вслед за мной из кабинета, зашагал в вестибюль музея. Мэнди все еще была на совещании, поэтому мы оставили сообщение на стойке регистрации, что мы закончили. После чего молча вышли из здания музея, погруженные в собственные мысли. Я хотела знать, почему он настолько уверен, что все будет в порядке. Либо он был большим оптимистом, чем я думала, либо знал что-то такое, чего не знала я.

Джек завел двигатель фургона, но не включил передачу. Вместо этого он смотрел на лобовое стекло, как будто вид уродливых коричневых кирпичей его завораживал. Посидев так с минуту, он наконец повернулся ко мне.

– Я думаю, что это был бы почти поцелуй номер семь, если бы ты на днях не напала на меня у подножия лестницы. Так что теперь нам, возможно, следует вернуться к началу.

– Я не нападала на тебя! И даже если бы да, напала, ты уж точно бы не сопротивлялся.

Его улыбка сказала мне, что этот хитрец знал, что достиг своей цели, вытащив меня из моего мрачного настроения. Прежде чем он успел что-то сказать, его телефон запищал, известив о текстовом сообщении. Джек посмотрел вниз.

– Это от Мэнди.

Я подавила желание заглянуть через его плечо и прочитать это самой.

– Что ж, это интересно.

– Что именно?

– Кто-то из сотрудников только что сообщил ей, что есть еще одна картина из коллекции Вандерхорстов, которую мы не видели. Это небольшое полотно с изображением фонтана в их саду. Судя по всему, кто-то на время одолжил без ее ведома и согласия.

– Одолжил? Но кому, кроме нас, интересен Вандерхорст?.. – Почувствовав, как у меня пересохло в горле, я умолкла.

Он снова посмотрел на свой телефон.

– По словам Мэнди, этот некто предъявил удостоверение кинорежиссера, снимавшего в городе фильм, и пообещал в обмен на услугу второстепенную роль.

Джек повернулся ко мне. Его лицо представляло собой странную смесь отвращения и веселья.

– Марк! – хором сказали мы.

Глава 23

Я показала Ребекке очаровательное розовое присборенное платьице с чехлом для подгузника в тон. Мы были в детском бутике на Кинг-стрит в моей последней попытке убедить Ребекку, что ее вечеринка с подарками для будущего ребенка должна быть бранчем в саду – с бутербродами, пуншем, чаем и кучей милых розовых нарядов для ее малышки. А не вечеринкой для взрослых с подарками в виде нижнего белья, какую представляла себе Ребекка.

– Но ведь такие дарят на вечеринке подарков для будущего ребенка, – сказала я. – Я имею в виду, ты ведь была на подобных вечеринках, верно?

Как обычно, Ребекка была с ног до головы во всем розовато-лиловом – ее новый оттенок розового. Она взяла у меня вешалку и, быстро посмотрев на крошечное платьице, вернула его на кронштейн.

– Конечно, была. Сотню раз. И когда мы встретились, чтобы обсудить мою, я подумала, что это то, чего мне хочется. Но я передумала. Такие вечеринки предназначены для более зрелых матерей. Как ты. Мне хочется чего-то более… уникального. Что-то помоложе. Кроме того, я хочу сама планировать, что будет носить мой ребенок, а не вещи, выбранные кем-то другим.

Я пропустила мимо ушей подначку по поводу «более зрелых матерей» и вытащила белые ползунки с люверсами и продетой посередине атласной лентой.

– Но ведь именно это делает вечеринку особенной – вспоминать, кто что подарил твоей малышке, когда ты будешь ее одевать.

Ребекка взяла из моей руки ползунки и вернула обратно, даже не взглянув на них.

– Извини, Мелани. Я уже решила. – Она погладила свой слегка округлившийся животик. – Кроме того, я уже купила здесь малютке Орешку все, что она будет носить в течение первого года жизни, и ей больше ничего не нужно. Что мне действительно нужно, так это

нижнее белье, чтобы оживить обстановку в спальне. – Она отвела глаза. Ее плечи поникли. – Пойдем. Давай заглянем в «Секрет Виктории», раз уж мы с тобой в центре города, а завтра поедем в Маунт-Плезант. Я обожаю магазин «Обрывки кружев». У них всегда есть то, что нужно. Я могу сделать заказы в обоих местах.

Я вышла за ней на запруженный тротуар Кинг-стрит. Для маленькой беременной женщины она шла быстро, и я была вынуждена почти перейти на бег, чтобы догнать ее. Я схватила ее за локоть и заставила остановиться:

– К чему все это?

Она отвела глаза в сторону:

– Не понимаю, о чем ты.

Я подошла ближе к витрине магазина, чтобы нас не толкали прохожие.

– Ты сказала, что хочешь «оживить обстановку в спальне». – Я наклонилась ближе и понизила голос. – Марк снова тебе изменяет? – Я пыталась придумать более деликатный способ задать этот вопрос, но Ребекка никогда не понимала нюансов.

Она прижала ладони к своему лиловому животу. Она ничего не сказала, но глаза ее увлажнились от слез, кончик носа покраснел. В конце концов она кивнула. Всего один раз, но этого было достаточно.

Несмотря на наши несколько переменчивые отношения и тот факт, что она добровольно вышла замуж за Марка Лонго, мне было ее жаль. Жаль, что в это мгновение с нами не было моей матери или Джейн. Они бы справились с этим лучше меня.

– Ребекка, сексуальное белье не исправит ваш брак. Ты ведь это и сама прекрасно знаешь, верно?

Она вырвалась от меня.

– Откуда ты знаешь, как исправить брак? Я не вижу вас с Джеком снова вместе, не так ли?

Я затаила дыхание, хотя бы для того, чтобы не ляпнуть первое, что придет мне в голову, и вместо этого задействовала новую Мелани.

– Ты права. У нас с Джеком все еще есть проблемы. И ты, возможно, не захочешь меня слушать. Но я точно знаю одно: несмотря ни на что, мы с Джеком любим друг друга. Мы оба хотим, чтобы все наладилось, и в конечном итоге мы будем вместе. Я также знаю, что ни

один из нас никогда не стал бы искать утешения с другим человеком. Это не то, что делает пара, преданная своему браку.

Резкими движениями она вытащила из сумочки розовую салфетку и промокнула глаза.

– Ты ничего не знаешь. Я люблю Марка. И я знаю, что он любит меня. Просто, – она посмотрела на свой живот, – сейчас он не находит меня привлекательной. Вот почему мне нужна вечеринка в сексуальном белье.

Не желая пинать ее, пока она лежала, я не упомянула, что в первый раз, когда Марк ей изменил, она не была беременна. Обернувшись по сторонам, я увидела, как группа туристов замедлила шаг, чтобы посмотреть, как беременная женщина закатывает истерику на тротуаре. Осторожно взяв Ребекку за руку, я повела ее по улице к Чарлстон-плейс и усадила на уединенную скамейку в вестибюле у окна. Из соседней кофейни доносились ароматы кофе, и я поняла, что не смогу вести разговор с Ребеккой на пустой желудок.

– Пойду возьму себе кофе. Могу принести и тебе, без кофеина, конечно?

Ребекка кивнула:

– И вазочку с фруктовым салатом.

Я направилась в кафе, но она окликнула меня:

– Нет, поменяй его на булочки. И шоколадный батончик.

Я вернулась с двумя порциями – не хотела, чтобы Ребекка ела одна. Подождав, пока она откусит первый кусочек круассана, я сказала:

– Не хочу быть прямолинейной, но кому-то это нужно. Будь Марк предан тебе и вашему браку, он бы тебе не изменял.

Ее глаза вновь наполнились слезами.

– Но кто может винить его? Я стала огромная, словно кит!

Я вспомнила, сколько раз Джек говорил мне, что я прекрасна, когда я была беременна близнецами, и к моим глазам подкатились предательские слезы.

– Неправда. Во-первых, твой живот почти не виден. А твои лодыжки даже не опухли.

Она посмотрела на мои ноги и кивнула:

– Слава богу. Я помню, какими огромными были твои. Словно тумбы. Думаю, я должна быть благодарна, что это не наследственное.

– Спасибо, что помнишь, – сказала я. – Но я хочу сказать, что независимо от того, как ты выглядишь, это не причина, чтобы Марк тебе изменял. Ты носишь его ребенка. Уже одно это должно сделать тебя для него самой красивой женщиной в мире. – Я умолкла, пытаясь как-то смягчить свои слова, но поняла: прямолинейность – единственный способ донести до нее мою мысль. – Ребекка, если бы Марк по-настоящему любил тебя, он обрел бы все, что ему нужно, с тобой и твоим ребенком.

Вместо новых слез на ее тонких чертах отразилась мрачная решимость.

– Он просто в замешательстве. Вот и все. И стресс от съемок просто убивает его. Половина съемочной группы уволилась, и несколько продюсеров угрожают уйти из-за вызванных этим задержек. – Она сердито посмотрела на меня. – Не думай, будто я не знаю, что за всем этим стоите вы с Джеком. У нас был договор, помнишь?

– Как я уже сказала Марку и как ты прекрасно знаешь, я не могу контролировать то, что происходит в этом доме. И кроме нескольких случайных сбоев электричества мне больше ни о чем не известно.

– О да, эти «случайные сбои» привели к серьезным задержкам. – Она яростно прожевала свой второй круассан и сделала глоток кофе. – Марк изо всех сил старается молчать об этом, потому что не хочет расстраивать Харви, который уже на полпути к тому, чтобы прекратить съемки. Кэтрин Хейгл только что вышла из проекта, потому что у нее плотный график, чтобы начать свой следующий фильм, и не может участвовать сразу в двух, что на данный момент практически неизбежно, потому что они сильно отстают от графика. Роб Лоу тоже начинает шуметь, что заставляет всех продюсеров нервничать. А без этих двух громких имен весь проект окажется под угрозой.

– Не могу сказать, что сожалею. Зато могу сказать, что я не имею к этому ни малейшего отношения. Джек тоже.

Ребекка взялась разворачивать батончик «Сникерс», раздирая обертку острыми, накрашенными розовым лаком ноготками.

– И эти гадкие статьи в газете. Я вчера за обедом встретила Сьюзи Дорф. Мы мило поболтали.

Я сохраняла нейтральное выражение лица. Ребекка и Сьюзи когда-то вместе работали в газете, так что было логично, что они

поддерживали связь. Но все равно я начала нервничать.

– И что она сказала?

– Она сказала мне, что все, что она написала, это полностью ее дело, без какого-либо принуждения со стороны тебя или Джека. – Ребекка поджала губы. – Так я ей и поверила, конечно! – Ее губы растянулись в полуулыбке. – Мы даже хотели было подать на нее в суд за клевету, но все эти негативные отзывы о его книге привели к реальному росту продаж. Магазину пришлось заказать еще три коробки, чтобы удовлетворить возросший спрос.

– Как мило, – сказала я, делая глоток кофе, чтобы смыть кислый привкус во рту. – Я могу только обещать тебе, что я не вкладывала в уста Сьюзи никаких слов. Мы сделали короткое интервью о том, что моя семья пережила за время съемок, но все остальное – результат ее собственных изысканий.

– Я почти могла бы поверить тебе, но… – Она посмотрела на меня настороженными, заплаканными глазами. – Я не должна тебе этого говорить. Марк возненавидел бы меня еще больше. – Она икнула.

Я поборола в себе искушение сказать ей, что если она думает, что муж ее ненавидит, то ее брак в худшем состоянии, чем ей кажется.

– Послушай, Ребекка. Мы же семья, верно? – Я чуть не прикусила язык, говоря это, но я надеялась, что это единственное, что заставит ее выслушать меня. – Я пытаюсь помочь тебе. Я просто предполагаю, что Марк… возможно, не тот человек, кем ты его считаешь. Или не тот муж, каким ему положено быть.

Из ее огромных голубых глаз хлынули новые слезы.

– Неправда. Я это точно знаю. – Она покачала головой, как будто проясняя ее. – И я знаю, что ты стоишь за всем остальным, что происходит в доме. Признайся.

– Поверь мне, Ребекка. Я понятия не имею, о чем ты.

– Имеешь, и какое! Каждый раз, когда Марк или кто-то из съемочной группы подходит к лестнице, когда Джейн находится там с близнецами, их отталкивают чьи-то ледяные руки. Первый парень уволился после того, как сломал при падении палец, так что не похоже, что он все выдумал.

– Может, он просто неуклюжий? – спросила я, изобразив надежду.

– А те другие трое парней, которые говорят то же самое? Они тоже неуклюжие?

Прежде чем я смогла придумать правдоподобное объяснение, Ребекка продолжила:

– И кто бы это ни был, он не подпускает Марка к напольным часам. По его словам, всякий раз, когда он входит в гостиную, волосы у него встают дыбом. Он чувствует, как чьи-то руки хватают его за рубашку и тянут прочь всякий раз, когда он оказывается на расстоянии пяти футов от часов.

Я ничего не сказала, но была уверена: Луиза защищает детей и не пустит на лестницу никого из посторонних людей. Скорее всего, неполадки с электричеством тоже были ее проделками. Это был ее способ показать свое недовольство по поводу вторжения в ее дом. Что касается того, кто не давал Марку подходить слишком близко к напольным часам, то у меня имелись свои теории. Я невольно вспомнила девушку с расплавленным лицом и ее собаку по кличке Отис. Я уже видела ее в гостиной с Нолой. Просто не смогла понять почему.

Я сделала глубокий вдох. Если я хотела вызвать ее на откровенность, мне следовало ответить взаимностью.

– Во-первых, Марку нечего возиться с часами. Да, я признаю, что я… общалась с Луизой. Она всегда защищала моих детей, и я дала ей ясно понять, что она получила мое полное одобрение на весь период съемок. Если она слегка… переусердствовала, я не намерена ее останавливать. Возможно, когда ты станешь матерью, ты поймешь.

Она всхлипнула и снова промокнула глаза салфеткой.

– Почему Марк ничего мне не сказал, если он думает, что я виновата? – осторожно спросила я.

Ребекка ответила не сразу:

– Я не уверена. Я спросила его о том же. И он… – Она умолкла.

– Что он?

Она посмотрела на крошки и обрывки обертки на салфетке у себя на коленях и покачала головой.

– Я не смогу тебе помочь, Ребекка, если ты мне все не расскажешь.

Она судорожно вздохнула и посмотрела мне в глаза:

– Он… улыбнулся. Но не своей обычной приветливой улыбкой.

Я хотела спросить у нее, говорим ли мы об одном и том же Марке Лонго, но не стала ее прерывать.

– Он сказал мне, чтобы я не волновалась об этом, что у него все под контролем и для меня на первом месте должно быть вынашивание нашего ребенка. Что, согласись, довольно мило с его стороны, но ведь я не зря когда-то была журналисткой и, полагаю, всегда ею буду, поэтому я продолжила задавать вопросы.

Я прикусила губу, лишь бы не возразить ей, что комментарий Марка женоненавистнический, а вовсе не «милый», и потому промолчала, но моя нога предательски подергивалась от нетерпения.

Ребекка между тем продолжила:

– Поэтому я продолжила спрашивать. Он всегда ужасно гордится собой, когда ему удается что-то выяснить, поэтому я знала: заставить его рассказать мне будет несложно. Ему слишком сложно держать это в себе. Он такой умный человек, и я не могу винить его за то, что ему хочется поделиться частью своей гениальности, понимаешь?

Я подумала, что моя губа начнет кровоточить, если я буду и дальше кусать ее. Вместо этого я вымучила улыбку и кивнула, но моя нога продолжала нервно подергиваться.

– В любом случае он сказал, что нашел некое доказательство существования чего-то ценного. Такого, что, по его словам, избавит нас от долгов и обеспечит наше финансовое будущее. – Она посмотрела мне в глаза и сглотнула.

– Что еще он сказал, Ребекка? Что-нибудь, что я должна знать?

Было видно, что она колеблется, отчаянно разрываясь между своей верностью Марку и верностью семье. Но только один из нас изменял ей.

– Как будущая крестная мать Орешка и как член семьи? – Я не собиралась опускаться и разыгрывать эту карту, но Марк и его махинации всегда пробуждали во мне самое худшее.

Она оглядела шумный холл – покупателей, туристов и постояльцев отеля, что неторопливо прогуливались перед нами, пребывая в блаженном неведении о личной драме, что разворачивалась на скамейке в углу.

– Он сказал мне, что успех фильма не будет иметь значения, – сказала Ребекка, понизив голос, – и нам не понадобится ваша финансовая поддержка. Что мы будем свободны от всех наших долгов и любых обязательств перед тобой и Джеком.

Я села прямо, пирожные, которые я съела, остались лежать у меня в желудке этаким комком сырого теста.

– Он сказал тебе, что это было? – спросила я с напускным спокойствием.

Ребекка покачала головой:

– Я почти уверена, что это как-то связано со старой картиной, которая его так взволновала, но больше он мне ничего не сказал. Он поставил ее в своем кабинете, чтобы я на нее не смотрела. Возможно, это недавно обнаруженный Рембрандт или что-то в этом роде. Я не знаю, и я устала спрашивать. Честно говоря, я не против, чтобы он взял ответственность на себя. Носить под сердцем ребенка – тяжелая работа, и я так измотана, что едва могу думать.

– Попробуй выносить двух детей, работая полный рабочий день, – пробормотала я.

– Извини. Что ты сказала?

– Ничего важного. Как ты думаешь, не могла бы ты снять ее на свой телефон и отправить мне? Может, я помогу тебе разобраться.

– Серьезно, Мелани? Возможно, у меня и вправду мозг беременной, но я еще не полностью утратила здравый смысл. Если ты хочешь ее увидеть, спроси у Марка. Но я почти уверена, что он по какой-то причине держит это в тайне.

– Может, и спрошу. – Я сделала еще один глоток кофе и изобразила задумчивый вид. – Кстати, ты, случайно, не в курсе, просматривает Марк какие-либо блоги или веб-сайты, посвященные поиску сокровищ?

– О, определенно! Он говорит, что это его любимое занятие.

– И мое тоже! Думаю, причиной этому вся эта история с бриллиантами в моих часах. Есть чем заняться, когда не могу уснуть. Но имени Марка я не видела. Он пишет под псевдонимом? Например, Черная Борода?

– Черная Борода? – сказала она и рассмеялась. – Нет. Я сказала ему, что он должен взять себе уникальное имя.

Я мысленно прошлась по всем именам, которые видела в различных блогах и чатах, какие я просмотрела за последние недели, пытаясь вспомнить хоть одно, которое бы заставило меня подумать о Марке Лонго, но так ничего и не вспомнила.

– Например, какое?

– Джонатан Голдсмит.

Наверно, я несколько раз моргнула.

– Извини, а кто такой Джонатан Голдсмит?

– Марк выбрал это имя, потому что для его понимания нужен человек с соответствующим интеллектом.

– Ты имеешь в виду, как у третьеклассника? – не сдержавшись, ляпнула я. Я уже устала следить за своим языком.

Похоже, она не обиделась.

– Вы с Джеком просто не понимаете Марка. Вот почему вы не ладите с ним. Просто Марк мыслит и действует на отдельном интеллектуальном уровне, который другим трудно понять.

На мгновение я подумала, не подмешал ли ей кто-то в кофе какое-то зелье, но потом остановилась на мысли о том, что любовь действительно может быть слепа.

– Так кто такой Джонатан Голдсмит?

– Это актер, сыгравший Самого Интересного Человека в Мире в рекламе пива. Помнишь? И это так в духе Марка.

– Потому что он любит пиво? – предположила я.

– Нет, Мелани, потому что он действительно самый интересный и обаятельный мужчина на планете.

Услышав такое описание Марка, я почувствовала, как мой желудок скрутило, и была несказанно рада, что мы всего в двух шагах от туалетов.

– Ну что ж, – сказала я, глотая подступившую к горлу желчь, – думаю, это лучше, чем Черная Борода.

Я начала собирать мусор, чтобы выбросить его. Заодно я сделала мысленную пометку просмотреть все блоги и группы чата, чтобы найти Джонатана Голдсмита и узнать, что он пишет.

Я взяла Ребекку за локоть и помогла встать, а затем подождала, пока она аккуратно стряхнет крошки с колен.

– Итак, что ты собираешься делать теперь?

Она вскинула подбородок:

– То же самое, что и ты. Я собираюсь починить свой брак, а это значит, что я хочу вечеринку в сексуальном белье. Мы все еще можем провести ее в вашем саду, причем в ту же самую дату. Я уверена, что Марк с радостью подстроит под нас график съемок.

Я пристально посмотрела на нее, чтобы убедиться, что она не сошла с ума. Ее слегка покрасневшие глаза спокойно смотрели на меня.

– Ребекка…

Она перебила меня:

– Как я, кажется, уже говорила, согласись, ты не в том положении, чтобы давать кому-либо советы по вопросам брака. Ты обещала устроить мне праздник подарков для малыша, помнишь?

– Да, но… – Я умолкла. У меня в голове сформировалась идея. – Знаешь, ты права, – сказала я вместо этого. – Я обещала. И, если ты не против, я хотела бы попросить маму и Джейн помочь мне. Они гораздо лучше меня понимают в вечеринках. Я могу взять на себя всю необходимую организацию, а они добавят блеска.

От волнения ее глаза стали как блюдца, и она хлопнула в ладоши:

– Обожаю блеск! Вот видишь? Я знала, со временем ты признаешь мою правоту! И чем дальше, тем веселее, говорю я. Когда и где мы встретимся, чтобы все спланировать?

Я вытащила свои многочисленные календари и перепроверила.

– Как насчет следующей пятницы, в полдень, у тебя дома? Марк весь день будет на съемках в нашем доме, и у вас будет хорошо и тихо. Я на всякий случай спрошу у Джейн и матери, а также у отца, чтобы кто-то присмотрел за близнецами, но думаю, это не будет проблемой. И поскольку я не хочу, чтобы ты даже пальцем пошевелила, я принесу вкусняшек из «Барбекю Родни Скотта», и мы поедим, пока будем вести наш разговор.

Ее глаза загорелись.

– И даже пончики? – Ее эклектичный вкус в пищевых сочетаниях подтверждал наши кровные узы.

– Конечно. – До беременности Ребекка ела исключительно свежие овощи, не употребляла сахар и мясо. Было приятно узнать, что даже она может быть нормальной.

– Мне привести Генерала Ли и щенков? Так сказать, воссоединить семью, чтобы они поиграли вместе?

Она снова хлопнула в ладоши, временно забыв о своей тревоге по поводу Марка:

– Это было бы мило! Я нащелкаю фоток для своей страницы в Инсте. Я пытаюсь стать инфлюенсером. У меня уже две тысячи

подписчиков!

– Отлично, – сказала я, не имея ни малейшего понятия, о чем она.

У меня имелся аккаунт в Инстаграме, который меня убедила завести Кэтрин Хименес, чтобы публиковать объявления о продаже домов. Я даже платила Ноле за то, чтобы она делала посты с симпатичными небольшими рекламными объявлениями и добавляла к ним ссылки на веб-сайт «Бюро недвижимости Гендерсона» и мой телефонный номер. Такое сотрудничество было выгодно нам обеим.

Мы вместе направились к красному кабриолету Ребекки, который она припарковала в пристроенном гараже. Она собиралась ехать домой, чтобы вздремнуть, но по дороге подбросить меня до моего офиса на Брод-стрит. Она остановилась у тротуара перед «Бюро недвижимости Гендерсона», и я открыла дверь, чтобы выйти, но она потянула меня назад.

– Я солгала тебе, – сказала она, схватив меня за рукав пальто.

Я снова села.

– О чем?

– О том, что я больше не вижу снов. У меня их не было с тех пор, как я забеременела, но последний сон приснился мне прямо перед тем, как я об этом узнала. Он не имел ничего общего с теми снами, которые мне тогда снились, про то, что Джек похоронен заживо, так что он вылетел у меня из головы.

Я глубоко вздохнула и приготовилась.

– Хорошо. Так о чем он был?

Ребекка закрыла глаза:

– Она лежала на полу в гостиной. На спине. Перед высокими часами, и казалось, что она пыталась поместиться под ними. Но потом… – Она широко распахнула глаза. – Но потом появилась высокая тень. Думаю, это был мужчина. Он толкал часы. А потом, – она потерла виски, – те упали на нее. Они ее раздавили.

По моим жилам пробежал ледяной поток.

– Кого раздавили, Ребекка?

Она посмотрела на меня огромными от шока глазами:

– Нолу.

* * *

Я сидела на веранде в кресле-качалке и потягивала бокал вина, любезно предоставленный миссис Хулихан перед тем, как ей уйти домой. Обычно я пила только на вечеринках или по особым случаям и никогда одна. И уж точно не сидя на моем крыльце, где меня мог увидеть Джек. Он давно не брал в рот ни капли, но у него все еще бывали моменты, когда его трезвость подвергалась испытанию полными стресса событиями. А их в последние годы было довольно много, включая крах его карьеры и кризис нашего брака, и это далеко не полный перечень. К счастью, я могла взять на себя ответственность лишь за одно из них.

Но, проведя весь день в обществе Ребекки плюс выслушав ее откровение про ее последний сон, мне требовалось нечто такое, что успокоило бы мои нервы и я могла бы поговорить с Джеком. И не только о том, что сказала мне Ребекка.

Я сидела, закутавшись в пальто и в два одеяла, – одно принесенное миссис Хулихан вместе с вином, – пока заходящее солнце хватало дневное тепло и утаскивало его за горизонт. Я умиротворенно вдыхала холодный воздух. Для весеннего туристического сезона было еще слишком рано, и на улице стояла тишина. Ее нарушало лишь еле слышное звяканье жетонов, когда владельцы в конце дня выводили своих собак на прогулку.

Несмотря на тишину, у меня не получалось собраться с мыслями. Чарльстон ждал прихода весны, набухшие бутоны глицинии и жасмина были готовы распуститься в садах и подоконниках по всему Священному городу. Я тоже ощущала себя подвешенной в ожидании… чего-то. Возможно, это нечто было ключом к тому, что случилось с Адриенной. Или чему-то такому, что, по мнению Марка, могло решить его финансовые проблемы. Или же это было неуловимое озарение, которое помогло бы мне решить нашу с Джеком размолвку. Как глаз урагана, я оставалась неподвижной, а мир кружился вокруг меня, то и дело меняя направления, пока я ждала, где наконец окажусь.

Услышав шорох шин приближающейся одинокой машины, я села и напрягла зрение, чтобы посмотреть на улицу. Я тотчас узнала машину Джека, и моя кровь заструилась по венам чуть быстрее. Поскольку съемочная группа уже уехала, Джек припарковал свой фургон у подъездной дорожки. Я сделала медленный глоток вина, наблюдая за ним. Он вышел из фургона и, подойдя к дому, поднялся по

ступеням веранды. Хотя наступили сумерки, а внешнее освещение еще не включили, он знал о моем присутствии так же, как и я знала о его. Он остановился и посмотрел на меня. Его голубые глаза встретились с моими, и я вновь ощутила знакомый электрический разряд.

– Добрый вечер, миссис Тренхольм.

От одного только звука его голоса, когда он это сказал, меня прошиб пот.

– Привет, Джек. – Слушая, как он взбегает по деревянным ступеням веранды, я ждала, когда он войдет в дверь, чтобы за это время собрать нервы в кулак и замедлить сердцебиение.

Он прошел через веранду и, поставив у своих ног набитый рюкзак и маленькую белую сумку, сел в кресло-качалку рядом со мной.

– Извини, я немного опоздал. Я потерял счет времени, занимаясь в библиотеке исследованиями, а потом мне пришлось выполнить поручение. Я пропустил время купания малышей?

Я подняла руки, чтобы приподнять одеяла и расстегнуть пальто и показать ему огромное мокрое пятно на моей блузке.

– Да, но я обещаю тебе, что завтра близнецы снова испачкаются, так что у тебя будет еще один шанс. Миссис Хулихан поставила наш ужин в духовку, чтобы мы могли поесть вместе, а Нола в своей комнате готовится к тесту для поступления в колледж. Она слегка паникует.

Зная, что он наблюдает за каждым моим движением, я сделала еще один глоток вина.

– Я купила ей в магазине «Пандора» талисман на удачу в виде четырехлистного клевера, чтобы перед тестом она повесила его на браслет.

Лицо Джека осветила медленная улыбка. Он наклонился и, взяв маленькую сумку для покупок, поднял ее достаточно близко к моему лицу, чтобы я узнала логотип «Пандора».

– Я тоже.

Меня окутало нежное тепло, и не только от вина.

– Я могу обменять свой на что-то другое.

– Не надо.

Я с удивлением посмотрела на него:

– Почему нет?

Джек задумчиво почесал подбородок:

– Чтобы она знала, что мы хотя бы едины в своих чувствах к ней. Что, несмотря ни на что, мы оба заботимся о ее безопасности.

Я посмотрела в свой бокал и быстро заморгала:

– Мы не должны выпускать ее из поля зрения. Последний сон Ребекки был про Нолу. Высокая тень толкала часы прямо на нее. Нам нужно поговорить с ней, сказать ей, чтобы она держалась подальше от часов, пока мы не выясним это.

– Согласен.

Я кивнула и сделала еще глоток вина:

– Как прошел день? Хорошо продвигается твое исследование?

– Даже очень. – Он умолк, и на мгновение я подумала, что он наконец расскажет мне больше. Вместо этого он спросил: – А как прошел твой день?

Я откинулась на спинку кресла и начала раскачиваться.

– Большую часть времени я провела с Ребеккой, что уже говорит само за себя. Тем не менее у меня был с ней интересный разговор, и я узнала кое-что, что может оказаться нам полезными, а может, и нет.

В тусклом свете было видно, как он недоуменно поднял бровь.

– Ник Марка в чатах и блогах, посвященных поиску сокровищ, – не Черная Борода. А Джонатан Голдсмит.

– Ты имеешь в виду Самого Интересного Человека в Мире?

Я удивленно уставилась на него:

– Как ты это узнал?

Он пожал плечами:

– А как все другие?

Чтобы не отвечать, я сказала:

– Я просмотрела все сохраненные чаты и прочитала блоги, и он не самый разговорчивый из участников. Он никогда не добавляет ничего нового в обсуждаемую тему, зато задает массу вопросов. Существует определенный водораздел между теми, кто верит в существование недостающей половины Алмаза Надежды, и теми, кто в нее не верит. И мистер Голдсмит, насколько я могу судить, на стороне верующих.

Джек ничего не сказал, лишь медленно раскачивался взад-вперед. Его кресло скрипело под ним о половицы, словно старые кости.

– А ты, Джек? Ты начинаешь менять свое мнение?

Он продолжал молча раскачиваться.

– Джек?

Вздрогнув, он повернулся ко мне:

– Извини. Что ты сказала?

– Я спросила тебя, начал ли ты менять свое мнение относительно существования близнеца Алмаза Надежды.

Он ответил не сразу:

– Я следил за всей болтовней в Интернете, и некоторые доказательства весьма убедительны, особенно теории, о которых говорил Черная Борода. Но наверняка я знаю одно: мы с тобой тщательно обыскали весь дом и ничего не нашли. И я уверен, что Марк сделал то же самое в Галлен-Холле, когда искал рубины. Мы ничего не нашли. – Он пожал плечами. – Я бы с удовольствием поверил, что это правда, но убедительных доказательств просто нет, а даже если они когда-то и существовали, то давно канули в Лету.

Я подняла свой бокал и с удивлением обнаружила, что он уже пуст.

– Ребекка также сказала мне, что Марк нашел нечто такое, что, по его мнению, решит все их финансовые проблемы. По ее мнению, это как-то связано с картиной, которую он принес домой. Не буду даже утруждать себя предположением, что это совпадение с нашей пропавшей картиной.

Он молчал, и я подумала, что он снова меня не услышал. Я хотела было повторить сказанное, но он заговорил:

– Думаю, что возможно все. Мы не можем знать точно, пока не увидим ее своими глазами.

Я улыбнулась:

– Что ж, значит, нам повезло. Я договорилась встретиться с Ребеккой в следующую пятницу по поводу праздника детских подарков. Я пригласила мать и Джейн в качестве отвлекающей приманки, а отца попрошу быть в дедушкином патруле, чтобы самой немного пошпионить.

– Похоже на план. – Лицо Джека оставалось серьезным. Он наклонился вперед и, упершись локтями в колени, сцепил руки перед собой.

– Я думала, ты будешь в большем восторге, – с упреком сказала я.

– Наверно, я скорее заинтересован, нежели взволнован. Как я уже сказал, успех этого фильма и счастливое выполнение нашего договора с Марком становятся все менее и менее важными.

– Не хочешь сказать почему? Раньше ты мне все рассказывал. Ты даже говорил, что вместе мы отличная команда. Что изменилось?

Уже совсем стемнело, но я почувствовала на себе его пристальный взгляд.

– Хотел бы я знать ответ, Мелли. Честное слово.

– Это когда ты говоришь: «Это я, а не ты»?

Джек встал, взял сумку и рюкзак.

– Я устал, – сказал он. – Слишком устал, чтобы вести сейчас этот разговор. Хочу лечь спать пораньше.

Я прекрасно знала: это не приглашение, как то бывало когда-то.

– Ты не будешь есть? – спросила я, пытаясь выиграть время.

Он остановился у моего стула и, помешкав мгновение, наклонился и поцеловал меня в щеку.

– Поешь без меня. Я не голоден.

Он пытался выпрямиться. И я потянула его за руку.

– Пожалуйста, Джек. Чего ты мне не говоришь? Мне следует беспокоиться?

– Нет, Мелли. Мне просто нужно еще немного времени, чтобы во всем разобраться. Я работаю над чем-то большим и пока не готов об этом говорить. Ни с кем.

Его слова задели меня за живое.

– Но я не кто-нибудь, Джек. Я твоя жена.

Он припал губами к моим губам и нежно поцеловал.

– Я знаю. Разве такое можно забыть.

Он отстранился и пару секунд постоял надо мной, затем открыл входную дверь и дал ей мягко закрыться за ним.

Глава 24

«Мелани». В следующий вторник я села в постели, резко вырванная из тяжелого сна. Кто-то звал меня по имени. Я потянулась к лампе на прикроватной тумбочке и, включив ее, лихорадочно оглядела комнату.

– Джек? – сказала я скорее для самоуспокоения, ибо это определенно был женский голос.

«Мелани».

У голоса не было никакого источника. Казалось, он исходил из моей головы и окружающего меня воздуха. На моих глазах дверь со скрипом приоткрылась, – за ней было лишь пустое пространство и освещенный ночником коридор. Только тогда я узнала пронзительный аромат роз и поняла, кто это был.

Я взглянула на радионяню: Джей-Джей и Сара крепко спали, ночник в их спальне освещал крепко сжатый в кулачке Джей-Джея венчик. Я быстро сделала мысленную пометку спросить их педиатра, нормально ли это, но так же быстро отбросила эту мысль. Для нашей семьи слово «нормальный» имело собственное значение.

Вспомнив сон Ребекки, я вскочила с кровати, оставив Генерала Ли храпеть на подушке Джека, и поспешила по коридору к спальне Нолы. Ее дверь стояла нараспашку. Из дверного проема открывался вид на пустую кровать Нолы – без признаков ее самой или двух собак.

Из-под закрытой двери Джека выбивался свет, в тишине дома стук пальцев по клавиатуре компьютера было сродни грому аплодисментов. Я посмотрела на лестницу. Слова Ребекки кричали в моей голове о тени высокого человека, который опрокинул часы и раздавил Нолу.

Я сбежала вниз по лестнице и, наступив на последней ступеньке на подол ночной рубашки и чуть не упав, влетела в гостиную, где почти столкнулась с Нолой.

– Мелани? Ты в порядке?

Я кивнула, оглядываясь в поисках высокой тени, но увидела только Порги и Бесс, резвящихся с каким-то невидимым дружком.

– А ты? – спросила я, повернувшись к Ноле. – Ты не должна находиться рядом с этими часами, помнишь? Даже если Ребекка и не может считаться надежным источником, ее сны обычно сбываются.

– Верно. Я знаю. Держитесь подальше от высоких мужчин и напольных часов. Но мне пришлось спуститься вниз, потому что часы били как сумасшедшие – около пятидесяти раз, – и я решила посмотреть, смогу ли я их остановить. Разве ты не слышала?

Я покачала головой:

– Должно быть, теперь я невосприимчива к их бою. Но то, что они били не переставая, должно было разбудить меня. Как тебе удалось их остановить?

Нола расправила плечи под потрепанной футболкой с надписью «Вампирский уик-энд».

– Они просто… умолкли сами. Как только я вошла в комнату. И увидела это. – Нола подняла какой-то предмет, но я уже ощутила запах гари и дыма.

Меня тотчас прошиб холодный пот.

– Где это было?

– Она… вернее, оно… лежало на полу лицом вверх и было наполовину засунуто в узкое пространство под часами.

Я передернулась, чувствуя в горле привкус пепла.

– Гм, скажи, доктор Уоллен-Араси, случайно, не заходила вчера, чтобы его вернуть? – Я знала: с моей стороны это было попыткой выдать желаемое за действительное, но я должна была попытаться.

– Понятия не имею. Я давно его не видела. Только сейчас, когда случайно пнула ногой. Между прочим, было довольно больно.

Я вздрогнула, ощутив в глубине горла привкус пепла.

– Не сомневаюсь. – Я вздрогнула в ночной рубашке и пожалела, что не накинула халат. – Ты снова видела девушку? Ту, что с расплавленным лицом?

Она явно колебалась.

– Не совсем. Скорее почувствовала ее присутствие. Например, как папа знает, что ты рядом, еще до того, как увидит тебя.

Когда я не ответила, она сказала:

– Я не слепая. Ты делаешь то же самое, когда папа рядом. Можно подумать, такое можно скрыть. Особенно от меня. Я пишу музыку и тексты. Я более тонко чувствую человеческую природу, чем большинство людей. – Она пожала плечами, как будто это не имело большого значения. – Ты ведь можешь разговаривать с мертвыми. Просто мы так устроены, так почему бы нам не извлечь из своих талантов максимум выгоды?

Я пристально посмотрела на нее в тусклом свете из окон.

– Ты уверена, что тебе всего шестнадцать?

– И скоро будет семнадцать. – В ответ на мой намек на наш любимый фильм, который мы посмотрели вместе как минимум шесть раз, она рассмеялась, но затем ее лицо стало серьезным. – Просто я хочу, чтобы вы с папой помирились. Вы – два сапога пара или что-то в этом роде. Никаких замен не будет, и все это знают. Кроме вас двоих, кажется.

– Я это знаю. Джек тоже. Ему просто нужно больше времени. – Я сказала это для успокоения, хотя и не была уверена, чьего – его или меня самой.

Она пару секунд молчала, обдумывая слова.

– Я всегда смотрела на тебя, на мою бабушку и Джинетт, чтобы на вашем примере научиться быть сильной женщиной.

– Я не… – начала была я.

– Да. Ты сильная. Мы все порой терпим неудачу. Но ты никогда не сдаешься. По-моему, это полный улет.

– Что-что?

– Очень круто, – перевела она. – Но только… – Она посмотрела на Замороженную Шарлотту, как будто не осознавая, что все еще держит ее, и положила на журнальный столик, после чего вытерла руки о футболку.

– Но только что?

– Но только не сейчас. Я не спец по отношениям между девочками и мальчиками, но, судя по тому фильму, который ты заставила меня смотреть с тех пор, как переехала сюда, мне кажется, что, если ты хочешь, чтобы вы снова были вместе, ты не должна позволять ему брать верх. В чем бы ни была проблема, вы оба неправы. Один из вас должен сделать первый шаг, и это вполне

можешь быть ты. Скажи ему, чтобы он не брал в голову и двигался дальше. Остальное само встанет на свои места.

– Послушать тебя, это так просто.

Она наклонила голову:

– Неужели?

Моей ноги коснулось что-то мокрое. Я посмотрела вниз и вместо Порги или Бесс увидела лишь исчезающий коричневый хвост третьей собаки.

– Отис?

Еще одно прикосновение собачьего языка, и пес исчез.

Нола нагнулась и подняла Порги. Тот в знак благодарности лизнул ее подбородок.

– Как ты думаешь, почему Эванджелина принесла Замороженную Шарлотту назад и положила ее сюда?

– Понятия не имею, но мне нужно выяснить.

Нола почесала Порги под подбородком, отчего он блаженно обмяк в ее руках. Ее взгляд прыгнул с часов на Замороженную Шарлотту, а затем вновь на меня. Она сделала большой шаг прочь от часов.

– Сон Ребекки немного жуткий. Как ты думаешь, что это значит?

– Не знаю. Но пытаюсь выяснить. – Я умолкла. В моей голове начала обретать очертания одна идея. – Какой у тебя сегодня был последний урок?

– Писательское мастерство. Нам задано внести последнюю правку в наши рассказы, но я закончила свой неделю назад. Я думала, что использую это время для работы над новой песней. Почему ты спрашиваешь?

– Как насчет того, чтобы прогулять урок и пойти со мной в музей Гиббса? Мне нужно провести небольшое исследование, и, возможно, ты сможешь помочь. Мне не хотелось бы идти одной. – Я улыбнулась. – Обещаю, что у тебя будет достаточно времени для домашнего задания и подготовки к тесту.

Она расплылась в улыбке и стала так похожа на Джека, что я поспешила отвести взгляд.

– Конечно. Это может быть прикольно. Я скажу Бо, что меня не нужно подвозить домой, а бабушке, что стеклянную посуду эпохи Депрессии я помою завтра.

Я недоуменно посмотрела на нее:

– Не поняла?

– Ну, ты знаешь, разноцветные стеклянные тарелки и прочее.

– Я знаю, что такое стекло эпохи Депрессии. Я не поняла другое. Бо отвозит тебя из школы домой? И разве ты на неделю не отстранена от работы?

Она пожала плечами и перевела взгляд на Порги:

– Ерунда. Амелия скостила мне срок за примерное поведение. И Бо отвозит меня, поскольку теперь мы оба обычно работаем в магазине по вторникам. Я сказала папе, что меня не нужно подвозить по вторникам. Похоже, он считает, что меня отвозит Джейн, а я не стала его переубеждать.

– Мне казалось, Бо тебе не нравится.

Нола сделала гримасу:

– Верно. Он такой всезнайка, и он отказывается спорить, даже если я говорю ему, что он ошибается. А когда я расстроена или зла, он вечно твердит одно и то же: «Дождь всегда прекращается». – Она закатила глаза. – Это так глупо. Зато он много знает о музыке и исполнителях, поэтому я просто терплю его, чтобы узнать от него потом что-то стоящее.

– Понятно. О чем вы с ним спорите?

Часы пробили три раза. Нола подхватила Бесс и сунула собачку под мышку, не занятую Порги.

– Уже поздно. Я должна вернуться в постель.

– Это из-за подкаста?

Нола закусила губу:

– Главным образом. В подкасте он приводит свои «доказательства» того, что никаких призраков не существует, а все экстрасенсы и медиумы – мошенники и шарлатаны, а я просто указываю, где он не прав.

– Понятно. Он когда-нибудь упоминал конкретно меня?

– Нет. Думаю, ему хватает ума этого не делать. – Она снова улыбнулась. – Даже когда в эпизоде речь идет о явном шарлатане, я не говорю Бо, что он прав. Просто… не могу. Уж слишком он невыносимый всезнайка.

– Просто я беспокоюсь, потому что он… высокого роста. Нельзя забывать, что сказала Ребекка. Не хотелось бы, чтобы у тебя были к нему романтические чувства.

Нола снова сделала кислое лицо:

– Только не это! Иногда он отвозит меня в школу и командует мной на работе. В остальное время я держусь от него подальше. Кроме того, он точно не Купер Рэвенел.

Я услышала, как у нее перехватило голос.

– Ладно, иди в постель. Я найду, куда положить Шарлотту.

– Может, на дно цистерны? – предположила Нола.

– Не искушай меня.

– Рассказать папе о том, что только что произошло?

– Я сама расскажу ему утром. Сейчас он работает, и я не хочу его прерывать, но я обещаю сообщить ему позже.

Нола направилась в свою комнату. Я прислушалась к скрипу лестницы и взяла с журнального столика Замороженную Шарлотту. Я стояла в слабом свете, проникавшем в окно, и вопросы без ответов клубились в моей голове, как дым. Сжимая в руке металлический гробик, я хотела было выйти из комнаты, но остановилась. Комнату внезапно наполнил едкий запах горящего дерева. Я поспешила вернуть гробик на место. Оставив его на столе, я вышла, зная: даже если я брошу Замороженную Шарлотту в цистерну, она не пролежит там долго.

* * *

Мы с Нолой поднимались по ступеням Художественного музея Гиббса на Митинг-стрит, когда загудел мой телефон. Пришло сообщение от Софи. Я остановилась, чтобы его прочитать.

Шарлотта и ее гробик пропали.

Я передала свой телефон Ноле. Уж лучше я буду диктовать ей, а она печатать, чтобы нам не торчать снаружи на ступеньках еще пятнадцать минут, пока я одним пальцем буду набирать текст.

– Ответь ей: «Никуда она не пропала. Она в моей гостиной». И пожалуйста, на этот раз без смайликов.

Большие пальцы обеих рук Нолы запорхали над экраном. Закончив, она протянула мне мой телефон.

– Слишком поздно, – сказала она с улыбкой.

Я посмотрела на вереницу смайликов с испуганными лицами и улыбающегося фиолетового дьявола.

– Спасибо, – поблагодарила я и бросила телефон в сумку.

Преодолев три коротких лестничных пролета, мы по черно-белой квадратной плитке, которой был выложен пол, подошли к внушительным парадным дверям. Чтобы сэкономить время, я заранее купила онлайн-билеты для залов верхнего этажа. Показав у входа билеты, я решительно направилась к лифтам.

– Давай не будем мешкать.

– Но я бы очень хотела вновь посмотреть коллекцию миниатюр. Ты в курсе, что в этом музее самая большая коллекция миниатюр во всей стране? Сегодня вечером у меня не так много домашних заданий и мне не нужно спешить.

Я дважды нажала кнопку вызова лифта.

– У меня есть другие причины идти быстро. – Для верности я снова нажала на кнопку.

– Верно. – Нола послала мне понимающий взгляд и направилась мимо меня к лестнице.

– Ты куда?

– На третий этаж, где у них специальные выставочные галереи.

– Но лифт прямо здесь.

Она пошла дальше.

– Хождение по лестнице – отличный способ поддерживать себя в форме в течение дня. – Она подняла запястье с фиолетовым фитнес-трекером, который Джейн подарила ей на Рождество. – Буду ждать тебя наверху.

С этими словами она начала подниматься по ступеням. Не знаю почему, но в ее голосе мне послышалась капля ханжеского благочестия.

Двери лифта открылись, и я заглянула в его гостеприимное убежище. Однако, тяжко вздохнув, я последовала за Нолой. На третьем этаже было меньше людей и тише вдали от оживленного вестибюля и лекционных залов первого этажа. Наши шаги по голому деревянному полу, казалось, вторгались в царившую здесь тишину, но не настолько, чтобы полностью заглушить шепот голосов, который по мере нашего приближения к девятой галерее становился все громче.

– Похоже, это то, что нам нужно, – сказала Нола и, подняв глаза, прочитала жирные черные буквы на стене: – «Живые мертвецы. Чарльстонцы в Викторианскую эпоху с 1837 по 1901 год».

В зале была только пожилая пара, рассматривавшая второй ряд витрин на деревянных пьедесталах, которые тянулись вдоль четырех стен галереи.

Я это уже поняла и без Нолы. Гул бессвязных голосов становился все громче, словно волна, что, нарастая, выплескивалась из стеклянных витрин.

Нола направилась к первой.

– Это так круто.

Стиснув зубы и напевая песню «Фернандо», я медленно подошла к ней. Пара обернулась на меня, а затем вновь переключила внимание на витрину перед ними. Я колебалась, стоя позади Нолы и глядя ей через плечо.

– В этой никаких фото, – сказала она, делая шаг в сторону, чтобы мне встать рядом с ней. – Не во всех витринах будут посмертные фотографии. Я думаю, цель выставки состоит в том, чтобы, демонстрируя личные вещи, просто показать, как люди жили в Чарльстоне в Викторианскую эпоху. Как наши айфоны и кроксы будут выставлены через сто лет, чтобы показать, как мы жили. Или, в твоем случае, электронные таблицы.

Искоса взглянув на нее, я перевела взгляд на экспонаты. Внутри лежала полуоткрытая золотая брошь с агатовой инкрустацией, серебряная щетка, расческа и набор зеркал, а также хрустальный флакон из-под духов с неповрежденной пробкой, на дне которого застыла мутная, темно-оранжевая жидкость.

Нола скривилась:

– Кажется, внутри этой броши есть волосы. Должно быть, это траурные украшения.

Мне не нужно было читать надпись на витрине, чтобы понять: она права. Призрак пожилой женщины в неуклюжем вдовьем трауре, стоящей рядом с нами, был тому подтверждением. Убедившись, что внутри витрины ничего о Вандерхорстах нет, я потащила Нолу к следующей, в которой лежали золотые карманные часы, мужской шелковый жилет с вышивкой и табакерка с гравировкой. Взятый в рамку портрет мужчины средних лет, сидящего на диване и курящего

трубку, затерялся среди обломков его жизни. Я прочла надпись на передней части витрины. Генри Пинкни Миддлтон. Увы, у меня не было времени выяснять, связывают ли нас с ним семейные узы. Число мертвых викторианцев, следивших за нашими продвижениями по залу, нарастало с каждой минутой.

Я поспешила к следующей витрине, таща за собой Нолу и довольно громко напевая, чем вынудила пожилую пару выйти из зала. На миг перестав петь, я крикнула им вслед «Извините!», после чего вновь возобновила свой вокал. Нарастающий гул голосов теперь был похож на шум и разговоры театральной публики после того, как опустился занавес.

Я услышала детский плач еще до того, как мы посмотрели сквозь стекло следующей витрины, что заранее подготовило меня к тому, что я увижу. Стоявшая рядом со мной Нола шумно втянула в себя воздух, и я поняла: предупреждать ее уже поздно. За стеклом стояла искусно выполненная серебряная рамка с фотографией в приглушенных красновато-коричневых тонах, на которой была изображена сидящая на диване молодая девушка с маленькой девочкой на коленях. Глаза обеих были неестественно закрыты. По обе стороны от девочек сидели два мальчика помладше, возможно братья, – этакое жутковатое финальное семейное фото. На рамку была накинута амулетная нить, такая же, как и на снимке, где она была обмотана вокруг руки девушки.

Нола наклонилась и прочитала табличку:

– «Энн Фрейзер Хейворд, двенадцать лет девять месяцев, и Элиза Дрейтон Хейворд, два года шесть месяцев. Жертвы вспышки дифтерии». – Не отрывая взгляда от фотографии, она выпрямилась. – Это так печально.

Я кивнула, не в силах говорить. Яркие пуговицы, нанизанные на шнурок с амулетами, мигали в ярком верхнем свете. Я была рада, что у меня не было времени задерживаться и мне некогда размышлять о значении незавершенной цепочки. Я перевела взгляд на переднюю часть витрины, где рядом с золотым кольцом стояла детская серебряная чашечка с монограммой, инкрустированной тонкими светлыми волосиками. Я собралась спросить у Нолы, знает ли она кого-то, кто носил траурные украшения, или это просто памятная вещица, когда меня кто-то легонько похлопал по спине. Я нетерпеливо

потащила Нолу за собой к следующей витрине. Шуршание длинных юбок по деревянному полу и тяжелый запах трубочного табака следовали за мной по пятам.

Я держала Нолу за руку, чтобы нам продолжать двигаться, заглядывая в каждую витрину ровно на столько, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь, что связано с семейством Вандерхорстов. Нола дернула меня обратно, к последней витрине у второй стены.

– Смотри… Замороженная Шарлотта!

На миг замедлив шаг, я увидела обнаженную и очень бледную трехдюймовую куклу цвета слоновой кости с накрашенными щеками и светлыми волосами.

– К счастью для нее, она без гробика. – Я взяла Нолу за руку, и мы направились к следующей стене. – Разве Бо не говорил, что его бабушка коллекционирует Замороженных Шарлотт? Ума не приложу, зачем ей это?

Пока мы быстро шли мимо первой витрины, Нола молчала, но как только перешли к следующей, она дернула меня обратно.

– Эванджелина, – сказала она достаточно громко, чтобы я смогла ее расслышать сквозь мое мычание: теперь вместо «Фернандо» я напевала Honey, Honey.

Услышав это имя, я остановилась, вернулась к витрине, мимо которой только что прошла, и заглянула внутрь. За простым плексигласом в задней части витрины было выставлено большое фото без рамки. Сделанный, скорее всего, с высоты одного из многочисленных церковных шпилей города, снимок этот представлял собой картину сгоревших кварталов Чарльстона. Повсюду виднелись обугленные руины – единственное свидетельство некогда стоявших там домов. Белые облачка, словно последние вздохи, зависли над кучами почерневшего щебня. Мои ноздри, не давая мне дышать, заполнил едкий запах гари.

– О господи! – воскликнула Нола, указывая на правый край снимка. – Это ведь задняя часть нашего дома, не так ли? Сада нет, но я узнаю заднюю дверь и окна. – Она наклонилась ближе. – И я почти уверена, что это цистерна, верно? – Она прижала палец к стеклу и провела им вправо. – А значит, это… – она дважды постучала коротким ногтем, – кухня. Или то, что когда-то было кухней.

Она была права. Хотя на фото была видна только часть главного дома, причем сзади, я узнала его. Я была как та мать, которая даже в толпе узнает макушку своего ребенка, и мое сердце подпрыгнуло от радости. Мой взгляд скользнул мимо заднего двора туда, что когда-то было кухней. От нее оставались лишь кирпичные ступени, те же, что и на портрете капитана Джона Вандерхорста с коричневой собакой, сидящей рядом.

Нола наклонилась, чтобы прочесть табличку на передней части витрины.

– «Северная сторона Трэдд-стрит после большого пожара 1861 года. Артефакты, обнаруженные во время восстановления района, теперь известного как Аллея Форда».

Чувствуя за спиной давление растущей толпы, их крики, переходящие в какофонию неразборчивых слов, я начала напевать громче, пробегая при этом глазами по содержимому витрины. Мой взгляд моментально остановился на почти законченном образце вышивки. Белое пятно было испачкано грязными точками. С наполовину готовой заглавной буквы Z в конце алфавита свисала синяя нить.

Аккуратными стежками в верхней части образца было вышито единственное имя, Эванджелина, за которым следовала цифра 1860. По верху тянулась кайма, и я тотчас узнала повторяющийся узор. Морда коричневой собаки с розовым языком, а за ней угловатый, вышитый золотом узор, прильнувший к верхней кромке, последняя собачья морда, опаленная пламенем.

Я достала телефон и, убедившись, что вспышка выключена, сфотографировала табличку, старую фотографию и образец вышивки и в итоге перешла к остальным артефактам, которых раньше не замечала. Почерневший половник для супа, вероятно когда-то серебряный, чугунная сковорода без положенной ей деревянной ручки и что-то похожее на очень старый и изрядно погнутый проволочный венчик. При виде этой последней вещи у меня перехватило дыхание. Я как раз успела сделать последний снимок, когда Нола толкнула меня под руку, обращая мое внимание на стоящую перед нами женщину с бейджиком на блузке, на котором было написано ее имя: Дороти.

У нее был восхитительный шлем светлых волос и доброе лицо, идеально подходящее для общения с шумными группами школьников

и редкими занудливыми туристами.

– Извините, мэм. У вас все в порядке?

Я улыбнулась ей:

– Да, спасибо.

Она терпеливо улыбнулась, напомнив мне мою учительницу в третьем классе, мисс Блумберг, когда я во время урока математики три раза подряд попросилась выйти в комнату для девочек.

– Нам поступили жалобы от других посетителей на громкое пение…

– Я не пела. Я напевала. – Я была готова рассказать ей про старика в бейсбольной кепке, который в данный момент стоял позади нее и явно хотел что-то ей сказать, но подумала, что сейчас не время и не место.

Нола дернула меня за руку и потянула к выходу.

– Не волнуйтесь. Извините за беспокойство – моя мачеха иногда увлекается, рассматривая исторические артефакты. Мы уходим.

Она не отпускала мою руку, пока не провела меня вниз по двум лестничным пролетам, через вестибюль и на парадное крыльцо. Выйдя на воздух, я прислонилась к перилам, чтобы перевести дыхание. Одновременно я следила за входной дверью, чтобы увидеть, не увязался ли кто-то за нами следом – не важно, живой или мертвый.

– Ого, – сказала Нола. – Меня еще ни разу не просили покинуть музей.

– Она не просила нас уйти, – поправила я ее, хотя это было не впервые. – Кроме того, думаю, мы увидели достаточно.

– Это была она, не так ли? Эванджелина.

– Возможно. Но у нас нет конкретных доказательств.

– Я не думаю, что это возможно, а ты? Я имею в виду, мы знаем, что у кухарки в доме на Трэдд-стрит была дочь по имени Эванджелина, родившаяся в 1847 году. Этот образец вышивки был найден среди развалин того, что раньше было нашим задним двором и кухней, где работала мать Эванджелины. По этой фотографии мы знаем, что кухня сгорела и ее больше не существует, и еще мы знаем, что у Эванджелины была коричневая собака.

– Мы просто предполагаем, что девушка с собакой – Эванджелина. Мы не можем быть уверены на все сто.

– Да ладно, Мелани. Это не совпадение. – Она подняла руку и начала считать, начав с большого пальца, как это делал Джек. – Во-первых, на надгробии, найденном в нашем саду, была буква Е. Во-вторых, на образце вышивки видно, что он обгорел, а в-третьих, собачья морда на нем очень похожа на Отиса.

– Не знаю. Я ни разу не видела его морды, только его зад. Но даже если это дочь кухарки, Эванджелина, почему она приходит к тебе и предостерегает тебя?

– Если бы я знала! Мне всегда страшно открывать глаза, когда я просыпаюсь ночью.

– Отлично тебя понимаю. – Я посмотрела на часы. – Нам нужно вернуться домой, чтобы ты успела выполнить домашнее задание.

Мы зашагали к припаркованной машине, длинный конский хвост Нолы ритмично покачивался. В ее волосах больше не было пурпурной полоски, но она не утратила калифорнийскую бойкость, которую принесла с собой, когда впервые появилась на моем пороге. Мне это нравилось в Ноле – ее способность вписаться в новое окружение, превратиться в кого-то совершенно другого, создать новую версию себя, которая по-прежнему была уникальной и потрясающим образом отражала ее личность.

– Можешь попросить папу кое о чем для меня? – спросила она, глядя вниз, на тротуар.

– Почему бы тебе не спросить его самой?

– Потому что он никогда не скажет тебе «нет». – Она одарила меня обаятельной улыбкой.

Я не стала ее поправлять, упомянув одно вопиющее исключение.

– Я ничего не обещаю, но что именно?

– Линдси хочет пригласить нас с Олстон на пижамную вечеринку на ее день рождения.

– Звучит вполне приемлемо. Когда это?

– Третье марта – это суббота, когда мы сдаем тест. Хотим потусоваться вместе и отпраздновать сдачу теста.

– В субботу – вечер детских подарков у Ребекки.

Нола наморщила носик:

– Мне казалось, его поменяли на вечеринку в нижнем белье.

– Да, это длинная история, но официально это будет праздник детских подарков. И, наверное, даже к лучшему, что тебя там не будет.

Там будут и Фаррелы, и Рэвенелы, но, если мать Линдси не возражает, и у меня с этим проблем нет.

Нола просияла:

– Отлично. Так что мне не нужно спрашивать папу, верно?

– Вряд ли он будет возражать, но на всякий случай я спрошу у него.

– Спасибо. – Она вытащила телефон, и я с завистью наблюдала, как она, ловко избегая других пешеходов, шла по тротуару, и ее пальцы летали по экрану.

– Готово, – сказала она. – Просто нужно, чтобы Линдси и Олстон знали, что я тоже там буду.

Я бросила на нее недоуменный взгляд:

– А почему ты сама не спросила у отца? Надеюсь, мальчиков у Олстон не будет, верно?

Она снова сморщила нос:

– Конечно нет. Просто папа в последнее время такой… колючий. Я не хотела рисковать – вдруг он сказал бы «нет», потому что я поймала его в неподходящий момент.

Я не стала с ней спорить. В последнее время свет обычно горел под дверью Джека всю ночь, и непрекращающийся стук пальцев по клавиатуре вызывал у меня чувство вины за то, что я сплю. Я знала это лишь потому, что начала каждую ночь проверять Нолу во время своих частых походов в туалет. Под его глазами залегли темные круги, а в самих глазах появился хорошо знакомый мне отстраненный взгляд, когда он бывал глубоко погружен в работу. Вот только это казалось чем-то иным. Он не просто ничего мне не рассказывал, он вообще казался каким-то скрытным. Выходя из комнаты, он запирал дверь и никогда не отвечал на звонки внутри дома. Было вполне понятно, что он пытался скрыть свой проект от Марка. Но я невольно задавалась вопросом, почему он также скрывал его от меня.

– Ты заметила, что на всех других образцах, которые мы видели в разных витринах, были имена и фамилии тех, кто их вышил? – спросила Нола, когда я вырулила с парковки. – Или хотя бы их три инициала. Почему Эванджелина вышивала только имя?

Я задумалась.

– Хороший вопрос. Я не думала об этом. Может, у твоего отца найдется идея. Наверняка знаю лишь одно: найти ее было бы намного

проще, будь у нас ее фамилия.

Нола кивнула и уткнулась в свой телефон, и я всю короткую поездку домой провела в размышлениях о молчании Джека и о том, почему девушка, умершая более ста пятидесяти лет назад, оставила после себя реликвии своей жизни, но не фамилию.

Глава 25

Через два дня, спустившись к завтраку, я с удивлением обнаружила, что Джек ждет меня в кухне. Он был свежевыбрит и в чистой рубашке, волосы на концах все еще влажные после недавнего душа. Стоило мне увидеть его, как мое сердце, как обычно, заколотилось, но вскоре успокоилось, стоило мне подумать о том, по какой причине он может здесь быть. Либо кто-то настучал на меня по поводу тайника с пончиками, либо ему нужно было что-то со мной обсудить.

– Доброе утро, Мелли, – сказал он, выгнув на манер Ретта Батлера бровь, и отхлебнул из кружки с надписью «Лучший папа в мире», украшенной крошечными отпечатками больших пальцев.

– Доброе утро. – Я хотела открыть шкафчик, но Джек поднял мою дымящуюся кружку.

– Как ты любишь. Сахара больше, чем соли в Мертвом море, а сливок больше, чем кофе.

– Отлично, – сказала я, улыбаясь и беря у него кружку. – Чувствуешь себя лучше?

Кружка зависла на полпути к его рту.

– Я не знал, что я болен.

– Ты не был… самим собой. Эта книга, похоже, отнимает у тебя больше сил, чем обычно.

Не сводя глаз с моего лица, он сделал большой глоток кофе.

– Правда?

Он поставил свою кружку на стол и, скрестив руки на груди, посмотрел на меня с выражением, которое было мне незнакомо.

– Ты была в моей комнате, когда меня там не было?

Я едва не выплюнула свой кофе.

– Вот уж нет! За исключением того единственного раза, когда ты вышел ночью и я волновалась о тебе, я ни разу не заходила к тебе в комнату. Меня не приглашали в нее.

В его глазах заплясали огоньки.

– В смысле, поговорить. Или посидеть. Не лежать. Или… – Я взмахнула кружкой, и кофейная гуща едва не выплеснулась. – Я имею в виду, что нет, не была. Миссис Хулихан заходила туда, чтобы поменять простыни и пропылесосить, но это всегда в твоем присутствии. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что кто-то ковырялся в замке. Я воспользовался старым бойскаутским методом – сунул в замочную скважину бумажку, и потом нашел ее на полу. Но внутрь никто не входил. Бумажка, которую я положил между дверью и дверным косяком, все еще была там. Но кто-то пытался.

– Ловко придумано!

– Спасибо. – Он прислонился к стойке. – Думаю, это был Марк. Он все еще ищет этот бриллиант. В последнее время Джонатан Голдсмит развил в Сети повышенную активность. Задавал вопросы о праве собственности на найденные сокровища. Я уверен, что он считает, что легендарный бриллиант не только существует, но и спрятан в нашем доме. Он пытается избежать того, что случилось с рубинами, когда те были найдены на принадлежащем нам участке.

– Если мы сможем доказать, что это он пытался проникнуть в твою комнату и тем самым нарушил договор, то мы можем прямо сейчас выставить его из нашего дома. – Я осторожно посмотрела на Джека. – Но только если ты этого хочешь. Мы знаем, что никакого бриллианта нет, поэтому Марк все еще нуждается в деньгах и ему понадобится наша финансовая помощь. Что означает, что он просто будет обязан помочь тебе. И я знаю, как это важно для тебя. Для нас.

Я затаила дыхание. Все сказанное мной было правдой. Но в душе я надеялась, что его ответ будет отрицательным. Потому что, если мы остановим съемки, у Джека не будет причин оставаться в доме. Мы мало продвинулись в деле налаживания наших отношений, если не считать того, что теперь мы разговаривали друг с другом, но, по крайней мере, живя под одной крышей, мы могли приблизить этот момент.

К моему удивлению, Джек улыбнулся мне:

– А по-моему, это даже весело. Съемки раздражают, но Харви платит нам, как и обещал, и к этому моменту мы уже привыкли к хаосу. Они сильно отстают от графика, и мне нравится наблюдать, как

у Марка все летит к чертовой бабушке. Уже одно это компенсирует многие неудобства. Если, конечно, ты не против.

Я кивнула и отхлебнула из кружки, чтобы скрыть, насколько я не против.

Кухонная дверь открылась, и вошла Джейн, держа близнецов, одетых для прогулки. Их свитера и шапки были разных цветов. Я закусила губу, чтобы не высказать свое недовольство, хотя отчетливо помнила, как раскладывала их наряды утром после того, как достала их из кроваток.

– Мы готовы идти в гости к Джиджи! – заявила Джейн, качая близнецов на руках.

Сара захлопала в ладоши, а Джей-Джей замахал венчиком. Джейн опустила детей, и, конечно же, они оба побежали к Джеку. Я убедила себя, что это потому, что они уже видели меня. Джек нагнулся, чтобы поднять обоих, и расцеловал их в щеки.

– Отлично, мы можем забросить их по дороге.

– Куда едем? – спросила я.

– На кладбище «Магнолия». Джейн упомянула о твоих планах наведаться туда, когда вчера мы с ней пытались цивилизованно пообедать на кухне с близнецами. Я решил поехать с вами, если ты не возражаешь.

– Конечно нет. Но ты уверен? – спросила я, не сомневаясь, что мы все еще не забыли тот последний раз, когда были втроем на кладбище.

– Уверен. Мне нужно это сделать. Разве не лучший способ побороть свои страхи… это посмотреть им в лицо? Кроме того, я могу притвориться, что я тебе нужен. Это будет полезно для моего эго. – В его голосе слышалась нарочитая беззаботность.

– Ага, – согласилась Джейн. – Но, возможно, тебе стоит облегчить себе путь? Поход на другое кладбище с нами двумя не лучший способ заново акклиматизироваться.

– По крайней мере, не ночью, – сказал Джек, глядя на меня. – И я уже загрузил свой плейлист с оркестровой музыкой, так что вам не нужно будет петь. Нола сказала, что тебя попросили покинуть музей.

– Никто меня не просил, – спокойно ответила я. – Я ушла до того, как они успели это сделать.

Джейн и Джек недоуменно посмотрели на меня.

– Итак, – сказала я, направляясь к двери, – давайте покончим с этим. Позже якобы пойдет дождь, и единственное, что я не люблю так же сильно, как кладбище ночью, – это кладбище под дождем.

Кухонная дверь распахнулась, и внутрь шагнул Марк Лонго. Его красное лицо было покрыто обильной испариной. Он поднял руку, и я заметила, что его ранее наманикюренные ногти теперь обкусаны до самой мякоти.

– Ты меня достала! – произнес он и обвиняющим жестом ткнул пальцем в мою сторону.

Джей-Джей воспользовался моментом, чтобы громко выпустить зловонную порцию газов, после чего захихикал. Один только вид Марка произвел на детей тот же эффект, что и звук журчащей воды на большинство людей с полным мочевым пузырем. Получилось жутко забавно, и, как мне кажется, все это оценили – все, кроме Марка.

– О чем ты говоришь? – спросил Джек, вставая между мной и Марком.

– Я говорю обо всех проводах и шнурах, которые были вырваны из розеток и завязаны так туго, что потребуется целый день, чтобы выпрямить их, в то время как я плачу актерам и съемочной группе за то, что они ничем не заняты, а сидят без дела! И это все по ее вине!

Он обошел Джека и вновь ткнул в меня пальцем.

– Погоди, одну минутку, – сказал Джек, его голос звучал по-прежнему вежливо, но теперь в него закралась угроза. – Моя жена не имеет к этому ни малейшего отношения.

По моему телу разлилось приятное тепло: Джек сказал «моя жена»!

– Верно, – усмехнулся Марк. – А я папа римский. Мы все знаем, что здесь происходит, так что пусть она скажет своим маленьким друзьям Касперам, чтобы они прекратили нам мешать.

– Знаешь, Мэтт, – сказал Джек, передавая мне детей, и шагнул к Марку, – будь ты добрее к людям, в том числе к своей съемочной группе, глядишь, у них бы не было необходимости разыгрывать тебя, чтобы тебя позлить.

– Моя съемочная группа состоит из профессионалов, которые никогда не поставят под угрозу свою работу.

– Прекрасно, – сказал Джек, натягивая куртку и застегивая ее. – Скажи Харви и другим продюсерам, что съемки срывает кучка

призраков. А потом дай мне знать, что они тебе на это скажут.

С этими словам он открыл заднюю дверь, выпустил нас с Джейн и закрыл ее за нами. В самый последний момент Джей-Джей выпустил очередной залп газов. Я в знак благодарности поцеловала его в щеку.

После того как мы оставили близнецов у моих родителей, Джек отвез нас по Митинг-стрит к Каннингтон-авеню и главным воротам кладбища «Магнолия». Меня всегда мучил вопрос, не потому ли почти все уличные указатели кладбища были такими неприметными, чтобы туристам было труднее его найти. Однако, несмотря на комаров и почти невидимые указатели, кладбище «Магнолия» – место тридцати тысяч захоронений, в том числе многих известных и печально известных личностей, а также настоящая сокровищница архитектурных памятников, природных пейзажей и дикой природы – пользовалось популярностью. Причем, главным образом, родственников усопших, тафофилов и охотников за привидениями. И у таких людей, как я. Хотя технически мы не попадали ни в одну из этих категорий, нас туда затаскивали те, кто в них попадал.

Когда мы въезжали в ворота, на лобовое стекло упало несколько капель дождя. Я была почти рада дождю: это означало, что на кладбище не будет праздношатающихся и никто не услышит ритм барабанов марширующего оркестра из нашей автомобильной стереосистемы.

Я опустила голову, изучая карту, которую нарисовала для меня Вероника. Это помогало мне избегать любопытных взглядов некоторых обитателей кладбища, стоящих у своих надгробных скульптур среди прославленных архитектурных красот «Магнолии». А некоторые подглядывали за нами из-под полога мха, свисающего с распростертых ветвей вековых дубов, укрывавших мертвых в их порой беспокойном сне.

Я наклонился вперед, чтобы показать Джеку, куда ему ехать.

– Сверни с главной дороги вот здесь и мимо Большой лагуны поезжай к Мосолеум-роуд. Вероника говорит, что участок находится недалеко от могил экипажа легендарной подлодки Ханли, так что ты можешь следовать указателям. Она встретит нас там, поэтому ищи ее машину.

На мой телефон пришло сообщение от Нолы.

Шарлотта снова под часами. Ее нашел Марк. Он злится.

За этим последовал смайлик с сердитым лицом, выпускающий из носа пар.

Тотыже?

Я не стала исправлять опечатки: Нола теперь была экспертом по части перевода моих текстов.

Отлично. Бо здесь, заберет меня. Они одного роста. Молча смотрели друг на друга. ГЛ укусил Марка и прекратил это дело. Хороший мальчик.

– Это от Нолы. Похоже, Генерал Ли укусил Марка, когда тот разозлился, найдя Замороженную Шарлотту. Впрочем, я его не виню.

Джек посмотрел на меня:

– Ты не винишь Марка за то, что он разозлился, или Генерала Ли за то, что он его укусил?

– И то и другое, – улыбнулась я и зачитала сообщение для Джека и Джейн.

– Пожалуйста, передай Ноле, чтобы она сказала Бо, что я до конца года могу отвозить ее в школу, – сказал Джек.

Я выключила телефон.

– Это слишком долго печатать. Не проще ли тебе просто сказать ей, когда ты увидишь ее?

Джек искоса взглянул на меня, но затем вновь переключил внимание на узкую дорогу, что вела к реке. Вдалеке маячил мост Рэвенел. Мы заметили машину Вероники, стоявшую на обочине асфальтированной дорожки. Джек скользнул на свободное место позади нее. В болотной траве стояла голубая цапля. Дождь уже разошелся не на шутку, но ей, похоже, он был нипочем. Хотя был почти март, полчища комаров были в полном составе. Их количество, скорее всего, соответствовало количеству призрачных обитателей, которые подкрадывались к нам из-за надгробий и выползали из-под земли.

– Можно не выключать музыку? – с надеждой спросила я.

– Сомневаюсь, что Вероника это оценит. – Джек снова посмотрел на Джейн. – Если кто-то забыл спрей от насекомых, у меня в бардачке есть свой.

– Мне не надо, – сказала я, вспомнив, как вылила на себя почти целую канистру после того, как закончила принимать душ.

– Мне тоже, – сказала Джейн, подвигаясь к дверце машины, и, протянув руку через спинку моего сиденья, сжала мое плечо. – Если их станет слишком много, дай мне знать. Я лучше тебя блокирую шум. Я просто не хочу делать это сейчас, на тот случай, если Адриенна захочет что-то сказать.

Я кивнула и улыбнулась в знак признательности. Пока Джейн выходила из машины, Джек держал над ней большой черный зонт, помогая ей остаться сухой, пока она не раскрыла собственный.

– Мой зонт достаточно большой для нас обоих, если ты не возражаешь, – сказал он, подойдя к моей стороне фургона.

Я улыбнулась ему, вдыхая запах его мыла и лосьона после бритья и чувствуя себя гораздо счастливее, чем может чувствовать себя любой человек, стоящий на кладбище под дождем. Увы, моя улыбка немного поблекла, стоило мне увидеть, как из машины вместе с Вероникой выходит и Майкл. Не то чтобы он мне совершенно не нравился. Просто меня раздражало его нетерпение по отношению Веронике из-за ее нежелания ускорить переезд. Я подозревала, что ему никогда не доводилось терять близких, что объясняло его неспособность понять ее. С другой стороны, они были женаты достаточно давно, чтобы он мог этому научиться.

Мы поздоровались, и я повернулась к Майклу.

– Не ожидала увидеть вас здесь.

Он обнял Веронику, держа над ними обоими зонтик.

– Надеюсь, вы не против. Просто я в самую последнюю минуту решил поехать вместе с ней. – Он сжал плечи жены. – Подумал, что тем самым мы убьем двух зайцев. – Он издал натужный смешок. – Можно ли мне говорить такие вещи на кладбище? В любом случае мы решили сделать предложение о покупке дома на острове Джеймс, если он все еще свободен.

Я посмотрела на Веронику. Та с непроницаемым лицом улыбнулась мне в ответ.

– Это потрясающие новости, – сказала Джейн. – Я так рада за вас. Не могу дождаться, чтобы его увидеть.

– По состоянию на прошлый вечер дом все еще продавался, – сказала я. – После того как мы закончим здесь, я прямиком поеду к себе в офис, посмотрю на предложения и позвоню вам, чтобы мы могли застолбить его за нами.

– Отлично, – сказала Вероника. Она сделала шаг вперед из-под зонта, как будто забыла, что его держит над ней Майкл. – Адриенна здесь, – сказала она, шагая через подъездную дорогу к той части кладбища, которую мой отец назвал бы «мягко ухоженной», что, как я знала, на самом деле означало «пребывает в естественном состоянии». И было в его словаре синонимом слова «лень».

Вероника остановилась у прямоугольника скошенной травы, на котором был установлен белый каменный крест. У основания креста рос зрелый розовый куст, – я узнала это только по шипам, – весь в бутонах в ожидании весны. На верху креста лежала россыпь камешков, свидетельство о посетителях.

Вероника неуверенно улыбнулась:

– Моя мама посадила розовый куст и ухаживала за ним. Теперь, когда она не может делать это сама, мы с Линдси приходим по крайней мере раз в неделю, чтобы подстричь траву и обрезать увядшие розы. Адриенна предпочитала орхидеи, но они не растут на кладбище.

Мы стояли полукругом у ног могилы. Сильный речной бриз приносил с собой дождь. Соленый запах болот бил нам в лицо. Я закрыла глаза и сосредоточилась на окружавших нас голосах, стараясь просто слушать и не давая моему разуму открыться полностью, чтобы случайно не пригласить кого-нибудь внутрь.

– Что-нибудь слышно? – спросил Майкл.

Я взглянула на Джейн, и мы обе покачали головами.

– Нет, – сказала я. – Дайте нам еще несколько минут.

Я сосредоточилась, пытаясь выделить один голос из хаоса слов, который больше походил на спутанный клубок проводов. Джейн протянула мне руку, и я, зажмурив глаза и прислушиваясь к неразборчивой мешанине голосов, крепко ее сжала. В моих висках пульсировали первые приступы головной боли, но я продолжала цепляться за руку Джейн, пытаясь услышать голос Адриенны даже после того, как поняла, что ее здесь нет.

– Что-нибудь еще? – спросил Майкл с ноткой нетерпения.

Джейн отпустила мою руку.

– Ничего. Совсем ничего.

– Что это означает? – спросила Вероника.

– Такое случается часто, – объяснила Джейн. – Духи обычно тусуются в важных для них местах или там, где у них есть

незавершенные дела. Но если подумать, люди обычно не испытывают сильных чувств по поводу того, где они похоронены, потому что это незнакомое для них место. Кладбищенские призраки обычно бродят там потому, что они либо не считают себя мертвыми, либо не знают, что они мертвы. – Она приветливо улыбнулась Веронике. – Мне жаль. Я надеялась, что Адриенна появится здесь.

Вероника как будто поникла, лицо ее погрустнело.

– Вот почему она в доме.

– Вероника. – Майкл мягко сжал ее плечи. – Мы приняли решение. Мы собираемся сделать предложение о покупке. Это ничего не меняет.

Вероника бросила на меня умоляющий взгляд:

– Но у нас до продажи дома еще есть время, не так ли?

Я не знала, что ответить, вспомнив другого духа на их чердаке, того, что столкнул меня с лестницы и слал мне сообщения с угрозами. Основная причина, по которой мы пришли на кладбище, заключалась в том, что я хотела поговорить с Адриенной наедине.

– Конечно, – сказала Джейн.

Я послала ей предостерегающий взгляд, но она его проигнорировала.

– У нас еще есть время, – продолжила она. – Мы с сестрой придумаем способ. Не так ли, Мелани?

Мне потребовалось время, чтобы произнести хотя бы слово.

– Конечно. – Я сглотнула и, выдавив из себя улыбку, сказала: – Ремонт почти закончен, но, надеюсь, у нас еще будет время. – Как будто это единственное, что мешало мне вернуться на чердак и задать вопросы.

– Но не слишком, – сказал Майкл. – У нас есть прекрасный новый дом, и мы с нетерпением ждем возможности в нем поселиться. – Его рука лежала на плече Вероники, но его улыбка скорее напоминала гримасу. – Спасибо за ваши старания. – Он посмотрел на часы. – Мне нужно вернуться на работу. Пойдем, Вероника. Я с нетерпением жду возможности поговорить с вами, Мелани, о предложении сегодня чуть позже, – добавил он, глядя на меня.

Они попрощались и направились обратно к своей машине. Положив руку на спину жены, Майкл повел ее к пассажирской двери, как будто опасался, что она передумает и останется. Когда они

проезжали мимо нас, бледное лицо Вероники смотрело на нас в окно, делая ее похожей на призрак.

– Вы в порядке? – спросил Джек.

Мы обе кивнули.

– Просто устали. – Дождь прекратился. Я неохотно вышла из-под зонта Джека, чтобы он мог его закрыть.

Джек пристально посмотрел на нас, словно желая убедиться.

– Мавзолей Вандерхорстов находится прямо за поворотом. Если вы двое хотите подождать в фургоне под рев музыки, я, пока мы здесь, хотел бы еще раз взглянуть на него.

– Для твоего текущего книжного проекта? – Мне не совсем удалось скрыть нотку надежды в голосе.

– Отчасти, – сказал он. – Я подумал, вдруг мне удастся найти что-нибудь с именем Эванджелина, что могло быть упущено в официальных документах.

– Я иду с тобой, – сказала я, подходя к нему.

– Я тоже, – сказала Джейн, быстро догоняя нас.

Мавзолей Вандерхорста было трудно не заметить. Еще до того, как меня – спасибо стараниям доктора Софи Уоллен-Араси – насильно обучили архитектурным стилям, я поняла, что в этом конкретном мавзолее нет ничего обычного.

Когда мы приблизились, я прочистила горло.

– Он был построен в стиле египетского возрождения. Заметили, что здесь нет арок? Вместо этого египтяне устанавливали стены под углом в семьдесят градусов, для придания им прочности.

– Ты опять гуглила, да? – спросил Джек, улыбнувшись уголком рта.

– Может быть. Или, возможно, я просто это знаю.

– Понятно. Что это? – Он указал на две каменные колонны по бокам двери.

Я нахмурилась:

– Колонны?

Джейн тихо хихикнула, а Джек вздохнул:

– Это колонны с цветами лотоса, а на двери есть крест, чтобы вся конструкция не выглядела слишком языческой.

– Знаю, – сказала я. Нет, я не солгала. Я точно где-то прочитала об этом прошлой ночью, пока гуглила информацию о кладбище, чтобы

приготовиться и знать, кого – если вообще кого-то – можно здесь ожидать, кроме Адриенны.

При каждом шаге под ногами чавкала грязь. Я не выдержала и остановилась, чтобы посмотреть на свои стильные туфли на каблуках.

– Ладно, я все-таки дам тебе прогуляться. Голоса вновь раскричались, и я слишком устала, чтобы их блокировать.

– Я тоже, – сказала Джейн, направляясь в сторону фургона.

Я прошла всего несколько шагов, когда заметила рядом с мавзолеем Вандерхорстов необычный надгробный камень, правда, стоявший чуть в стороне от ряда семейных захоронений. В поисках могилы, которая могла быть местом последнего упокоения Эванджелины, первоначально похороненной в нашем саду, я хорошенько его осмотрела. Мраморная колонна с зазубренным краем вместо капители создавала впечатление обломанной. Ее венчал пучок резных листьев лотоса, таких же, как на мавзолее. На лицевой стороне не было ни имени, ни дат, лишь циферблат часов с римскими цифрами, показывающий шесть тридцать.

– Странно, – сказала Джейн. – Интересно, что это означает? Может, время смерти? Может, на обратной стороне есть имя?

Я посмотрела на свои туфли, а затем на раскисшую землю между асфальтовой дорожкой, на которой я стояла, и надгробным камнем.

– Давайте я посмотрю, – сказал Джек. – Я уже выпачкался в грязи. – Он остановился и посмотрел на памятник. – Вам известно, что это значит, когда колонна сломана вот таким образом?

– Конечно, – сказала я, и это была не совсем ложь. Я действительно помнила, как Софи как-то раз бубнила о кладбищенских скульптурах, иное дело, что я ее практически не слушала. – Но ты давай, расскажи нам.

Его улыбку можно было принять за самодовольную ухмылку.

– Это означает, что жизнь человека неожиданно оборвалась. Обычно сломанные колонны указывают на то, что там похоронен кто-то молодой.

Я мрачно кивнула, а Джек направился к задней части памятника.

– Можешь прочитать имя и даты вслух? – спросила я, когда он ничего не сказал.

Джек ответил не сразу:

– Я бы с радостью, если бы мог. Там просто странный символ – ничего подобного я раньше не видел. Ни имени. Ни даты. – Он обошел памятник, рассматривая его сверху донизу, чтобы удостовериться, не пропустил ли чего.

– Нет. Ничего. – Он вытащил из заднего кармана телефон и начал фотографировать. – Я перешлю их тебе и Джейн. Вдруг у вас возникнут идеи. Может, это просто декоративный элемент, но раз уж мы имеем дело с Вандерхорстами, кто знает?

– Верно, – сказала я. – Сфотографируй и спереди тоже.

Мой телефон был забит фотографиями. Открыв его, я пальцами увеличила фото обратной стороны памятника на экране.

– Сначала я подумала, что это египетские иероглифы, но это не они.

Я смущенно посмотрела на Джека и Джейн, вспомнив, что однажды призналась им, что в детстве, пытаясь скрасить одиночество, научилась читать иероглифы.

Мы остановились перед фургоном. Затем втроем одновременно склонились над телефонами, изучая странную резьбу на снимке.

– Очень красиво, – сказала Джейн, – я даже склонна думать, что это обычный орнамент, хотя я не уверена. Странно, что нет ни имени, ни даты, только этот странный символ и циферблат.

Увеличив картинку, насколько это было возможно, я снова рассмотрела ее. Орнамент состоял из продуманного сочетания элегантных прямых линий и изгибов, которые на первый взгляд мне что-то напомнили, но после тщательного изучения я решила, что это просто случайные отметины.

– Есть какие-нибудь предположения? – спросил Джек.

Мы с Джейн покачали головами. Я подняла глаза и, когда снова посмотрела на экран, ощутила знакомое легкое покалывание.

– Кажется, я уже где-то это видела. Просто не могу понять где.

– Надо показать это Ивонне, – в унисон сказали мы с Джеком и с глупыми улыбками посмотрели друг на друга.

Джейн закатила глаза:

– Вы это серьезно? Советую вам снять комнату. – Она открыла заднюю дверь фургона и забралась внутрь.

Я открыла дверь со стороны пассажирского сиденья, и моему взору тотчас предстала лежащая на нем красная подушка. Я подняла

ее, чтобы Джейн и Джек тоже ее увидели.

– Похоже, Адриенна все-таки была здесь. Наверно, она просто была не в настроении говорить.

Я пристегнула ремень безопасности и положила подушку на колени. В голове вертелась дюжина вопросов, но ни на один из них у меня не было ответа. Мой телефон звякнул – пришло очередное сообщение. Я вытащила его из сумки и посмотрела на экран. Кровь моментально застыла в моих жилах.

– Все в порядке? – спросил Джек.

– Если бы, – ответила я.

Я повернула телефон так, чтобы он и Джейн могли прочитать текст.

КОНЕЦ БЛИЗОК. ДАВАЙ КО МНЕ В АД.

– Нам нужно вернуться на чердак, не так ли? – тихо спросила Джейн.

Пульсация в висках усилилась.

– Да, – неохотно согласилась я. – Но только после вечеринки у Ребекки. Хотя, если честно, я не уверена, чего я боюсь больше.

Глава 26

Тусклого света прикроватной лампы было достаточно, чтобы я могла разглядеть этикеточный пистолет и открытый ящик комода. Отрывистые щелчки пистолета были лучше любой психотерапии, даже в сочетании с прерывистым храпом Генерала Ли. Я не спала с половины второго, переставляя ящики и меняя этикетки. Я только что закончила третий ящик, но, как говорится, сна не было ни в одном глазу. Ни единого зевка, ни сонливости, в которой я остро нуждалась, чтобы стереть из памяти последнее сообщение с той же легкостью, с какой оно исчезло из моего телефона.

Мой телефон звякнул. Пришло сообщение. Я замерла, боясь смотреть на него в темноте. Не желая беспокоить Генерала Ли, я взяла телефон с собой в ванную, где включила все лампы, чтобы там было светло как днем. Сев на край ванны, я глубоко вздохнула и посмотрела на экран.

Встали?

Меня обдала холодная волна облегчения. Дрожащими пальцами я напечатала «да» и подождала, когда телефон зазвонит. Вряд ли Ивонна была готова общаться со мной при помощи эсэмэсок. Еще пара секунд, и начальные такты Mamma Mia эхом отразились от мраморного пола. Я быстро провела большим пальцем по экрану, чтобы ответить на звонок.

– Здравствуйте, Мелани. Я так рада, что вы уже проснулись. Я знаю, что еще рановато, но я слишком взволнована и не могу ждать. Хочу поделиться тем, что я обнаружила.

– Вы по поводу образца вышивки в музее?

– Да. И нет.

Я ждала, что Ивонна скажет что-то еще. Она же в свою очередь ждала, что я буду тянуть из нее слова. Интересно, будет ли с моей стороны невежливо кричать или угрожать ей? Впрочем, нет. Вряд ли после этого я смогу жить в мире с собой, поэтому я просто сказала:

– Хорошо. Начнем с «да». Что вы узнали о нем?

– Судя по имени и датам, я готова поспорить на бабушкину нитку жемчуга, что это наша Эванджелина. Имейся у меня привычка делать ставки, но ее у меня нет. Исходя из этого предположения и зная, что ее мать звали Люсиль, я еще немного покопалась в тех местах, где большинству людей даже не пришло бы в голову копать. Но, мне кажется, я умею делать это чуть лучше, чем большинство остальных людей.

Молчание затянулось, и я поняла, что она ждет моей реакции.

– Абсолютно. Вы умеете делать это даже лучше, чем налоговая инспекция, которая выжимает из нас все до последнего цента.

Когда она не ответила, я поспешила добавить:

– Это комплимент. Никто лучше вас не умеет копаться в исторических архивах.

– Спасибо, Мелани. Как я уже сказала, мы уже изучили генеалогическое древо и записи из Галлен-Холла, из которых мы знаем, что Люсиль была замужем до того, как пришла работать в дом на Трэдд-стрит. Вот почему мы, естественно, предположили, что ребенок, которого она выносила, был от мужа.

Я села так резко, что уронила телефон в ванну. Пошарив рукой и выудив его оттуда, я снова прижала его к уху.

– А он был не от него?

– Верно. И я на девяносто девять процентов уверена, что знаю, кто отец.

Я хотела попросить ее опустить драматический пересказ ее блестящих исследований и просто изложить мне факты, но это все равно что просить грозовую тучу прекратить дождь. Я покорно вздохнула:

– Так кто это и как вы узнали? – Я села на пол и, вытянув ноги вперед, прислонилась к краю ванны, готовая к долгому пути.

Ивонна между тем продолжила:

– Тот факт, что бедную Эванджелину похоронили в саду за домом, заставил меня задуматься. Ее мать родилась в рабстве, но Джон Вандерхорст освободил ее после того, как перевез ее в Чарльстон. Возможно, семье как раз понадобилась кухарка, но меня грызла мысль, что это могло быть и нечто большее. Я ничего не смогла найти в

личных записях, поэтому мне пришлось подумать об источнике информации, который мы еще не рассматривали.

Я почти слышала, как она затаила дыхание, ожидая моего вопроса.

– И что это было, Ивонна?

– Недвижимость! Я думала, уж кто-кто, а вы догадаетесь. Я начала с земельных участков, принадлежащих Вандерхорстам, включая дом на Трэдд-стрит и Галлен-Холл, а также несколько фирм на Митинг-стрит и Брод-стрит. Они, конечно, не управляли ими сами, а просто сдавали в аренду, но в какой-то момент им принадлежал магазин мужских шляп и женского платья. Я думала, вы оцените последнее.

Она умолкла, чем стряхнула с меня оцепенение, и, надо сказать, вовремя, чтобы я успела отреагировать:

– Да-да, определенно. Как интересно. Итак, помимо того что Вандерхорсты имели меркантильный интерес в различных предприятиях, что еще вы нашли?

– Я думала, вы никогда не спросите! Итак, поскольку Люсиль родилась в рабстве, но затем получила свободу, я решила немного разобраться в этом. Мне удалось найти свидетельство об ее освобождении. В нем говорилось только то, что она была в здравом рассудке и крепком теле и способна содержать себя. Никаких мотивов, конечно, не приводится, но иногда исследователь может сделать некоторые выводы, исходя из обстоятельств. Например, почему дочь Люсиль похоронили в саду за домом? Я задалась вопросом почему, зная, что это фрагмент головоломки. И, конечно же, я не могла не задаться вопросом, почему Люсиль вообще получила свободу. После 1820 года новый закон сделал освобождение раба практически невозможным, выдвинув требование, чтобы оно осуществлялось лишь по решению суда.

Я выпрямилась. В моем мозгу начали сплетаться крошечные нити.

– Продолжайте.

– Я решила изучить сделки с недвижимостью начиная с 1847 года, года рождения Эванджелины. И вот тогда я его нашла!

Она, как обычно, сделала театральную паузу.

– Что вы нашли? – не удержалась я.

– Не нужно кричать, Мелани. Мой слух в порядке.

– Простите, Ивонна. Я была немного взволнована. – Я закусила губу и сделала несколько глубоких вдохов. – Что вы нашли?

– Документ на дом на Генриетта-стрит, владелицей которого значится Люсиль Галлен.

– Галлен? Как плантация?

– Именно. Часто вольноотпущенные рабы брали фамилию своего бывшего владельца, но Люсиль предпочла этого не делать. Не могу сказать наверняка, но догадываюсь почему. Точно знаю одно: у нее имелась причина не брать фамилию Вандерхорст.

Я села прямо, нити наматывались все туже и туже.

– Но откуда у нее деньги на покупку дома?

– Я подумала о том же. Мне пришлось немного покопаться в бумагах, но я нашла оригинал купчей и документы о передаче прав собственности. И угадайте, кто купил дом, а потом продал его Люсиль за один доллар?

– Понятия не имею. Кто это был?

– Джон Вандерхорст! Только не надо кричать в трубку. Я вас прекрасно слышу.

Я моргнула, пытаясь мысленно размотать несколько нитей.

– Но какое это имеет отношение к образцу вышивки?

– Ну, у Люсиль, возможно, имелись свои причины не использовать фамилию Вандерхорст, но она позаботилась о том, чтобы ее дочь знала, кто ее отец, хотя по причинам, которые, я уверена, вы можете выяснить сами, ей не позволялось это афишировать.

Моя рука метнулась ко рту.

– Джон был отцом Эванджелины! О боже! Почему нам потребовалось так много времени, чтобы это понять?

– Нам?

Я заморгала:

– Извините. Вам. Ведь вы это поняли.

Ивонна откашлялась:

– Как я уже говорила, я уверена, что Эванджелина знала, кто ее отец, точно так же, как, изучив образец, я уверена, что она знала, что не может афишировать этот факт. Вот почему она так ловко спрятала свои инициалы в вышивке.

– Подождите. Что? Где? – Я включила громкую связь и, пролистав фотографии на телефоне, остановилась на образце вышивки и

пальцами сделала крупный план. – Я их не вижу. Куда вы смотрите?

– Вышитый золотом символ между собачьими мордами на кромке. Это перевернутые буквы E и V, выполненные тонким шрифтом девятнадцатого века, известным как клинопись. Он был очень популярен в Викторианскую эпоху. Его и так трудно читать, а перевернутым почти невозможно, если не знать, на что смотришь.

Я увеличила изображение еще больше и безуспешно перевернула свой телефон, пытаясь рассмотреть фотографию вверх ногами, но затем сдалась и вместо этого наклонила голову.

– О боже мой. Вы правы. – Я выпрямилась. – Это…

– Тот же символ на могиле, которую вы видели вчера на кладбище «Магнолия». Вы сказали, что он показался вам знакомым, и теперь мы знаем почему.

Я встала и начала расхаживать туда-обратно. Мраморный пол холодил мои босые ноги.

– Так вот куда ее отец перевез ее тело. Поближе к Вандерхорстам, но не слишком близко.

– Печально, но факт, – сказала Ивонна.

– А что с циферблатом? Удалось ли вам найти в этом хоть какой-то смысл?

– Боюсь, что нет. Я, конечно, продолжу поиски, но боюсь, что зашла в тупик.

Теперь я окончательно проснулась без всякой надежды снова уснуть. Я взглянула на трое часов, стратегически расставленных по всей ванной комнате – все трое спешили на семь минут, – и увидела, что уже почти четыре часа утра.

– Я умираю от желания рассказать Джеку о том, что вы обнаружили, но не хочу его беспокоить.

– Мелани, могу я дать вам совет?

– По поводу исследований?

– По поводу брака. Простите меня, если я вторгаюсь в вашу личную жизнь, но я провела слишком много лет, анализируя исследования и изучая человеческое поведение, и кое-что для себя вынесла. Я знаю Джека достаточно давно и поэтому понимаю, что сейчас он в конфликте, и вы оба не знаете, что вам делать. – Она на миг умолкла. – Иногда все, что нужно, – это признать, что вы оба неправы. А затем задержать дыхание и сделать решительный шаг.

Я посмотрела на свой телефон, не зная, что ответить. Я помнила, что Нола говорила мне почти то же самое.

– И еще одна вещь, – продолжила Ивонна. – Сомневаюсь, что Джеку не понравится, если вы разбудите его в предрассветные часы.

* * *

Заглянув в спальню Нолы, я увидела, что она спит на боку, а Порги и Бесс прижимаются к ее груди. Мимо меня проплыл слабый запах пепла, смешанного с ароматом роз, и испарился, как только я его ощутила. Либо Замороженная Шарлотта вернулась в спальню Нолы, либо Эванджелина. В любом случае я не боялась. Во всяком случае, не Эванджелины или Луизы.

Из-под двери Джека пробивалась полоска света, но на этот раз его клавиатура молчала. Я осторожно постучала в дверь и подождала пару секунд. Не получив ответа, я постучала снова.

– Джек? Ты тут?

Воздух внезапно пропитался пьянящим ароматом свежих роз, а в следующий момент защелка скрипнула, и дверь медленно открылась. Я сунула голову в комнату.

– Джек?

Я заглянула за дверь и позволила взгляду пропутешествовать по комнате, пока он не остановился на большой кровати и мужчине без рубашки, растянувшемся на ней лицом вниз. Его ноутбук все еще был открыт и опасно стоял у самого края кровати.

Избегая стопок книг и блокнотов, я как можно быстрее на цыпочках пересекла комнату и подняла компьютер с единственным намерением поставить его на стол. Вместо этого мой взгляд привлекла двигающаяся галерея семейных фото, которую Джек использовал в качестве заставки. Я стояла посреди комнаты, улыбаясь фотографиям наших детей и всей нашей семьи, частью которой была и я. Джек убрал фотографии детей из своего офиса, когда ушел от меня, чтобы жить в квартире, но оставил все мои фотографии. Этот альбом подарил мне искорку надежды, проблеск света, который новая Мелани пыталась погасить мыслью о том, что заставка была старой и забытой, поскольку все равно никто ни на какие заставки не смотрит.

Мой большой палец случайно задел трекпад компьютера. Фотографии тотчас сменились целой страницей текста. Мой взгляд автоматически переместился на заголовок. ВЛАСТЬ, ЖАДНОСТЬ И ГРЯЗНЫЕ ДЕЛА. ФАЛЬШИВКА, ПОГУБИВШАЯ ПРЕСТУПНУЮ СЕМЕЙНУЮ ДИНАСТИЮ.

– Тебе помочь? – Джек стоял передо мной, неслышно подойдя ко мне, как пантера, – напоминание о том, что он служил в армии. Сердито поглядев на меня, он взял у меня ноутбук и закрыл крышку, чуть не прищемив мне пальцы. После чего демонстративно поставил компьютер на дальний край стола, вне моей досягаемости.

– Я не… В смысле я… я не… – Я сглотнула, мобилизовала новую Мелани и сделала глубокий вдох. – Я только что говорила с Ивонной и узнала кое-что интересное. Она сказала, что ты не будешь возражать, если я разбужу тебя. Я просто передвинула твой компьютер, чтобы он не упал на пол.

По его лицу скользнула тень улыбки.

– Вот как?

Я кивнула, украдкой оценив его голую грудь, а щетина на его щеках невольно наводила на нездоровые мысли о его предке-пирате. Он в упор посмотрел на меня, и я снова сглотнула, пытаясь смочить пересохшее горло.

– Мы почти уверены, что знаем, кем была Эванджелина. В этой истории много догадок и совпадений, но все указывает на то, что Джон Вандерхорст был ее отцом. Поскольку…

– …совпадений не бывает, – закончили мы в один голос.

Он больше ничего не сказал. В комнате повисла странная тишина, заставив меня невероятно нервничать из-за необходимости чем-то ее заполнить. Как будто я не знала, как мне вести себя в затемненной спальне рядом с полуголым мужем. Как будто я боялась того, что будет дальше, если я не заполню эту тишину.

Я залепетала, почти не делая пауз, чтобы перевести дух. Мне было страшно остановиться.

– Дело не в том, что у Эванджелины не было фамилии. Дело в том, что она не могла ею пользоваться. Помнишь, как Нола рассказывала нам о том, что девушка, появившаяся в ее спальне, как будто не хотела показывать свое лицо? Интересно, это связано с тем, что она получила ожоги, или с тем, что она привыкла стыдиться своего

происхождения? Она не хотела, чтобы Нола видела ее лицо, скорее по привычке, а не потому, что не хотела, чтобы Нола видела ее шрамы.

– Я рада, что мы нашли место последнего упокоения Эванджелины, и, по крайней мере, теперь мы знаем, что это за символ, хотя мы понятия не имеем, что означает циферблат, но Ивонна все еще продолжает поиски. Мне кажется, мы должны похоронить игрушки Эванджелины, а вместе с ней и собачьи кости. Возможно, это положит конец появлениям Замороженной Шарлотты, которая тут как тут всякий раз, стоит мне обернуться. Но мне все равно не дает покоя вопрос, почему она навещает Нолу и почему Нола думает, что Эванджелина здесь, чтобы защитить ее от высокого мужчины, хотя я понятия не имею, кого она имеет в виду.

Я глубоко вздохнула и подождала, когда он заговорит и серьезное выражение его лица сменится чем-то другим.

– Ивонна была права, – наконец сказал он.

– По поводу чего?

– Того, что я был бы не против, если бы ты меня разбудила.

Я сглотнула. В тишине этот звук прозвучал как гром.

– Я передам ей.

Он улыбнулся своей восхитительной улыбкой, которая всегда вытворяла с моим сердцем забавные вещи и размягчала мои кости до консистенции остывающей каши. Он протянул руку и вытащил что-то из моих волос, после чего показал мне одинокое колечко хлопьев «Чирио».

– Ты единственная женщина в моей жизни, на которой даже фланель и хлопья выглядят сексуально.

Он опустил руку. Колечко «Чирио» с тихим стуком упало на деревянный пол. Джек наклонил голову:

– Помнишь тот поцелуй, который ты подарила мне в фойе внизу, когда я пытался поговорить с Демарэ по телефону?

Я молча кивнула, стыдясь признаться, что едва могла думать о чем-то другом.

– Это был «не почти поцелуй», не так ли?

Я помотала головой.

– Нет, это был настоящий. Из серии тех, что почти заставляют меня поверить во второй шанс. – Джек подошел ближе и, пристально глядя мне в глаза, взял в ладони мое лицо, большими пальцами

поглаживали мои щеки. – Что есть в тебе такого, Мелли, чему я не в силах сопротивляться, даже когда я на конце своей веревки и виню тебя в том, что это ты загнала меня туда? Я все эти долгие недели пытался это понять, пытался придумать, как мне жить дальше. Но я то и дело наталкиваюсь на умственные препятствия.

Я смотрела на него, не смея пошевелиться или закрыть глаза.

– Ивонна сказала кое-что еще.

Джек вопросительно приподнял брови.

– Она сказала, что мы должны признать, что мы оба неправы, а затем сделать решительный шаг.

Мы пару секунд смотрели друг на друга, а затем он опустил голову и осторожно коснулся моих губ, как человек, пробующий воду в бочке. А когда отстранился, то посмотрел на меня так, будто оценивал мою реакцию. Я хотела обнять его за шею и притянуть ближе, но не смогла. Я была уже на полпути, и мне нужно, чтобы он встретил меня там.

Джек шагнул вперед, прижимая меня к краю кровати.

– Скажи «нет», и я остановлюсь. Без сожалений.

Наконец мне удалось обрести дар речи.

– Что касается нас с тобой, я ни о чем не жалею, Джек. Я никогда не делала ничего другого, кроме как любила тебя.

Он выдохнул, его губы двигались вслед теплому дыханию по моей шее. По моему телу тотчас вверх и вниз поползли мурашки, правда приятные. Затем он поцеловал меня снова – на этот раз это был настоящий поцелуй, – и мы рухнули на смятые простыни. В тот момент я ни о чем не сожалела.

* * *

Я проснулась в постели Джека. Серый рассвет уже начал стирать тени, а у меня в голове звучало что-то вроде мелодии марширующего оркестра в полном составе – с тромбонами и звонкими цимбалами, – исполняющего праздничный марш. Я открыла глаза и с удивлением поймала себя на том, что улыбаюсь, вспоминая причины, почему.

Увы, стоило мне почувствовать, что теплого тела рядом со мной больше нет, как улыбка сползла с моего лица. Я села. Одеяло, которое

кто-то аккуратно заправил вокруг меня, слетело на пол. Джека не было ни в постели, ни вообще в комнате. Его кроссовки валялись в углу, его ноутбук куда-то делся. Я положила руку на подушку Джека – его приятное тепло давно исчезло в утреннем холоде.

Я отползла на другую сторону кровати, взяла прикроватные часы и поднесла их к лицу на расстояние двух дюймов, чтобы посмотреть время. Полседьмого. Часть меня испытала облегчение от того, что еще рано и я могу вернуться в свою комнату незамеченной, чтобы одеться, но куда большая часть меня задавалась вопросом, почему Джек ушел.

Я соскользнула с кровати и, дрожа от холода, поискала в комнате свою ночную рубашку. Та нашлась – была накинута на абажур. Надев ее, я направилась к двери, но, не дойдя до нее, остановилась. На полу, прямо перед ней, лежал сложенный пополам лист бумаги, который, похоже, кто-то подсунул под дверь. Я нетерпеливо наклонилась, чтобы поднять его, и пару секунд воздерживалась от чтения, пытаясь сдержать волнение. И лишь затем прочла.

> Мелли, извини. Я не должен был допустить того, что случилось прошлой ночью. Я полностью виноват и стыжусь себя. Между нами все еще много неясностей, и я не хочу вселять в тебя ложных надежд. Я люблю тебя. Мне просто нужно больше времени.
>
> *Джек.*

На миг у меня закружилась голова, но как только кровь вновь прилила к голове и конечностям, на меня нахлынула волна мотивирующего гнева. Мне вспомнились слова матери о том, что я – ее дочь-воительница, умеющая побороться за то, чего она хочет.

Я скомкала записку и, бросив ее на кровать, выбежала из комнаты. Возможно, мать была права насчет моего умения драться, но она также обмолвилась о том, что у меня всепрощающее сердце. Но я больше не была уверена, что это правда.

Глава 27

Позже, тем же утром я села в машину вместе с матерью и Джейн. Мой отец приехал вместе с матерью, чтобы присмотреть за близнецами. Он привез пластиковые садовые инструменты детского размера, обуреваемый грандиозными планами начать обучение Джей-Джея и Сары садоводству. Бо был за домом, занимаясь кропотливой работой по ремонту ограды, и каждый раз, когда я замечала его, в моей голове звенел старомодный кассовый аппарат.

Я пристегнула ремень безопасности и, по-прежнему пытаясь разжать челюсти при мыслях о Джеке и записке, вырулила на Трэдд-стрит.

– Почему миссис Хулихан так из-за тебя расстроена? – спросила мать, кладя на колени руки в перчатках.

– Потому что я переставила кухонные ящики и все заново маркировала. Я это к тому, что я могу не знать, как пользоваться кухонной техникой, но это все-таки моя кухня. Этим утром у меня был избыток энергии, и я решила сделать с ней что-то полезное.

– Тебе надо было пробежаться, – подала голос Джейн с заднего сиденья.

– Я сказала, что мне нужно было высвободить избыток энергии, а не мучить себя.

– Не будь слишком строга к себе, – добавила мать. – Ты знаешь, как пользоваться микроволновкой, холодильником и кофеваркой.

Я с ироническим прищуром посмотрела на нее:

– Спасибо, мама.

– Где Джек? – спросила Джейн. – Я видела, что его комната пуста, когда поднялась наверх, чтобы одеть близнецов.

– Я не в курсе, – сказала я как можно более небрежным тоном. – Он ушел рано утром, до того как я проснулась, и не сказал мне, куда идет.

Я почувствовала на себе взгляд двух пар глаз.

– Он сейчас глубоко погружен в книгу. Я предполагаю, что он проводит исследования где-то в библиотеке или у себя на квартире.

Они никак не прокомментировали мои слова, но я ощущала на себе их пристальные взгляды. Мой телефон звякнул, возвестив, что пришло сообщение, но прежде чем я вспомнила, что он в сумочке, которую я бросила на пол со стороны пассажирского сиденья, моя мать его уже вытащила.

– Это от Джека, – сказала она. – Хочешь, я прочитаю?

Я вырулила на въезд на мост Рэвенел.

– Нет, это…

– Та часть, которая мне видна, гласит: «Прочитай перед тем, как ехать в дом Ребекки».

– О-о-о, – протянула я, чувствуя себя слегка подавленной. Не то чтобы я ждала извинений или приглашения к дальнейшему разговору о прошлой ночи, но все же… – Хорошо. Мой защитный код…

– Один-два-два-один, – одновременно сказали Джейн и Джинетт.

– Тебе следует это поменять, – сказала Джейн. – Мало того что его легко угадать, ты используешь его в качестве любого пароля в твоей жизни. Томас говорит, что ты просто напрашиваешься на неприятности.

– Ты встречаешься с Томасом? – Я взглянула на сестру, и ее щеки порозовели.

– Давай, прочитай сообщение, мама, – сказала Джейн.

– Мне нравится размер твоего шрифта, Мелли. Я даже могу читать его без очков. Думаю, марсиане из космоса тоже. – Она откашлялась. – «Мэнди сказала, что пропавшая картина маленькая и на ней изображен фонтан в саду. Так что теперь ты знаешь, что искать».

– Фонтан? – Джейн наклонилась вперед с заднего сиденья. – Почему Марк выбрал именно его? Если он якобы пытается помешать нам что-то обнаружить, лично мне это кажется странным. Он в курсе, что фонтан разобрали и заново собрали, но ничего не нашли, верно? Ну, кроме двух скелетов.

Я почти не слышала ее.

– И это все? Джек ничего не сказал про прошлую ночь? – Я закусила губу, слишком поздно осознав, что я только что сказала и перед кем.

– Нет, – сказала моя мать. – И это все. Хочешь, я напишу ему в ответ и спрошу?

– Нет! – крикнула я. Обе мои пассажирки тотчас повернули головы и удивленно посмотрели на меня. – Я имею в виду, я сама спрошу его позже. – Я увеличила громкость радио, чтобы на оставшуюся часть короткой поездки предотвратить дальнейшее обсуждение этой темы.

Ребекка переехала в дом Марка на побережье на острове Пальм, когда они поженились. Я была там только один раз, с Марком, когда мы встречались, и не горела желанием совершить повторный визит. Желтый оштукатуренный особняк явно был новостройкой, возведенной на фундаменте скромного дома, который когда-то был хранителем воспоминаний целой семьи. Марк с гордостью сообщил мне, что сам спроектировал дом, результатом чего стала странная смесь деревенского коттеджа, греческого Возрождения и средневекового замка. Судя по его набегам в писательство и режиссуру фильмов, Марк не считал нужным иметь обширную подготовку или талант для любого начинания, в которое он решил погрузиться. Или, в его случае, нырнуть плашмя животом.

– Вот это да! – ахнула Джейн, когда мы, хрустя каблуками по дорожке из измельченного ракушечника, вылезли из машины. – Я рада, что здесь нет Софи. Ей было бы что сказать про эти зубцы вокруг террасы на крыше. Сразу видно, что это «пляж», не так ли?

Я открыла багажник, взяла две сумки с едой от Родни Скотта, которые моя мать забрала ранее, а также пончики, которые я попросила купить для меня в «Глазурованных пончиках», и одну протянула Джейн.

– О, погоди, пока не заглянешь внутрь.

– Будьте милосердны, девочки, – предупредила нас мать. – Сейчас мы не должны испытывать к Ребекке ничего, кроме сострадания.

– Потому что она беременна? – спросила я, пока мы поднимались на высокое полосатое крыльцо. К тому времени, когда я добралась до последней ступеньки, я уже задыхалась и валилась с ног от усталости.

– Потому что она замужем за Марком Лонго, – прошептала она, указывая на камеру наблюдения над входной дверью.

Я нажала кнопку звонка и, пока мы вместе пели серенаду Summertime Гершвина, прислушалась.

– Это?.. – начала было Джейн.

– Да. Я не была внутри с тех пор, как Ребекка отремонтировала дом, но, судя по тому, что она мне сказала, дверной звонок, вероятно, будет самой стильной вещью в доме, так что приготовьтесь.

Ребекка открыла нам дверь, закутанная в розовато-лиловый шелк, замаскированный под халат.

– Доброе утро, девочки! – Она поприветствовала всех нас воздушными поцелуями и закрыла за нами дверь. – Жаль, что мы не смогли устроить нашим собачкам свидание, но наш грумер в последний момент отменил встречу, а вы знаете, как трудно записаться на прием к хорошему грумеру. Мы были в отчаянии. Я мечтала, чтобы Пуччи выглядела королевой вечеринки, так как ее шерсть обычно смотрится лучше всего через пару недель после стрижки. Не говоря уже о легком тонировании. Сначала оно всегда смотрится слишком ярко, и нужно какое-то время, прежде чем оно потускнеет до идеального оттенка розового. А ведь мы хотим, чтобы она выглядела на вечеринке настоящей красавицей, не так ли?

Мать костяшками пальцев ткнула меня в спину.

– Разумеется. Не переживай. Мы сделаем это в следующий раз. – Я не стала говорить это вслух, но я могла поклясться, что все три моих собаки вздохнули с облегчением, когда я сказала им, что сегодня они не увидят Пуччи.

Ребекка посмотрела на бумажные пакеты у нас в руках и принюхалась.

– Вы приехали вовремя. Я жутко проголодалась. Следуйте за мной, дамы.

Ребекка повела нас по полу из розового мрамора за двойную лестницу с широкими латунными перилами. От огромного количества розовой мебели по пути к огромному заднему дворику у меня зарябило в глазах. Из дворика открывался вид на океан и переливной бассейн, но вряд ли кто-то из нас их заметил. Мы втроем дружно пялились на подушки, коврики и посуду всех мыслимых оттенков розового. В центре этого розового великолепия была румяная каменная статуя русалки с двумя морскими звездами, стратегически сидящими на кончиках ее пышных грудей, нависавших над встроенным грилем.

Ребекка открыла раздвижные стеклянные двери. Те скрылись в стене, а она, шурша по мрамору шелковым подолом, прошествовала

мимо нас.

– Погода просто идеальная сегодня. Предлагаю поесть на свежем воздухе. Располагайтесь. – Она указала на стулья вокруг большого стола из состаренного дерева, окрашенного бледно-розовыми пятнами.

– Да, погода прекрасная, – согласилась я, будучи несказанно рада, что перед нами открытая вода, на которую можно смотреть во время еды. Мы с Джейн начали доставать из пакетов еду. От пряного запаха знаменитого соуса барбекю мой желудок громко заурчал.

Ребекка взяла стеклянный кувшин сладкого чая и начала разливать его по уже стоявшим на столе стаканам.

– И она будет идеальной на моей вечеринке менее чем через неделю!

– Это не так уж много времени, Ребекка. Я подумала, может, ты дашь мне еще пару недель. У меня масса дел. Хотелось иметь в своем распоряжении достаточно времени, чтобы сделать эту вечеринку особенной. – Что было правдой лишь отчасти. В основном я надеялась, что со временем она полностью изменит свое мнение о теме.

– Не волнуйся, Мелани. Я сделала за тебя всю работу. – Она взяла со стола папку и услужливо положила ее в мою большую сумку. – У меня готово меню, имя поставщика провизии и мои планы по оформлению вечеринки. Я хотела нанять твоего дизайнера, Греко, но после того, как я поделилась с ним своими планами, он вспомнил, что на тот вечер уже приглашен на другую работу. Какая жалость. Но потом, осмотрев дом, я поняла, что на самом деле мне не нужны чьи-то еще идеи. – Ребекка хихикнула.

Я украдкой переглянулась с матерью и сестрой и выложила нашу еду на украшенные розами фарфоровые тарелки.

– Мы думали, что мы займемся ее планированием, – сказала мать, осторожно снимая перчатки.

Лицо Ребекки сделалось серьезным.

– Это да, но потом я подумала, что мои вкусы чуть более… изысканные, чем у большинства людей, и решила просто сделать все самой. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что Мелани не в восторге от моей темы для вечеринки, и потому я решила взять всю ответственность на себя, чтобы быть уверенной, что это будет именно та вечеринка, которую хочу я. Не говоря уже о дефиците времени. К счастью, у меня есть природный талант к дизайну и искусству приема

гостей, что позволяет мне придумывать за очень короткое время нечто поистине блестящее. – Она ослепительно улыбнулась и начала смазывать булочку медовым маслом. – Но я рада, что вы здесь, потому что я хотела поговорить еще кое о чем.

– Вот как? – сказала я, ковыряя вилкой в салате, – компромисс, на который я пошла с Джейн в выборе обеда. Она сказала, что со всем этим беконом, сыром и соусом его вряд ли можно считать полезной пищей. Я была вынуждена указать ей, что в меню он значился под заголовком «Зелень», а значит, так оно и было. – У тебя был еще один сон, о котором ты забыла нам рассказать? – спросила я.

– Нет, – чопорно ответила Ребекка. – Речь идет о Марке. Я беспокоюсь о нем.

Я взглянула на Джейн и мать. На лицах обеих застыло одинаково тревожное выражение. Поняв, что, очевидно, они сделали меня здесь главной, я спросила:

– А почему так?

Взяв волнистый кусочек картофеля, Ребекка обмакнула его в медовое масло, явно не заботясь ни о соли, ни о калориях, ни о двойном обмакивании в нашем общем масле.

– Я изучила все эти сайты и блоги о кладах, пытаясь понять, что же происходит. И даже не пытайся это отрицать, Мелани. Я знаю, что вы с Джеком тоже. Ты, очевидно, Девушка-Пончик, а Джек – ДжТ, хотя ни один из вас никогда ничего не постит. Вы просто подслушиваете.

– Это не подслушивание, Ребекка. Зачем постить что-то на публичном форуме, населенном экспертами, если мне нечего добавить к разговору. В отличие от некоторых людей, – сказала я, туманно намекая на ее мужа и прочих любителей теории заговора, которые с радостью делились байками, связывающими Алмаз Надежды с убийством президента Кеннеди и смертью принца Филиппа. Мне не было необходимости спрашивать, под каким ником скрывается Ребекка, поскольку я давно узнала ее за ником ПУЧЧИМАМА. По крайней мере, она почти ничего не постила, лишь время от времени задавала вопросы о погоде и моде в разных уголках мира, когда какой-нибудь участник упоминал свое местоположение.

– Да, как вы знаете, Марк очень хорошо информирован и является важной частью интернет-сообщества охотников за кладами. Просто в

последнее время он, похоже, стал жертвой нападок со стороны какого-то типа по кличке Черная Борода.

Я знала, какие посты она имела в виду.

– Если только я что-то не упускаю, Ребекка, я не думаю, что, если другой участник выражает иное мнение, это считается нападками. Черная Борода сказал лишь то, что если Марк не может предъявить какие-либо доказательства существования второй половины Алмаза Надежды, то другим участникам остается только предположить, что он говорит неправду.

– Она права, – подтвердила Джейн. – Ему угрожали?

Ребекка взяла еще один кусочек картофеля, обмакнула его в масло и слизнула с пальцев соль, очевидно забыв, что она не одна.

– Не так многословно. Он обвинил Марка в розыгрыше участников. Так что да, он фактически назвал Марка лжецом.

Я хотела указать, что правда порой бывает болезненной, но почувствовала, как в мои ребра вонзается костяшка пальца моей матери. Порой материнская интуиция меня изрядно раздражала.

– Ребекка, дорогая, – сказала моя мать, пододвигая к Ребекке стакан сладкого чая, – ты точно знаешь, что у Марка есть доказательства?

Ребекка пару секунд смотрела в свою тарелку, потом кивнула:

– Я сказала Мелани. Это старая картина, которую он одолжил в музее. – Странно, но она не взяла слово «одолжил» в воздушные кавычки, потому что я бы точно это сделала. – Я ее не видела. Он просто принес ее в дом и, не показав мне, поставил в своем кабинете.

– Тогда откуда ты знаешь, что это доказательства? – спросила Джейн.

Ребекка подняла глаза и с вызовом вскинула подбородок.

– Потому что Марк сказал мне. По его словам, теперь, когда у него есть доказательство, не имеет значения, если съемки фильма сорвутся, потому что нам не понадобятся деньги. Вот почему он перестал жаловаться мне на происходящие в доме жуткие вещи, из-за которых съемочная группа отказывается работать.

Ее нижняя губа задрожала. Она попыталась сделать глоток своего сладкого чая, и немного воды стекло по ее подбородку, но она этого не заметила.

Джейн взяла матерчатую салфетку и осторожно промокнула ею лицо Ребекки.

– Ну-ну, успокойся, – сказала она, включая внутреннюю няню.

– Может, ты нам покажешь? – предложила я. – Тогда я могу выйти в Интернет и поддержать Марка.

Она посмотрела мне в глаза, и я поняла, что она вспоминает наш разговор на Чарльстон-плейс за чашкой кофе, когда я попросила показать картину и она обвинила меня в попытке воспользоваться женщиной с беременным мозгом.

– Это лучшее, что ты можешь сделать, Мелани? Я уверена, Джек отдал бы глазные зубы, лишь бы узнать, что обнаружил Марк. Он отчаянно хочет отомстить Марку.

Меня захлестнула волна праведного гнева. Несмотря на руку матери на моей руке, я даже забыла про беременность Ребекки.

– Можно ли винить его за это? – спросила я громче, чем хотела. – Марк снова и снова пытался разрушить жизнь Джека. Я уверена, его раздражает, что Джек все еще жив и здоров. И если Марк настолько глуп, чтобы поверить слухам о том, что где-то в нашем доме спрятан гигантский бриллиант, то он заслуживает того, чтобы его вызвали на публичный форум. По моему опыту, даже скажи мне Марк, что небо голубое, я бы все равно назвала его лжецом.

За столом воцарилось молчание. Все посмотрели на меня. Я сделала глоток чая. Мой аппетит полностью пропал, хотя мы еще даже не притронулись к десерту. Я чувствовала, как мать наблюдает за мной, побуждая меня к извинению, но я просто не могла это сделать. Потому что каждое слово было правдой.

Вместо того чтобы упрекнуть меня, Ребекка, теребя бледно-розовую льняную салфетку, посмотрела на свои колени.

– Он все еще видится с этой… женщиной. И есть еще одна. Блондинка. Я видела, как они вошли в отель «Спектейтор».

– Ты спросила его об этом? – поинтересовалась Джейн ласковым голосом няни. – Вдруг она его деловой партнер, и, возможно, они просто собирались выпить. Там замечательный бар.

Ребекка подняла глаза и всхлипнула. Я почти пожалела ее. Почти.

– Правда, было одиннадцать утра, и они держались за руки и, прежде чем войти внутрь, поцеловались. – Она разрыдалась, и Джейн ласково обняла ее за плечи.

– Извини, – сказала Джейн. – Ты этого не заслуживаешь.

Ребекка подняла голову. Ее глаза и кончик носа были темно-розового оттенка.

– Думаю, вечеринка в нижнем белье все исправит. А вы как думаете? Марк вновь увидит меня сексуальной и вспомнит все хорошие времена. Он даже не захочет смотреть ни на какую другую женщину.

За столом вновь воцарилось молчание.

– Ребекка, – тихо сказала моя мать, – независимо от того, что думает Марк, это не оправдывает его поступков. Они непростительны, унизительны и являются вескими основаниями для развода. Я знаю, ты думаешь, что любишь его, и хочешь держаться за него, и это твой выбор. Но что бы ты ни решила, помни, мы твоя семья и мы поможем тебе, что бы ни случилось.

– И, может, даже поможем спланировать небольшую месть, – предположила Джейн.

Я с жаром кивнула, а наша мать послала нам предупреждающий взгляд.

Ребекка хранила молчание, разве что всхлипнула, затем положила скрученную салфетку на стол и отодвинула стул.

– Я устала. Думаю, я пойду вздремну, если вы не против сами выпустить себя из дома. Просто оставьте пончики на столе… я уверена, что потом проголодаюсь.

Не глядя нам в глаза, она добавила:

– Если кому-то из вас, прежде чем уйти, захочется попудрить нос, дамская комната в конце коридора справа от двери, через которую вы вошли. – Она на миг умолкла. – Прямо рядом с офисом Марка. Этим утром он торопился и вряд ли успел запереть картину в сейфе. Он считает, что я слишком глупа, чтобы интересоваться его планами. Это делает его беспечным.

Она прошла мимо нас в дом и направилась к лестнице. Звук шуршащего шелка следовал за ней по пятам. Мы переглянулись, а затем, не говоря ни слова, направились в сторону кабинета Марка.

Эта комната, похоже, была недосягаема для декораторских талантов Ребекки, что означало, что она не была розовой, однако никто, хотя бы немного понимающий в дизайне, не прикасался ни к одной ее части. Она скорее напоминала комнату в студенческой

общаге, нежели кабинет преуспевающего бизнесмена, – разношерстная мебель, наобум развешанные по стенам картины. Между окнами, рядом со старинным письменным столом стоял высокий картотечный шкаф. Ящики с папками были заперты, как и ящики стола. С другой стороны стола стоял большой сейф с прочной и очень-очень крепко запертой дверью.

– Значит, мы ищем картину? – спросила Джинни.

– Да. Небольшую, на которой изображен маленький фонтан в моем саду. Вряд ли она крошечная, так что найти не составит большого труда. Думаю, у нее толстая позолоченная рама, поскольку у всех других картин, которые мы видели в музее, были такие же.

– Как у этой? – спросила Джейн, потянувшись к промежутку между столом и картотекой, где на полу стояла небольшая картина. – Если это она, Марк либо невероятно ленив, либо просто глуп.

– Я должна выбрать что-то одно? – спросила я, чувствуя на себе недовольный взгляд матери.

Я смотрела на картину. Я тотчас узнала свой сад и попыталась понять, что же Марк нашел таким важным. На картине был изображен фонтан и территория вокруг него в лучах рассветного солнца. На травинках и лепестках роз и даже на носу и конечностях вечно писающего мальчика в фонтане блестели тяжелые капли росы. Солнце отражалось от бесчисленных капель, создавая по всей картине точечные блики, – этакий намек на будущие радости и надежду. Определенно не то, что, как мне казалось, должно привлечь внимание такого человека, как Марк Лонго.

– Я не понимаю, – сказала Джейн. – Что особенного в картине?

– Может, это ложная приманка, – предположила я, и эта фраза показалось мне странно знакомой. – Встряхни ее, не гремит ли что-нибудь внутри.

Джейн легонько встряхнула картину, затем осторожно провела пальцами по обратной ее стороне.

– Даже если внутри нее был спрятан большой бриллиант, то его там больше нет.

Сверху донесся какой-то звук. Мы вздрогнули.

– Нам нужно идти, – прошептала я. – Я не хочу, чтобы Ребекка застала нас здесь.

– Она практически дала нам разрешение, – возразила Джейн.

– Да, но если она застукает нас, ей придется солгать Марку, а именно этого она и пыталась избежать.

– Хорошо, – протяжно сказала Джейн, идеально подражая Ноле. – Тогда давайте возьмем картину с собой.

Я покачала головой:

– Это исключено. Нам не нужно, чтобы Марк знал, что мы ее видели, поэтому убедись, что ты вернула ее точно туда, где она была.

Откуда-то сверху донесся стук шлепанцев на низком каблуке по деревянному полу. Наша мать подошла к двери.

– Быстрее, Джейн, подними картину. Думаю, Мелли неплохо бы сделать снимки. Я отвлеку Ребекку, наделаю побольше шума в дамской комнате.

С этими словами она вышла в коридор, а я удивленно посмотрела на растерянную Джейн. Похоже, мы обе с трудом представляли себе, какой отвлекающий маневр наша элегантная мать провернет в туалете.

Джейн сделала, как ей было велено. Я тем временем сфотографировала картину со всех сторон, со вспышкой и без, сериями – как показывала мне Нола – и панорамой. Я даже на всякий случай сделала замедленное видео.

В дверях появилась моя мать.

– Живее, девочки. Вы сделали то, что вам было нужно?

Я кивнула, и мы вышли за ней в коридор. Когда мы проходили мимо дамской комнаты, она бросилась внутрь, быстро смыла в унитазе воду и, прежде чем включить свет, открыла кран.

– Я не буду его закрывать, чтобы она знала, что мы там были, – заговорщицки сказала она.

– Встретимся у машины, – сказала я. – Я просто хочу что-нибудь захватить.

Джейн взяла меня за руку и повела к входной двери.

– Ребекка велела не трогать пончики. Неужели ты отнимешь их у беременной женщины?

Мне не дали ответить, так как меня практически выволокли за дверь.

Мы сели в машину и уже направлялись к шоссе № 17, чтобы вернуться в Чарльстон, когда у меня зазвонил телефон. Мать вытащила из моей сумочки телефон и посмотрела на экран прежде, чем я успела сказать ей не делать этого.

– Это Бо Райан. Хочешь, я отвечу?

Я покачала головой и нажала кнопку телефона на руле. Это был предел моих знаний обо всех высокотехнологичных фишках, очевидно, загруженных в мою машину. В остальном я пребывала относительно их в блаженном неведении.

– Привет, Бо. Пожалуйста, не говори мне, что ты уже закончил с оградой. – Я уже собиралась спросить его, можно ли заплатить ему в рассрочку, когда его слова привлекли мое внимание. – Извини. Что ты сказал?

– У нас несчастный случай.

Я резко затормозила. Водитель, ехавший следом за моей машиной, загудел клаксоном и попытался меня объехать.

– Что? Кто-нибудь пострадал? – Мой разум мгновенно наполнился картинами близнецов, выкалывающих друг другу глаза пластиковыми граблями. И автомобильной аварии с участием Нолы. Мои пальцы вцепились в руль, я напряглась, ожидая услышать худшее.

– К счастью, нет. Только Марк Лонго.

– Какое счастье. – Я посмотрела на мать. Та бросила на меня укоризненный взгляд. – Я имею в виду, с ним все в порядке?

– Похоже, что у него сломана нога. Я позвонил по номеру девять-один-один и миссис Лонго. Ее телефон сразу переключился на голосовую почту. Похоже, она отключила его. «Скорая помощь» уже приехала, врачи стабилизируют его состояние, перед тем как отвезти в больницу.

– Ты видел, как это случилось?

– Да, мэм. Я зашел на кухню попить воды. Миссис Хулихан всегда оставляет мне кувшин и пару печенек. Я услышал в передней гостиной звуки, похожие на бой курантов, и пошел на разведку. Марк стоял на одном из стульев в столовой…

– В туфлях? – спросила я, за что удостоилась тычков в бок от матери и от Джейн.

– Вообще-то нет. Думаю, он не так бы сильно повредил ногу, будь он в обуви. Как бы то ни было, похоже, он пытался сорвать с верхней части часов украшение в виде ананаса. Наверно, я застал его врасплох, потому что он вроде как дернулся назад, потерял равновесие и упал со стула. Он бы остановил падение, не приземлись его нога на груду старых пуговиц, валявшихся на полу. Должно быть, он вцепился в это

навершие и, падая, потянул часы на себя, и, когда они оба упали, они придавили его.

– Пуговицы? – спросила Джейн с заднего сиденья.

– Да, мэм. Довольно большая куча. У меня еще не было времени их рассмотреть, но я заметил на полу оборванную нить, так что они могли быть от старинной амулетной нити. Хотя не знаю, что они делают на полу. – Бо умолк, как будто ожидая, что кто-то предложит объяснение.

Мы втроем переглянулись, но промолчали.

– Должно быть, это был призрак, – сказал он и рассмеялся: – Существуй такая вещь, как призраки. В любом случае Марку повезло, что часы не упали ему на голову… эта штука тяжелая. Мы с Джеком пытались их поднять, но они ни в какую. Твердое красное дерево, по-моему. Стекло вроде бы разбилось, что удивительно, но я подозреваю, что внутренний механизм нуждается в ремонте. В старых часах они обычно очень хрупкие. Буду рад порекомендовать экспертов, с которыми работает моя бабушка.

В глубине моего мозга вновь звякнул призрачный кассовый аппарат.

– Я дам тебе знать. Кстати, можешь взять до конца дня отгул, – сказала я с надеждой. – Уверена, все это было для тебя довольно травмирующим.

– Спасибо, это очень мило с вашей стороны, но я продолжу работу. И постараюсь связаться с миссис Лонго, если хотите.

– Не надо. Спасибо, Бо. Думаю, пусть лучше она узнает это от меня. – Я не стала говорить, что хочу предложить ей отменить вечеринку подарков, так как Марк получил травму.

– Еще кое-что. Вам известно про перерыв в съемках? Челси Джи и Джейкоб Рейнольдс только что заехали на минутку, чтобы забрать кое-что из своих вещей, и сказали, что летят обратно в Лос-Анджелес. Не то чтобы это меня касалось. Просто любопытно.

– Понятия не имею. Джек еще там? Может, он знает.

– Вообще-то он только что уехал.

Я нахмурилась:

– Он сказал, когда вернется?

В трубке воцарилось молчание, сопровождаемое ощущением того, что мой желудок сползает куда-то вниз.

– Нет, мэм. То есть Мелани. Но это может продлиться какое-то время. Перед тем как уехать, он положил в багажник пару чемоданов.

– Полагаю, было бы излишне надеяться, что Харви Бекнер будет в одном из них. – Я заставила себя рассмеяться, чтобы не заплакать.

– Я думаю, что Харви в Лос-Анджелесе, – сказал Бо.

– Верно. – Я тяжело сглотнула. – Я буду дома минут через пятнадцать. Тогда увидимся.

Я нажала кнопку на рулевом колесе и отключила Бо, затем дважды попыталась дозвониться до Ребекки, но оба раза звонок сразу же переходил на голосовую почту. Я в отчаянии стукнула по рулю.

– Ты в порядке, Мелли? – Спокойный голос матери был большим испытанием, чем я могла вынести.

– В порядке. Все нормально. – Я нажала на педаль акселератора, и мы рванули к съезду у Восточного залива. Я сбросила скорость лишь тогда, когда увидела, как мать уперлась руками в приборную панель.

– Какие у тебя планы? – тихо спросила Джейн.

Я глубоко вздохнула:

– Я подброшу маму до ее дома, а тебя отвезу к себе, чтобы ты избавила папу от близнецов, которые, скорее всего, все в грязи и отчаянно нуждаются в купании. Затем я изучу ущерб в гостиной и попытаюсь придумать, как поставить часы вертикально, чтобы я могла увидеть, насколько они пострадали, хотя, если честно, не лучше ли просто оставить сломанные часы лежать в гостиной и притвориться, что их просто нужно завести. – Я сделала глубокий вдох. – А потом сяду планировать самую удивительную и уникальную вечеринку детских подарков с нижним бельем, какую этот город когда-либо видел. Обо всем остальном я подумаю завтра.

Глава 28

К сожалению, я не могла позволить себе роскошь ждать до следующего дня, пока остальная часть моей жизни рушила мои планы. Трудно сохранять спокойствие и жить себе дальше, когда на полу гостиной лежат почти восьмифутовые старинные напольные часы. Рядом с кучей старинных пуговиц.

Я замедлила шаг ровно настолько, чтобы осмотреть ущерб, после чего бросилась наверх в комнату Джека, зная, что увижу, еще до того, как моему взору предстала аккуратно заправленная кровать и пустой шкаф. Все следы его пребывания здесь были тщательно убраны. Мне хотелось лечь на кровать и уткнуться лицом в подушку. Но то была прежняя Мелани. Новая Мелани, пятясь, вышла из комнаты, спокойно прошла по коридору и через мгновение вернулась, чтобы закрыть дверь.

Я оставила миссис Хулихан в гостиной сокрушаться о том, как часы портят старинный ковер, и переживать по поводу удаления пятен крови, а сама присоединилась к отцу в саду. Тот сидел на скамейке, глядя на остатки всех своих тяжких трудов. Его улыбка сказала мне о том, что он уже мысленно планирует реконструкцию и ему явно не терпится начать все сначала и поработать на земле.

Сев с ним рядом, я положила голову ему на плечо и прищурилась, чтобы затуманить зрение, в надежде увидеть то же, что и он. Он сжал мою руку в своей и положил наши руки на скамейку между нами.

– Думаю начать все сначала и превратить твой сад в классический романтический сад.

– Никогда не слышал о таком. Что это такое?

– Их еще называют экстравагантными лжецами.

Услышав в его голосе улыбку, я подняла голову, чтобы посмотреть на него.

– Тоже никогда о них не слышала. Почему их так называют?

Отец глубоко вздохнул, и я поняла: он в своей стихии, делится со мной своей любовью к садам. И тотчас ощутила эту связь с ним, которую когда-то считала безвозвратно разорванной.

– Итак, – начал он, – романтические сады стали популярны во время промышленной революции как своего рода кивок в сторону расширения прав и возможностей простого человека. Возвращаясь домой с работы на фабрике, он мечтал о совсем другой обстановке, хотел забыть унылые реалии своего рабочего дня. В них ни симметрии, ни плана, зато сюрприз за каждым углом. Иногда это небольшие виньетки, спрятанные в нишах, или извилистые тропинки, ведущие в никуда. Сады призваны перенести зрителя туда, где эмоции преобладают над разумом, они обращаются непосредственно к человеческой душе.

Откинувшись на спинку скамейки, я посмотрела на искусственный газон перед нами, натянутый над цистерной, на пластиковые цветы, необходимые для съемок фильма.

– И все это не мешает тебе видеть его?

Он медленно кивнул:

– До известной степени. Мне придется набросать его, но для меня это часть радости. Не всегда знаю, что будет дальше, но верю, что разберусь по ходу дела. Меняя что-то по мере необходимости. То, что я начинаю с плана, вовсе не означает, что я не могу отклониться от него, если мое сердце уведет меня в другом направлении.

Внезапно у меня перехватило горло, и я не сразу смогла заговорить:

– Даже не знаю, как ты это делаешь. Я вижу только полный разгром. Весь твой тяжелый труд пошел прахом. На твоем месте я бы просто вошла внутрь и забыла, что этот задний двор существует, прежде чем начинать все сначала.

Отец сжал мою руку:

– Конечно. Я бы тоже. Но потом ты зализываешь раны, встаешь и принимаешься за работу, потому что не в наших правилах жить, как ты выразилась, посреди разгрома. Мы знаем: как бы плохо ни выглядело все вокруг, мы всегда придумаем, как это исправить. – Я вновь положила голову ему на плечо, и он поцеловал меня в макушку. – Ты унаследовала это упрямство и от матери, и от меня, так что получила двойную дозу. И, по-моему, это хорошо. Мир полон людей, которые

либо боятся потерпеть неудачу, либо в случае провала им страшно попробовать еще раз. Остальные люди такие, как мы, – слишком упрямы, чтобы сдаться.

Я сделала глубокий, судорожный вдох:

– Джек ушел.

– Знаю. Мы перекинулись с ним парой слов, когда он пришел на прощание поцеловать близнецов.

Представив этот разговор, я улыбнулась, уткнувшись носом в его рубашку:

– Спасибо, пап. Я рада, что ты прикрываешь меня.

– Конечно, а как иначе. Мы все это делаем. Хотел бы я знать, что у Джека на уме, но он мне не сказал. Я просто думаю… – Он умолк. – Не бери в голову. Не хочу соваться туда, где мне не место.

– Я исчерпала все варианты, папа, так что если хочешь вмешаться, давай, я не возражаю.

Он помедлил мгновение, и лишь потом заговорил:

– Как я уже сказал, мы с твоей мамой оба люди упрямые… или волевые, в зависимости от того, чья это точка зрения. – Он улыбнулся мне. – С тех пор как я встретил Джинни, у меня никогда не было иллюзий, что женщины – слабый пол. Некоторые мужчины – и Джек из их числа – ценят сильных женщин. Но иногда, когда задето их мужское эго, это сбивает их с ног и им начинает казаться, что они должны во что бы то ни стало самоутвердиться.

– Послушать тебя, так Джек похож на пещерного человека, ушедшего на поиски самого большого волосатого мамонта, чтобы притащить его домой на ужин.

Отец усмехнулся, его плечо зарокотало под моей щекой.

– Это почти то же самое. Не знаю, что у него на уме, но я ставлю на то, что он попытается доказать тебе свою значимость. Чтобы стать достойным тебя, если в этом есть некий смысл.

– Никакого. Но я хочу попытаться это понять, тем более что у меня просто нет выбора. Сейчас я зла на него за то, что он не сказал мне, что происходит. Но я отказываюсь сдаваться. У меня есть дети, моя карьера, подготовка к вечеринке подарков и сломанные старинные напольные часы в моей гостиной, и все это на моих женских плечах. Я не могу сидеть сложа руки, у меня просто нет на это времени.

– Именно. И он знает, что так и будет, потому что так поступают сильные женщины.

– Просто это так больно, – сказала я, не в силах скрыть слезы в голосе.

Он обнял меня за плечи, крепко прижал к себе и поцеловал в макушку.

– Я знаю, Орешек. Знаю.

Мы долго сидели, глядя на то, что осталось от сада, и оба представляли себе будущие возможности. В конце концов я села прямо и вытерла глаза чистой бумажной салфеткой, которую протянул мне отец.

– Чувствуешь себя лучше? – спросил он.

Я кивнула:

– Немного. Спасибо.

Улыбнувшись, он спросил:

– Ну как, девчонки, была какая-то польза от встречи с Ребеккой?

Мое сердце согрелось от слов «девчонки», простых слов, иллюстрирующих, как далеко мы все продвинулись за несколько коротких лет в наших отношениях друг с другом.

– И да и нет. Мы узнали, что вообще-то нам не нужно слишком напрягаться, планируя вечеринку. Ребекка любезно предоставила мне папку со своими идеями, адресами поставщиков и магазинов, где она уже заказала товары. Мне остается только их забрать. И оплатить, конечно.

– Предположу, что это часть «нет». А что в части «да»?

– Помнишь картину, о которой я тебе говорила, ту, которую Марк Лонго «позаимствовал» из коллекции Вандерхорстов в Чарльстонском музее? Я видела ее сегодня у них дома и нащелкала около десятка снимков. Похоже, Ребекка считает, что в этой картине содержатся все ответы, которые ищет Марк, включая финансовую свободу. Но ни Джейн, ни мама, ни я ничего не увидели. Мы даже проверили рамку и подложку, вдруг там спрятан какой-то большой бриллиант, но ничего не нашли. И мы подумали, не является ли это очередной фальшивкой со стороны Марка.

– Фальшивкой? Такое слово услышишь не каждый день.

Я покачала головой, вспомнив, что подумала о том же, и попыталась вспомнить, где я недавно видела его написанным.

– Верно. Но оно подходит. – Я вытащила телефон и, открыв на сделанных недавно снимках, пристально изучила крупный план лица херувима – серый камень был усеян звездными вспышками света.

– Дай взглянуть. – Отец достал из кармана очки и надел их, а я передала ему свой телефон. Водя пальцем по экрану, он начал пролистывать фотографии. – Прекрасная картина, не правда ли? Я люблю сад, весь покрытый росой… мы, садовники, называем росинки поцелуями ангела.

Я улыбнулась:

– Как мило. Раньше я думала о росистой траве как о чем-то, чего следует избегать, если только я не хочу испортить обувь.

– А больше ты так не думаешь?

– Лишь немножко. Но теперь я буду думать об этом как о поцелуях ангела.

Поднеся экран ближе к лицу, он продолжил рассматривать снимки.

– Итак, что именно я должен найти?

– Хороший вопрос. Просто что-то ценное. Но мы увидели только фонтан и росу. И писающую статую.

– И пса.

– Что? – Я наклонилась, чтобы рассмотреть поближе. – Где?

Он увеличил изображение и испачканным зеленью пальцем указал на небольшую коричневую фигурку, сидевшую по стойке «смирно» в траве рядом с фонтаном, идеально сливаясь с тенями кустов позади. Я моргнула, просто чтобы убедиться, что она не исчезла.

– Это похоже на оптическую иллюзию. Но стоит его заметить, и вы уже не сможете его не увидеть. Интересно, так и было задумано художником?

Отец уменьшил фото.

– Кто бы ни был этот художник, он или она не поставил своей подписи. Если предположить, что картина была написана по заказу, я уверен, собака появилась на ней намеренно. За прошедшие годы мы уже поняли, что Вандерхорсты обожали головоломки. – Он снова просмотрел фотографии, остановившись на сделанном мною крупном плане кустов, где теперь, когда я знала, что искать, была отчетливо видна собака.

– Нола думает, что его кличка Отис, – сказала я, прищурившись, чтобы лучше видеть.

– Я не буду спрашивать, почему она так думает. – Отец поднес телефон ближе к лицу, загораживая мне обзор. – Возможно, оно написано у него на ошейнике. – Он на миг застыл в таком положении, но затем со странным выражением лица откинулся назад. – Ну, что же, – произнес он.

– Что именно? Его имя на ошейнике?

– Нет, – медленно сказал он. – Но эти яркие пятна на его шее, похожие на гигантские капли росы? Я почти уверен, что это никакая не роса.

Я бесцеремонно выхватила из его рук телефон и поднесла ближе к глазам. И, сосредоточив взгляд на мохнатой морде пса, стала медленно двигаться вниз к его короткой толстой шее.

– Я не… – начала я.

– Надень. – Отец протянул мне свои очки для чтения.

Я надела их и посмотрела на коричневое пятно на картинке. Так я впервые увидела переднюю часть Отиса, если, конечно, это был тот самый пес. Джек всегда говорил мне, что я не должна строить необоснованных предположений, но в данном случае у меня, похоже, имелись для этого основания. Толстый черный ошейник украшали три больших камня одинакового размера, сверкающие, как роса. Они были вставлены в ошейник, и на первый взгляд я бы подумала, что это хрусталь. Если бы не тот факт, что мы искали пропавший бриллиант, я бы согласилась с этой мыслью.

Я встретилась взглядом с отцом.

– Мне и в голову не приходило, что бриллиант могли снова распилить. Так его было легче спрятать, не так ли?

По его лицу скользнула широкая улыбка.

– В сегодняшних долларах эти бриллианты все еще были бы очень ценными не только из-за их происхождения, но и потому, что Алмаз Надежды – это редкий голубой бриллиант. А Марк Лонго, похоже, считает, что они спрятаны в ваших часах.

Я сидела спиной к железной скамье, мои мысли то замирали, то вновь поднимали голову, перескакивая с одного на другое.

– Но их там нет, – сказала я. – А раз так, то где они?

Отец встал и протянул мне руку, чтобы помочь подняться.

– Остается только гадать. Но я искренне надеюсь, что вы найдете их раньше, чем это сделает Марк Лонго.

Глава 29

Проснувшись на следующее утро после тревожного ночного сна, я обнаружила на телефоне дюжину пропущенных звонков от Джека. Я поставила телефон в режим «не беспокоить» не назло ему, а потому, что мне нужно было время подумать и переварить то, что отец сказал мне в саду. Это было крайне важно, так как моя душевная тоска превратилась в раскаленную докрасна ярость. Вспомнив данное себе обещание стать лучшей версией себя, я быстро отключила режим «не беспокоить».

Значок голосовой почты сообщил о непрослушанном сообщении, но вместо того, чтобы сразу его прослушать, я отправила Ребекке дежурное сообщение с вопросом про Марка, – мол, как его сломанная нога, штифты в костях, все будет хорошо, – после чего пошла в ванную принять душ. Сначала мне нужно было одеться и накраситься. Ощущение было такое, будто я облачаюсь в доспехи, чтобы ринуться в битву. Не то чтобы я считала свой брак полем брани, но если мои родители считали меня женщиной-воином, мне следовало одеться соответствующим образом, чтобы я могла притворяться, что они правы.

Я села за туалетный столик, включила на телефоне громкую связь и прослушала голосовую почту. При звуке голоса Джека я закрыла глаза, пытаясь представить, что он сейчас со мной в комнате.

– Я не виню тебя за то, что ты выключила телефон. Я не могу винить тебя. Просто я хотел извиниться, Мелли. За все. И особенно за ту ночь. Этого не должно было случиться – не сейчас, когда между нами все еще эта неопределенность. Просто в тот момент мне это казалось правильным, и я поддался желанию. Отсроченное удовлетворение… я в нем не силен. По крайней мере там, где это касается тебя.

Я поймала себя на том, что подалась вперед, как будто Джек стоял передо мной и я могла дотронуться до него. Моя обида и злость были

бессильны скрыть, как сильно я любила его и то, что один только звук его голоса делал с моим сердцем.

– В любом случае я знаю, что нам нужно поговорить. Лицом к лицу. Мне нужно многое тебе сказать. Вчера вечером я должен был улететь в Вашингтон, чтобы провести кое-какие исследования, поэтому я не мог дождаться, пока ты вернешься от Ребекки. Я перевез вещи обратно к себе в квартиру, поскольку, похоже, съемки застопорились, по крайней мере на данный момент.

Пожалуйста, поцелуй от меня Сару, Джей-Джея и Нолу и скажи им, что я люблю их и вернусь завтра. Я люблю тебя, Мелли. Никогда этого не забывай. Скоро увидимся.

Я застыла на месте, раз за разом прокручивая все сообщение, вызывая у себя в душе бурю эмоций. Я бы просидела так весь день, если бы на моем телефоне не сработал будильник, напомнив мне о том, что мне пора на встречу с Вероникой и Майклом, чтобы подписать предложение о покупке дома на острове Джеймс.

Фургон Кэтрин Хименес уже стоял на стоянке позади «Бюро недвижимости Гендерсона», на том самом месте, которое наш босс, Дейв Гендерсон, недавно выделил для лучшего дилера месяца. Как будто мало мне было каждый месяц видеть ее имя в верхней строчке таблицы лидеров, где раньше неизменно красовалось мое.

Когда я вошла, Кэтрин была в вестибюле с Джолли. Я попыталась незаметно проскользнуть за их спинами и уже почти дошла до коридора, когда Джолли окликнула меня по имени:

– Доброе утро, Мелани. Никаких сообщений для вас, но напоминаю, что в девять часов у вас назначена встреча с мистером и миссис Фаррелл.

– Спасибо, Джолли. И доброе утро, Кэтрин. – Я направилась было к своему кабинету, но Кэтрин окликнула меня.

– И вам доброе утро, Мелани, – весело сказала она с энтузиазмом, на какой я была способна лишь после четырех чашек кофе. – Вчера вечером у нас дома была вечеринка рукоделия, и мы с детьми сделали браслеты дружбы. Я решила сделать что-нибудь для моих друзей по работе.

С этими словами она протянула мне ярко-зеленый браслет из макраме со свисающими завязками. Я недоуменно посмотрела на него, но затем поняла, что должна его взять.

Джолли подняла руку. На ее запястье красовался точно такой же, только ярко-синий.

– У меня тоже есть. Согласитесь, это ведь красиво?

Мне потребовалось время, чтобы ответить, мой мозг все еще цеплялся за «ночь ремесел».

– Да. Красиво. Спасибо, Кэтрин. С нетерпением жду возможности его надеть.

– Хотите, я повяжу его вам на запястье?

– Э-э-э… может, позже. Боюсь, он не будет гармонировать с моим нарядом.

– Понятно! Хорошего дня! И поздравляю, что вы нашли дом для Фарреллов. – Она улыбнулась своей искренней, дружеской улыбкой, мешавшей мне точить на нее зуб, как бы сильно мне этого ни хотелось.

– Спасибо. И вам тоже. Кстати, Джолли, пожалуйста, когда Фаррелы прибудут, отправьте их ко мне – я уже буду готова.

С этими словами я поспешила в свой кабинет, чтобы подготовиться к встрече, положила браслет на стол и аккуратно выровняла по краю. У меня не было ничего неоново-зеленого, но в какой-то момент мне нужно будет его надеть. Возможно, он придаст мне капельку ее бодрости и оптимизма.

Едва я села и включила компьютер, как Вероника и Майкл прибыли на добрых десять минут раньше назначенного времени.

– Извини, – сказала Вероника. – Майклу так не терпелось сделать наше предложение официальным, что он практически приволок меня сюда. Так что не удивляйся, что мои волосы торчат во все стороны, я даже не успела их расчесать.

Я подождала, пока они снимут пальто и займут два стула перед столом.

– Не беспокойтесь, – сказала я и указала на лежащие перед ними бумаги. Я отправила их Джолли по электронной почте и попросила ее подготовить и оставить их в моем кабинете для нашей запланированной встречи. – Все готово. Мне просто нужны ваши подписи там, где на страницах желтые стикеры с красными стрелками.

Майкл пододвинул стопку к себе и начал листать страницы, ставя подпись там, где указано.

– Ты что, не будешь читать то, что подписываешь? – спросила Вероника.

Майкл даже не поднял голову и подписал еще одну страницу.

– Нет. Не вижу необходимости. Я доверяю Мелани. А ты?

– Дело не в этом, Майкл. Просто я хочу, чтобы ты прочел все полностью, чтобы убедиться, что тебя все устраивает.

– Меня все устраивает. Мы приняли решение, и я хочу довести его до конца. – Он передал Веронике бумаги и ручку. – И поскольку ремонт затянулся гораздо дольше, чем я рассчитывал, я, пока он не будет завершен, решил работать из дома. Думаю, если я буду присматривать за рабочими, они будут расторопнее и не станут устраивать каждые пять минут перекур. Теперь, когда мы подыскали для нас новый дом, ремонт – единственное, что нас сдерживает.

– Вообще-то, – сказала я, – мы еще не выставили дом на продажу. Нам нужно дождаться окончания всех ремонтных работ. И я подумала о новом ландшафтном дизайне…

– Нет, – перебил он меня. – Больше никаких проволочек. Я даю им время до третьего марта, а потом чтобы тут даже их духа не было. Никаких пристроек. Если мне придется обклеить стены клейкой лентой, чтобы скрыть незавершенную работу, пусть так и будет.

– Но это дата вечеринки, которую устраивает Мелани для Ребекки, – запротестовала Вероника. – А у Линдси, Нолы и Олстон будет пижамная вечеринка. Я не хочу, чтобы рабочие все еще работали здесь сверхурочно, если они к тому времени не закончат. Мы не можем перенести ее в…

– Нет, Вероника. Не можем. Кто-то должен вмешаться и положить конец этой ерунде, и я понял, что это должен быть я, поскольку никто другой этого не сделает. – Майкл многозначительно посмотрел на все еще пустую строчку для подписи над именем Вероники. – Давай, подписывай, и пусть все плохое останется в прошлом.

Она пару секунд смотрела на мужа, затем быстро взглянула на меня, взяла ручку и поставила свою подпись.

– Отлично, – сказала я, складывая бумаги. – Я отправлю это уже сегодня и дам вам знать, как только что-нибудь услышу. Это сильное предложение, поэтому я не думаю, что у нас возникнут проблемы с приобретением дома вашей мечты.

В мои планы не входило говорить это Веронике. Обычно на этих встречах я говорила такое клиентам, но, в отличие от Вероники, ни у

кого из них не было причин оставаться в их нынешних домах или тянуть с переездом.

Бросив на нее виноватый взгляд, я встала.

– Я уже сегодня займусь договором. Если кому-то нужно воспользоваться туалетом, он по коридору справа.

Я надеялась, что Вероника поймет мой намек и останется. Нам нужно было обсудить, каким образом следует устроить еще одну встречу с Адриенной на ее чердаке, если Майкл сейчас работал из дома. Конечно, мой план сработает, только если Майкл оставит нас наедине, чего он не сделал.

Вместо этого он встал и отодвинул стул Вероники.

– Думаю, на сегодня все. Мы в любом случае едем домой, не так ли, Вероника?

Прежде чем она успела ответить, из динамика телефона раздался голос Джолли:

– Детектив Томас Райли хочет увидеть вас. Впустить его к вам?

Я нажала на кнопку, чтобы ответить, но прежде чем успела что-то сказать, в дверях появился Томас.

– Извините, надеюсь, я не помешал. Здравствуйте, Вероника, Майкл. – Он кивнул в их сторону. – Я планировал отправиться к вам после того, как поговорю с Мелани, но, поскольку вы все здесь, я хочу сообщить вам, что у меня есть новая информация о деле Адриенны.

Вероника схватилась за горло, Майкл положил руку ей на плечо. Я встала и вышла из-за стола. Золотая цепочка, которую я носила на шее, согрела мою кожу, послав по позвоночнику электрический разряд. Почти как живая.

Томас сунул руку в карман пиджака и вытащил фотографию.

– Мне это прислали родители Лорен. Снимок был сделан во время ее последнего приезда домой во время рождественских каникул. Незадолго до того, как она пропала.

Он передал снимок Веронике, и я подошла к ней, чтобы рассмотреть ближе. Майкл стоял позади нас. С его ростом ему было достаточно наклониться над нами. В правом нижнем углу профессионального снимка виднелся золотой оттиск штампа фотостудии некоего Олана Миллза. На фото на типичном крапчатом синем студийном фоне был портрет привлекательной блондинки с выцветшими на солнце волосами и загорелым лицом.

Вероника прищурилась, глядя на фотографию.

– Это Лорен, не так ли? Мы видели ее фото в ежегоднике Адриенны.

Томас указал на что-то на снимке, обращая наше внимание на частично скрытый воротником кулон на шее у девушки: тонкая золотая цепочка и подвеска с греческими буквами. Кожа на моей шее запульсировала от жара.

Томас посмотрел на Веронику и мягко спросил:

– Похоже на кулон, который мы нашли среди вещей Адриенны, не так ли?

Вероника кивнула:

– Да, хотя я не могу сказать наверняка, что он принадлежал именно ей. Я ни разу не видела его у Адриенны на шее, но она любила украшения и красивую одежду, поэтому у нее было много того и другого. Думаю, из-за нехватки денег она и ее подружки часто обменивались нарядами, чтобы расширить свой гардероб. – Она отвернулась от фото и покачала головой. – Адриенна жила в общежитии, так что я видела ее не каждый день. Боюсь, я просто не знаю, чей это кулон, Адриенны или нет. Знаю лишь одно: он был найден в коробке с ее вещами на чердаке.

– Не возражаете, если я попрошу его у вас? – спросил Томас. – Обещаю его не потерять и вернуть вам.

– Конечно. Если вы считаете, что это поможет. Но он у Мелани. Я думала, что она сможет задействовать… – Вероника нервно покосилась на Майкла и продолжила: – свою интуицию, чтобы, как я надеялась, узнать больше.

Я потянулась к шее, чтобы расстегнуть английскую булавку, которой заменила сломанную застежку, и передала цепочку Томасу.

– Лорен и Адриенна состояли в «Омега Хи»?

Томас кивнул.

– И все вещи, которые мы просмотрели на вашем чердаке, были взяты из комнаты Адриенны в общежитии после ее смерти?

– Все до одной, – сказала Вероника. – Я знаю, потому что мы с Майклом подобрали его сами. Это было слишком тяжело для моих родителей. Я думаю, мы все просто забыли, что он там был. Так было проще.

– И за все это время там больше никого не было? Ни мастера по ремонту крыш или представителя службы по борьбе с вредителями? Кто угодно, кто мог взять половинку золотого амулета и компакт-диск?

Вероника покачала головой:

– Нет. Никто. Только вы, Мелани и я. И конечно, Майкл. Мы храним наши рождественские украшения на чердаке, поэтому вынуждены подниматься туда дважды в год.

Томас медленно кивнул:

– Понятно. – Он взял кулон. – Я верну его вам, как только смогу.

Стоило мне вспомнить, что произошло, когда моя мать прикоснулась к нему, как меня пробрала дрожь. Жуткий голос, вырвавшийся из уст моей матери. *Ты. Не. Захочешь. Узнать. Правду.* По моим венам пробежал ледяной холод. Я с ужасом смотрела, как золотая цепочка болталась между пальцами Томаса, пока он не положил ее в карман пальто.

– И что, по-вашему, это значит? – спросил Майкл.

– Не могу сказать точно, – ответил Томас. – Если я смогу найти недостающую половину кулона, думаю, на многие вопросы будут получены ответы.

– Ну что ж, – сказал Майкл, направляя Веронику к двери моего кабинета. – Значит, нам нужно продолжать поиски. А пока мы поедем домой и переоденемся. После чего отправимся в какое-нибудь приятное место, чтобы отпраздновать наш большой шаг вперед. А завтра мы начнем разбирать весь хлам, накопившийся в доме за долгие годы, и избавляться от ненужных вещей. Это единственный способ начать все сначала, верно, дорогая?

Майкл широко улыбнулся, а вот улыбка Вероники, казалось, была натянута ниточками кукловода.

– Пишите мне в любое время суток, – сказал мне Майкл, поднимая телефон. – Хочу знать, когда это станет официальным предложением.

Они попрощались, и я вернулась на свое место за письменным столом, но Томас задержался. Вид у него был смущенный.

– Ты хотел зачем-то меня видеть?

Он засунул руки в карманы брюк и застенчиво улыбнулся:

– Да. Поговорить… э-э-э… о твоей сестре.

– О Джейн?

– У тебя есть и другие сестры?

– Я не в курсе. – Я улыбнулась, пытаясь успокоить его. – Что там с Джейн?

– Возможно, ты помнишь, а может, и нет, но мы с ней перестали встречаться, потому что я подумал, что вам обеим не следует афишировать свой… дар. А потом в кадре возник Энтони Лонго, и с тех пор у нас возникли проблемы с воссоединением. Я… э-э-э… все еще испытываю к ней чувства, и, похоже, она отвечает на них взаимностью. Но заставить ее поговорить со мной – все равно что попытаться поймать намазанную жиром свинью на сельской ярмарке, понимаешь?

– Ты только что сравнил мою сестру с намазанной жиром свиньей?

Он покачал головой:

– Извини. Это просто такое выражение. Оно было в ходу у нас… у меня с сестрами, после того как меня взяли на сельскую ярмарку и я пытался поймать визжащего поросенка. Победа досталась поросенку.

– Понятно, – сказала я, стараясь не улыбнуться. – И чего ты от меня хочешь?

– Она чувствует себя уверенно, когда ты рядом, – по крайней мере, пока она снова не почувствует себя комфортно со мной. Я уже сказал ей, что какое бы решение вы обе ни приняли относительно вашего дара – говорить о нем во всеуслышание или нет, – решать вам самим. Наверно, нам просто нужно проводить больше времени вместе. Я тут подумал, а не устроить ли нам двойное свидание с тобой и Джеком?

Должно быть, он что-то понял по моему лицу.

– Верно. Извини. Я подумал, что раз вы с Джеком вновь живете под одной крышей… – он не договорил.

– Больше нет, – сказала я, выдавив из себя улыбку. – Но я уверена, что мы все еще можем пойти на двойное свидание с тобой и Джейн.

– Отлично, – сказал он. Его взгляд внезапно посерьезнел. – И, возможно, все вместе мы поговорим о том, как вы двое объедините усилия и поможете мне с моими нераскрытыми делами. Мы могли бы это не афишировать… ради вашей же безопасности. Когда я думаю обо всех тех людях, которым вы могли бы помочь найти… найти ответы о пропавших близких… – Помолчав, он продолжил: – Скажем так, я

видел, на что вы с Джейн способны, и хотел бы, чтобы вы обе подумали об этом.

– Обещаю подумать и обсудить это с Джейн. Но я почти уверена, что после того, как я закончу помогать Веронике, с меня хватит. Я хочу вернуть свою прежнюю жизнь.

Томас в упор смотрел на меня, переваривая мои слова.

– Наверно, я могу это понять. Я прошу лишь об одном: чтобы вы все обдумали. – Он направился к двери. – Я вернусь к тебе с датами и идеями для нашего двойного свидания, хорошо?

– Звучит неплохо, – сказала я, радуясь за Джейн и надеясь в душе, что у них все сложится хорошо. А если честно, я даже слегка им позавидовала.

Томас повернулся к двери.

– Еще кое-что. Если ты не возражаешь, я спрошу, насколько хорошо ты знаешь Майкла Фаррела?

Его вопрос меня удивил.

– Если честно, то не очень. Я лишь недавно восстановила дружбу с Вероникой, и, конечно же, наши дочери – подружки, поэтому мы видим их на школьных мероприятиях. Но я определенно знаю Веронику гораздо лучше, чем Майкла. – Я прокрутила в уме последствия его вопроса, и мне голову пришла уродливая мысль. Я встала из-за стола и подошла к нему. – Ты ведь не думаешь…

Томас поднял руку:

– Что он причастен к убийству Адриенны? У него твердое алиби, проверенное и подтвержденное Вероникой. На момент смерти Адриенны они были вместе, так что он никогда не считался подозреваемым. – Он на мгновение задумался. – Мне было просто любопытно. Но я бы никогда не принял Майкла и Веронику в толпе за пару, вот и все.

Я часто думала то же самое, но не хотела признаваться в этом вслух, пытаясь сохранить верность своей подруге.

– Да, наверно, иногда противоположности притягиваются.

Мы попрощались. Томас ушел, а я осталась стоять посреди кабинета, глядя на дверь, чувствуя, как меня окутывает запах «Ванильного мускуса». Мне было не по себе, как будто кто-то только что дал мне ответ на вопрос, который я уже забыла.

Я вернулась к рабочему столу и нисколько не удивилась, обнаружив на моем стуле красную фетровую подушку в форме сердца с рюшами по краям, «сидящую» по стойке «смирно», ожидая, что я сделаю. Я подняла ее и прижала к груди. Как же сильно мне хотелось получить ответ хотя бы на один из вопросов, крутившихся в моей голове!

Глава 30

Я поставила ноутбук на садовую скамейку и открыла свой последний рабочий лист. Ноутбук стоял рядом с айпадом Нолы, на котором отображался прогноз погоды на выходные. Я уже вбила в соответствующие столбцы рабочего графика почасовые ожидаемые температуры, а также количество солнечного света по сравнению с тенью в течение всей субботы и вероятность осадков. Я только-только поняла, что мне нужно добавить больше столбцов для фазы луны и точного времени восхода и захода солнца, поскольку вечеринка Ребекки начнется до заката солнца и продолжится допоздна.

Я вновь была в своей стихии, ощущая редкую, но столь необходимую мне связь со знакомым местом, где я была сама себе хозяйкой и, что самое главное, где царили организованность и порядок. Именно это помогло мне пережить трудное детство и другие нелегкие периоды в моей жизни. Я чувствовала себя автомобилем с разбалансированными колесами, тянущими его в разные стороны, причем ни одна из них не соответствовала моим желаниям.

Бо только что ушел, протрудившись над изгородью большую часть второй половины дня, за исключением тех моментов, когда я отвлекала его просьбами подержать один конец рулетки или высказать свое мнение о различных вариантах рассадки гостей на вечеринке подарков (будущему ребенку и нижнего белья) на открытом воздухе. Я бы покривила душой, скажи я, что задержка окончания его трудов не была дополнительным бонусом к его помощи.

Мои пальцы как раз вбивали в электронную таблицу «среднесуточное количество осадков». Я села прямо. Затылок покалывало, пульс участился.

– Джек?

– Не знай я тебя так хорошо, я бы предположил, что ты работала с НАСА над планированием следующего запуска ракеты. Но поскольку ты – Мелли, я думаю, ты планируешь для Ребекки вечеринку подарков.

Я даже не обернулась. Мне требовалось больше времени, чтобы решиться увидеть его лицо. Помня, когда я видела его в последний раз.

– Я просто пытаюсь найти оптимальное место для стола с угощениями и вариант рассадки гостей. А также прикинуть, сколько нам понадобится обогревателей и пушек с блестками.

Я сохранила сделанное, закрыла ноутбук и, глубоко вздохнув, повернулась к нему:

– Значит, ты вернулся.

– Я же сказал, что вернусь сегодня. Разве ты не прослушала мое голосовое сообщение?

– Прослушала. Но я решила, что ты поедешь к себе в квартиру, раз ты там сейчас живешь.

Джек подошел ко мне и остановился всего в паре шагов. Его голубые глаза прожигали меня испытующим взглядом.

– Я приехал сюда прямо из аэропорта.

Я даже не шелохнулась, сопротивляясь магнетическому притяжению, которое, казалось, существовало между нами.

– Почему? Ты что-то забыл?

– Нет. Потому что я хотел тебя увидеть. Чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз. – Его лицо напряглось, как будто он боролся с эмоцией, которую мне лучше не видеть. – Я скучаю по тебе, Мелли. Я скучаю по тебе, когда мы врозь, даже если мы в разных концах коридора друг от друга. Я скучаю по тебе, когда ты на работе, а я здесь. Я скучаю по тебе, когда закрываю глаза.

Я потянулась за айпадом Нолы, не в силах больше смотреть на Джека. Не хотела терять последнюю крошечную надежду, что я не позволю моим чувствам к нему взять верх над моим праведным гневом из-за того, что он бросил меня. В очередной раз. Я искренне верила: наказание, которому он меня подверг, по тяжести превосходит любое преступление, которое я, по его мнению, совершила.

– Мы можем поговорить? – спросил он, когда я ничего не сказала.

– Мне казалось, что мы уже говорим.

– Я должен тебе кое-что сказать. И это будет трудно выслушать.

Я сумела дышать дальше, хотя мое сердце, похоже, сначала вылетело в горло, а затем погрузилось в желудок.

– Хорошо. – Я села рядом с ним, поставив между нами компьютер и айпад, чтобы физически дистанцироваться от него. Несмотря ни на

что, я не была уверена, что смогу сохранить голову на плечах, когда Джек сидит рядом со мной.

– Тебе, наверное, интересно, зачем я летал в Вашингтон.

Я посмотрела на него так же, как Нола на меня, когда ее спросили, не она ли оставила кроссовки девятого размера посреди фойе.

– Да. Это и еще десяток других вещей. Но для начала хотя бы это.

– Я поехал к своему старому армейскому другу, Бобби Ханникану. Сейчас он независимый журналист, а также автор нескольких книг об известных мистификациях и теориях заговора. Это он написал статью в USA Today об Алмазе Надежды и его возможном близнеце. – Джек глубоко вздохнул. – Эту идею скормил ему я.

– Понятно, – медленно произнесла я. Я вспомнила, где я видела слово «фальшивка», и у меня на миг перехватило дыхание. Оно было в названии книги, над которой работал Джек и которое я видела на его ноутбуке. Власть, жадность и грязные дела: фальшивка, погубившая криминальную семейную династию. Я села прямее. – И?

– Я должен был убедиться, что действительно нет твердых доказательств существования такого алмаза. Что весь этот онлайн-треп смахивает на теории заговора об убийстве Кеннеди. Увлекательно, но без реальной основы.

– И что сказал Бобби?

– Он сказал, что на девяносто девять процентов уверен, что такой вещи не существует.

– Но как насчет тех людей, которые верят, что где-то спрятана еще одна половина Алмаза Надежды? Таких, как Черная Борода. Откуда они берут информацию?

Он уперся локтями в колени и посмотрел в землю.

– В том-то и дело, Мелли. – Он глубоко вздохнул и встретился со мной взглядом. – Черная Борода – это я.

Прежде чем что-то сказать, я ждала целую минуту – либо чтобы он сказал мне, что шутит, либо чтобы хоть что-то из этого имело смысл.

– Но почему? – не выдержала я. – Я не понимаю…

Он сел прямо и в упор посмотрел на меня:

– Неужели ты не догадываешься?

– Нет, Джек. Я правда не догадываюсь. Потому что все это время ты лгал мне, как и всем тем людям на форумах, которые, похоже, ловят

каждое слово Черной Бороды.

– Как Марк Лонго.

Джек умолк, словно ожидая, что все внезапно обретет смысл. Но моя злость на него разбросала в стороны все клетки моего мозга и почти стерла любую связную мысль.

– Он – имбецил. А теперь расскажи мне что-нибудь такое, чего я еще не знаю.

Джек глубоко вздохнул:

– Я долго ждал, чтобы отомстить за все, что он сделал со мной. С нами. Я так зациклился, что стал слеп ко всему остальному в моей жизни. Я подумал, что сумей я уничтожить его, не просто разоблачив в книге порочное и кровавое прошлое его деда, но и разоблачив самого Марка, выставив его дураком за то, что он купился на сфабрикованную мной фальшивку, это была бы идеальная месть. По крайней мере до тех пор, пока не осознал, какой урон это наносило тебе. И мне. Нашему браку.

Я встала, пытаясь отдышаться, затем, поняв, что мои ноги дрожат, снова села.

– Я понимаю твою ложь Марку. Он это заслужил. Но почему ты солгал и мне тоже, Джек? Почему не поделился со мной своим секретом?

Он вытер руки о штанины и сел прямо, избегая моего взгляда.

– Потому… – Он умолк, обдумывая слова. – Потому что я хотел сделать это сам, без твоей помощи. Без чьей-либо помощи. Я хотел работать над проектом совершенно самостоятельно, чтобы доказать себе, что я все еще что-то могу, что я не утратил тот «особый соус успеха», который когда-то у меня был. – Мне было видно, как его челюсти как будто перемалывают слова. – Я хотел, чтобы ты гордилась мной.

У меня перехватило дыхание. Любое сострадание, понимание и любовь быстро затмила вспышка раскаленной докрасна ярости. Хотя мой отец сказал мне почти то же самое, я все еще отказывалась поверить, что Джек только что протащил нас обоих через весь этот ад по причине своего уязвленного мужского эго.

Я посмотрела на него. Мои губы беззвучно шевелились. Я тщетно пыталась подобрать слова, которые могли хотя бы отдаленно выразить мои чувства. Я закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться и дать

правильный ответ – слова, какие мне нужно было сказать, чтобы выразить странную смесь неверия и жалкой ярости, но, похоже, ни одно из них не подходило. Вспомнив свой опыт психотерапии, я сделала с полдесятка глубоких, успокаивающих вдохов. Наконец я остановилась на первой же фразе, пришедшей мне в голову, когда он закончил говорить.

– Ты идиот, Джек.

Он сел прямо. Удивление на его лице постепенно сменилось одобрением.

– Мне причитаются баллы за согласие? – Джек одарил меня улыбкой, от которой я едва не утратила решимость.

– Несколько, – призналась я. – Как ты вообще мог подумать, что я не горжусь тобой, независимо от того, что ты считаешь успехами, а что неудачами? Я люблю тебя. А это значит, что я поддержу тебя во всех взлетах и падениях твоей карьеры. Я думала, что мы одна команда.

Я умолкла, так как была близка к слезам. Джек протянул руку, чтобы накрыть ладонью мою, но я стряхнула ее, слишком растерянная и злая, чтобы позволить ему прикоснуться ко мне и растворить все мои чувства.

– Мы – команда, – мягко сказал он. – Вот почему ты кормила Сьюзи Дорф идеями для ее колонки, чтобы разъярить Марка. Очевидно, мы преследовали одну и ту же цель. Только порознь.

– Как… ты узнал?..

– От Сьюзи. Я обратился к ней с просьбой помочь мне с кое-какими исследованиями для книги, которую я пишу о семействе Лонго. Это проект, над которым я работаю.

– Фальшивка, погубившая криминальную династию, – тихо сказала я. – Я случайно увидела название на твоем компьютере. Мне следовало догадаться. Но тогда мы…

Я покраснела, вспомнив, что произошло сразу после того, как я увидела название.

– В любом случае, – продолжил Джек, – после двух встреч Сьюзи призналась, что вы с ней объединили усилия, чтобы сокрушить Марка. Она сказала, что ей больно видеть нас с тобой в противоречии друг с другом без ведома хотя бы одного из нас.

Мы сидели молча. Я пыталась придумать, что нам делать дальше. Мне вспомнились слова Ивонны. Иногда все, что нужно, – это признать, что вы оба неправы. А затем задержите дыхание и сделайте решительный шаг. Нола сказала почти то же самое, но прежняя Мелани не хотела уйти, не давая мне признать, что я тоже могу ошибаться.

Точно я знала лишь одно: мы были в паре шагов от того, чтобы навсегда убрать Марка из нашей жизни, и единственный способ сделать это – работать вместе. Я судорожно вздохнула.

– Тебе нужно кое-что увидеть, – сказала я и, вытащив телефон, открыла крупный план фонтана, на котором была изображена собака и ее усеянный каплями росы ошейник. – Мы нашли картину, которую Марк взял из музея, когда были в гостях у Ребекки. Я сделала эти снимки.

Он поднял телефон и внимательно посмотрел на экран.

– Я вижу картину нашего фонтана, покрытого росой. Я что-то упускаю?

Я указала на коричневое пятно:

– Вот.

– Собака, – с удивлением произнес Джек. – Она так хорошо спрятана, что… – он не договорил. – Это ведь не роса, верно? – Он увеличил изображение настолько, насколько мог, размывая сверкающие камни на ошейнике пса, и откинулся на спинку стула. – Не могу поверить… Я имею в виду, я не думал… – Он покачал головой. – Возможно, именно поэтому Бобби убежден, что слухи ложны, потому что после той фотографии султана в 1860-х годах бриллиант больше не видел никто. Не исключено, что его могли распилить на бриллианты меньшего размера, но… – Он снова умолк.

– Камни в ошейнике могут и не быть бриллиантами. Но если даже это бриллианты, это не обязательно бриллианты султана. И это просто совпадение, что собака на картине принадлежала дочери человека, который спрятал другие бриллианты султана в своих напольных часах.

– Вот только совпадений не бывает, – сказали мы в унисон. Джек снова посмотрел на фото.

– Думаю, это объясняет, почему Марк пытался залезть в часы. Не иначе как решил, что выиграл в лотерею, когда увидел эту картину.

– И он выиграет, если найдет их раньше нас. Если, конечно, за последние сто пятьдесят лет они не были погребены под обломками пожаров или землетрясений. По крайней мере, мы знаем, что в цистерне их нет, потому что мы бы их нашли. Так что это только начало.

Глядя на фотографию, Джек медленно покачал головой:

– Когда я взялся за исследования, я понятия не имел, существует ли алмаз на самом деле. Но если мы и впрямь найдем бриллианты, представь, какая это будет книга! Утереть нос Марку и найти потерянное сокровище! Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я лишь надеюсь, что это стоило того, чтобы разрушить наш брак. – Не в силах усидеть на месте, я встала, слишком злая на нас обоих. Мне нужно было физически дистанцироваться от Джека. Взяв компьютер и айпад, я сделала шаг назад. – Возможно, я поступила опрометчиво, разговаривая со Сьюзи, но я хотела исправить то, что сделал Марк. Я подумала, что, если я это сделаю, ты простишь любой недостаток, который видел во мне и с которым отказывался мириться. – Я была близка к слезам, но не поддавалась им.

Джек тоже встал, но у него хватило ума остаться на месте.

– Ты же знаешь, что это не так, верно? Я совершил ошибку… причем огромную. У меня нет оправдания, кроме одного: меня ослепила возможность мести. Ослепила нас обоих.

Я знала: Джек дает мне возможность признать мою вину, но прежняя Мелани подначивала меня, говоря, что по сравнению с тем, что я сделала, это сущая мелочь. Я уставилась на эмблему Apple на крышке моего ноутбука.

– Я не могу думать об этом сейчас. Сначала мне нужно пережить вечеринку. А потом разберемся и с нашими отношениями.

– Разумно. По крайней мере, пока мы можем заняться поисками алмазов. Единственное, с чем мы оба согласны, так это, что мы должны найти их до того, как это сделает Марк Лонго.

– Или все, через что мы только что прошли, окажется напрасным.

Джек с серьезным лицом кивнул:

– Я буду у себя в квартире, если понадоблюсь. – Он умолк, и я на миг подумала, что он, возможно, ждет приглашения остаться. Чтобы не передумать, я отвела взгляд, не решаясь посмотреть ему в глаза. Но потом он повернулся и вышел через садовую калитку.

Я снова села на скамейку и долго сидела там, глядя на загубленный сад моего отца, пытаясь увидеть его таким, каким его видел он: с зеленой травой, яркими пятнами разноцветных цветов, устилающих ныне обнаженную землю и окаймляющих заросшие дорожки. Но, несмотря ни на что, я видела лишь голое уродство того, как было в данный момент, как будто вся моя боль и растерянность затуманивали мое восприятие того, что могло бы быть.

*** * ***

Я с головой ушла в планирование вечеринки подарков. Увы, моя мечта выйти за рамки сценария была разрушена настырностью Ребекки, желавшей контролировать буквально каждую мелочь: от количества гелиевых шариков до того, как складывать салфетки. Однажды утром, раскладывая для близнецов носки, я обмолвилась матери и Джейн о том, как меня раздражает Ребекка. В ответ обе, не моргая, уставились на меня.

К счастью, мое раздражение, а также моя занятость как на работе и в планировании вечеринки означали, что у меня было не слишком много времени на размышления о Джеке и себе. По вечерам я валилась с ног от усталости, будучи не в состоянии делать что-либо, кроме как провалиться в сон без сновидений. Джек проводил большую часть времени в библиотеке или копаясь в Интернете, изучая все, что мог найти о султане, алмазах, самых странных местах в мире, где были найдены зарытые клады, и даже о производителях собачьих ошейников девятнадцатого века. (Правда, это быстро завело его в тупик.)

В остальное время он простукивал стены, проверяя их на наличие пустот, поднимал коврики в надежде найти незакрепленные половицы, которые мы могли пропустить при шлифовке и пропитке старинных полов, изучал карнизы и потолочные медальоны на предмет любой щели или трещины, что могла бы указывать на тайник. Тем не менее самой продуктивной частью его недели было то, что он нашел-таки того, кто согласился поднять часы, правда, мастер обещал сделать это лишь утром того самого дня, когда должна была состояться вечеринка.

Когда я не вступала в споры с Ребеккой, я исследовала библиотеку Невина Вандерхорста, надеясь найти книги с вырезанными страницами, и с помощью лупы рассматривала каждую хрустальную каплю на каждой люстре. Мы с Джеком даже подсадили на след Ивонну, но она пока ничего нового не нашла.

Словно по негласному соглашению, единственное время, которое мы с Джеком проводили вместе, это каждый вечер за обеденным столом с детьми, так как оба считали необходимым показать им себя как единый фронт. Но, искупав близнецов и уложив их спать, – Джек еще успевал пожелать Ноле спокойной ночи, – он уходил в свою квартиру. Иногда он колебался, словно ожидая, что я приглашу его остаться, но я цеплялась за свою решимость, зная, как легко могу уступить. И что это абсолютно ничего не изменит.

Съемки были отложены на неопределенный срок, пока Марк не оправится после операции по восстановлению сломанных костей стопы и лодыжки, и я в кои веки вновь почувствовала себя хозяйкой дома в любое время дня и ночи. Мы проконсультировались с нашим адвокатом мистером Зербе о возможных подводных камнях контракта, и он посоветовал не торопиться. Нас с Джеком это устраивало. Период ожидания давал нам время найти три бриллианта. Это в тот момент казалось весьма сомнительным, но я надеялась.

В четверг перед вечеринкой Нола застала меня в саду за домом. Я была занята тем, что расставляла горшки с пластиковыми детскими бутылочками, которые выглядели как проросшие цветы, и натягивала между двумя деревьями бельевую веревку.

– Тебе помочь? – спросила она, беря один конец черной нейлоновой веревки.

Она все еще была в школьной форме, поэтому я сразу же отнеслась к ее предложению с подозрением. Обычно она сначала переодевалась и надевала наушники, чтобы не слышать, как я прошу ее спуститься и накрыть на стол.

– Спасибо. Иди, встань у дуба, чтобы я могла убедиться, что она достаточно длинная.

– Для чего это? – спросила она, волоча веревку по траве.

– Здесь мы развесим подарки в виде нижнего белья, когда она их откроет. Я в соответствии с темой вечеринки купила несколько красивых мягких вешалок для нижнего белья, бордельно бордовых и

розовых. Не волнуйся. Я позаботилась о том, чтобы их не было видно с улицы или нашим соседям. Они уже и без того натерпелись.

– Хороший план. Остается надеяться, что ни один из них не подойдет со своим телефоном слишком близко, чтобы снять это на видео. В противном случае я гарантирую, что менее чем через час вы станете интернет-сенсацией.

– Не давай Ребекке никаких идей. Она хочет быть интернет-инфлюенсером и была бы только рада.

Нола состроила гримасу:

– Кажется, меня сейчас вырвет.

Я отлично ее понимала, но, как образцовая мать, заставила себя не рассмеяться.

– Не будь такой вредной, Нола. Я могу лишь надеяться, что Ребекку в какой-то момент ее детства уронили на голову. Только этим я могу объяснить ее чувство стиля и вкуса. В противном случае я буду беспокоиться за Джей-Джея и Сару.

– То же самое, – сказала Нола, продевая веревку в кольцо металлического крюка, который я уже вкрутила во временную деревянную беседку, под которой Ребекка, словно царица в окружении свиты, будет открывать свои подарки.

– Итак, что ты хотела у меня спросить?

– Почему ты решила… – Она умолкла. – Знаешь, ты слишком серьезная мать. Ничего страшного, если ты немного расслабишься. По крайней мере, пока Джей-Джей и Сара не станут подростками.

– Спасибо. Я подумаю. Так в чем дело?

– Раз уж ты спросила, я хотела узнать, можно мне перед субботней ночевкой пойти с Линдси и Олстон в кино? Это новый фильм с Эммой Стоун, рейтинг 13+, так что я могу пойти. Обещаем сразу после фильма вернуться домой. Родители Линдси и Олстон уже сказали «да».

– Ты спросила у отца? – поинтересовалась я, завязывая конец веревки на нижней ветви дуба. Я представила себе, как тот покорно вздыхает из-за жестокого с ним обращения, и была нелепо рада, что не существует такой вещи, как агентство по защите прав деревьев.

– Нет. Я имею в виду, это твоя работа, верно? Я знаю, что он не спит здесь по ночам, но ты все еще говоришь. И я подумала, что ты

можешь спросить у него. После того как ты сама скажешь «да», конечно.

– Не знаю, Нола. Мне все еще не дает покоя сон Ребекки и телефонный звонок моей бабушки.

– А по-моему, все в порядке. Я имею в виду, напольные часы теперь не могут упасть на меня, так ведь? А высокий мужчина, очевидно, Марк Лонго, так что я в безопасности.

Я встала и подбоченилась, соглашаясь с тем, что она сказала, но все-таки не будучи до конца уверенной.

– Я буду с Олстон и Линдси. А мистер Фаррелл сказал, что с радостью отвезет нас туда и заберет по окончании фильма, после чего вернется на вечеринку.

– Это очень любезно с его стороны, но все же…

– Пожалуйста? – умоляюще произнесла она. – Я так усердно готовилась к экзаменационному тесту. Ведь здорово, если будет что-то, чего можно с нетерпением ждать. И я обещаю быть особенно осторожной и держать голову на вертлюге.

Я узнала ее последнее предложение – это была финальная фраза в подкасте Бо.

Я вздохнула:

– Наверное. Я на всякий случай поговорю с твоим отцом. И одна просьба: сообщи мне эсэмэской, когда выйдешь из театра и когда приедешь к дому Линдси.

Она подбежала ко мне и неожиданно меня обняла:

– Спасибо, Мелани. – Она отступила. – Мне нужно новое платье. Как ты думаешь, у тебя найдется время пройтись со мной по магазинам?

– Зачем тебе новое платье, чтобы пойти в кино?

Она пожала плечами:

– Нет причин. Но Линдси и Олстон идут по магазинам со своими мамами, и я подумала, что было бы неплохо, если бы и мы с тобой тоже сходили. Я даже сама заплачу за свое платье. – Она улыбнулась мне типичной улыбкой Джека, вероятно, зная, что я не смогу устоять.

– Я не против. Для вечеринки практически все готово. Значит, завтра после тренировки по лакроссу? Я тебя подберу. Если только ты не предпочтешь пойти с Ребеккой.

Она изобразила, что ее вот-вот вырвет:

– Только не это. Я лучше пойду по магазинам с дедушкой и куплю себе комбинезон и соломенную шляпу.

– И все равно будешь выглядеть мило, – сказала я и, поддавшись порыву, взъерошила ей волосы.

Нола изобразила раздражение и отступила назад.

– Мне нужно сделать домашнее задание и подготовиться к тесту. Не думаю, что у меня будет время накрыть на стол.

– Верно. Эй, один быстрый вопрос, прежде чем ты уйдешь. Куда бы ты спрятала что-то ценное, будь у тебя такая необходимость?

Она на мгновение задумалась:

– Наверно, в самом очевидном месте. Люди обычно смотрят туда в последнюю очередь.

Она быстро взмахнула рукой и, покачивая серой форменной юбкой, зашагала обратно к дому.

Я вернулась к расстановке горшков с детскими бутылочками, пытаясь игнорировать тревожное чувство, которое не покидало меня с тех пор, как вернулся Джек. Я смогла разложить проблему нашего брака на составные части и поместить ее в коробку, чтобы открыть позже. Мое беспокойство скорее было похоже на страх, как будто я держала руку на дверной ручке темного чулана и не решалась заглянуть внутрь. Слишком занятая жизнью, работой и приготовлениями к вечеринке, я вернулась к прежней Мелани… по крайней мере временно. Ибо это означало, что я могу заставить себя поверить в то, что, если игнорировать его достаточно долго, он исчезнет сам по себе.

Глава 31

В день вечеринки подарков Ребекка и Пуччи прибыли рано – и, к счастью, одни. Нога Марка была полностью обездвижена, и он временно был прикован к инвалидному креслу, а беременность Ребекки не позволяла ей помочь ему спуститься по лестнице или сесть в машину. Я сомневалась, что Марк вообще появится, но Ребекка заверила меня, что Марк непременно будет. Любой нормальный человек – категория, не включающая Марка, – не имел бы наглости появиться в доме, где он сломал ценные старинные часы в поисках не принадлежащего ему сокровища, но Марк упрямо продолжал настаивать, что часы просто рухнули на него, когда он остановился, чтобы полюбоваться ими. Я не сомневалась, что, если Марк найдет способ, он будет здесь, чтобы вынюхивать информацию, сидя в инвалидном кресле.

– Может, тебе стоит пойти домой и побыть с ним на тот случай, если ему что-то понадобится, – предложила я. – Вечеринка начнется только через шесть часов, а у меня уже все готово…

– Даже не сомневаюсь, – сказала она, толкая подкрашенную румянами Пуччи в собачьей коляске, чьи три колеса то и дело застревали в траве на заднем дворе. Если колеса застрянут намертво, я не стану помогать ей вытаскивать их. Ребекка остановилась перед пушкой, стреляющей блестками. – Где остальные пять, о которых я просила?

Я терпеливо улыбнулась:

– Продавец в бюро проката заверил меня, что одной более чем достаточно. К тому же я не уверена, насколько блестки экологически безопасны, а у нас на заднем дворе обитает множество птиц и белок, которым, вероятно, не следует их есть, не говоря уже о двух малышах.

– Может, тебе следует научить их не есть с земли.

– Животных или детей? – спросила я с сарказмом в голосе, который неизменно проносился мимо сознания Ребекки.

– И тех и других.

Я проглотила тысячу комментариев, зная, что моя месть будет сладкой, если я примерно через полтора года скажу ей то же самое.

Ребекка подтолкнула коляску к беседке, где ей предстояло открыть подарки. Мой отец и его клуб садоводов украсили беседку красивыми букетиками из розовых и белых гвоздик, переплетенными розовой сеткой и белым кружевом. Получилось так красиво, что они сфотографировали результат своих трудов для участия в предстоящем конкурсе садоводов.

Ребекка погрустнела:

– Но я хотела розы! Я специально сказала «розы».

Я сжала руки за спиной, сдерживая соблазн стукнуть ее. Не хотела бы я, чтобы за мной до конца жизни числилось избиение беременной женщины.

– Да, ты сказала. Но так как за это плачу я, то пришлось искать что-то более экономичное. Тем более что они такие красивые, ты не находишь?

– Но они все равно не розы, – фыркнула она. – Разве ты не прочитала все в папке, которую я тебе дала? Или выслушала меня, когда мы десятки раз разговаривали по телефону?

– Конечно, и читала и слушала. Просто многие вещи были… непрактичными. Но я воспользовалась твоим кейтерингом и твоим меню, включая рулетики из сосисок, которые должны выглядеть как младенцы в одеялах, и сахарное печенье в форме лифчиков. – Мне нужно было убедиться, что никто не припишет мне идею последних.

– У меня есть два прожектора, как ты и просила, с чередованием красной и розовой вспышек. Они будут направлена на тебя, пока ты будешь открывать подарки. Сегодня вечером мой отец будет главным техником. Он отвечает за то, чтобы пушка с блестками и цветные огни работали, как и планировалось.

Похоже, я ее ублажила.

– По крайней мере, что-то будет выглядеть так, как я хотела.

Меня спасло то, что задняя дверь открылась и в сад вышла Нола, да не одна, а с Линдси и ее новым белым хаски по кличке Призрак. Линдси несла гофрированную коробку, клапаны которой были задвинуты друг в друга, чтобы она не открылась. Призрак прыжками тотчас понесся к нам. Ребекка взвизгнула и высоко подняла Пуччи.

– О, Призрак не обидит Пуччи, миссис Лонго, – заверила ее Нола, пока Линдси ставила коробку на столик в патио. – Он слишком ласковый.

По выражению лица Ребекки было видно, что она ей не верит.

– Как все прошло, девочки? – спросила я, имея в виду экзамен.

– Не спрашивай, – сказала Нола. – Я чувствовала себя уверенно, а там, кто знает. Я рада, что у меня было вот это. – Она подняла руку и звякнула двумя новыми амулетами в виде четырехлистного клевера, и мое сердце наполнилось теплом. – Мы с Линдси закончили раньше, но Олстон сидела до последней минуты. И когда, наконец, ушла, плакала. Думаю, что ее мать возьмет ее с собой за покупками, чтобы немного ее взбодрить. Но мне кажется, что я сдала эссе.

– Ты истинная дочь своего отца, – сказала я, и она покраснела.

Линдси повернулась ко мне:

– Как вы думаете, миссис Хименес не будет против сегодня вечером присмотреть за Призраком вместе с вашими собаками? Он все еще, в сущности, щенок и не привык оставаться один. Мы будем в кино, и я не хочу, чтобы ему было одиноко.

Ребекка поджала губы:

– Ты думаешь, это безопасно? Ваши собаки – крошечные кусочки для такого огромного зверя.

– С ними все будет в порядке, – поспешила успокоить ее Линдси. – Призрак на самом деле сущий ангел. И он обожает других собак и маленьких детей.

– Особенно на завтрак, – сказала Ребекка, приподнимая Пуччи чуть выше.

– Возможно, нет, но лучше позвонить миссис Хименес и спросить у нее самой, – сказала я, не обращая внимания на Ребекку. – У них огромный огороженный задний двор, потому что все свободное время она занимается физическими упражнениями.

– Ого! – воскликнула Нола. – Она как Супер…

– Молчи. Если не хочешь, чтобы я отменила разрешение пойти сегодня вечером в гости.

Она жестом изобразила, будто запирает губы на замок и выбрасывает ключ.

– Джей-Джей и Сара готовы отправиться с ночевкой к бабушке и дедушке? Я не видела Амелию такой взволнованной с тех пор, как мы

продали чиппендейловский диван с отсутствующей ножкой.

– Твой отец сейчас их готовит. Я уже упаковала их сумки, так что, пожалуйста, не позволяйте ему что-либо убирать или добавлять. – Я строго посмотрела на нее, чтобы она поняла всю серьезность разномастных нарядов, и указала на коробку, которую Линдси только что поставила на стол в патио. – И что бы это ни было, ты можешь это убрать? У меня сегодня вечеринка. Мне нужен стол для еды.

– Простите, миссис Тренхольм. – Линдси подняла закрылки. – Моя мама велела мне принести несколько коробок, которые она упаковала, чтобы вы посмотрели. Вдруг вам что-то приглянется. В основном старые книги и куча хороших туфель, которые она почти ни разу не надела. Она помнит из колледжа, что у вас с ней один и тот же размер. – Она убрала сверху толстую стопку коричневой упаковочной бумаги, и ее лицо поникло. – Ой. Кажется, вместо этого я принесла одну из папиных коробок. – Она преувеличенно вздохнула. – Я отнесу ее обратно, а моя мама, когда придет на вечеринку, может принести нужную.

Она взяла бумагу, чтобы закрыть коробку, но Нола остановила ее:

– Погоди, здесь куча старых компакт-дисков. – Она подняла стопку дисков в футлярах и несколько без футляров и повернулась ко мне. – Может, твой отец воспользуется некоторыми из них сегодня вечером, потому что я уверена, что сейчас в плейлисте только квартет ABBA. Разве не он отвечает за музыку и свет на вечеринке?

Ребекка повернулась ко мне, ее голос почти срывался на крик.

– Постой-постой, ты не наняла диджея, которого я рекомендовала? Знала бы ты, за сколько ниточек мне пришлось дернуть, чтобы он согласился!

– Да, вот только единственная ниточка, за которую ты забыла дернуть, была ниточка твоего кошелька, так что мне пришлось работать в рамках своего бюджета, а не твоего. И мой отец идеально в него вписался. Там нет ничего высокотехнологичного, кроме проигрывателя компакт-дисков и динамиков, но это сработает. В любом случае это просто фоновая музыка.

– В смысле, без танцев? – На лице Ребекки, вероятно, был написан такой же ужас, как и на моем собственном, когда я прочла эту часть ее плана в папке, которую она мне вручила.

– Предполагалось, что будут танцы на танцполе, похожем на подиум Victoria’s Secret. У меня даже были снимки, чтобы показать твоему плотнику! Когда мы разговаривали ранее на этой неделе, ты сказала, что работаешь над этим.

– Да, но потом, когда я поняла, сколько гостей ты пригласила и сколько еще стульев нам нужно, места просто не хватило. Но мой отец устанавливает за диджейским пультом большой экран, на котором будут идти записи старых дефиле.

Я не стала ждать, что она скажет в ответ, и повернулась к Ноле, чтобы взять компакт-диски, которые она держала в руках.

– Нет ничего плохого в том, чтобы слушать мои диски ABBA, но немного разнообразия не повредит.

– И предотвратить массовую давку, поскольку все попытаются сразу уйти. – Нола невинно улыбнулась. – Мы вернемся сразу, как только высадим Джей-Джея и Сару у магазина, так что подумайте, что вы хотите, чтобы мы сделали в первую очередь.

– Я думала, их заберет Амелия.

– Но сегодня такой хороший день, и я решила воспользоваться прогулочной коляской. Это не так далеко, и я проведу с ними немного времени. Я была так занята учебой, что у меня не было даже свободной минутки.

Нола широко улыбнулась, а Линдси согласно кивнула.

– Это так любезно с твоей стороны. Уверена, близнецы будут в восторге. – Я с подозрением восприняла хорошее настроение Нолы и ее стремление помочь, но списала все на то, что она сдала экзаменационный тест. – Когда ты вернешься, я бы хотела, чтобы ты помогла своему отцу натянуть на все деревья, вокруг диджеев и столов с подарками мерцающие лампочки. Главное, держите все провода подальше от костра. Может, после кино ты попросишь мистера Фаррелла сначала подбросить тебя сюда, чтобы перекусить?

Линдси и Нола переглянулись.

– Может быть. Зависит от того, насколько мы устанем, – сказала Нола. – Это был долгий день.

– Не сомневаюсь. Тогда скоро увидимся, девочки. А пока, прошу вас, отведите Призрака на кухню. Он заставляет Пуччи нервничать.

Линдси взяла Призрака за ошейник и последовала за Нолой в дом. Я для храбрости набрала полную грудь воздуха и снова переключила

внимание на Ребекку, ожидая увидеть, что она все еще дуется. Но нет. Она переместилась вместе с Пуччи в увитую цветами беседку, по-видимому, впервые заметив свой трон. Это был кошмарный позолоченный трон. Софи помогла мне достать его на актерском факультете Чарльстонского колледжа, где он недавно был задействован в постановке мюзикла «Красавица и чудовище». Мы с Джейн изрядно потрудились, украшая его розовыми и красными воздушными шарами и достойными Лас-Вегаса перьями, и почти скрыли позолоту, но не полностью. Отблески золота просвечивали наружу, предупреждая зрителей об истинном ужасе того, что было перед их глазами.

– Такой красоты я ни разу не видела! – Голос Ребекки прозвучал так, словно она вот-вот расплачется. – По крайней мере, ты не стерла с моей вечеринки всю мою личность. – Она шмыгнула носом, и, поскольку была в положении, я не стала указывать ей на то, что уже сам формат вечеринки с нижним бельем служил яркой иллюстрацией ее личности.

Задняя дверь открылась, и Джек вышел на улицу.

– Мелли, можешь подойти сюда? Думаю, тебе следует это увидеть.

– Уже иду! – С легким уколом тревоги я повернулась к Ребекке – хотела убедиться, что с ней все будет в порядке, если я оставлю ее на несколько минут одну, но она уже уселась на свой трон и, похоже, пыталась устроиться удобнее.

– Иди, а я буду здесь практиковаться в открытии подарков.

– Давай. Я скоро вернусь.

Я бросилась через двор к задней двери, обогнула цистерну, которую мой отец предусмотрительно окружил пластиковой лентой и парковочными конусами, которые он выкрасил в розовый и красный цвета, и вошла в кухню. Не застав там Джека, я, быстро погладив Призрака по голове, побежала в столовую, где окликнула его по имени.

– Я здесь, – донесся его голос из передней гостиной.

На пороге гостиной я резко застыла на месте. Вид Рича Кобилта, склонившегося над лежащими на полу часами, заставил меня зажмуриться, хотя я была уверена, что насмотрелась достаточно, чтобы мне еще несколько недель снились кошмары. Со мной поздоровался молодой человек, в котором я узнала его сына, Брайана. Услышав его голос, Рич милосердно выпрямился и повернулся ко мне.

Я смогла прочесть надпись на его футболке. *Вот чем я занимаюсь: пью пиво, курю сигары и знаю толк в жизни.*

– Здравствуйте, мисс Тренхольм. Боюсь, у меня плохие новости.

Мой взгляд метнулся к Джеку. Я поняла: профессионал, которого он нанял для подъема часов, не кто иной, как наш мастер на все руки Рич Кобилт. Не то чтобы мне не нравился Рич или он допускал брак в своей работе. Просто я надеялась, что Джек найдет кого-нибудь подешевле. Или, по крайней мере, того, кто не обнаружит еще одну грядущую катастрофу, которую тоже нужно срочно исправить.

– Что-то не так? – спросила я.

– Мой сын Брайан и я попытались поднять часы, но они не сдвигаются с места. Это странно. Вряд ли они весят больше трехсот фунтов, но такое ощущение, будто на них сидит слон. Боюсь, нам понадобится какое-то специальное оборудование.

– Конечно, – пробормотала я, глядя на шестидюймовые царапины на деревянном полу.

– Нам удалось чуть отодвинуть их от стены, – подал голос Брайан, – чтобы кто-то мог встать у их основания, но при этом чуть поцарапали пол. Мы же не хотим причинять больший ущерб. Мы также не можем перетащить их через край ковра, потому что если мы, не дай бог, его повредим, его, черт возьми, вероятно, придется вернуть во Францию для ремонта. В любом случае нам придется заново отполировать пол, и не хотелось бы при этом заменять половицы.

– Точно не это! – Похоже, я выкрикнула эти слова, потому что все трое посмотрели на меня с явным беспокойством. – Извините, – сказала я. – Я просто думала вслух. – Утешало одно: при желании я могла бы взыскать с Марка ущерб, поскольку, независимо от того, что он утверждал, именно он причинил его. Напольные часы не упали сами по себе.

Рич подтянул штаны.

– Я позвоню вам на следующей неделе, чтобы обсудить, когда я смогу вернуться сюда с нужным оборудованием.

– Погодите, вы собираетесь оставить все как есть? У меня сегодня вечеринка. Не то чтобы кому-то нужно будет входить сюда, но все же… просто это выглядит… неправильно.

– Да, мэм, я понимаю. Но я ничего не могу с этим поделать. У меня нет оборудования, поэтому мне придется одолжить его у моего

приятеля. Я же не знаю, нужно оно ему прямо сейчас или нет. Это может занять пару недель, если не больше.

Видимо, почувствовав мой неуместный гнев и досаду, Джек осторожно взял меня за руку.

– Спасибо, парни, что пришли. Просто позвоните мне, когда сможете вернуться, чтобы довести это дело до конца.

– Да, сэр. – Рич и Брайан направились к входной двери, но Рич задержался. – Э-э-э… еще кое-что, если вы не возражаете. Я знаю, что у вас здесь есть малыши, но я не думаю, что им стоит играть с таким антикварiатом.

– Что вы имеете в виду? – Я стиснула зубы, готовясь к худшему.

– В футляре лежит куколка и кучка пуговиц. Честно говоря, малыши могут взять их в рот и задохнуться.

– А эта куколка слегка жутковата, – сказал Брайан и даже вздрогнул. – Я не уверен, что детям следует играть с ней.

Джек сжал мою руку, чтобы я не ляпнула ничего такого, о чем потом могла бы пожалеть.

– Да, вы оба правы. Мы позаботимся об этом. Еще раз спасибо, что пришли.

Джек проводил их до двери. Я перегнулась через окно и увидела лицо Замороженной Шарлотты. Кукла смотрела вверх, прямо на меня. Я взглянула на кофейный столик, где стоял ее гробик со зловеще открытой крышкой.

Джек вернулся и встал рядом со мной.

– Я наклею на дверь предупредительную ленту, чтобы никто не вошел. А чтобы соответствовать теме, приклею на нее воздушные шары. Кстати, можешь одолжить мне пару-тройку твоих бюстгальтеров и трусов? В принципе я мог бы повесить несколько твоих ночных рубашек, но они все фланелевые. Не та атмосфера, понимаешь?

– Очень смешно, – сказала я, сдерживая улыбку.

Лицо Джека стало серьезным.

– Я не забыл, Мелли.

Я посмотрела на него:

– О мерцающих лампочках?

– Нет. Не о них. Ты сказала, что сможешь поговорить о нас, как только закончишь планировать вечеринку, а вечеринка сегодня

вечером. Во сколько ты хочешь, чтобы я был здесь завтра утром? Или же я могу переночевать в гостевой комнате, чтобы быть готовым, когда ты тоже будешь готова.

Я покраснела, вспомнив, что произошло прошлой ночью, которую он провел в гостевой комнате. У меня возник соблазн попросить еще несколько дней, как будто все наши проблемы разрешились бы сами собой, дай мы им еще немного времени. И все же, независимо от того, насколько незавершенным был новый рабочий лист Мелани, я за последние несколько месяцев кое-чему научилась. Проблемы редко разрешались сами собой, и сколько бы дел я ни откладывала на завтра, завтра всегда наступало, неся свой собственный груз.

Я встретила его взгляд. Я *скучаю по тебе, когда закрываю глаза.* Хотя я все еще была обижена и растеряна, я не могла забыть, что он это сказал. И что моя любовь к нему не уменьшилась несмотря ни на что.

– Приходи, как только ты захочешь прийти сюда. Я встаю рано.

– Я помню, Мелли. Это было не так давно.

Я кивнула, сняла бедную Шарлотту с часов и, вернув ее в гроб, закрыла крышку.

– Предполагаю, что Эванджелина положила туда куклу потому, что никто из моих знакомых добровольно не прикоснется к ней. Хотелось бы только знать почему.

Мы услышали, как открылась задняя дверь, и раздался голос Ребекки.

– Есть что-нибудь на обед? Я умираю от голода.

Призрак тявкнул, вслед за его лаем раздался визг Ребекки, а у меня возникло искушение выскользнуть через парадную дверь и притвориться, будто я ее не слышала.

– Еще несколько часов, Мелли, – сказал Джек, толкая меня в сторону кухни. – Ты сможешь это сделать.

С этими словами он зашагал в противоположном направлении.

– Эй, ты куда? – удивилась я. – Ты не собираешься вмешиваться?

– Хотел бы, но не могу. Должен повесить мерцающие лампочки. А также подоить корову, накормить свиней, скосить траву на заднем дворе…

Он зашагал дальше. Входная дверь захлопнулась за ним, и я так и не услышала окончания его слов.

Глава 32

Несмотря на сбои в последнюю минуту, – сломанный льдогенератор, пластиковый тираннозавр, с опозданием обнаруженный после смыва в туалете первого этажа, и краткое появление двух «коллег» Марка, скорее похожих на двух громил, которые привезли Марка в черном «Навигаторе» с затемненными окнами, а затем отнесли его вместе с инвалидным креслом в сад за домом, – к половине шестого праздник подарков был в самом разгаре. Гости, похоже, прекрасно проводили время, сад наполнял нескончаемый гул голосов, который смешивался с доносившейся из скрытых динамиков музыкой. Из моего отца получился заправский диск-жокей – он ловко чередовал аббовские песни с другой музыкой семидесятых-восьмидесятых годов и детскими песенками, добавленными в плейлист по просьбе Ребекки.

Непрерывный показ мод нижнего белья позади столика диджея с детской музыкой создавал, по общему признанию, художественную и одновременно причудливую атмосферу, которая, вероятно, была одной из главных причин быстрого истощения наших запасов шампанского. То ли это, то ли стремление гостей слегка затуманить вид самой главной почетной гостьи, в сверкающей тиаре на белокурой голове и объемном красном шелковом пеньюаре с белым меховым палантином на голых плечах. Это смотрелось бы не так ужасно, не будь на Пуччи практически такой же наряд. Ребекка сунула бедную собаку на колени Марку – тот сидел в инвалидном кресле рядом с ее троном, будучи не в состоянии отодвинуться, что, кстати, могло быть причиной его злобных взглядов, бросаемых на Джека и меня.

Я стояла рядом, беседуя с родителями Линдси и Олстон, когда Джек подошел к Марку.

– Хорошо проводишь время, Мэтт? Тебе что-нибудь принести? Не знаю, принес ли официант какой-нибудь пирог из потрохов, но, если ты хочешь, я могу его попросить.

– Ступай к черту, Джек. Ты вновь проиграл, просто еще не знаешь об этом. Как обычно, ты невнимателен. И я имею в виду не только этот дурацкий контракт. К черту его. У меня есть вещи побольше и получше, над которыми я сейчас работаю.

Воцарилось долгое молчание. Я вытянула шею, чтобы услышать, что скажет Джек.

– Известно ли тебе, что кража произведений искусства из музея является федеральным преступлением? Думаю, трудно сбежать, когда сидишь в инвалидном кресле.

– Что?

Возмущенный крик Марка привлек к себе всеобщее внимание. Впрочем, Джек пропустил его мимо ушей и присоединился к нашему кругу общения, где мы продолжили болтать о наших девочках, экзаменах и лакроссе. Я уже начала расслабляться и получать удовольствие от вечеринки, когда поймала себя на том, что активно слушаю доносящийся из динамиков звук.

Сесили, мать Олстон, рассмеялась:

– О боже мой. Что это?

– «О, Супермен», – сказала Вероника с натянутой улыбкой.

– Да. Это та самая песня. – Майкл сунул руки в карманы брюк.

– Никогда не слышала о таком. Это считается музыкой? – спросила Сесили.

– Скорее это искусство перформанса, – ответила я. – Не помню, чтобы я помещала это в плейлист. Вы не против, если я отлучусь на минутку? Мне нужно поговорить с отцом, какая музыка должна звучать на открытии подарков. – Я посмотрела на часы. – Которое должно начаться примерно через двадцать три минуты и, – я подняла другую руку, в которой держала другие часы, с секундной стрелкой, – четырнадцать секунд.

Я поспешила туда, где за диджейским столиком стоял мой отец – в гавайской рубашке, солнцезащитных очках и с цветочной гирляндой на шее, которую он сделал сам. Я не спросила, выбрал ли он имя диджея, потому что боялась услышать ответ.

– Эй, пап, у тебя все в порядке?

В ответ он показал мне пацифик.

– Не та эпоха, но я не против. Тебе принести еще воды, папа?

– Твоя мать только что принесла мне холодную сельтерскую с лимоном, так что я в порядке… но спасибо. И да, я знаю, что мне нужно изменить плейлист для подарочной части вечеринки. Три будильника, которые ты поставила в моей кабинке, дадут мне знать вовремя. – Он улыбнулся, но не так искренне, как я ожидала.

– Быстро ответь мне: откуда ты взял эту последнюю песню? Я не помню, чтобы этот компакт-диск был в моей коллекции.

– С песней Лори Андерсон? Он была в подборке компакт-дисков, которые принесла мне Нола. Там много классных вещей. Почему ты спросила?

– Какая такая подборка? – И тут я вспомнила коробку, которую Олстон по ошибке принесла из дома. Коробка с вещами, которые собрал ее отец, чтобы избавиться от них, готовясь к переезду. Чувствуя легкое головокружение, я посмотрела на отца:

– Этот диск был в футляре?

Отец посмотрел на стопку компакт-дисков:

– Этот… нет. Вообще-то здесь их несколько без футляров. Кстати, их нельзя хранить таким образом. Они легко царапаются.

– Верно, – сказала я. – Спасибо. – Я было пошла прочь, но резко повернулась. – Можно мне его взять, пожалуйста?

– Я обещаю, что больше не буду его ставить.

– Нет, дело не в этом. Я только… Мне нужно показать его Томасу. – Ну вот. Наконец-то я это сказала. Я озвучила назойливую мысль, которая постоянно преследовала меня, как бы я ни старалась ее подавить.

– Если ты настаиваешь. – Отец осторожно взял диск большим и средним пальцами и положил его в пустой футляр. – Ну вот. И если ты не возражаешь, я хотел бы получить его обратно, когда он будет тебе больше не нужен. Я хочу прослушать весь альбом. Он довольно странный, но завораживающий – на манер крушения поезда.

Я рассеянно кивнула, сжимая футляр и выискивая в толпе Томаса. Скорее всего, он был с Джейн, но и ее я тоже не смогла найти. Мне срочно требовалось сбежать на минутку, чтобы все обдумать. Чтобы не столкнуться с официантами на кухне, я обошла дом до входной двери.

Поднимаясь по ступеням веранды, я едва не задохнулась от насыщенного аромата «Ванильного мускуса», опустившегося столь же внезапно, как грозовая туча. Я зашагала к двери, но внезапно

остановилась, зацепившись ногой за что-то мягкое. Еще до того, как я наклонилась, чтобы поднять ее, я знала, что найду подушку Адриенны. Пристально посмотрев на аккуратный шов, соединявший оборку с основной частью подушки, я невольно вспомнила, как Вероника говорила, что Адриенна хотела стать модельером. Чувствуя непреодолимую печаль, я прижала подушку к груди.

– Что ты пытаешься мне сказать? – прошептала я и выжидающе замолчала, но ответа не последовало.

Я хотела несколько минут посидеть в одном из кресел-качалок, пока моя мать направляла опоздавших, чтобы те занимали свои места для церемонии открытия подарков, но испугалась, что если я это сделаю, то больше не захочу уходить. Мне требовались несколько минут тишины и покоя, чтобы собраться с мыслями.

Я услышала спор, как только открыла входную дверь. Голоса доносились из столовой. Я узнала голос Вероники, хотя раньше ни разу не слышала, чтобы она говорила на повышенных тонах.

– Почему ты не сказал мне, Майкл? Или, по крайней мере, не передал его детективу Райли. Меня не волнует, насколько ты невиновен. Это выглядит очень плохо, тебе не кажется? Тем более что ты собирался его выбросить!

Подойдя к ним, я спрятала футляр за подушкой Адриенны. Заметив меня, оба подняли глаза. Я не стала притворяться, будто не слышала их.

– Я как раз подумала о том же, Майкл. Зачем вам понадобился компакт-диск Лори Андерсон?

Его лицо было похоже на дорожную карту из красных и белых пятен.

– Я уже сказал Веронике… сколько раз я должен это повторить? Это был мой компакт-диск, и Адриенна одолжила его. Мне нравится Лори Андерсон – ее вещи самые разные. Когда полиция вернула плеер в коробке, я забрал компакт-диск. Ведь они все равно его уже видели.

– Это не объясняет, почему ты не сказал детективу Райли, когда мы искали компакт-диск. – Казалось, Вероника была готова расплакаться.

Майкл глубоко вздохнул. Понизив голос, он четко и лаконично, словно разговаривая с детсадовцами, сказал:

– Потому что диск принадлежал мне. Я не сказал Томасу, потому что знал, что диск не важен и не имеет отношения к делу. И если хочешь знать, мне немного неловко, если люди узнают, что он был моим.

Низким, дрожащим голосом, которого я никогда раньше не слышала, Вероника спросила:

– А как насчет телефонных звонков Адриенны, Майкл? Она сказала, что ей срочно нужно поговорить со мной. И я отказываюсь поверить, что ты понятия не имеешь, о чем!

Майкл издал стон раздражения и взглянул на часы:

– Ты не могла найти другое время для вопросов? Я должен забрать девочек и отвезти их в кино. Я считаю этот разговор закрытым. – Он прошел мимо меня, и меня обдал исходящий от его тела жар.

Хлопнула входная дверь, но я даже не обернулась. Мое внимание было приковано к Веронике. При взгляде на нее могло показаться, что ее способен сдуть даже сильный ветер.

– Тебе, может быть, нужно сесть? Тебе принести что-нибудь из напитков?

Она покачала головой:

– Нет. Мне просто нужно время подумать.

Отодвинув от обеденного стола два стула, я велела ей сесть, а сама заняла место с ней рядом.

– Есть что-то, о чем ты мне не сказала? Что-то, что я должна знать?

Вероника посмотрела на свои руки. На темном дереве столешницы ее пальцы выглядели бледными и маленькими.

– Да, – прошептала она так тихо, что мне пришлось наклониться, чтобы ее услышать. – Когда я сказала, что Адриенна пыталась связаться со мной, чтобы сообщить нечто важное, я опустила одну деталь.

Я не двигалась и не подсказывала ей, не дай бог, она передумает. Мне было видно, как напряглось ее горло, как будто выдавливая слова.

– В тех телефонных звонках мне незадолго до смерти, – Вероника глубоко и судорожно вздохнула, – она призналась мне, что ей нужно рассказать мне о Майкле. – Ее голос сорвался на шепот.

Я откинулась на спинку стула.

– Почему ты не сказала об этом полиции?

Ее измученное лицо подсказало мне, что после смерти ее сестры она прошла через эти сомнения не один раз.

– Потому что я знала, что Майкл не причастен к смерти Адриенны. Он был со мной, когда ее убили, так что у меня не было сомнений. Я не хотела причинять ему ненужные неприятности.

– До сегодняшнего дня, – невозмутимо сказала я. – Потому что мы нашли пропавший компакт-диск в его вещах.

Наши взгляды встретились. Наши мысли слились воедино.

– Извини, Вероника. Я не знаю, что все это значит, но мы должны сообщить об этом детективу Райли.

– Я скажу ему, – сказала она тихим, но с нотками стальной решимости голосом. – Но я хочу, чтобы Майкл был со мной. Как только он вернется после того, как подвезет девочек, мы пойдем и поговорим с Томасом. – Ее взгляд упал на подушку, которую я положила рядом с компакт-диском на стол. – Почему она здесь?

– Хороший вопрос. Я споткнулась об нее на крыльце.

Вероника взяла подушку и начала играть с оборкой.

– Хотела бы я знать, что она пытается нам сказать.

– Я тоже.

Раздался громкий удар гонга – идея Ребекки, – возвещая о начале церемонии открытия подарков и призывая всех занять свои места. Мы оставили подушку на столе, но компакт-диск для сохранности сунули в ящик серванта и поспешили на улицу. Я направилась к трону, чтобы занять место на крохотной скамеечке у ног Ребекки, где мне предстояло составить список подарков и дарителей для будущих благодарственных писем. Я была рада, что сижу по другую сторону Ребекки и мне не надо смотреть на Марка. Я заранее подготовила таблицу, а мой ноутбук ждал возле скамеечки. По крайней мере, на вечеринке было хоть что-то, чего я ждала с нетерпением.

Поскольку было начало марта, сумерки опустились рано. Мерцающие лампочки маскировались под звезды на фоне багровеющего неба, а тепло от костра и переносных обогревателей согревало прохладный весенний воздух.

Почувствовав одной щекой жар, я поняла: Джек наблюдает за мной. Я повернула голову и мгновенно заметила его в толпе, как компас, указывающий на север. Он улыбнулся и указал на запястье. И

я поняла: он думает о том, когда вечеринка закончится и наступит утро, и мы сможем поговорить. От нахлынувших на меня противоречивых мыслей у меня тотчас закружилась голова. Я была не в состоянии полностью понять ни одну из них. Быстро улыбнувшись ему, я отвернулась. Мне не терпелось поскорее открыть ноутбук и заняться чем-то простым и знакомым.

Гул разговоров начал стихать. Внезапно кто-то легонько похлопал меня по плечу. Я не стала оборачиваться, полагая, что это Луиза или какой-то другой потусторонний гость. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь заметил, как я разговариваю с пустым местом. Большинство наших гостей и без того уже усомнились в моем здравом рассудке, и я не хотела укреплять их сомнения.

– Мелани? – На этот раз прикосновение сопровождал знакомый голос.

Я резко обернулась:

– Бо? Что ты здесь делаешь?

Сегодня он был в брюках цвета хаки и рубашке с воротником, на ногах вместо привычных кроссовок – мокасины.

Поймав на себе мой взгляд, он поспешил объяснить:

– Извините, я не на вечеринку. Просто хотел проверить, вернулась ли Нола домой.

У меня в голове зазвонили маленькие тревожные звоночки.

– Что ты имеешь в виду? Она в кино с Линдси и Олстон.

– Когда я видел ее около часа назад, она была не там. А на вечеринке, где празднуют Марди Гра, в «Биргартене» на Бэй-стрит.

Я встала, едва успев поймать ноутбук, прежде чем тот соскользнул на пол.

– Что? Ее подруги тоже были с ней?

– Нет, мэм. Олстон позвонила своему брату Куперу, чтобы тот приехал за ней, и Линдси поехала с ними. Купер сказал, что отвезет их обратно к Рэвенелам и присмотрит за ними, пока их родители не вернутся. Линдси умоляла его не звонить ее родителям, потому что они очень разозлятся, если им придется уйти с вечеринки. И он согласился подождать.

– А как же Нола? Почему она не поехала с ними?

– Она отказалась. Я сказал Куперу, что присмотрю за ней и позабочусь о том, чтобы она благополучно добралась домой. Дело в

том, что она… довольно много выпила. Она пила из банки с надписью «Кока-кола», так что я ничего не подумал. Но, должно быть, это был в основном ром.

– Почему ты мне не позвонил?

– Я звонил. И Джеку тоже, но никто не ответил. Я писал эсэмэски и оставлял голосовые сообщения. Я решил, что у вас с собой нет телефонов, и поэтому решил приехать сюда. Нола сказала мне, что хочет заехать к Линдси домой, чтобы забрать свою гитару, а затем встретиться с подружками у Олстон. Но я сказал ей, что отвезу ее домой, потому что она слишком пьяна. – Он сглотнул. – Вероятно, я зря это сказал. Она заявила, что сначала ей нужно в дамскую комнату. Думаю, она просто от меня сбежала и взяла такси, потому что после этого ее никто не видел.

К нам подошла моя мать, и я, радуясь, что она в вечерних перчатках, сунула ей ноутбук.

– Можешь подержать его? У меня небольшая проблема, и мне нужно разобраться с ней прямо сейчас.

– Конечно. Я могу чем-то помочь?

– Да, пожалуйста. Если бы ты ненадолго взяла на себя руководство вечеринкой, это было бы здорово. И позвони мне, если увидишь Нолу.

Она с тревогой посмотрела на меня, и я поняла: мы обе подумали про телефонный звонок моей бабушки.

– Все будет хорошо, мама. Вот увидишь. – Я понятия не имела, правда ли это, но я должна была это сказать, чтобы самой в это поверить.

Я зашагала прочь, Бо – за мной следом. Мне было слышно, как моя мать успокаивает как всегда недовольную Ребекку. Между тем к нам с обеспокоенным лицом направлялся Джек.

– Что случилось?

– Нола пропала, – тихо сказала я и, зная, что Марк пристально наблюдает за нами, направилась вокруг дома к веранде. Когда мы вошли в фойе, Бо повторил то, что уже сказал мне.

– Хорошо. Кто-нибудь пробовал звонить ей на мобильный? – спросил Джек, вытаскивая из кармана свой, и, щелкнув боковой кнопкой, отключил беззвучный режим.

– Да, сэр, – ответил Бо. – Много раз. Она не отвечает.

– И никаких сообщений от нее на моем телефоне. – Джек нажал на экран и поднес телефон к уху.

Он ждал. Мне были слышны долгие гудки. Наши взгляды встретились. В конце концов в телефоне раздался голос Нолы в записанном сообщении, и Джек отключил его.

– Пойду проверю мой… подождите. – Я побежала в кабинет Джека, где я оставила свой телефон на зарядке, не думая, что он мне понадобится. Я открыла экран и бросилась обратно в фойе.

– У меня сообщение от Нолы, – объявила я и прочитала его вслух.

У нас была еще одна поездка в кино и обратно. Линдси уже написала отцу, чтобы он оставался на вечеринке. Веселитесь, увидимся завтра.

Я подняла глаза:

– Тут явно что-то не так.

– Что именно? – уточнил Джек.

– Судя по времени, Нола отправила сообщение почти два часа назад. Если предположить, что Линдси тогда же отправила сообщение отцу, Майкл знал, что девочки не будут его ждать, когда он сказал Веронике и мне, что собирается их забрать.

Мы переглянулись, чудом сдерживая нарастающую панику.

– Я сяду за руль, – сказал Бо, словно читая наши мысли. – Мой пикап стоит на подъездной дорожке за фургоном рестораторов.

– Я прямо за тобой. Лишь захвачу пальто.

Я бросилась к стенному шкафу в дальней части прихожей и резко остановилась, заметив на полу перед дверью шкафа красную подушку. Точно посередине она была взрезана разделочным ножом, который последний раз я видела в выдвижном ящике в столовой с остальным столовым серебром. Я подобрала подушку, чтобы убрать ее с дороги. Нож упал, едва не задев мою ногу и обнажив в красном войлоке двухдюймовую прорезь, из которой торчала белая набивка. И еще что-то, что отражало верхний свет.

Воздух наполнил запах «Ванильного мускуса», вынуждая меня сунуть палец в подушку и вытащить оттуда то, что Адриенна хотела, чтобы я увидела прямо сейчас. Я извлекла золотой амулет: крючок, который когда-то держал его на цепочке, был открыт. Я увидела слово «ТРИ» жирным шрифтом, с буквой Т справа от зубчатого золотого края.

У меня перехватило дыхание. Я не могла ни кричать, ни плакать, ни бежать, ни сделать что-либо из того, что мне нужно было сделать. Потому что в тот момент я не сомневалась: если приставить кулон к тому, что я отдала Томасу, половинки составят единое целое: ОМЕГА ХИ пересечется с ОМЕГА ТРИ. Название лодки Майкла. Теперь я без тени сомнения знала, кому принадлежал этот кулон и почему Адриенна его спрятала.

Глава 33

К тому времени, как я вышла на улицу, Джек и Бо уже уехали, но Джек позвонил Томасу, и он, Джейн и Вероника ждали меня снаружи в машине Томаса. Синий огонек на крыше кабины мигал с той же частотой, что и мой бешеный пульс. Я сидела на переднем сиденье, и золотой амулет обжигал мне ладонь. Подняв его за сломанную застежку, я подсветила его фонариком телефона.

– Я нашла недостающую половину амулета в подушке Адриенны.

– Что там написано? – спросил Томас, не рискуя поворачивать голову, пока мчался по темным улицам Чарльстона.

Джейн взяла амулет и подняла его:

– Здесь написано «три».

Томас нахмурился:

– Итак, если мы сложим две части вместе, они составят…

– Омега-3, – выдавила Вероника. – Это название лодки Майкла.

Я заметила, как Томас прищурился, мысленно перебирая всю известную нам информацию, и пришел к тому же выводу, что и я.

– Это кулон Лорен Демпси. Он был на ней на том снимке, который мне дали ее родители.

Джейн наклонилась вперед с заднего сиденья.

– Но что он делает в подушке Адриенны?

Я ждала, что Вероника скажет это сама. Я не хотела говорить правду вслух до того, как она сама ее поймет.

– Его туда положила Адриенна. Она зашила его в подушку, чтобы его никто не нашел. Потому что она знала, что это значит… – Вероника умолкла, не в силах продолжать.

– Что у Лорен и Майкла был роман, – мягко сказала Джейн. – Должно быть, это он подарил ей кулон.

– Не могу понять, почему две части были разделены, – сказала я.

– Я тоже задавался этим вопросом, – сказал Томас. – Думаю, что цепочка каким-то образом порвалась и упала с шеи Лорен, и Адриенна

нашла ее. Возможно, она вернула часть кулона Лорен под предлогом того, что оставшаяся часть потеряна, чтобы Лорен не догадалась, что Адриенна знает ее секрет.

– Вот только Лорен неким образом узнала. Возможно, она слышала, как Адриенна говорила мне по телефону, что хочет сказать мне что-то важное. В общежитии Адриенны был телефон-автомат. Разговор было несложно подслушать. – Вероника умолкла, и я почти слышала, как ее мысли то мчались, то крутились как колесики в ее голове и наконец встали на место. – Но если Майкл не убивал Адриенну, значит… – Она умолкла, временно утратив дар речи.

– Ее убила Лорен. – Голос Томаса звучал буднично, что странным образом обнадеживало. – Потому что она знала, что Адриенна собирается рассказать вам об этом романе. Полагаю, Лорен продолжала носить на цепочке половинку амулета, но он был сорван во время ссоры с Адриенной в ее комнате в общежитии. Вот почему его нашли среди вещей Адриенны.

– Но как?.. – Вероника не смогла произнести этих слов вслух.

– Думаю, я понял еще кое-что, – сказал Томас, еще мягче, чем раньше. – Адриенна была убита ударом по голове. Помните пропавший приз парусной команды? Готов спорить, Лорен взяла его из комнаты своего бывшего парня – капитана парусной команды – шутки ради или же просто потому, что хотела, чтобы он стоял в ее комнате. Мы не знаем, намеревалась ли она убить Адриенну… но если они поссорились из-за того, что Адриенна хотела рассказать Веронике об измене, ссора могла перерасти в драку. Лорен сгоряча схватила первое, что попалось ей под руку. К сожалению, она выбрала приз.

– И когда Майкл узнал, что Лорен убила Адриенну, он задушил ее. – Вспомнив прикосновение ледяных рук, я машинально коснулась горла. – Он хотел наказать Лорен, потому что знал, как много значит для тебя твоя сестра.

Вероника сдавленно усмехнулась:

– Можно подумать, его волновали мои чувства и ему захотелось отомстить. – Она покачала головой. – Он… Майкл много разъезжает по работе. – Голос Вероники зазвучал сильнее, как будто внимание к деталям помогало ей смягчить правду о том, что сделал ее муж. – Вероятно, это он слал те открытки от имени Лорен. – Вероника на миг умолкла. – Должно быть, они проводили много времени в его

рыбацкой хижине и на лодке «Омега-3», судя по кулону, который он ей подарил. Зная его, не удивлюсь, что он похоронил ее тело в море, чтобы его не нашли.

Томас резко свернул на Куин-стрит. Я обернулась к заднему сиденью.

– Мне жаль, Вероника.

– Не переживай. Будем утешать себя тем, что теперь Адриенна может упокоиться с миром, – сказала она и, вскинув подбородок, добавила: – Теперь знаем, кто это сделал, и можем привлечь его к ответственности. – Она не назвала имени Майкла, но ее голос дрогнул от боли и гнева.

Томас подъехал к тротуару перед домом Вероники, выключил двигатель, но не выключил свет.

– Если он здесь, то либо ищет вторую половину амулета, чтобы уничтожить улики, либо собирает вещи. Или он уже сделал и то и другое, и его давно нет в доме.

Мы вышли из машины.

– Сейчас я обязана найти Нолу.

Я почувствовала на себе взгляд Томаса, но не решилась посмотреть ему в глаза. Потому что сделай я это, я была бы вынуждена признать, что Нола может быть одна в доме с Майклом, и если он почувствует угрозу, то неизвестно, что он может сделать.

Дом стоял в полной тьме. Углы его крыши и заостренные вершины башен напоминали на фоне полной луны втянутые когти. Бледный молочный свет подсвечивал мансарды и отражался от окон, придавая дому вид старика, смотрящего на нас сквозь затуманенные очки. Мы столпились на подъездной дорожке. Томас вытащил из машины фонарик и, поводив его лучом по двору, высветил наполовину стоявший на траве пикап Бо, чья передняя пассажирская дверца была приоткрыта, а рядом с домом – машину Майкла. Входная дверь дома была широко распахнута, обнажая пустую темноту внутри.

Голос Вероники сделался необычайно высоким.

– Сегодня рабочие решали проблему с электропроводкой. Когда мы уходили, свет не работал. Хотя мне обещали, что к тому времени, когда мы вернемся домой, он заработает.

– Либо они ошиблись, – сказал Томас, – либо кто-то вырубил электричество. Мелани, можешь связаться с Джеком по мобильному?

Я набирала его номер снова и снова, но звонок тотчас же переходил на голосовую почту.

– Нет, должно быть, он выключил его.

Томас мрачно кивнул, затем ненадолго вернулся к своей машине и вызвал подкрепление. Ситуация внезапно стала казаться более реальной. Не останавливаясь, проходя мимо нас, он сказал:

– Стойте здесь. Я вооружен, и уже темно, и я не хочу, чтобы кто-то пострадал.

Прежде чем мы успели возразить, он бегом бросился к дому и исчез внутри.

Я вновь набрала номера Джека и Нолы, но оба звонка сразу перешли на голосовую почту. Вероника расплакалась:

– Это моя вина. Я не хотела, чтобы все закончилось таким образом. Я не хотела, чтобы кто-то пострадал. Особенно Нола.

Она лишь озвучила мой страх, и я задрожала под моим пальто.

Голос Джейн оставался спокойным.

– Никто не говорил, что кто-то пострадает. Если Нола там, думаю, она вырубилась на диване или кровати и понятия не имеет, что мы ищем ее или что Майкл тоже там.

Нуждаясь в подтверждении ее правоты, я посмотрела на Джейн, но ее взгляд был прикован к дому позади меня.

– Горит свет… – начала она, указывая на высокое чердачное окно.

Тишину пронзил истошный женский крик. Мы все разом повернули головы. Не дожидаясь, пока кто-нибудь последует за мной, я со всех ног бросилась вперед, потеряв по дороге обе туфли еще до того, как добежала до крыльца. В дверях я резко остановилась, отчего Джейн и Вероника врезались в меня. Посреди комнаты в футляре лежала гитара Нолы. Что это значит, было неясно. Либо Нола едва держалась на ногах и ее сил хватило лишь на то, чтобы найти кровать и рухнуть на нее, либо ее перехватили, когда она пыталась уйти. Прежде чем я успела взвесить последствия того и другого, со второго этажа донесся еще один крик, а за ним шарканье ног. Включив фонарики на телефонах, мы как по команде бросились к лестнице и поспешили на второй этаж. Мы бежали, и лучи отражались от только что выкрашенных стен. Запах «Ванильного мускуса» окутывал нас, усиливаясь с каждым шагом, убеждая меня, что мы не одни.

Мы остановились в коридоре второго этажа и посветили фонариками в дверные проемы в надежде найти Нолу на одной из кроватей или обнаружить источник крика, молясь, что это не одно и то же. На чердаке послышалось движение, а затем прозвучал мужской голос. Джек. Я бросилась к чердачным ступеням и, подняв голову, увидела выбивающийся из-под двери мерцающий свет.

Я еще успела сделать первый шаг, как Вероника потянула меня назад.

– Может, подождем подкрепления? – прошептала она. – Мы не знаем, что там происходит, и можем сделать еще хуже.

Я посмотрела на Джейн. От мучительного беспокойства за Нолу меня спасало лишь то, что если она на чердаке, то Джек, Томас и Бо тоже там с ней.

Поколебавшись, она кивнула:

– Она права. И Адриенна здесь.

– И Лорен тоже.

Одновременно с запахом духов Адриенны я почувствовала чье-то тяжелое присутствие, причем силовое поле росло по мере того, как мы приближались к чердаку. Вспомнив, как чьи-то руки столкнули меня вниз по лестнице, я замешкалась, не зная, как нам поступить, но тут из-за закрытой двери послышалось жалобное хныканье Нолы.

Инстинкт мгновенно взял верх. Я бросилась вверх по лестнице. Внезапно дверь чердака распахнулась, причем с такой силой, что врезалась в стену еще до того, как я успела добежать до верхней ступеньки. Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать представшую моему взору сцену. На подоконнике стояла зажженная стеклянная лампа с красной свечой внутри, все еще украшенная сосновыми ветвями давно прошедшего Рождества. Бо, Томас и Джек застыли полукругом возле двери, спиной к нам и лицом в угол, где возле ящика с вещами Адриенны – тот был перевернут, а его содержимое разбросано по чердачному полу – съежилась Нола. Но она была не одна. Майкл возвышался над ней, словно грозная тень. Высокий человек. Я стиснула зубы, разозлившись от собственной глупости, собственной забывчивости. Лучи наших телефонов отражались от чего-то длинного и блестящего на ее горле.

– Мелани, – невнятно промямлила Нола. Ее глаза остекленели от страха, голова откинулась на плечо Майкла.

– Опусти нож, Майкл. – Вероника медленно шагнула вперед, ее голос звучал решительно и громко. Она подняла небольшой предмет. Тот покачивался в ее пальцах, и его золото мерцало в свете свечи. – Мы нашли амулет Лорен. Мы знаем, что это ты убил ее. А она убила Адриенну, не так ли? Потому что моя милая сестра узнала, что у тебя с Лорен роман, а Лорен не хотела, чтобы я тоже о нем узнала. – Она сделала еще один маленький шаг вперед. – Отпусти Нолу, Майкл. Тебе нигде не спрятаться. Ты только делаешь себе хуже.

Холодное дыхание обдало мне затылок. Я заметила, как Джейн в этот момент потрогала шею. Лорен.

– Она права, Майкл, – сказал Томас, оставаясь на месте. – Вы делаете только хуже. Бросьте нож, и никто больше не пострадает.

Вероника сделала еще шаг к нему, но Майкл поднял нож.

– Не подходи ближе, иначе я перережу ей горло. Мы все знаем, что без заложника мне не выйти из этой комнаты. Она – мой единственный шанс.

– Тогда возьми меня, – сказала я. Я почувствовала на себе взгляд Джека, но головы не повернула. – Нола пьяна и не может бежать так же быстро, как ты. А я могу.

В ответ он сильнее сжал Нолу. Та всхлипнула.

– Пожалуйста, не делай этого, Майкл. – Голос Вероники сорвался. – Разве ты не причинил мне достаточно боли? Ты подумал о том, что ты сейчас делаешь и как это отразится на нашей дочери?

Его взгляд скользнул по жене, рука с ножом задрожала – явный признак нерешительности.

– Неужели ты не видишь? – Он не то выкрикивал слова, не то рыдал. – Это уже не имеет значения. Я должен уйти… и начать все сначала. Ты и Линдси не нуждаетесь во мне. Лишь. Дай. Мне. Уйти.

– Майкл, послушай… – начал было Джек.

– Замолчи! Все… отойдите от двери и прижмитесь лицом к стене. Если я увижу, что хотя бы кто-то обернется, я убью ее.

– Пожалуйста, Майкл, – всхлипнула Вероника. – Что ты делаешь?

– Замолчи! – крикнул он снова. – И делай, как я говорю. Еще одно твое слово, и все кончено.

Мы выстроились в линию у стены, Джейн слева от меня, Джек справа.

– Джек, – прошептала я охрипшим от страха голосом.

– Я здесь, – прошептал он в ответ.

И в этот момент вся неуверенность и растерянность, окружавшие нас в последние месяцы, стерлись, как грязь, осталась лишь прочная основа, которой всегда были мы с Джеком. Несмотря на всю безвыходность ситуации, я ощутила прилив уверенности. За все время, пока мы были вместе, нам еще ни разу не доводилось терпеть неудачу.

Почувствовав, как пальцы Джейн коснулись моих, я медленно взяла ее за руку, и мы беззвучно повторили слова, которым нас научила наша мать. *Вместе мы сильнее.*

За нашими спинами слышалось шарканье ног и тихий плач Нолы – это Майкл тащил ее к открытой двери. Ее подошвы застучали по ступенькам, а в следующий миг по комнате пронесся ледяной ветер и с оглушительным грохотом захлопнул дверь. Мы все вместе бросились к двери, и Томас пытался повернуть заклинившую ручку. Странный стук привлек мое внимание к окну. Как оказалось, это на своей подставке, словно посреди бури, взад-вперед раскачивалась стеклянная лампа.

Все вокруг как будто двигалось в замедленной съемке. Мои крики были невнятным мычанием, ноги налились свинцом, как будто я бежала во сне. Прежде чем я добралась до окна, лампа в последний раз накренилась и рухнула на пол. Осколки стекла ударили меня по ногам, а зажженная свеча упала на кипу старых газет. С громким хлопком бумага вспыхнула. Высокие языки пламени подпрыгнули вверх и потянулись к потолку, словно пальцы.

Джейн схватила меня за руку и потащила к двери.

– Адриенна! Помоги нам!

Холодный ветер продолжал хлестать наши лица и раздувать огонь, подпитывая жадное пламя. Джейн сжала мне руку, и я нашла в себе храбрость заговорить:

– Лорен, не делай этого! Он того не стоит… он лишил тебя жизни, потому что ты причинила боль его жене. Его жене. У вас с ним была лишь интрижка, не более того. Почему ты помогаешь ему сейчас? Почему ты губишь свой единственный шанс на искупление?

ЛОЖЬ. Слово прозвучало у меня в голове, единственный слог превратился в глухое рычание, которое рикошетом отразилось от стен чердака.

Пламя усилилось, подползая к нам. Мы сгрудились у двери, а ледяной ветер продолжал кружиться, как вихрь, этакое огненное

торнадо посреди комнаты. Чувствуя на лицах жар и задыхаясь от дыма, мы жались к двери. Трое мужчин тщетно пытались ее открыть, и их крики отчаяния смешивались с ревом пламени.

Запах «Ванильного мускуса» то усиливался, то ослабевал, словно Лорен и Адриенна сошлись в поединке. Когда пламя приблизилось, я отпрянула к Джеку, и он, стоя спиной к огню, загородил меня и Джейн.

– Пожалуйста, Лорен! – крикнула я. – Не нужно этого делать. Мы знаем, что сделал Майкл. Тебе больше не нужно его защищать.

Ветер усилился, языки пламени устремились к потолку. Моя блузка прилипла к разгоряченной коже, пропитанной потом и вероятностью поражения.

Сквозь рев огня и оглушительный стук в дверь раздался голос Бо, вернее, неразборчивый звук, похожий на нечто среднее между воем раненого зверя и древним проклятием. Ветер на мгновение утих. Царапая ножками пол, через комнату проехал огромный комод и создал временный барьер между нами и пламенем.

Бо повернулся к нам, с его лица капал пот.

– Откройте дверь. Быстрее!

Мы с Джеком вместе схватились за ручку, и она поддалась, повернулась под нашим нажимом. Джек отступил назад и легонько подтолкнул меня вниз по лестнице. Почувствовав натиск людей позади меня, толкающих меня вниз, я схватилась за перила и подождала Джейн, наблюдая, как все остальные сбегают вниз по лестнице. После чего взяла ее за руку.

Мы начали громко скандировать. *Вместе мы сильнее.* Я чувствовала, как холодные руки Лорен на моей спине толкают меня вниз, но я не прекратила, хотя и споткнулась. Я бы точно упала с оставшейся части лестницы, но Джек поймал меня и удержал.

Джейн повернулась лицом к адскому пламени на чердаке, и до нас донеся ее звонкий голос:

– Ты прощена, Лорен. Ты понимаешь? Ты прощена. Тебе больше не нужно здесь оставаться. Все закончено.

Направление ветра изменилось, запах духов усилился. Я подняла лицо и повернулась к пламени:

– Отправляйся к свету, Лорен. Ты можешь уйти. Ты прощена. Уходи сейчас же, чтобы Адриенна тоже могла обрести покой.

Над нашими головами пронесся громкий стон, смешанный с ветром, а в следующий миг ветер внезапно стих, холод и гнетущая сила ослабли. Вскоре остался лишь рев пламени и рев сирен снаружи.

– Нола, – сказала я. – Нам нужно найти Нолу.

Задыхаясь и кашляя, мы поспешили вниз по лестнице к остальным, отчаянно пытаясь спастись от огня и отыскать нашу дочь.

Наконец мы выбежали во двор. Там нас ждало настоящее столпотворение: пожарные, полицейские, соседи – все они столпились в маленьком дворе. Томас, очевидно, уже догнал Майкла и надевал на него наручники, когда Джек бросился к ним через лужайку и принялся трясти Майкла с такой силой, что даже у меня клацнули зубы.

– Где Нола? Где она?

– С ней все в порядке, Джек, – сказал Томас. – Она на заднем сиденье машины Майкла, цела и невредима.

Джек напоследок встряхнул Майкла еще раз, и мы вдвоем поспешили к машине. Увы, еще не добежав до нее, мы поняли: заднее сиденье пусто. Мы в замешательстве подняли головы, выискивая Нолу среди толпы во дворе. При виде объятого пламенем дома я запаниковала – пламя и дым теперь вырывались из окон верхнего этажа, в ушах стоял звон бьющегося стекла и треск горящего дерева.

Там, по ступенькам крыльца, шатаясь, поднималась Нола. Мы оцепенели от ужаса, а она помахала нам рукой.

– Мне нужно забрать гитару! – крикнула она, ее голос был едва слышен из-за всей этой какофонии. Она повернулась и, покачиваясь, вошла в открытую входную дверь.

– Нола! – крикнул Бо, но она исчезла из вида.

Мы еще не сдвинулись с места, как Бо промчался мимо нас и исчез в доме следом за ней. Не прошло пары секунд, как внутри раздался громкий треск, и из дверного проема вырвались клубы дыма и огня. Я закричала и рухнула на колени. Джек было бросился к входной двери, но был остановлен пожарным, который отказался его отпускать, несмотря на все его сопротивление и ругань.

Я подбежала к Джеку, и мы прижались друг к другу. Ни он, ни я не желали принять то, что мы только что видели. Вероника и Джейн встали рядом с нами. Мы все четверо рыдали, безучастные к мольбам пожарного, убеждавшего нас отойти подальше от летящих искр и языков поглотившего дом пламени.

Послышался звон разбитого окна. Толпа во дворе взревела от ужаса. Но нет, рев быстро сменился громкими аплодисментами. Мы повернули головы. На наших глазах Бо швырнул в большое эркерное окно библиотеки стул, вынес в образовавшуюся дыру Нолу, развернулся на подоконнике и спрыгнул с ней на руках вниз.

Толпа расступилась, и мы помчались к ним, где принялись осыпать Нолу и Бо беспорядочными объятиями и поцелуями. Я знала: за исключением дня моей свадьбы и дня рождения близнецов, это, несомненно, был самый счастливый день в моей жизни.

Глава 34

Было почти пять утра, когда мы с Нолой вернулись домой из больницы. Кстати, несмотря на пережитый ужас, она осталась на удивление невредимой. Я подозревала, что душевное исцеление займет больше времени и, вероятно, потребует профессиональной помощи, но сейчас она была цела и невредима и лежала в своей постели.

Мы все, к счастью, почти не пострадали от дыма. К несчастью для Нолы, это помогло Джеку сохранить ясную голову, и он приступил к разработке длительного и весьма строгого наказания, включавшего, в частности, следующее: никаких подружек, никакого телефона и свободного времени. Не то чтобы она этого не заслуживала, но я ощущала необходимость смягчить некоторые пункты. В жизни каждого родителя бывают моменты, когда вам приходится выбирать между строгостью и добротой, и сейчас я выбрала роль доброго родителя. Мы были слишком близки к тому, чтобы потерять Нолу. Я была так благодарна судьбе за то, что она вернулась, что больше не хотела выпускать ее из вида.

Всю дорогу из больницы она жаловалась на потерю гитары – мол, если бы Бо подождал еще немного, она могла бы ее спасти. Ее рассуждения были совершенно безумными, но, как ни странно, мы были уверены, что с ней будет все в порядке.

Мы стояли в спальне Нолы и наблюдали за тем, как она спит. Я не собиралась уходить, пока она не проснется. Я продолжала прикасаться к ней, словно желая убедиться, что у нее все на месте, пока Джек осторожно не вытащил меня из комнаты, боясь, что я ее разбужу.

– Я слишком взвинчен и все равно не усну, – сказал он. – Думаю, и ты тоже. Почему бы нам не поговорить? Здесь больше никого нет, а Нола, вероятно, будет спать весь день.

Я уже знала, чего хочу, и была бы рада пропустить любое обсуждение и просто выложить карты на стол. Но то была законная

территория «старой версии Мелани», и мы зашли слишком далеко, чтобы я дала обратный ход.

– Конечно. Сделать тебе кофе?

– Только если без кофеина. Боюсь, я начну летать, если добавлю к адреналину, который все еще бурлит во мне, еще и кофеин. И нам обоим понадобится сон, когда он пройдет.

Мой первоначальный ужас при слове «без кофеина» сменился смиренным вздохом.

– Я знаю, что миссис Хулихан держит в кладовке собственный запас кофейных зерен. Подождешь меня в гостиной? Только не споткнись о часы.

Я перемолола зерна и заварила кофе в наших любимых кружках, украшенных изображениями наших детей. При этом мои пальцы подрагивали – не то от остаточного шока, не то от нервов, не то от того и другого одновременно. Я добавила в свой кофе изрядное количество сливок плюс четыре чайные ложки сахара. Поставив его рядом с простым черным кофе Джека на маленький поднос, я понесла его в гостиную. Кружки звякали друг о друга, потому что мои руки тряслись.

Джек взял у меня поднос, чтобы я могла перешагнуть через часы, и поставил его на журнальный столик. Мы оба сели на диван, как Джек вдруг снова выскочил и пересек комнату, где поднял что-то с пола рядом с поверженными часами. Я увидела, что он, превозмогая отвращение, двумя пальцами держит гробик Замороженной Шарлотты.

– Что это здесь делает? После ее последнего побега я положил ее в гроб и засунул в кладовку в моем кабинете за коробкой с копировальной бумагой.

Я нахмурилась:

– Может, Эванджелина просто намекает, что она пыталась предупредить нас, что Ноле угрожает опасность от высокого мужчины, а мы не прислушались к ее предупреждению? – Картина случившегося на чердаке промелькнула в моем мозгу, и я содрогнулась. – Я по глупости подумала, что она имеет в виду Марка лишь потому, что он был самым подходящим кандидатом, даже после того, как упавшие часы сломали ему ногу. Я страшно зла на себя. Мне был дан этот дар, но я умудрилась все испортить. И из-за этого мы едва не потеряли Нолу.

Из моего горла, сотрясая все мое тело, внезапно вырвался всхлип. Джек поставил гробик на журнальный столик, взял из моих рук кружку и обнял меня:

– Не надо, Мелли. Пожалуйста, не надо. Ты не сделала ничего плохого. Виноват только Майкл Фаррелл. Если бы не ты и Джейн, мы все погибли бы.

– И если бы не Бо, – всхлипнула я.

В какой-то момент мне придется проанализировать, что произошло на чердаке, и роль Бо в нашем спасении. Но не сейчас. Сначала меня ждали куда более важные дела.

– И если бы не Бо, – согласился Джек. – Но ты ничего не испортила. Нет-нет. Что бы ты ни делала, твоими поступками неизменно руководила любовь к окружающим тебя людям. Да, у тебя имеются свои причуды, но это ты. И я не могу это изменить.

Я села прямо и, вытерев глаза тыльной стороной ладони, посмотрела на него:

– Что ты говоришь?

– Я говорю, что тебе нужно удалить таблицу «новая Мелани».

У меня перехватило дыхание, сердце сжалось.

– Но почему? – спросила я, хотя знала ответ. Была ли я новой или старой Мелани, не имело значения. Он нашел недостаток, с которым не мог жить.

– Потому что тебе не нужно меняться.

Гнев смел мою боль и растерянность. Я встала и посмотрела на Джека. Как обычно, слова полились из меня прежде, чем я успела прикусить язык. Все, что накопилось во мне за последние месяцы, сорвалось с моих губ без всякой цензуры. Меня больше не волновало, кто это говорит, новая или старая версия меня, – это просто исходило от Мелани, той, которой я была сейчас.

– Знаешь, Джек, я не единственная, кому стоит измениться. Ты должен сделать шаг мне навстречу. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что ты тоже виноват? Нереально, если не откровенно жестоко, полагать, что все мои комплексы должны быть изгнаны лишь потому, что ты сказал, что любишь меня? Что, если мне просто требовалось чуть больше понимания? Еще капелька помощи. Согласна, мне пора перестать заметать все неприятное под ковер и больше доверять тебе. Но менять себя саму – сложно. Возможно, в

этом даже нет необходимости. Быть организованной и иметь независимый характер – это не те вещи, которые нужно непременно исправить. Это не зависимость от наркотиков или алкоголя, от которой нужно лечить.

Джек открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я, едва вздохнув, продолжила:

– И еще кое-что. Ты бросил меня, потому что якобы не мог мне доверять, так как я ушла одна, чтобы выяснить, где спрятаны эти рубины. А все потому, что у тебя был грипп, между прочим! Но даже несмотря на это, ты сказал, что это вопрос доверия. Да, наверно, мне следовало сообщить тебе о моих планах, и я извлекла для себя урок. Но вот ты сочиняешь под вымышленным именем целый сценарий о пропавшей половине Алмаза Надежды и ничего мне не рассказываешь. И кто из нас рассуждал о доверии? Нет, конечно, я понимаю, что твое мужское эго сильно пострадало от всего, что случилось в твоей карьере. Тебе не нужно ничего мне доказывать. Ты уже показал мне, что такое любовь мужа и жены и какой ты замечательный отец. Это все, что мне когда-либо было нужно. Мне просто жаль, что ты не чувствуешь того же.

Джек молча смотрел на меня.

– И да, ты прав. Я была не… – я умолкла, пытаясь произнести чуждое мне слово. – Я… была неправа, разговаривая со Сьюзи и не сказав об этом тебе. Извини. – Я стояла, и моя грудь вздымалась. Я ждала, когда он встанет и уйдет. И заберет с собой мое сердце. Вместо этого я заметила легкое подергивание уголка его рта.

– Ты права, Мелли.

– В том, что я была неправа?

– В этом, но и в другом тоже. Я вел себя как последний идиот. Все, что ты только что сказала, верно. Все-все. Мы оба в равной мере виноваты в том, что произошло в нашем браке. Что там Ивонна сказала про то, что нам делать? Признать это, а затем сделать решительный шаг?

Я посмотрела на него, и слова протеста застыли у меня на губах.

– Что? – я растерянно заморгала. Джек тоже встал, лицом ко мне.

– Мне не нужен никакой второй шанс. Если только мы не хотим в точности воссоздать самые счастливые годы моей жизни. И мне не нужна новая версия тебя. Ты – моя Мелли. Ты идеальна такой, какая

ты есть, со своими причудами и всем прочим, и я не хочу ничего менять.

– Даже мою привычку наклеивать этикетки?

– Особенно она. Я пришел к выводу, что дом не дом без постоянных щелчков этикеточного пистолета.

Я одарила его слабой улыбкой:

– Тогда, возможно, мы сделаем решительный шаг и посмотрим, что случится?

Он притянул меня к себе и поцеловал, как когда-то, и мне показалось, будто я долго отсутствовала и наконец нашла дорогу домой. Я подняла голову:

– Ты на самом деле думаешь, что у нас все будет хорошо?

Он снова поцеловал меня, на этот раз нежно.

– Разумеется. Несмотря ни на что. Пока мы вместе, у нас все будет хорошо.

Напольные часы неожиданно начали бить. Их звук приглушенно отражался от ковра. Мы удивленно посмотрели друг другу в глаза, а затем оба повернулись к часам.

– Я думала, они сломаны, – сказала я.

– Они не только не били, но даже не тикали с тех пор, как упали. По крайней мере, мне так казалось. – Джек посмотрел на часы. – Сейчас шесть тридцать. Почему часы бьют именно сейчас?

Мы застыли на месте рядом с часами, глядя на них и чувствуя под ногами вибрацию курантов. И пока мы стояли, я насчитала еще десять ударов.

– Сомневаюсь, что они умолкнут. Может, позвонить Ричу и попросить его еще раз попробовать поднять их без специального оборудования? Вдруг с нашей помощью этого будет достаточно?

Нахмурив брови, Джек медленно кивнул и взглянул на гробик Шарлотты на кофейном столике.

– Должна иметься причина, почему Эванджелина все еще здесь и почему часы бьют сейчас, хотя они не издали ни звука с тех пор, как упали.

Я посмотрела на свой телефон, убедилась, что сейчас шесть тридцать две, а затем взглянула на часы – большая и маленькая стрелки указывали на шесть. Я вскинула голову.

– Одну минутку. Надгробие Эванджелины. Циферблат на передней поверхности. Он показывал шесть тридцать.

Джек встретился со мной взглядом, и по его лицу медленно расползлась улыбка.

– Или же стрелки – это указатели, направленные вниз.

Я следом за Джеком посмотрела в сторону часов и вспомнила: всякий раз, когда мы находили Замороженную Шарлотту, она лежала лицом вверх, наполовину задвинутая под часы.

– Мне кажется, что в основании часов есть нечто, что мы должны увидеть.

Мы подошли к часам, которые усилиями Рича и его сына Брайана удалось отодвинуть от стенки. На светлом дереве основания их корпуса виднелись слабые линии, прочерченные на поверхности острым инструментом. Мы едва смогли их увидеть.

– Вот это да. Мы обыскали все часы в поисках бриллиантов, но ни разу не додумались заглянуть сюда. – Джек присел и пододвинулся ближе, чтобы лучше разглядеть едва заметные царапины.

– Погоди. У меня в ящике для рукоделия на кухне есть графитовые карандаши и калька. Я сейчас вернусь.

– Не сомневаюсь, – сказал Джек.

Перешагнув через часы, я бросилась в кухню и вернулась менее чем через минуту, поскольку часы продолжали бить.

– Для протокола, – сказала я, передавая ему карандаши и бумагу, – организованность иногда может пригодиться.

– Разве я когда-то с этим спорил?

Положив бумагу на царапины, Джек осторожно поводил по ней карандашом, пока не проявилось изображение. Затем встал, держа бумагу так, чтобы нам обоим было видно.

– Ничего не понимаю. – Я наклонилась ближе. – Это рисунок циферблата на могильном камне.

Джек сел на корточки.

– Итак, будь я капитаном Конфедерации и попади мне в руки легендарный бриллиант, я бы спрятал его в отдельном месте на случай, если будет найден первый тайник. Он же предпочел его не прятать. Наоборот, выставил распиленный алмаз на всеобщее обозрение на ошейнике собаки, принадлежащей его незаконнорожденной дочери.

– Может, он хотел сделать их ее наследством. И это был самый хитрый способ скрыть их от обеих сторон и гарантировать, что они останутся у нее.

– Но она умерла раньше его. При пожаре 1861 года. – Наши взгляды встретились – мы пришли к одному выводу. Джек заговорил быстро, словно пытаясь угнаться за мыслями: – Поэтому он спрятал их в ее памятнике. Откуда ему было знать, что его убьют до того, как он сможет вернуть их после войны.

– Если все это верно, то нет никакой гарантии, что они все еще там, – сказала я. – Если Джон рассказал кому-то или кто-то, как мы, последовал за подсказками, которые он оставил, их давно уже нет.

– Или же они все еще там, – сказал Джек, и его глаза вспыхнули. Неожиданно вскрикнув, он поднял меня и закружил. – В любом случае это чертовски хороший способ закончить мою книгу, не так ли?

Я кивнула, а в следующий миг до нас обоих дошло, что часы наконец перестали бить, а Замороженная Шарлотта и ее гробик исчезли.

Глава 35

Мы с Джеком сидели на садовой скамейке под одеялом и раскачивали укутанных близнецов в их новых больших качелях. Они так сильно выросли за последние восемь месяцев, что мой отец решил в рамках ремонта сада подарить Джей-Джею и Саре качели, на которых они могут качаться до самой школы. Мне не хотелось думать, что дети вырастут так быстро, но, когда Нола начала свой выпускной год в «Эшли Холл», мы смирились с неизбежным.

Но две вещи остались прежними: привязанность Джей-Джея к своему венчику, в данный момент сжимаемому его рукой, и вечная болтовня Сары, даже когда она бывала одна. Я не была уверена, каким образом, да и вообще имели ли это вещи значение для их будущего, но я не собиралась беспокоиться по этому поводу. Мы с Джеком это как-нибудь переживем.

Мой телефон запищал. Я посмотрела на экран и увидела очередное сообщение от Ребекки. Несмотря на ее надежды, что вечеринка подарков спасет ее брак, этого не произошло. Она обвинила в этом мое бегство, как будто это я спланировала похищение Нолы убийцей и последующий пожар в доме. Тем не менее она писала мне по несколько раз в день из своего нового дома на острове Киава, спрашивая советы по уходу за ее новорожденной дочерью Тиффани. Я пыталась отговорить ее, чтобы она не давала дочери такое вычурное имя, но, как и всегда, Ребекка решила сделать все по-своему. Включая ее сенсационный развод, в котором она забрала у Марка все, что не было конфисковано федералами, когда те внезапно арестовали его воскресным утром через неделю после злосчастной вечеринки. Мы с Джеком с радостью одолжили Ребекке средства, необходимые для найма лучших адвокатов. Это меньшее, что мы могли сделать, сказала я ей. Потому что мы – семья. Не желая ничем омрачать это прекрасное утро с Джеком и нашими детьми, я поставила телефон на беззвучный режим.

– Привет? Кто-нибудь здесь есть?

В сад вошла Сьюзи Дорф и заперла за собой калитку. Мой желудок больше не сжимался, когда я видела сообщения от нее. Более того, теперь я даже воспринимала ее кем-то вроде подруги. Хотя она была чрезмерно любопытной, а порой и откровенно навязчивой, Сьюзи оказалась сильным союзником в нашей битве с Марком Лонго.

Джек встал, предлагая ей место на скамейке, но она отказалась:

– Спасибо, Джек, садитесь. Я лишь хотела заглянуть на минутку, чтобы отдать вам это. – И Сьюзи вручила нам экземпляр утренней газеты. – Я подумала, что вы должны увидеть это первыми.

Склонившись над плечом Джека, я прочла набранный жирным шрифтом заголовок.

МЕСТНЫЙ БИЗНЕСМЕН МАРК ЛОНГО ПРИЗНАН ВИНОВНЫМ В ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ, УКЛОНЕНИИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И КРАЖЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА.

Я подняла взгляд, не в силах сдержать улыбку. Марк заслужил все, что с ним стряслось, и я при всем желании не могла найти в себе к нему ни капли сочувствия.

– Это назревало давно, – сказала Сьюзи. – Но не познакомься вы с Энтони Лонго, я бы никогда не получила доступ к другим инсайдерам и документам. Дело оказалось гораздо более масштабным, чем я думала изначально. Марк точно проведет за решеткой не один год. И подумать только, ведь когда все это началось, я всего лишь хотела отомстить за своего младшего брата!

Сьюзи полезла в сумку, вытащила стопку газет и протянула их Джеку.

– Я подумала, что вам захочется раздать экземпляры друзьям. Или пустить на обои в офисе. – Она довольно улыбнулась. – Кстати, я просто в восторге от телешоу, которое сняли о вас. Видеоклип о том, как вы нашли на кладбище «Магнолия» алмазы, был просто захватывающим. А сцена, где в могилу Эванджелины положили собачьи кости и детские игрушки, придала ему трогательности. Отличное промо для вашего дебюта в шоу «Охотники за сокровищами». Я очень надеюсь, что у Марка в тюремной камере есть телевизор, чтобы он тоже мог его посмотреть.

– Нам остается только надеяться, – сказала я, тихонько покачивая детские качели.

Выражение ее лица изменилось, стало озабоченным.

– Кстати, я хотела спросить: как там Нола?

– На удивление хорошо, – ответила я. – У нее отличные оценки, и она выразила желание участвовать в школьном рождественском спектакле. Она скучает по своей подруге Линдси, которая взяла годичный отпуск, чтобы отправиться с матерью в кругосветное путешествие на яхте. Им обеим нужно было сменить обстановку. Там полный экипаж, и они учатся ходить под парусом. Мы получили от них несколько открыток, и, похоже, они обе в полном восторге.

– Даже более того, – сказал Джек. – Доктор Уоллен-Араси настолько погрузилась в восстановление дома, пока их нет, что оставила нас в покое. Она делает все возможное, чтобы включить в новую постройку все то, что не уничтожил огонь, так что я уверен, для Вероники и Линдси, когда они вернутся, это будет прекрасный дом. А пока я наслаждаюсь временной передышкой от постоянной стройки.

Он удовлетворенно улыбнулся. Сьюзи кивнула:

– Это совершенно не для протокола, но тот юноша, который спас Нолу, Бо… огонь сковал отношения между ними?

– Да, – сказала я.

– Нет, – одновременно со мной сказал Джек.

Мы переглянулись, а потом я попыталась объяснить:

– Мы с Джеком считаем, что постоянные словесные стычки Нолы с Бо Райаном помогают ей понять, к чему ей следует стремиться. Мы начинаем подозревать, что он нарочно раздражает ее именно по этой причине. Не помогает и то, что она винит его в потере своей гитары. Та принадлежала ее матери, и я уверена, что Нола вновь оплакивает ее. Мы купили ей новую, которую она выбрала сама, но она утверждает, что ей трудно сочинять музыку с ее помощью, потому что она не чувствует присутствия матери.

Джек нахмурился:

– Да, я думаю, Бо нравятся словесные перепалки. Для некоторых парней это способ продемонстрировать свой интерес к девушке. И пока дело не идет дальше этого, меня все устраивает.

– А что не так с Бо? – спросила Сьюзи, и в ее глазах мелькнул огонек репортерского любопытства. Мы предоставили ей эксклюзивный доступ для интервью с нами и Нолой после пожара, что, скорее всего, объясняло ее неисчерпаемый интерес.

Мы с Джеком переглянулись, одновременно вспомнив странный момент на чердаке перед тем, как дверь открылась. За прошедшие восемь месяцев мы спрашивали Бо об этом не раз, но он продолжал утверждать, что кричал лишь от отчаяния, что, в свою очередь, совпало с тем моментом, когда Майкл открыл входную дверь и создал тем самым сквозняк, распахнувший чердачную дверь.

Это не объясняло, почему комод проехал по чердачному полу, но мне хотелось верить, что просто это мы с Джейн дали Адриенне достаточно сил и тем самым выиграли для нас несколько драгоценных минут, прежде чем пламя достигло двери.

Джек неловко поерзал.

– Бо – хороший парень. Просто он не тот парень для Нолы. Да и вообще, она слишком молода для любых отношений.

– Как я понимаю, следующей осенью она поступит в колледж, верно?

Джек застонал:

– Да. Хотя ее приняли в Чарльстонский колледж, Клемсон и Университет Южной Каролины, она выбрала Тулейн в Новом Орлеане. Она настаивает, что это никак не связано с Бо, который после окончания Американского колледжа строительных искусств вернется в Новый Орлеан.

– Интересно, – сказала Сьюзи. – Мне не терпится услышать, как Ноле понравится Новый Орлеан. Он очень похож на Чарльстон, но я слышала, как кое-кто из чарльстонцев называют его младшей и более вульгарной сестрой Чарльстона. По крайней мере, ей будет не привыкать к жаре, влажности и летающим жукам-пальметто. Правда, в Новом Орлеане их не приукрашивают, а просто называют летающими тараканами.

Заметив выражение моего лица, она поправила на плече сумку.

– Думаю, мне пора. Извините, я не хотела задерживать вас так долго. Вы готовы к завтрашнему дню, Мелани?

– Как всегда.

Как и было обещано, я согласилась дать Сьюзи интервью. Моя мать и Джейн присоединятся ко мне, чтобы поделиться своим опытом общения с духами. Мы расскажем, как помощь людям, чьи усопшие близкие отказывались покидать этот мир по причине незавершенных дел, дала нам новое понимание нашего дара.

Больше всего меня беспокоило то, как это скажется на моей карьере, поэтому я встретилась со своим боссом Дэвидом Гендерсоном. Вместо отпора, который я ожидала с его стороны, он поздравил меня с моим новым рекламным трюком, призванным привлечь в наше агентство больше покупателей исторической недвижимости для работы со мной. Джолли тоже одобрила этот мой шаг, а заодно поинтересовалась, не хочет ли Сьюзи взять интервью у нее. Я сказала, что дам ей знать.

Джек встал:

– Спасибо, что заглянули, Сьюзи.

Он удивил нас обеих, обняв миниатюрную репортершу:

– У меня просто нет слов, чтобы выразить то, насколько я ценю все, что вы сделали. Жаль, что в свое время вы не сказали мне, что ваш старший брат издавал Мэпсона и Уэббера. Это избавило бы меня от пены у рта по поводу моей карьеры, не говоря уже о необходимости сниматься с голым торсом.

Сьюзи улыбнулась:

– Да, но тогда вы бы разочаровали всех своих поклонниц. Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается. Даже за год до публикации я слышу шумиху вокруг «Власти, жадности и грязных дел» – это будет самый большой хит со времен публикации последней части «Гарри Поттера». Кстати, в Голливуде поговаривают об экранизации. Возможно, у вашего дома будет еще один шанс сняться в кино.

Не успела она договорить, как буквально все лампочки в доме сердито замигали. Сьюзи ошарашенно посмотрела на нас:

– Или лучше не надо.

– И, Сьюзи, – сказал Джек, провожая ее до ворот, – еще одна вещь. Тот неназванный источник и те анонимные письма, которые вы получали о нашем доме, которые вы упоминали в своих статьях, кто на самом деле их присылал?

Она посмотрела на него с искренним удивлением:

– Они действительно были анонимными. Они оказывались на моем столе с моим именем на конверте, и все. Никто никогда не видел, кто их туда клал. – Она наклонила голову. – Я всегда считала, что они от вас.

– От меня? Почему вы так считаете?

– Потому что вы писатель. Писатели ищут хорошие истории? И публичность им тоже не помешает.

– Все так, но только я их не посылал.

Джек и Сьюзи посмотрели на меня.

– И я точно нет. Мне всегда хотелось жить в моем доме в тишине и спокойствии. Выкапывание тел никогда не входило в мои планы.

– Ну что ж, – сказала Сьюзи, и в ее глазах вспыхнул огонек, – значит, это очередная загадка.

Мы попрощались. Джек снова сел рядом со мной на скамейку и натянул на нас одеяло. Я положила голову ему на плечо и удовлетворенно вздохнула.

– Я в восторге от того, что твой отец сделал с садом, – сказал Джек. – Как он называет эту разновидность дизайна?

– Романтический сад. – Я нахмурилась. – Я не уверена, что мне он нравится. Он как будто… не имеет четкого плана. Ни одна из дорожек не имеет прямых углов или прямых линий. И еще все эти высокие кусты… невозможно разглядеть, что там, за следующим поворотом. Мне от этого… слегка не по себе.

Джек усмехнулся, его рука потянулась под одеялом к моей.

– Совсем как в жизни, тебе не кажется? Но пока с тобой рядом близкий человек, ты не заблудишься.

Я уткнулась носом в его шею.

– Верно. И я думаю, что сад станет прекрасным местом для свадьбы Томаса и Джейн.

– Что? Они помолвлены?

– Еще нет. Но мы с матерью видим, что к этому идет. Я уже начала планировать свадебные наряды для Сары, Джей-Джея и Нолы.

Джек искоса взглянул на меня, но ему хватило такта воздержаться от комментария. Вместо этого он спросил:

– Ты уже решила, что хочешь на Рождество?

Он наклонился, чтобы поцеловать кончик носа Сары, а затем снова подтолкнул качели.

Я задумалась:

– Если честно, на всей земле нет ни одной вещи, которая была бы мне нужна. Все, что мне нужно в жизни, находится прямо здесь, в этом доме.

– И для меня тоже.

Наши губы встретились, и я не торопилась прерывать наш поцелуй. Всего за несколько коротких лет с тех пор, как я невольно унаследовала дом на Трэдд-стрит, в моей жизни многое изменилось – муж, дети, собаки, сестра, обновленные отношения с родителями. Но многое оставалось прежним. Старый дом по-прежнему гордо стоял на своем месте. Карнизы больше не были покрыты трещинами, новые окна сверкали, колонны блестели свежей краской.

Шарканье ног старика сменилось топотом бегущих детских ног и стремительной энергией подростка. Мистер Вандерхорст был прав, когда сказал мне, что никто не может владеть таким старым домом, как наш, а лишь выступать в качестве его хранителя для будущих поколений. Я закрыла глаза, вспоминая свою первую встречу с Невином Вандерхорстом, когда я надеялась получить у него объявление о продаже дома. Как я увидела его мать, Луизу, в саду у качелей, и это было все, что ему нужно было знать, что я стану следующей его хранительницей. И я никогда не забуду того, что он мне тогда сказал.

Этот дом – нечто большее, чем просто кирпич, известь и доски. Это связь с прошлым, с теми, кто жил до нас. Это воспоминания и чувство общности. Это дом, в котором рождались дети и умирали старики, пока снаружи менялся мир. Это кусок истории, которую можно потрогать руками.

– Ты помнишь, что ты сказал мне, когда мы поженились? – спросила я.

Джек улыбнулся мне в губы:

– Помню. Мы стояли в этом самом саду, и я сказал тебе, что намерен жить здесь с тобой вечно. А может быть, даже дольше.

– Тогда пусть так и будет, – сказала я и скрепила свои слова поцелуем.

Скрип трущейся о дерево веревки разносился от древнего дуба по саду. Этот великан стоял на страже все время, пока здесь стоял дом, и его длинные ветви простирались над двором в материнском объятии. Мне показалось, будто сквозь звук веревки и лепет наших детей я слышу аплодисменты множества невидимых рук и хор голосов в моей голове, повторяющий одно и то же слово. Дом.

От автора

Когда «Особняк на Трэдд-стрит» вышел в свет в 2008 году, предполагалось, что он станет первой книгой дилогии. Когда первая была опубликована, я усердно трудилась над второй, и, судя по любви читателей к Мелани, Джеку и городу Чарльстону, я и мой издатель поняли: мои замечательные читатели не удовлетворятся всего двумя книгами.

Затем последовали «Девушка с Легар-стрит» (2009), «Незнакомцы на Монтегю-стрит» (2011) и «Возвращение на Трэдд-стрит» (2014). К тому времени, как я закончила «Возвращение на Трэдд-стрит», стало ясно, что мои читатели привязались к этим персонажам не меньше, чем я сама. В книге, которая, как мне казалось, была последней в серии, я написала эпилог, открывавший возможность для новых книг, если моим читателям захочется большего. И им захотелось.

«Гости на Саут-Бэттери» вышли в 2017 году, а в 2019 году за ними последовали «Духи Рождества на Трэдд-стрит». Зная, что это предпоследняя книга в серии, я вдруг поняла, что у заключительного романа серии не может быть такого четкого и ясного финала, хотя этого, скорее всего, ожидали мои читатели. Но я никогда не заканчивала ни одну из моих книг финалом, в котором бы все прояснялось, и «Духи Рождества на Трэдд-стрит» не стали исключением. Тем более я знала, что будет еще одна книга.

И вот мы подошли к концу серии. Это была седьмая, последняя (подумать только!) книга, «Чердак на Куин-стрит». Я уверена, что связала все концы и ответила на все остававшиеся без ответа вопросы. Я также надеюсь, что пробудила аппетит читателей к новым книгам, введя в число персонажей Бо Райана, а также прекрасный город Новый Орлеан, в котором будут разворачиваться события следующей главы в жизни Нолы Тренхольм и большой семьи, которую мы все полюбили.

Поскольку я знала, что не смогу полностью забыть о своей любимой серии «Трэдд-стрит», я взялась писать побочную серию,

действие которой происходит в Новом Орлеане, с Нолой и новыми персонажами (и с участием старых). И если читатели полюбят новую серию так же сильно, как и первую, то будьте готовы составить мне компанию в новом творческом путешествии.

Так что спасибо вам, дорогие читатели, за вашу удивительную поддержку и энтузиазм в отношении моих книг, но особенно в отношении цикла «Трэдд-стрит». Я уже говорила это раньше и скажу снова: мои читатели – ЛУЧШИЕ, и я буду продолжать писать, пока вы продолжаете читать.

---

notes

Примечания

1

Мари Кондо (родилась в 1984 г.) – преуспевающая японская писательница. – *Прим. переводчика.*

2

Скелетор – вымышленный персонаж, суперзлодей из франшизы «Властелины Вселенной». – *Прим. перев.*